

Robert NOZICK

ANARCHY,
STATE
AND UTOPIA

Basic Books, Inc.
A Member of The Perseus Books Group

Роберт НОЗИК

АНАРХИЯ,
ГОСУДАРСТВО
И УТОПИЯ

Перевод с английского

ИРИСЭН

Москва 2008

УДК 321.01
ББК 66.0
Н78

Редакционный совет серии:
В. Завадников (председатель),
П. Горелов, Дж. Дори, М. ван Кревельд, Д. Лал,
Б. Линдси, Я. Романчук, Т. Палмер
Редколлегия: Ю. Кузнецов, А. Якимчук, Е. Болотова,
И. Комарова, А. Нагайцев, Е. Белова

Редактор серии Ю. Кузнецов
Перевод Б. Пинскер
Научные редакторы Ю. Кузнецов, А. Куряев

Нозик Роберт

Н78 Анархия, государство и утопия / Роберт Нозик ; пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008. 424 с. (Серия «Политическая наука»)

ISBN 5-91066-007-0

Работа современного американского политического философа Роберта Нозика посвящена обоснованию неизбежности и справедливости существования «минимального государства». В качестве отправной точки автор рассматривает «естественное состояние» общества, в котором еще нет государства и действуют базовые этические нормы — право человека распоряжаться самим собой, присваивать никому не принадлежащие материальные объекты и добровольно обмениваться с другими людьми своим имуществом. Нозик доказывает, что государство, т.е. организация, обладающая монополией на насилие, может возникнуть из «естественного состояния» путем добровольного делегирования людьми первичных прав. Это государство будет иметь своей функцией исключительно защиту жизни и собственности граждан от насильственных посягательств. Всякое расширение его функций (в том числе создание институтов «социального государства») будет означать нарушение базовых прав и вести к отрицательным последствиям для общества. Все необходимые общественные функции, кроме защитной, должны осуществляться на основе добровольного сотрудничества. С момента выхода в свет книга Роберта Нозика приобрела статус классической и вошла в круг обязательного чтения для всех, кто изучает политическую философию и смежные дисциплины.

Она будет полезна специалистам в сфере политической философии, политологии, экономики, права, социологии, а также студентам и преподавателям соответствующих специальностей.

УДК 321.01
ББК 66.0

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 0-465-002270-6
ISBN 5-91066-007-0

© 1974 by Basic Books, Inc.
© АНО «Институт распространения информации по социальным и экономическим наукам», 2008

Оглавление

ОТ ИЗДАТЕЛЯ	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	11
БЛАГОДАРНОСТИ	17

Часть I

ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ, ИЛИ КАК ВЕРНУТЬСЯ К ГОСУДАРСТВУ, ДАЖЕ НЕ СТРЕМЯСЬ К ЭТОМУ

ГЛАВА 1. ЗАЧЕМ НУЖНА ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ?	21
<i>Политическая философия</i>	21
<i>Объясняющая политическая теория</i>	24
ГЛАВА 2. ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ	29
<i>Защитные ассоциации</i>	31
<i>Доминирующая защитная ассоциация</i>	36
<i>Объяснения с позиции «невидимой руки»</i>	39
<i>Является ли доминирующая защитная ассоциация государством?</i>	45
ГЛАВА 3. МОРАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ГОСУДАРСТВО	49
<i>Минимальное государство и ультраминимальное государство</i>	49
<i>Моральные ограничения и моральные цели</i>	51
<i>Зачем нужны жесткие ограничения?</i>	54
<i>Либертарианские ограничения</i>	57
<i>Ограничения и животные</i>	60
<i>Машина по производству личного опыта</i>	68
<i>Недоопределенность моральной теории</i>	71
<i>На чем основываются ограничения?</i>	74
<i>Анархист-индивидуалист</i>	77
ГЛАВА 4. ЗАПРЕТ, КОМПЕНСАЦИЯ И РИСК	81
<i>«Независимые» и доминирующее защитное агентство</i>	81
<i>Запрет и компенсация</i>	84
<i>Зачем запрещать?</i>	86
<i>Теории наказания: ретрибутивная теория и теория сдерживания</i>	87

Деж выгоду от обмена	91
Страх и запрет	94
Почему бы всегда не запрещать?	100
Риск	102
Принцип компенсации	108
Продуктивный обмен	115
ГЛАВА 5. ГОСУДАРСТВО	121
Запрет для частных лиц на принудительное обеспечение справедливости	121
«Принцип честности»	123
Процессуальные права	130
Как имеет право действовать доминирующее агентство?	136
Монополия de facto	144
Защита других	146
Государство	149
Объяснение возникновения государства с позиции «невидимой руки»	155
ГЛАВА 6. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ГОСУДАРСТВА	157
Остановка процесса?	157
Превентивный удар	163
Поведение в ходе процесса	169
Легитимность	172
Всеобщее право наказывать	177
Превентивное ограничение	183
Часть II	
ЗА ПРЕДЕЛАМИ МИНИМАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА?	
ГЛАВА 7. РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ	193
РАЗДЕЛ I	194
Теория справедливости, основанная на титулах собственности	194
Исторические принципы и принципы, основанные на конечном результате	198
Калибровка по паттерну	200
Как свобода разрушает калибровочные паттерны	206
Аргумент Сена	212
Перераспределение и права собственности	214
Теория присвоения Локка	222
Оговорка	227

РАЗДЕЛ II	232
Теория Ролза	232
Общественное сотрудничество	233
Условия сотрудничества и принцип различия	239
Исходное положение и принципы, основанные на конечном результате	249
Макро и микро	257
Естественные преимущества и произвольность	266
Положительный аргумент	271
Отрицательный аргумент	280
Коллективные преимущества	284

ГЛАВА 8. РАВЕНСТВО, ЗАВИСТЬ, ЭКСПЛУАТАЦИЯ И Т.Д.	291
Равенство	291
Равенство возможностей	294
Самоуважение и зависть	298
Осмысленная работа	307
Рабочий контроль	311
Эксплуатация по Марксу	314
Добровольный обмен	325
Филантропия	327
Право влиять на то, что вас касается	331
Не-нейтральное государство	335
Как действует перераспределение	338

ГЛАВА 9. ДЕМОКРЕЗИС	341
Последовательность и параллельные примеры	342
Как получить государство, выходящее за рамки минимального	345
Гипотетические истории	358

Часть III
УТОПИЯ

ГЛАВА 10. РАМКА ДЛЯ УТОПИИ	363
Модель	363
Модель, спроецированная на наш мир	374
Рамка	376
Проектирование и фильтрация	380
Рамка как общая основа для утопии	386
Сообщество и государство	390
Изменяющиеся сообщества	393
Тотальные сообщества	394

Утопические средства и цели	395
Как выглядит утопия	402
Утопия и минимальное государство	403
БИБЛИОГРАФИЯ	407
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	413

От издателя

Нашу серию «Политическая наука» продолжает работа американского философа Роберта Нозика (1938—2002) «Анархия, государство и утопия», оказавшая и до сих пор оказывающая значительное влияние на всю западную политическую философию и политологию. Вскоре после публикации в 1974 г. она принесла своему автору одну из самых престижных литературных наград в США — Национальную книжную премию (National Book Award) в номинации «Философия и религия» (1975 г.). Вскоре «Анархия, государство и утопия» вошла в список обязательной для чтения литературы для всех студентов, изучающих политическую философию. Она пополнила этот список вслед за вышедшей тремя годами раньше книгой Джона Ролза «Теория справедливости», с которой работа Нозика полемизирует. Но если «Теория справедливости» уже более десяти лет назад стала доступной русскоязычному читателю¹, то «Анархия, государство и утопия» приходит к нему только сейчас.

В своей книге Р. Нозик, используя философскую аргументацию, обосновывает политическую концепцию, которую мы в Европе обычно называем либерализмом (или классическим либерализмом)². В соответствии с ней функции государства должны быть ограничены защитой жизни и собственности его граждан, а всякое расширение его функций за эти пределы не является морально оправданным. В качестве отправной точки для своих рассуждений автор берет то самое «естественное состояние», от которого отталкивались многие политические философы, определившие облик западной традиции, от Гоббса и Локка до Ролза и Бьюкенена. Р. Нозик со своим трудом органично вписывается в эту традицию.

К моменту выхода «Анархии, государства и утопии» классический либерализм считался на Западе устаревшей концепцией и имел сравнительно мало сторонников в академической среде. Несмотря на это, книга Р. Нозика была с интересом встречена и в целом принята в ученых кругах в качестве серьезной и «респектабельной»

¹ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.

² В Америке это политическое направление называют «либертарианством», чтобы не путать с «либерализмом», под которым за океаном понимают то, что у нас проходит под маркой правой социал-демократии или демократического социализма.

работы. Почему это произошло? Хотя тому наверняка есть целый ряд причин, но, по-видимому, две из них заслуживают упоминания в связи с выходом этой работы на русском языке. Во-первых, «Анархия, государство и утопия» стала предвестником и одновременно одной из вех того идеологического и политического сдвига, который произошел в странах Запада на рубеже 70—80-х годов XX в. и влияние которого мир в полной мере испытывает сегодня. Во-вторых — и это послужило одним из главных мотивов, по которым Редакционный совет серии решил включить в нее книгу Р. Нозика — эта работа является ярким примером применения современной аналитической философии в сфере политической мысли.

В последние годы российский рынок не испытывает дефицита в переводной философской литературе. Однако во всем этом массиве традиция аналитической философии занимает место, далеко не соответствующее ее реальному весу в современных философских исследованиях и среди издаваемых книг преобладают труды классиков, а не современных мыслителей. Что касается работ по политической философии, выполненных в этой традиции, то их выход на русском языке — исключительно редкое явление.

Поэтому, принимая решение об издании книги Р. Нозика, мы стремились не только донести до русскоязычной аудитории одну из фундаментальных современных работ по политической философии, но и продолжить знакомство нашего читателя с одной из основных философских традиций нашего времени. Можно соглашаться или не соглашаться с выводами автора, но изучение применяемого им интеллектуального аппарата, несомненно, будет полезным любому специалисту в сфере философии и общественных наук.

Валентин ЗАВАДНИКОВ,
Председатель Редакционного совета
Октябрь 2007 г.

Предисловие

Люди обладают правами, и поэтому есть действия, которые не может совершать по отношению к индивиду ни отдельный человек, ни группа лиц (без нарушения этих прав). Так как эти права весьма обширны и строго определены, то возникает вопрос: что могут сделать, если хоть что-то могут, государство и его должностные лица? Какое пространство оставляют права индивида государству? Центральная тема представляемой книги — природа государства, его легитимные функции и их оправдание, если таковое существует. В ходе исследования мы затронем множество самых разных взаимосвязанных вопросов.

Наши главные выводы относительно государства состоят в том, что оправдано существование только минимального государства, функции которого ограничены узкими рамками — защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров и т.п.; что любое государство с более обширными полномочиями нарушает право человека на личную свободу от принуждения к тем или иным действиям и поэтому не имеет оправдания; и что минимальное государство является одновременно и вдохновляющим, и справедливым. Из этого следуют два важных вывода: во-первых, государство не должно использовать аппарат принуждения ради того, чтобы заставить одних граждан помогать другим, и, во-вторых, государство не должно запрещать какие-либо виды действий людей ради их блага или их защиты.

Несмотря на тот факт, что такая точка зрения исключает лишь принудительные пути достижения этих благих целей, а добровольные признает, многие люди без промедления отвергнут наши выводы, поскольку *не хотят* принять подобное бесчувственное отношение к нуждам и страданиям других. Я знаком с подобной реакцией; я сам отреагировал точно так же, когда впервые столкнулся с этими взглядами. Но, не без внутреннего сопротивления, в результате размышлений и изучения аргументов, я стал приверженцем этих взглядов, которые теперь принято называть либертарианскими. В этой книге очень немногое указывает на мое прежнее неприятие. Вместо этого в ней большое количество рассуждений и доводов, которые я стремился представить насколько возможно убедительно, из-за чего рискую нанести двойную обиду: излагаемой мною позицией и тем, что я привожу аргументы в обоснование этой позиции.

Вы не найдете в этой книге моего былого неприятия, потому что оно исчезло. Со временем я привык к этим взглядам и выводам

из них и теперь рассматриваю сферу политики через их призму. (Не следовало ли мне сказать, что они позволяют мне видеть сквозь сферу политики?) Поскольку многие из тех, кто занимает сходную позицию, отличаются узостью и жесткостью взглядов и — парадоксальным образом — преисполнены негодования по поводу более независимых способов мышления, я, после разработки естественных следствий из моей теории, оказываюсь в дурной компании. Я не в восторге от того, что большинство людей, которых я знаю и уважаю, расходятся со мной во взглядах, поскольку вышел из возраста, когда получаешь довольно сомнительное удовольствие от факта, что можешь ошарашивать или раздражать людей убедительными доводами в пользу того, чего они не любят или даже не переносят.

Я пишу, придерживаясь того стиля, в каком пишутся многие современные философские работы по эпистемологии или метафизике: предлагаются детально проработанные аргументы, для опровержения утверждений используются вымышленные контр-примеры, приводятся неожиданные тезисы, головоломки, абстрактные структурные условия непротиворечивости, предложения построить другую теорию, объясняющую определенный набор частных случаев, парадоксальные выводы и т.п. Хотя, как я надеюсь, все это представляет интеллектуальный интерес и доставляет удовольствие, некоторые могут счесть, что истина в области этики и политической философии слишком серьезна и важна, чтобы добывать ее с помощью таких «дешевых» приемов. Тем не менее вполне возможно, что в этике понятие истинности заключается совсем не в том, в чем мы привыкли думать.

Для кодификации уже существующих взглядов или разъяснения общепринятых принципов можно обойтись без развернутых аргументов. Считается, что для опровержения иных взглядов достаточно просто указать на то, что они противоречат тем, которые читатель в любом случае склонен принять. Но взгляды, расходящиеся с мнениями читателя, не могут быть обоснованы лишь указанием на то, что общепринятые им противоречат! Напротив, необходимо подвергнуть существующие воззрения строжайшей интеллектуальной проверке и испытанию с помощью контраргументов, придирчивого исследования исходных посылок и моделирования ряда возможных ситуаций, применение к которым этих представлений приводит к выводам, неприемлемым даже для их поборников.

Но и тот читатель, которого не убедят мои доводы, обнаружит, что в процессе отстаивания и обоснования своих взглядов он их прояснил и углубил. Более того, я склонен думать, что интеллектуальная честность требует, чтобы хотя бы изредка мы отвлекались на опровержение серьезных аргументов, противоречащих нашим

взглядам. Как еще мы можем защитить себя от упорствования в заблуждениях? Будет оправданным напомнить читателю, что интеллектуальная честность бывает опасна; аргументы, показавшиеся сначала просто занятыми, могут вас переубедить и даже показаться естественными и интуитивно приемлемыми. Только отказ слушать гарантирует, что вы не будете пленены истиной.

Содержание представляемой книги состоит в приводимых конкретных аргументах, но здесь я могу кратко перечислить то, что ждет читателя на ее страницах. Поскольку я начинаю со строгого определения прав индивида, мне приходится серьезно рассмотреть утверждение анархистов, согласно которому государство, поддерживая свою монополию на применение силы и защиту всех людей, находящихся на его территории, не может не нарушать права индивида и поэтому аморально по своей сути. Опровергая это утверждение, я доказываю, что государство возникнет из анархии (понимаемой как естественное состояние, по Локку), даже если никто этого не захочет и не приложит к этому никаких усилий, причем этот процесс может не сопровождаться нарушением чьих-либо прав. Обосновывая этот главный тезис части I, мы затронем множество разных вопросов, например: почему нравственные представления включают внешние ограничения действий, а не ограничиваются целеполаганием; отношение к животным; причины того, что возникновение сложных структур лучше объяснять процессами, не являющимися результатом чьего-либо замысла; причины, по которым некоторые действия просто запрещаются вместо того, чтобы быть разрешенными при условии выплаты компенсации жертвам; несостоятельность теории наказания как устрашения; вопросы, связанные с запретом опасных действий; так называемый «принцип честности» Герберта Харта; упреждающее нападение и предварительное заключение. Эти и другие вопросы затрагиваются в ходе исследования природы и моральной легитимности государства и анархии.

Часть I посвящена обоснованию легитимности минимального государства. В части II доказывається, что государство с более обширным набором функций не может быть оправдано. Я доказываю, что разнообразные доводы, призванные обосновать необходимость большего государства, не достигают цели. Чтобы опровергнуть утверждение, что такое государство оправдано необходимостью достичь или сохранить справедливость в распределении благ, я развиваю теорию справедливости (теорию прав собственности), которая не требует никакого расширенного государства, и использую аппарат этой теории для препарирования и критики других теорий распределительной справедливости, предусматривающих более, чем минимальное государство, и при этом особое внимание уделяю новейшей влиятельной теории Джона Ролза.

Подвергнуты критике и другие доводы, которые, по мнению некоторых, оправдывают государство с более широким набором полномочий, и в том числе аргументы, основанные на равенстве, зависти, рабочем контроле и марксистской теории эксплуатации. (Читатели, которым часть I покажется трудной, обнаружат, что часть II читается гораздо легче, а глава 8 проще главы 7). Часть II завершается гипотетическим описанием того, как могло бы возникнуть более, чем минимальное государство, цель этого описания — сделать такое государство достаточно непривлекательным. С другой стороны, даже если одно лишь минимальное государство является оправданным, оно может показаться довольно тусклым идеалом, вряд ли способным воодушевить человека или поднять его на борьбу. Для оценки этого утверждения я обращаюсь к исследованию наиболее вдохновляющей традиции общественной мысли — утопических теорий — и показываю, что единственное, что из этой традиции заслуживает сохранения, — это структура минимального государства. Доказательство включает сравнение разных методов формирования общества, моделирующих и фильтрующих устройств, а также представление модели, которая требует применения используемого в математической экономике понятия ядра экономики.

Мой акцент на выводах, отличающихся от того, во что верит большинство читателей, может навести на ошибочную мысль, что эта книга представляет собой своего рода политический трактат. Это не так; она представляет собой философское поисковое исследование вопросов, которые сами по себе чрезвычайно увлекательны и которые возникают в ходе исследования взаимосвязи между правами личности и государством. Слова «поисковое исследование» здесь не случайны. Одно из расхожих представлений о том, как нужно писать философские книги, выглядит следующим образом: автор должен тщательно продумать все детали сообщаемой концепции и все связанные с ней проблемы, затем оттачивает, шлифует текст и предьявляет миру завершённое, тщательно отделанное и элегантное целое. Я не согласен с этим. Как бы то ни было, я верю, что в нашей живой интеллектуальной жизни есть место и потребность в менее завершённых работах, содержащих наряду с главной линией аргументации также недоговоренности, догадки, открытые вопросы и проблемы, намеки, побочные соображения. Есть место для иных слов о предмете, кроме последних.

Действительно, меня озадачивает общепринятый стиль предьявления философских идей. Философские труды написаны так, будто авторы верят, что сказали о предмете последнее слово. Но было бы явной несправедливостью предположить, что каждый философ думает, что он, наконец, хвала Богу, нашел истину и окружил ее неприступной крепостью. На самом деле все мы

намного более скромны. И для этого есть веская причина. После долгих и упорных раздумий о том, что он предлагает миру, философ достаточно хорошо понимает свои слабые места — те места, где у большой интеллектуальной нагрузки слишком хрупкая опора, где его теория может начать рассыпаться и где могут быть обнаружены непроверенные предпосылки, в которых он сам не вполне уверен.

Есть форма философской деятельности, которую можно сравнить с попыткой размещения различных вещей в пределах некоего периметра заданной формы. Все эти вещи разложены перед тобой, и нужно каким-то образом поместить их в форму. Ты заталкиваешь материал в эту жесткую форму с одной стороны, а он вылезает с другой. Ты заходишь с другого боку, пытаешься опять, а пузырь вылезает в ином месте. В общем, ты нажимаешь, обрезаешь углы, чтобы вещи упаковывались плотнее, еще раз надавливаешь, и, наконец, почти все удается вогнать в форму; конструкция получается не слишком-то устойчивой, но все вроде бы оказывается на месте, а лишнее выбрасываешь подальше, чтобы никто не заметил. (В философии, разумеется, все не *настолько* грубо. Есть еще лести и уговоры. И подобающая жестикуляция.) Наконец, нашелся ракурс, в котором все выглядит просто идеально, делаем мгновенный снимок, выдержку покороче, чтобы не успел возникнуть очередной пузырь. Теперь назад в темную комнату, чтобы еще разок пройтись по дырам, швам и неувязкам ткани периметра. После этого остается только опубликовать фотографию, чтобы все могли увидеть, как оно обстоит на самом деле, и отметить при этом, что никакая другая форма не обеспечивает такой прекрасной упаковки.

Ни один философ не скажет: «Вот здесь я начал, а здесь я закончил. Главная слабость моей работы состоит в том, что я пошел отсюда сюда. В частности, вот здесь самые заметные искажения, здесь пришлось поработать киянкой, здесь — подтесать, подтянуть, надавить и поджечь, и все это пришлось проделать, чтобы добраться до места, не говоря уже обо всем, что пришлось выбросить, проигнорировать и спрятать от пристального взгляда».

Нежелание философов говорить о слабостях собственных идей — это, я думаю, не просто вопрос о философской честности и добросовестности, хотя на самом деле так оно и есть или, по крайней мере, так получается, когда включается самосознание. Подобное нежелание связано с задачей, которую решают философы, формулирующие свой взгляд на вещи. Почему они стремятся все впихнуть в одну заданную форму? Почему бы не использовать другую форму или, более радикально, почему бы не оставить все так, как оно есть? Почему нам так важно, чтобы все уложилось в заданную фигуру? Зачем нам это нужно? (От чего это нас

защищает?) Я надеюсь, что в работе мне не удастся спрятаться от таких глубоких (и пугающих) вопросов.

Однако я затронул все эти темы не потому, что считаю, что они имеют большее отношение к этой работе, чем к другим философским трудам. То, что говорится в этой книге, я считаю правильным. Я не собираюсь ни от чего отказываться. Напротив, я намерен отдать это вам: сомнения, тревоги и неуверенность наравне со взглядами, убеждениями и аргументами.

Там, где я чувствую натяжки в моих аргументах, переходах, предположениях и т.п., я пытаюсь дать комментарий или хотя бы привлечь внимание читателя к тому, что меня тревожит. Заранее можно высказать некоторые общие теоретические поводы для беспокойства. Эта книга не содержит точной теории моральных оснований прав индивида; в ней нет точной формулировки и обоснования теории правосудия как воздаяния (*retributive justice*), как нет и точной формулировки принципов трехчастной (*tripartite*) теории распределительной справедливости. Многое из сказанного мною опирается на общие характеристики, которыми, мне кажется, должны обладать разработанные теории такого рода, или использует эти характеристики. В будущем я бы хотел написать об этих вещах. Если я это сделаю, то, несомненно, теория окажется не такой, какой она представляется мне теперь, и это потребует некой модификации воздвигнутой здесь конструкции. Было бы глупо рассчитывать, что я удовлетворительно справлюсь с этими фундаментальными задачами. Впрочем, хранить молчание, пока достигнешь совершенства, ничуть не умнее. Возможно, этот набросок побудит других прийти на помощь.

Благодарности

Первые девять глав этого исследования были написаны в 1971—1972 гг., когда я был стипендиатом-исследователем Центра специальных исследований в области наук о поведении человека в Пало-Альто — минимально упорядоченной академической организации, граничащей с индивидуалистической анархией. Я очень признателен Центру и его сотрудникам, создавшим обстановку, в которой очень хорошо работается. Глава 10 была представлена на симпозиуме «Утопия и утопизм» на собрании Восточного отделения Американской философской ассоциации в 1969 г.; отдельные места из доклада потом разлетелись по разным главам. Вся рукопись была переработана летом 1973 г.

Возражения Барбары Нозик против ряда защищаемых мною позиций помогли мне отточить свои взгляды; да и помимо этого она оказала мне безмерную помощь. В течение нескольких лет я обкатывал некоторые идеи этого исследования в беседах с Майклом Уолцером, и его комментарии, вопросы и контраргументы были очень полезны для меня. Я получил из Центра детальные и очень полезные письменные комментарии ко всей книге от У. В. Куайна, Дерека Парфита и Гилберта Хармана, к главе 7 — от Джона Роулза и Фрэнка Майклмена, а к раннему варианту части I — от Алана Дершовица. Мне также было очень полезно обсуждение с Рональдом Дворкином того, как (не)могли бы действовать конкурирующие охранные агентства, а также советы Бартона Дребена.

Разные части этого текста на разных стадиях год за годом читались и обсуждались на собраниях Общества философии, этики и права (Society for Ethical and Legal Philosophy, SELF); регулярные дискуссии с членами Общества были интеллектуальным стимулом и источником удовольствия. Мой интерес к теории индивидуалистической анархии примерно шесть лет назад пробудил долгий разговор с Мюрреем Ротбардом. Еще прежде этого споры с Брюсом Голдбергом заставили меня отнестись к либертарианским взглядам достаточно серьезно, чтобы появилось желание доказать их несостоятельность, а затем и углубиться в этот предмет. Результат перед вами.

Часть I

ТЕОРИЯ
ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ,
ИЛИ
КАК ВЕРНУТЬСЯ К ГОСУДАРСТВУ,
ДАЖЕ НЕ СТРЕМЯСЬ К ЭТОМУ

Глава I

ЗАЧЕМ НУЖНА ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ?

Если бы государства не существовало, была бы необходимость в том, чтобы его изобрести? Была бы в нем *нужда* и следовало бы его *изобретать*? Такие вопросы встают перед политической философией и перед теорией, объясняющей политические явления, и ответ на них дает исследование «естественного состояния» (если использовать терминологию традиционной политической теории). Обращение к этой архаической идее могло бы быть оправдано тем, что возникающая в результате теория окажется плодотворной, интересной и даст основания для далеко идущих выводов. Данная глава предназначена для менее доверчивых читателей, которым заранее нужны некоторые обоснования, и в ней обсуждаются причины того, почему так важно рассмотреть теорию естественного состояния и почему можно ожидать, что она будет плодотворной. Эти причины по необходимости довольно абстрактны и метатеоретичны. Лучшее же обоснование — это сам результат, т. е. построенная теория.

Политическая философия

Фундаментальный вопрос политической философии, который предшествует обсуждению того, как должно быть устроено государство, — это вопрос о том, нужно ли вообще какое бы то ни было государство. Почему бы не жить в состоянии анархии? Поскольку теория анархии, если она обоснованна, отменяет сам предмет *политической* философии, уместно приступить к разработке последней с анализа ее главной теоретической альтернативы. Те, для кого доктрина анархизма не лишена привлекательности, решат, что, возможно, на этом политическая философия и *заканчивается*. Другие будут нетерпеливо ждать, что же будет дальше. Однако, как мы увидим, и «архисты», и анархисты, те, кто осмотнительно продвигается из исходной точки, и те, кто неохотно доказывает ее несостоятельность, могут согласиться

с тем, что начало изложения политической философии с теории естественного состояния имеет *объяснительную цель*. (Такая цель отсутствует, например, когда изложение эпистемологии начинается с попытки доказать несостоятельность скептицизма.)

Какую анархическую ситуацию нам следует подвергнуть исследованию, чтобы ответить на вопрос: почему не анархия? Возможно, та, которая имела бы место, если бы прекратила существование реально наблюдаемая политическая ситуация и на ее месте не возникло бы какой-либо другой мыслимой политической ситуации. Но не говоря уж о ничем не оправданном допущении, что при этом все и везде окажутся в одной и той же безгосударственной «лодке», и о невероятной сложности задачи вывода из сделанного контрфактуального предположения характеристики конкретной ситуации, эта ситуация не будет представлять существенного теоретического интереса. Разумеется, если бы безгосударственная ситуация оказалась достаточно ужасной, было бы достаточно оснований воздержаться от демонтажа или разрушения конкретного государства ради замены его безгосударственной системой.

Более перспективно было бы сосредоточиться на фундаментальном абстрактном описании, которое охватит все представляющие интерес ситуации, включая «то, где бы мы были теперь, если бы...». Если это описание окажется достаточно мрачным, тогда государство стало бы предпочтительной альтернативой, воспринимаемой с такой же радостью, как и поход к дантисту. Но такие кошмарные картины редко бывают убедительными, и не только в силу своей непривлекательности. Психология и социология — слишком неточные дисциплины, чтобы позволять столь пессимистические обобщения относительно всех людей и всех обществ, особенно когда рассуждение основывается на том, что бы не делать *столь же пессимистических предположений* о том, как функционирует государство. Люди конечно же кое-что знают о том, как функционируют реальные государства и их оценки могут быть различными. Учитывая чрезвычайную важность выбора между государством и анархией, из осторожности можно было бы использовать «минимаксный» критерий и сосредоточиться на пессимистической оценке безгосударственного состояния: государство сопоставлялось бы с наиболее пессимистическим описанием гоббсовского естественного состояния. Но при использовании минимаксного критерия гоббсовскую ситуацию пришлось бы сравнивать с наиболее пессимистическим вариантом описания государства, включая описания государств, возможных в будущем. Без сомнения, при таком сопоставлении выиграет наихудшее возможное естественное состояние. Те, кто рассматривает государство как мерзость, сочтут критерий мини-

макса не слишком привлекательным, тем более что всегда есть возможность вернуться к государству, если это покажется желательным. В то же время «максимаксный» критерий будет исходить из самых оптимистических предположений о том, как все будет происходить, — если угодно, как у Годвина. Но опрометчивый оптимизм также неубедителен. На самом деле, ни один из предлагавшихся критериев выбора в условиях неопределенности здесь не убедителен, равно как и максимизация ожидаемой полезности в условиях столь неопределенных вероятностей.

Более уместным, особенно при принятии решения о том, каких целей нужно стараться достичь, было бы сосредоточиться на безгосударственной ситуации, в которой люди в целом соблюдают моральные ограничения и ведут себя так, как должно. В этом предположении нет чрезмерного оптимизма — не предполагается, что все люди действуют именно так, как следует. Однако такое естественное состояние — лучший вариант анархии, на который можно рассчитывать. Поэтому исследование ее природы и недостатков имеет ключевое значение для выбора между государством и анархией. Если бы удалось показать, что государство превосходит даже эту, самую благоприятную, ситуацию анархии, лучшую из тех, на какие можно реалистично надеяться, или что оно возникнет в результате процесса, не включающего морально неприемлемых шагов, или что, возникнув, оно явит собой улучшение, то это будет основанием для существования государства; это будет оправданием государства*.

Такое исследование поставит вопрос о том, являются ли морально допустимыми все те действия, которые люди должны совершить, чтобы основать государство и обеспечить его функционирование. Некоторые анархисты заявили, что мало того, что нам было бы лучше без государства, но что любое государство нарушает моральные права людей, в силу чего оно аморально по самой своей сути. Наша отправная точка, таким образом, хотя и не является политической, но по замыслу вовсе не чужда морали. Моральная философия образует основание и определяет границы для политической философии. Что позволено или не позволено одним людям по отношению к другим, ограничивает то, что им позволено делать через аппарат государства или для создания такого аппарата. Моральные запреты, которые позволительно

* Эта идея отличается от теории, которая представляет процесс возникновения государства из естественного состояния как естественный и неизбежный процесс *упадка*, что можно сравнить с тем, как медицина понимает процессы старения или умирания. Такая теория не даст «оправдание» государству, хотя может примирить нас с его существованием.

навязывать силой, являются источником легитимности всякого фундаментального права государства на применение насилия. (Фундаментальное право на применение насилия — это право, не опирающееся на какое-либо согласие того лица, к которому применяется это насилие.) Отсюда возникает первичная сфера государственной активности, возможно, единственно легитимная сфера. Более того, в той мере, в какой моральная философия неоднозначна и ведет к расхождению в моральных оценках, она создает проблемы, которые предположительно могут быть должным образом решены в сфере политики.

Объясняющая политическая теория

Помимо своей важности для политической философии, исследование естественного состояния служит целям объяснения. Возможны следующие способы понимания сферы политики: (1) полное объяснение в неполитических терминах; (2) рассмотрение ее как возникающей из неполитических отношений, но не сводимой к ним, как форму организации неполитических факторов, поддающуюся пониманию только в терминах новых политических принципов; (3) рассмотрение ее как автономной сферы. Поскольку только первый подход обещает полное понимание всей сферы политики¹, он оказывается наиболее привлекательной теоретической альтернативой, от которой можно отказаться, лишь убедившись в ее нереализуемости. Назовем этот самый желательный и самый окончательный вид объяснения *фундаментальным* объяснением сферы [политики].

Чтобы фундаментально объяснить политическое через неполитическое, можно начать либо с неполитической ситуации и показать, как и почему из нее впоследствии возникает политическая, либо с политической ситуации, описанной неполитически, и вывести ее политические черты из неполитического описания. Во втором случае процедура вывода либо идентифицирует политические черты с чертами, имеющими неполитическое описание, либо использует научные законы, чтобы связать раз-

¹ См.: Norwood Russell Hanson, *Patterns of Discovery* (New York: Cambridge University Press, 1958), pp. 119–120 и приводимую автором цитату из Гейзенберга (р. 212). Хотя свойство X (цвет, температура и т.п.) объекта может быть объяснено как результат того, что он состоит из частей, обладающих определенным X -качеством (цвет в определенном спектре, средняя температура частей и т.п.), само по себе X (как отдельная сфера) не может быть объяснено или понято таким образом.

ные черты между собой. За исключением, пожалуй, последнего способа, свет, проливаемый объяснением, будет в значительной степени зависеть от яркости отправной точки самой по себе (будь это ситуация или описание) и от расстояния, действительного или видимого, от отправной точки до ее политических результатов. Чем более фундаментальна исходная точка (чем больше она выявляет основные, важные и необходимые черты человеческой ситуации) и чем дальше она отстоит (или кажется, что отстоит) от результата (чем менее политической или связанной с государством она выглядит), тем лучше. Понимание не возрастет, если прийти к государству из произвольной или малозначительной исходной точки, явно смежной с ним изначально. А вот открытие того, что политические черты и отношения оказались сводимы к очевидно отличающимся от них неполитическим или идентичны им, было бы замечательным результатом. Если эти черты окажутся фундаментальными, сфера политики получит глубокое и прочное обоснование. Мы настолько далеки от подобного выдающегося теоретического достижения, что хотя бы из благоразумия нам следует избрать другой вариант, а именно показать, как политическая ситуация могла бы возникнуть из неполитической; т.е. имеет смысл начать изложение фундаментального объяснения с того, что в политической философии известно как теория естественного состояния.

Теория естественного состояния, которая начинает с фундаментального общего описания морально допустимых и недопустимых действий и с указания глубоко обоснованных причин того, почему в любом обществе некоторые люди будут нарушать эти моральные ограничения, а затем переходит к описанию того, как из этого естественного состояния возникает государство, послужит целям объяснения, *даже если в действительности никакое государство таким образом не возникло*. Идею возможного объяснения, которое интуитивно (и приблизительно) есть то, что было бы верным объяснением при условии, что все в нем упомянутое было бы истинным и работающим, рассмотрел Гемпель². Будем говорить, что возможное объяснение является дефектным по закону (*law-defective*), если оно содержит ложное утверждение, имеющее форму закона, и является дефектным по факту (*fact-defective*), если в нем наличествует ложная фактическая посылка. Возможное объяснение, которое объясняет явление как результат процесса P , будет дефектным (даже не будучи дефектным по закону и по факту), если явление было порождено неким процессом Q , а не P , хотя и P мог к нему привести. Если бы его

² Carl G. Hempel, *Aspects of Scientific Explanation* (New York: The Free Press, 1965), pp. 247–249, 273–278, 293–295, 338.

не произвел процесс Q , тогда это сделал бы P^* . Назовем возможное объяснение, которое в действительности не объясняет явление именно по той причине, дефектным по процессу (*process-defective*).

Фундаментальное возможное объяснение (которое, будь оно действительным объяснением, охватывало бы всю рассматриваемую сферу) проясняет и помогает понять многое, даже *не являясь* верным объяснением. Возможность увидеть то, как в принципе можно было бы фундаментально объяснить всю сферу, серьезно увеличивает наше понимание этой сферы**. Трудно сказать что-то большее без анализа типовых случаев (более того, без анализа отдельных случаев), но здесь мы не можем этим заниматься. Дефектные по факту фундаментальные возможные объяснения, если их ложные исходные условия «могли быть верными», способны внести значительное прояснение, иногда большей ясности и в весьма значительной степени способствуют даже вопиюще ложные исходные условия. Дефектные по закону фундаментальные возможные объяснения могут прояснить природу конкретной сферы почти столь же хорошо, как правильные объяснения, особенно если в совокупности «законы» образуют интересную и целостную теорию. А дефектные по процессу фундаментальные возможные объяснения (не являющиеся дефектными ни по факту, ни по закону) почти идеально решают задачу объяснения. Если все это и может быть сказано о нефундаментальных объяснениях, то с куда меньшей определенностью.

* Или, возможно, к этому привел бы *другой* процесс R , если бы этого не сделал Q , хотя если бы R этого не сделал, то явление породил бы P , или... Словом, предложение в примечании должно выглядеть так: P породил бы это явление, если бы этого не сделали [Q , R , ...]. Тут мы пренебрегаем возможным осложнением: ведь то, что могло бы помешать Q породить это явление, могло бы помешать и P .

** Это утверждение нуждается в уточнении. Наше понимание не станет яснее, если в качестве возможного объяснения нам будет предъявлено заведомо ложное: например, что данная сфера сформировалась таким-то образом, потому что призраки, ведьмы или гоблины исполнили определенный танец. Естественно полагать, что объяснение той или иной сферы должно представить механизм, порождающий эту сферу. (Или произвести что-либо еще, равно плодотворное для понимания.) Но это еще не значит, что нам удалось сформулировать базовые условия, которым должен удовлетворять соответствующий механизм, чтобы служить объяснением данной сферы. Точная формулировка условий утверждения, содержащегося в основном тексте, потребует дальнейшего прогресса в теории объяснения. Есть и другие трудности, требующие такого развития; см.: Jaegwon Kim, "Causation, Nomic Subsumption, and the Concept of Event," *The Journal of Philosophy*, 70, №8 (April 26, 1973), pp. 217–236.

Объяснения сферы политики, исходящие из теории естественного состояния, являются фундаментальными возможными объяснениями этой сферы и соединяют ясность с силой объяснения, даже если не являются истинными. Мы многое начинаем понимать, глядя на то, как могло возникнуть государство, даже если оно таким образом и не возникало. Даже если оно появилось иным путем, мы все равно многое узнаем, если установим, почему другим, а не этим. Мы увеличим наше понимание, попытавшись объяснить, почему некая часть реального мира, отклоняющаяся от модели естественного состояния, такова, какова она есть.

Поскольку анализ как политической философии, так и объясняющей политической теории сходится к локковскому естественному состоянию, мы с него и начнем. Точнее говоря, мы начнем с индивидов, живущих в условиях, достаточно близких к естественному состоянию Локка, так что многими различиями, которые в другом случае были бы важны, здесь можно пренебречь. Мы будем упоминать о них только в тех случаях, когда различия между нашей концепцией и концепцией Локка окажутся значимыми для *политической* философии, для нашего рассмотрения государства. Абсолютно точная формулировка нравственных предпосылок, в том числе точная формулировка теории морали и ее оснований, потребовала бы полномасштабного изложения, и ей следовало бы посвятить отдельное время (время всей жизни?). Эта задача имеет настолько ключевое значение, и ее нерешенность представляет собой настолько зияющий провал, что понимание того, что здесь мы следуем почтенной традиции Локка, который во второй книге «Двух трактатов о правлении» не предлагает ничего даже близко похожего на удовлетворительное объяснение статуса и основы естественного права, служит очень слабым утешением.

Глава 2 ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Индивиды в локковском естественном состоянии находятся «в состоянии полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в пределах ограничений, налагаемых естественным правом, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли» (II, 4)¹. Ограничения, налагаемые естественным правом, требуют от людей следующего: «...ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого» (II, 6). Некоторые преступают эти границы, «посягают на права других и... наносят ущерб друг другу», и в ответ люди имеют право защищать себя и других от посягающих на их права (глава III). Пострадавшая сторона и ее представители имеют право получить от обидчика «столько, сколько требуется для возмещения нанесенного ущерба» (II, 10); «каждый обладает правом наказания нарушителей этого закона в такой степени, в какой это может воспрепятствовать его нарушению» (II, 7); каждый человек имеет право «воздать [преступнику] в такой степени, в какой это предписывают спокойный рассудок и совесть, чтобы это соответствовало его нарушению, а именно настолько, чтобы это служило воздаянием и острасткой» (II, 8).

«В естественном состоянии есть свои неудобства», говорит Локк, и «я легко допускаю, что гражданское правление является подходящим средством, избавляющим от неудобств естественного

¹ John Locke, *Two Treatises of Government*, 2nd ed., ed. Peter Laslett (New York: Cambridge University Press, 1967). Если не указано иначе, дальнейшие ссылки относятся к *Second Treatise* [в русск. пер.: Два трактата о правлении. Книга вторая]. [Русский перевод дается по изданию: Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135–405. См. также: Локк Дж. Два трактата о правлении. Челябинск: Социум, 2007. В приведенной цитате выражение «границы закона природы» заменено на более точное по смыслу «в пределах ограничений, налагаемых естественным правом». — *Прим. перев.*]

состояния» (II, 13). Чтобы точно понять, от чего избавляет гражданское правление, категорически недостаточно просто повторить локковский перечень неудобств, свойственных естественному состоянию. Необходимо также учесть те меры, которые возможно предпринять против этих неудобств в рамках естественного состояния, чтобы избежать этих неудобств, снизить вероятность их возникновения или же делать их менее серьезными, когда они все-таки случаются. Только после того, как использованы все ресурсы естественного состояния, т. е. все добровольные меры и соглашения, которых могут достичь люди, действуя в пределах своих прав, и только после того, как мы оценим результат, можно будет понять, насколько значительны оставшиеся неудобства, от которых избавляет государство, и оценить, не является ли лекарство хуже болезни*.

В естественном состоянии общий, признанный всеми естественный закон не может учесть все непредвиденные обстоятельства (см. II, 159 и 160, где Локк делает это замечание применительно к законодательной власти, но сравните с противоположным суждением в II, 124), и люди, выступающие судьями в собственном деле, всегда разрешат все сомнения в свою пользу и будут считать, что они правы. Они будут слишком высоко оце-

* Прудон дал нам описание «неудобств», сопутствующих *государству*. «Когда вами ПРАВЯТ — это значит, что за вами наблюдают, проверяют, шпионят, вас направляют, преследуют по закону, пересчитывают, регулируют, регистрируют, внушают идеи, поучают, контролируют, обследуют, оценивают, хвалят, порицают и командуют создания, не имеющие нужных для этого прав, мудрости и достоинств. Когда вами ПРАВЯТ — это значит, что при каждой операции, при каждой сделке вас отмечают, регистрируют, пересчитывают, облагают налогом, штемпелуют, нумеруют, штрафуют, лицензируют, дают разрешение, указывают, предостерегают, запрещают, улучшают, исправляют, наказывают. Это значит под предлогом общественной пользы и во имя общих интересов подвергаться сборам, муштре, поборам, эксплуатации, монополии, вымогательствам, притеснениям, обману, изъятиям; а при малейшем сопротивлении, при первом слове протеста вас усмиряют, штрафуют, чернят, изнуряют, преследуют, жестоко обращаются, избивают, разоружают, связывают, душат, бросают в тюрьму, осуждают, выносят приговор, расстреливают, высылают, приносят в жертву, продают, предают и, в довершение ко всему, над вами глумятся, издеваются, превращают в посмешище, оскорбляют, бесчестят. Таково государство; такова его справедливость; таковы его моральные правила» (P. J. Proudhon, *General Idea of the Revolution in the Nineteenth Century*, trans. John Beverly Robinson (London: Freedom Press, 1923), pp. 293–294, с некоторыми вставками из перевода Бенджамина Такера в его книге: Benjamin Tucker, *Instead of a Book* (New York, 1893), p. 26.

нивать причиненный им вред или ущерб и под влиянием страстей будут пытаться чрезмерно наказывать других и требовать у них избыточного возмещения (II, 13, 124, 125). Таким образом, частное и личное принуждение к соблюдению своих прав (в том числе нарушенных чрезмерным наказанием) приводит к междоусобицам, бесконечным актам возмездия и взыскания компенсации. И не существует надежного способа *уладить* такой конфликт, *покончить* с ним так, чтобы обе стороны были уверены, что он окончательно прекращен. Даже если одна сторона *говорит*, что отказывается от дальнейшего возмездия, другая может чувствовать себя в безопасности, только если она уверена, что первая не считает себя вправе получить возмещение или потребовать воздаяния и, следовательно, не попытается пересмотреть уговор при первом удобном случае. Любой способ, к которому может прибегнуть отдельно взятый индивид, чтобы необратимо связать себя обязательством прекратить конфликт, будет недостаточно убедителен для другой стороны; неявное соглашение о прекращении спора тоже будет нестабильным². Такого рода взаимное предчувствие дурных побуждений может возникнуть даже при наличии полной ясности по поводу прав и при согласии относительно фактической стороны дела; обмен ударами возмездия тем более вероятен в случае, когда нет полной ясности относительно прав или обстоятельств дела. Кроме того, в естественном состоянии отдельному человеку может не хватить сил для обеспечения своих прав; он может быть не в состоянии наказать нарушившего его права более сильного противника или истребовать у него возмещение (II, 123, 126).

Защитные ассоциации

Как же человек, находясь в естественном состоянии, может решать упомянутые проблемы? Начнем с последней. В естественном состоянии индивид вправе самостоятельно обеспечивать охрану своих прав, защищать себя, взыскивать возмещение и наказывать (или, по крайней мере, сделать для этого все возможное). Для защиты его прав, по его просьбе, к нему могут присоединиться другие люди³. Они могут присоединиться к нему для

² О том, как сложно связать самого себя обязательством, и о неявных соглашениях см.: Thomas Schelling, *The Strategy of Conflict* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960) [русск. пер.: Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007].

³ Другие люди могут наказать агрессора и без просьбы пострадавшего; см. об этом подробнее ниже, в главе 5.

отражения нападения или преследования агрессора, потому что они руководствуются чувством общественного долга, или потому что они его друзья, или потому что он помогал им в прошлом, или потому что они хотят, чтобы он пришел им на помощь в будущем, или в обмен на что-то. Группы индивидов могут образовывать ассоциации в целях взаимной защиты: все члены будут откликаться на просьбу любого из них защитить или принудительно обеспечить его права. В единстве сила. Но у таких простых ассоциаций взаимной защиты возникают две трудности: (1) каждый всегда должен быть наготове выступить на защиту (а как решить, кто именно должен явиться на защиту, если услуги всех членов ассоциации в конкретном случае не требуются?); и (2) каждый член может призвать других членов на помощь, просто заявив, что его права нарушаются или были нарушены. Защитные ассоциации вряд ли захотят находиться в полном распоряжении своих сварливых или параноидных членов, не говоря уж о тех, кто может попытаться под предлогом самозащиты использовать ассоциацию для нарушения прав других. Неизбежны трудности и в том случае, когда возникнет конфликт между двумя членами одной ассоциации и каждый призовет союзников прийти ему на помощь.

Ассоциация взаимной защиты в случае конфликта между своими членами может попробовать следовать принципу невмешательства. Но подобная политика вызовет разлад внутри ассоциации и может привести к образованию групп, которые могут вступить в конфликт друг с другом и тем самым развалить ассоциацию. Такая политика подтолкнет потенциальных агрессоров присоединиться к как можно большему числу ассоциаций взаимной защиты, чтобы обрести иммунитет от защитных действий или возмездия, а этот фактор чрезвычайно усложнит процедуру принятия в ассоциацию новых членов, сделав ее весьма затратной из-за необходимости предварительно наводить подробные справки о каждом кандидате. Поэтому защитные ассоциации (почти все из тех, которые окажутся жизнеспособными и к которым будут присоединяться новые члены) не будут следовать принципу невмешательства; в случае конфликта между членами ассоциации по поводу нарушения прав они будут использовать ту или иную процедуру принятия решений. Можно представить себе множество произвольных процедур (например, вставать на сторону того, кто пожаловался первым), но большинство людей пожелают присоединиться к тем ассоциациям, которые будут следовать некоторой процедуре определения того, на чьей стороне правота. Когда член ассоциации окажется в конфликте с лицом, не состоящим в ассоциации, ассоциация также захочет тем или иным способом выяснить, кто прав, хотя бы для того, чтобы не ввязываться постоянно во все ссоры с участием своих членов независимо от их

правоты и избежать сопутствующих этому издержек. Неудобство, связанное с тем, что каждый должен откликнуться на призыв о помощи независимо от того, чем он в этот момент занят, от его предпочтений и сравнительных преимуществ, может быть разрешено обычным способом, через механизм разделения труда и обмена. Некоторые люди будут *наняты* для выполнения функций охраны, а некоторые предприниматели займутся продажей услуг по защите. Для тех, кто нуждается в более обширной или усовершенствованной охране, будут предложены разные варианты защиты по соответствующим ценам⁴.

⁴ Мы увидим (с. 39–40), каким образом деньги могут существовать в естественном состоянии без явного соглашения об учреждении средства обмена. Частные охранные услуги были предложены и проанализированы разными авторами, представляющими анархо-индивидуалистскую традицию. См.: Lysander Spooner, *NO TREASON: The Constitution of No Authority* (1870); *Natural Law, and A Letter to Grover Cleveland on his False Inaugural Address; The Usurpation and Crimes of Law-makers and Judges, and the Consequent Poverty, Ignorance, and Servitude of the People* (Boston: Benjamin R. Tucker, 1886), все эти работы переизданы в: *The Collected Works of Lysander Spooner*, 6 vols. (Weston, Mass.: M & S Press, 1971). Бенджамин Такер рассматривает функционирование социальной системы, в которой все услуги по защите предоставляются частным образом (Benjamin R. Tucker, *Instead of a Book* [New York, 1893], pp. 14, 25, 32–33, 36, 43, 104, 326–329, 340–341, многие фрагменты этой работы вошли в сборник: Benjamin R. Tucker, *Individual Liberty*, ed. Clarence Lee Swartz [New York, 1926]). Невозможно переоценить то, насколько интересны и ярки тексты и аргументы этих двух авторов, как сильно они стимулируют мысль, поэтому возникает сомнение в необходимости упоминать какие-либо вторичные источники. Тем не менее см. также талантливую и интересную работу Джеймса Мартина: James L. Martin, *Men Against the State: The Expositors of Individualist Anarchism in America, 1827–1908*, где содержится описание жизни и взглядов Спунера, Такера и других авторов, принадлежащих к той же традиции. См. также более подробное рассмотрение схемы организации защиты частным образом: Francis Tandy, *Voluntary Socialism* (Denver: F. D. Tandy, 1896), pp. 62–78. Критическое рассмотрение этой схемы см.: John Hospers, *Libertarianism* (Los Angeles: Nash, 1971), chap. 11. Из новых поборников этой идеи см.: Murray Rothbard, *Power and Market* (Menlo Park, Calif.: Institute for Humane Studies, Inc., 1970), pp. 1–7, 120–123. [русск. пер.: Ротбард М. Н. Власть и рынок. Челябинск.: Социум., 2008. С. 2–14, 353–358]. Ротбард кратко описывает, как, по его мнению, эта схема может функционировать, и критически разбирает некоторые возражения против нее. Самое детальное рассмотрение (из известных мне) см.: Morris and Linda Tannehill, *The Market for Liberty* (Lansing, Mich.: privately printed, 1970), esp. pp. 65–115.

Индивид может заключить более ограниченные соглашения, не предусматривающие передачу частному охранному агентству всех функций расследования, ареста, судебного установления вины, наказания и получения возмещения. Помня об опасности быть судьей в собственном деле, он может поручить принятие решения о том, был ли ему причинен ущерб и насколько он велик, какой-либо иной нейтральной или менее вовлеченной стороне. Для того чтобы правосудие могло наглядным образом оказывать благотворное влияние на общество, эта сторона должна пользоваться уважением и восприниматься как незаинтересованная и непредвзятая. Таким образом, обе тяжущиеся стороны могут принять меры против пристрастности и даже остановить свой выбор на *одном и том же* человеке, который рассудил бы их, и договориться о том, что подчинятся его решению. (Возможна и договоренность о некоей процедуре, посредством которой сторона, недовольная решением, может подать апелляцию.) Но по очевидным причинам будет действовать устойчивая тенденция к тому, чтобы упомянутые выше функции исполнял один и тот же человек (или организация).

В настоящее время люди иногда переносят решение своих конфликтов за пределы государственной правовой системы — выбирают других судей или суды, например религиозные⁵. Если все стороны тяжбы находят некоторые аспекты деятельности государства или его судебной системы настолько отталкивающими, что не желают иметь с ним дела, они могут договориться об арбитраже или судебном разбирательстве, осуществляемом вне государственного аппарата. Люди склонны забывать о том, что у них есть возможность действовать независимо от государства. (Аналогичным образом те, кто хочет патерналистского регулирования, забывают о том, что и в этом случае у них есть возможность самим определить, как именно будет ограничено их поведение, или самим назначить надзирающий за ними патерналистский орган. Вместо этого они принимают именно ту схему ограничений, которую сподобились принять законодатели. Можно ли

После того как я в 1972 г. написал эту книгу, Ротбард более полно изложил свои взгляды в сочинении: Murray Rothbard, *For a New Liberty* (New York: Macmillan, 1973), chaps. 3, 11, а Дэвид Фридман энергично выступил на защиту анархо-капитализма в книге: David Friedman, *The Machinery of Freedom* (New York: Harper & Row, 1973), Pt. III. Каждая из этих работ заслуживает того, чтобы ее прочитать, но ни одна из них не заставила меня пересмотреть взгляды, изложенные здесь.

⁵ См.: I. B. Singer, *In My Father's Court* (New York: Farrar, Strauss, and Goroux, 1966); недавний пример из области «контркультуры» см.: *WIN Magazine*, November 1, 1971, pp. 11–17.

представить себе человека, который в поиске мудрых и чутких людей, способных руководить им во имя его собственного блага, выбрал бы кого-нибудь из тех, кто составляет обе палаты Конгресса?) Несомненно, могли бы развиваться различные формы судебного рассмотрения, отличающиеся от пакета, предлагаемого государством. И люди обращаются к услугам государства не из-за того, что слишком велики издержки, связанные с развитием негосударственного правосудия и выбором соответствующих его форм. Нетрудно иметь большое число заранее сформированных пакетов [правовых услуг], из которых стороны могли бы выбирать. По-видимому, люди выбирают государственную судебную систему потому, что она гарантирует исполнение решения суда вопреки воле одной из сторон. Ибо государство не *позволяет* никому другому принуждать к исполнению решений альтернативной судебной системы. Поэтому всякий раз, когда стороны не могут договориться о порядке урегулирования конфликта или когда одна из сторон не верит, что другая подчинится решению посредничающей организации (когда другая сторона обязуется пожертвовать чем-то очень ценным для нее, какой силой можно принудить ее к выполнению *этого* обязательства в случае, если она не подчинится решению посредника?), стороны, желающие удовлетворить свои претензии, будут иметь единственный разрешенный государственной системой правосудия способ разрешить свой спор, а именно обратиться к этой самой государственной системе. Для людей, отвергающих данную государственную систему, это может оказаться трудным и мучительным выбором. (Если судебная система государства обеспечивает исполнение решений, принятых по некоторым третейским процедурам, то люди могут прийти к соглашению — предполагая, что они выполнят его условия, — без прямого контакта с тем, что они воспринимают как государственные учреждения или их должностных лиц. Но эта ситуация ничем не отличается от той, которая возникает в случае, если бы они подписали контракт, выполнение которого обеспечивается только государством.)

Будут ли охранные агентства *требовать*, чтобы их клиенты отказались от своего права на личное возмездие, если нарушитель не является клиентом агентства? Такое возмездие вполне может привести к ответным мерам со стороны другого агентства или человека, и охранному агентству не захочется быть втянутым в запутанное дело *на этой поздней стадии*, чтобы защитить клиента. Охранные агентства будут отказываться защищать клиента от встречных мер возмездия, за исключением случаев, когда они выдали клиенту предварительное разрешение на самостоятельное осуществление своего возмездия. (Хотя почему бы им просто не брать намного больше за дополнительные услуги

по защите чересчур самостоятельных клиентов?) Охранному агентству даже не нужно требовать, чтобы в договоре с ним клиент отказался от своего права лично добиваться удовлетворения от *других клиентов агентства*. Агентству достаточно отказать клиенту С, который лично защищает свои права в отношениях с другими клиентами, в какой бы то ни было защите от ответных действий с их стороны. Это похоже на тот случай, когда С действует против того, кто не является клиентом. Дополнительный факт, что С действует против клиента агентства, означает, что агентство будет действовать против *С так же*, как и против любого не-клиента, который лично обеспечивает свои права в конфликте с любым из его клиентов (см. главу 5). Это сводит к минимуму личные инициативы по принуждению к соблюдению прав между клиентами агентства.

Доминирующая защитная ассоциация

Первоначально несколько защитных ассоциаций или компаний будут предлагать свои услуги на одной и той же территории. Что произойдет, если между клиентами разных агентств возникнет конфликт? Все довольно просто, если агентства придут к единому мнению относительно дела. (Хотя каждое может захотеть взыскать компенсацию.) А что произойдет, если они пришли к разным выводам и одно агентство попытается защитить своего клиента, а другое — наказать его или взыскать с него компенсацию? Заслуживают рассмотрения только три возможности:

1. В таких ситуациях два агентства вступают в силовое столкновение. Одно всегда выходит победителем. Поскольку клиенты проигрывающего агентства плохо защищены в случае конфликтов с клиентами побеждающего агентства, они отказываются от услуг своего агентства и переходят к победителю⁶.
2. У одного агентства силы сосредоточены в одной географической зоне, у другого — в другой. Каждое выигрывает столкновения в местах, расположенных близ его центра

⁶ Упражнение для читателя: опишите, каким образом соображения, изложенные здесь и ниже, ведут к тому, что в каждой географической зоне остается только одно агентство или объединенная структура доминирующих агентств, даже если первоначально в зоне действовала группа агентств, для которых отношение «х выигрывает почти все силовые столкновения с у» является связным и нетранзитивным.

силы, и устанавливается некий градиент⁷. Люди, имеющие дело с одним агентством, но проживающие в зоне преобладания другого, либо переезжают ближе к штаб-квартире своего агентства, либо переходят под крыло другого охранного агентства. (Граница между ними будет почти столь же чревата конфликтами, как и граница между государствами.)

Ни в одном из этих двух случаев не остается места для разнообразия услуг на одной территории. В данной географической зоне действует только одно охранное агентство.

3. Два агентства воюют друг с другом часто и на равных. Они выигрывают и проигрывают примерно поровну, а их клиенты часто заключают между собой сделки и вступают в конфликты. Или же, возможно, без всяких сражений или после нескольких незначительных стычек агентства понижают, что, если не принять меры, эти стычки будут происходить постоянно. В любом случае, чтобы избежать частых, дорогостоящих и разрушительных столкновений, два агентства, возможно, на уровне руководителей, договариваются о мирном разрешении тех дел, по поводу которых их мнения расходятся. Они договариваются учредить третейский суд или судью (и уважать его решения) и обращаться к нему в случае разногласий по существу дела. (Либо они могут утвердить правила, определяющие юрисдикцию каждого из них в тех или иных обстоятельствах⁸.) В результате возникает система апелляционных судов и согласованных правил о юрисдикции и конфликте норм. Хотя действуют разные агентства, но существует единая федеральная судебная система, компонентами которой все они являются.

В каждом из этих случаев почти все лица на территории географической зоны действуют в рамках общей системы, которая разрешает их споры и *обеспечивает санкцией* их права. Под давлением стихийно образованных групп, взаимных защитных ассоциаций, разделения труда, влияния рынка, эффекта масштаба (снижения издержек по мере роста объемов производства) и разумных личных интересов из состояния анархии вырастает нечто, очень напоминающее минимальное государство или группу

⁷ См.: Kenneth R. Boulding, *Conflict and Defense* (New York: Harper, 1962), chap. 12.

⁸ Чтобы оценить сложность такого свода правил, см.: American Law Institute, *Conflict of Laws; Second Restatement of the Law. Proposed Official Draft, 1967–1969.*

географически разделенных минимальных государств. Почему этот рынок отличается от всех других рынков? Почему на этом рынке возникает фактическая монополия, причем без вмешательства государства, которое создает и поддерживает монополии в других случаях?⁹ Ценность приобретаемого продукта — защиты от остальных — *относительна*: она зависит от того, насколько сильны эти остальные. Но в отличие от других благ, оцениваемых относительно друг друга, максимальные защитные агентства не могут сосуществовать в условиях конкуренции; природа предоставляемых услуг заставляет агентства не просто вести конкурентную борьбу за клиентов, но и вовлекает их в конфликт друг с другом с применением насилия. К тому же, поскольку ценность продукта агентства, не являющегося максимальным, снижается непропорционально по отношению к числу клиентов, приобретающих максимальный продукт, то потребители не будут предъявлять устойчивый спрос на меньшее благо, и конкурирующие компании войдут в нисходящую спираль, ведущую к краху. Отсюда вытекают три перечисленные нами возможности.

В изложенном выше сценарии мы исходим из предположения, что каждое из агентств пытается добросовестно действовать в рамках сформулированного Локком естественного права¹⁰. Но одна из «защитных ассоциаций» может встать на путь агрессии против других лиц. В соответствии с локковским естественным правом это было бы преступное агентство. Что могло бы стать противовесом его власти? (Что могло бы стать противовесом власти государства?) Другие агентства могут объединиться для противодействия ему. Люди могут отказаться иметь дело с клиентами преступного агентства, бойкотировать их, чтобы уменьшить вероятность вмешательства этого агентства в их собственные дела. В результате преступное агентство может столкнуться с трудностями в деле привлечения клиентов; но такой бойкот можно счесть эффективным орудием только при сверхоптимистичных допущениях о том, чего нельзя сохранить в тайне, и об издержках частичного бойкота для индивида в сравнении с перспективой получить более широкий набор услуг, предлагаемый

⁹ См.: Yale Brozen, "Is Government the Source of Monopoly?" *The Intercollegiate Review*, 5, no. 2 (1968—1969), 67—78; Fritz Machlup, *The Political Economy of Monopoly* (Baltimore: Johns Hopkins Press, 1952).

¹⁰ Локк предполагал, что не все, но подавляющее большинство лиц, живущих в естественном состоянии, будут следовать ограничениям, налагаемым естественным правом. См.: Richard Ashcroft, "Locke's State of Nature," *American Political Science Review*, September 1968, pp. 898—915, esp. pt. I.

«преступным» агентством. Если «преступное» агентство попросту является *открытым* агрессором и занимается мародерством, грабежом и вымогательством безо всяких призывов о восстановлении справедливости, его положение окажется хуже, чем у государства, потому что претензии государства на легитимность побуждают его граждан верить в то, что у них есть обязанность подчиняться его указам, платить установленные им налоги, сражаться в его войнах и т.д.; поэтому некоторые люди добровольно сотрудничают с ним. Открыто агрессивное агентство не может рассчитывать на добровольное сотрудничество и не получит его, поскольку люди будут считать себя его жертвами, а не гражданами¹¹.

Объяснения с позиции «невидимой руки»

Чем доминирующее охранное агентство отличается от государства, если вообще чем-либо отличается? Ошибался ли Локк, считавший, что для создания гражданского общества необходим договор? Ибо он ошибался, полагая (II, 46, 47, 50), что «соглашение» или «взаимное согласие» необходимо для «изобретения денег». Бартерной системе свойственны большое неудобство и немалые издержки, связанные с необходимостью искать кого-то, у кого есть то, что вам нужно, и кто хочет то, что есть у вас, даже если это происходит на рынке (причем, как следует заметить, для того, чтобы он стал рынком, вовсе не обязательно, чтобы все явным образом договорились торговать на нем). Люди будут обменивать свои товары на что-то, что, по их мнению, пользуется большим спросом, чем то, что есть у них. Потому что это «что-то» будет легче обменять на то, что им нужно. Именно по этой причине остальные с большей готовностью примут в обмен вещь, пользующуюся более высоким спросом. Таким образом, в процессе обмена люди будут сходиться на более продаваемых товарах, будут готовы обменять свои товары именно на них; и тем больше будет степень их готовности, чем больше они знают тех, кто готов сделать то же самое, так что процесс станет развиваться по нарастающей. (Этот процесс будет усиливаться и ускоряться посредниками, стремящимися получить прибыль от ускорения обмена, которые и сами найдут выгодным предлагать в обмен более ходкие товары.) По понятным причинам товары,

¹¹ См.: Morris and Linda Tannehill, *The Market for Liberty*; о важности добровольного сотрудничества для функционирования правительств см., например, Adam Roberts, ed., *Civilian Resistance as Natural Defense* (Baltimore: Penguin Books, 1969) и Gene Sharp, *The Politics of Non-Violent Action* (Boston: Porter Sargent, 1973).

на которых они сойдутся в результате личных решений, будут обладать определенными свойствами: изначальная объективная ценность (а иначе они не пользовались бы повышенным спросом в самом начале), износоустойчивость, делимость, компактность, и т.п. Чтобы выбрать средство обмена, нет нужды в каком-либо явном соглашении и общественном договоре¹².

В такого рода объяснениях есть определенная привлекательность. Они показывают, каким образом некоторая общая структура или модель, которую можно было бы принять за результат сознательных действий одного человека или группы лиц, возникла в результате процесса, вовсе не имевшего «целью» эту общую структуру или модель. В честь Адама Смита мы будем называть такие объяснения *объяснениями с позиции «невидимой руки»* [invisible-hand explanation]. («Каждый человек преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения»[‡].) Одна из замечательных особенностей объяснения с позиции «невидимой руки» (я надеюсь, присущая содержащемуся в этой книге объяснению государства) отчасти обусловлена его связью с идеей фундаментального объяснения, описанной в общих чертах в главе 1. Фундаментальные объяснения некоей области — это объяснения в терминах, к ней не относящихся; они не используют никакие понятия из этой области. Только через такие объяснения можно объяснить и тем самым понять все относительно какой-либо области; чем меньше наши объяснения используют понятия, составляющие то, что подлежит объяснению, тем больше (*ceteris paribus*^{‡‡}) мы понимаем. Возьмем, например, сложные структуры [patterns], которые можно было бы счесть продуктом разумного замысла, результатом попытки реализовать данную структуру. Можно попытаться напрямую объяснить такие структуры в терминах желаний, потребностей, верований и т.п. людей, добивавшихся их воплощения в жизнь. Но в таких объяснениях непременно появляются описания самой структуры, *хотя бы в кавычках*, как объектов веры и стремления. В объяснении будет сказано, что некие люди желают осуществить нечто, обладающее (некоторыми) свойствами этой структуры, что некие люди верят, что един-

¹² См.: Ludwig Von Mises, *The Theory of Money and Credit*, 2nd ed. (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1953), pp. 30–34, откуда я позаимствовал это описание. [См.: Мизес Л. Теория денег и фидуциарных средств обращения. Челябинск: Социум, 2008.]

[‡] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2007. С. 443. — *Прим. науч. ред.*

^{‡‡} При прочих равных условиях (*лат.*). — *Прим. науч. ред.*

ственный (или наилучший, или ...) способ получить соответствующие характеристики — это... и т.д. Объяснение в терминах «невидимой руки» сводит к минимуму использование понятий, составляющих объясняемое явление; в отличие от прямолинейных объяснений, оно не объясняет сложные структуры тем, что разработанные представления об этих структурах были предметом намерений людей. Объяснения тех или иных явлений с позиции «невидимой руки» дают большее понимание, чем объяснения их же чьими-то замыслами, ставшими предметом намерений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они оказываются более удовлетворительными.

Объяснение с позиции «невидимой руки» объясняет то, что выглядит продуктом чьего-то сознательного замысла, как результат случайного процесса. *Противоположный* способ объяснения можно назвать «объяснением с позиции скрытой руки» [hidden-hand explanation]. Объяснение «скрытой рукой» объясняет то, что выглядит как набор разрозненных фактов, (явно) не имеющих отношения к какому-либо сознательному замыслу, именно как продукт расчета и усилий какого-либо человека или группы людей. Некоторым такие объяснения кажутся удовлетворительными, о чем свидетельствует популярность теорий заговора.

Кому-то оба типа объяснений («невидимая рука» и «скрытая рука») могут нравиться настолько, что он возьмется за сизифов труд и попытается разглядеть в каждом случайном наборе разрозненных фактов результат сознательного усилия и в каждом продукте чьего-либо замысла — разрозненный набор фактов! Было бы очень увлекательно продолжить эту итерацию, пусть даже всего один полный цикл.

Поскольку я описываю в явном виде признаки объяснений с позиции «невидимой руки»¹³, а в дальнейшем это понятие активно используется, ниже я привожу ряд примеров, чтобы

¹³ Для начального знакомства с вопросами, которые неизбежно возникают при обсуждении объяснений с позиций «невидимой руки», см.: Hayek F. A. "Notes on the Evolution of Systems of Rules of Conduct" & idem., "The Results of Human Action but not of Human Design," in Hayek F. A. *Studies in Philosophy, Politics, and Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1967); idem., *Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1960), chap. 2, 4 [русск. пер.: Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2007. Гл. 2, 4]. Смотри также обсуждение методов проектирования и методов фильтрации в главе 10 настоящей книги. Чтобы представить, насколько недалеко мы продвинулись вперед, заметьте, что из сказанного здесь нельзя понять, почему не каждое научное (не ссылающееся на замысел) объяснение функциональных взаимосвязей между переменными является объяснением с позиции «невидимой руки».

читатель мог представить себе, что имеется в виду, когда идет речь об этом типе объяснений. (Примеры, иллюстрирующие этот тип объяснений, не обязательно являются *правильными* объяснениями.)

1. Объяснения (через случайные мутации, естественный отбор, дрейф генов и т.д.) свойств организмов и популяций, даваемые теорией эволюции. (Обзор соответствующих математических моделей см.: James Crow and Motoo Kimura, *An Introduction to Population Genetics Theory* [New York: Harper & Row, 1970]).
2. Экологические объяснения регулирования численности популяций животных (см. обзор в: Lawrence Slobodkin, *Growth and Regulation of Animal Populations* [New York: Holt, Rinehart & Winston, 1966]).
3. Объясняющая модель Томаса Шеллинга (Thomas Schelling, *American Economic Review*, May 1969, pp. 488–493), показывающая, как крайняя территориальная сегрегация расселения порождается поведением людей, этого вовсе не желающих, но желающих, например, жить там, где 55% населения принадлежит к той же группе, что и они, и переселяющихся для этого в другой район.
4. Некоторые объяснения различных сложных паттернов поведения на основе оперантного обусловливания.
5. Исследование генетических факторов в структуре классовой стратификации общества (Richard Herrnstein, *I.Q. in Meritocracy*, Atlantic Monthly Press, 1973).
6. Исследование роли экономических расчетов в условиях рынка. (См.: Ludwig von Mises, *Socialism*, Pt. II; Idem., *Human Action*, Chap. 4, 7–9 [русск. пер.: Мизес Л. фон. Социализм (ч. II) и Он же. Человеческая деятельность (гл. 4, 7–9)]).
7. Микроэкономические объяснения последствий внешнего вмешательства на рынке, а также природы и процесса установления нового равновесия.
8. Объяснение того, почему некоторые городские районы безопасны (Jane Jacobs, *The Death and Life of Great American Cities* [New York: Random House, 1961]).
9. Теория экономического цикла австрийской школы.
10. Наблюдение, согласно которому если в организациях, принимающих большое число важных решений (правильность

которых может быть оценена только спустя какое-то время) путем выбора из нескольких вариантов, в обсуждении участвует большое число людей, то некоторые приобретают репутацию умных советников, даже если они предлагают то или иное решение наугад (Karl Deutsch and William Madow, "Note on Appearance of Wisdom in Large Bureaucratic Organizations," *Behavioral Science*, January 1961, pp. 72–78).

11. Закономерности, возникающие в силу модифицированного Фредериком Фреем принципа Питера: к тому времени, когда некомпетентность человека обнаруживается, он успевает подняться на три ступеньки над своим уровнем некомпетентности.
12. Противоречащее теориям «заговора» объяснение того, почему США не отреагировали на данные разведки о том, что японцы готовят нападение на Перл-Харбор (Roberta Wohlstetter, *Pearl Harbor: Warning and Decision* [Stanford: Stanford University Press, 1962]).
13. Объяснение «интеллектуального превосходства евреев», которое исходит из того, что большое число наиболее умных мужчин-католиков веками не заводили детей, тогда как равнины поощрялись к тому, чтобы жениться и иметь потомство.
14. Теория, согласно которой общественные блага не производятся только лишь индивидуальными действиями.
15. Выявленная Арменом Алчяном иная «невидимая рука», чем указанная Адамом Смитом (в нашей терминологии, фильтр) (Armen Alchian, "Uncertainty, Evolution, and Economic Theory," *Journal of Political Economy*, 1950, pp. 211–221).
16. Предлагаемое Ф. А. Хайеком объяснение того, каким образом в общественном сотрудничестве используется больше знаний, чем может иметь каждый отдельный человек, — за счет того, что люди меняют образ действий, глядя на то, как подобные перемены в действиях других людей влияют на их локальную ситуацию, и за счет следования примерам, которые они могут наблюдать, так что в результате возникают новые институциональные формы, общие типы поведения и т.п. (*The Constitution of Liberty*, chap. 2 [русск. пер.: Хайек Ф. Конституция свободы. Гл. 2]).

Было бы крайне любопытно составить каталог различных видов (и комбинаций) объяснений с позиции «невидимой руки» и

установить, какие из них пригодны для объяснения тех или иных типов структур. Здесь можно упомянуть два вида процессов типа «невидимой руки», способных породить структуру P : процессы фильтрации и равновесные процессы. Через процесс фильтрации могут пройти только объекты, соответствующие P , потому что процессы или структуры отфильтровывают все не- P ; в равновесных процессах каждый элемент реагирует или приспосабливается к «локальным» условиям, и каждое приспособление изменяет локальное окружение для близко расположенных элементов, так что сумма малых колебаний, представляющих собой локальные приспособления, образует или реализует P . (Некоторые процессы таких волнообразно распространяющихся локальных приспособлений не ведут к состоянию равновесия, даже подвижного.) Равновесный процесс может поддерживать структуру разными способами, может также существовать фильтр, устраняющий слишком большие отклонения, справиться с которыми не под силу внутреннему механизму восстановления равновесия. Возможно, самая элегантная форма такого рода объяснений включает два равновесных процесса, каждый из которых самостоятельно справляется с малыми отклонениями и служит для другого фильтром, устраняющим значительные отклонения.

Мимоходом можно отметить, что идея процессов фильтрации позволяет понять одну из ситуаций, в которой может оказаться неверным подход, известный в философии общественных наук как методологический индивидуализм. Если существует фильтр, который отфильтровывает (разрушает) все Q , которые суть не- P , тогда объяснение того, почему все Q являются P (соответствуют структуре P), будет относиться к этому фильтру. Для каждого отдельного Q может существовать отдельное объяснение, почему оно есть P , каким образом оно стало P , что сохраняет его как P . Но объяснение того, почему все Q являются P , не будет совокупностью этих отдельных объяснений, даже если это и есть все существующие Q , потому что это лишь часть того, что подлежит объяснению. Объяснение должно будет ссылаться на наличие фильтра. Для ясности можно представить, что у нас нет объяснения того, почему отдельные Q являются P . То, что некоторые Q суть P , может быть чисто статистическим законом (насколько мы в силах вообще говорить об этом); возможно, мы даже будем не в состоянии обнаружить никакой устойчивой статистической закономерности. В этом случае мы знали бы, почему все Q являются P (и знали бы, что Q существуют, а возможно, даже почему существуют Q), не зная при этом ни об одном отдельно взятом Q , почему оно является P ! Позиция методологического индивидуализма требует, чтобы не существовало фундаментальных (несводимых) процессов социальной фильтрации.

Является ли доминирующая защитная ассоциация государством?

Получилось ли у нас дать объяснение государства с позиции «невидимой руки»? Модель частных защитных ассоциаций, по-видимому, отличается от модели минимального государства, т. е. не удовлетворяет минимальной концепции государства, по крайней мере в двух аспектах: 1) она, по-видимому, позволяет некоторым людям самостоятельно обеспечивать принуждение к соблюдению своих прав; 2) она, возможно, защищает не всех, проживающих на данной территории. Авторы, принадлежащие к традиции Макса Вебера¹⁴, считают, что ключевым признаком существования государства является наличие монополии на применение силы на данной территории, монополии, несовместимой с частным принудительным обеспечением соблюдения прав. Как отмечает в неопубликованном эссе Маршал Коэн, государство может существовать без *реальной* монополии на использование силы, применяя которую оно запрещает всем остальным: в его границах могут существовать такие группы, как мафия, ку-клукс-клан, Советы белых граждан, организованные участники забастовочного движения и «Метеорологи»[‡], которые также, как и государство, используют насилие. Просто *заявить* о такой монополии недостаточно (если бы *вы* заявили о ней, от этого вы не стали бы государством), а отсутствие других претендентов на нее не является необходимым условием. Также необязательно, чтобы все и каждый признавали легитимность притязаний государства на такую монополию, потому что есть пацифисты, считающие, что никто не имеет права на применение силы, и есть революционеры, которые думают, что у данного государства нет такого права, или считают, что они наделены правом вмешаться и изменить ситуацию, что бы там ни говорило государство. Формулирование достаточных условий для существования государства, таким образом, оказывается трудной и муторной задачей¹⁵.

¹⁴ См.: Max Weber, *Theory of Social and Economic Organization* (New York: Free Press, 1947), p. 156; Max Rheinstein, ed., *Max Weber on Law in Economy and Society* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954), ch. 13.

[‡] «Weatherman» — леворадикальная подпольная группировка в США, возникшая в 60-х годах XX в., использовавшая тактику террора. — *Прим. науч. ред.*

¹⁵ Ср. трактовку аналогичной проблемы существования правовой системы в: H. L. A. Hart, *The Concept of Law* (Oxford: Clarendon Press, 1961), pp. 113–120.

Для наших целей нам нужно сосредоточиться исключительно на одном необходимом условии, которому система частных охранных агентств (или любое входящее в нее агентство) очевидным образом не удовлетворяет. Государство претендует на монополию решать, кто и когда может использовать силу; оно говорит, что только оно может решать, кто и при каких условиях может применить силу; оно оставляет за собой исключительное право решать вопрос о легитимности и допустимости какого-либо применения силы на своей территории; более того, оно заявляет о своем праве наказывать всех, кто нарушает заявленную им монополию. Монополия может быть нарушена двумя способами: (1) человек может применить силу, несмотря на отсутствие санкции государства; или (2) человек или группа лиц, не прибегая к применению силы лично, могут объявить себя альтернативным авторитетным органом (возможно, даже единственно легитимным), имеющим право решать, является ли правильным и легитимным применение силы тем или иным субъектом в тех или иных обстоятельствах. Неясно, должно ли государство претендовать на право наказывать нарушителей монополии второго вида, и сомнительно, чтобы какое-либо государство удержалось от наказания значительной группы таких людей на своей территории. Я обхожу стороной вопрос о том, что означают в данном случае «может», «легитимность» или «допустимость». Вопрос о моральной допустимости не является здесь предметом решения, и государству не обязательно доходить до эгоцентричных притязаний на исключительное право выносить решения в вопросах морали. Если же говорить о правовой допустимости, то, чтобы избежать при этом замкнутого круга, нужно предложить такой подход к правовой системе, в котором бы не использовалось понятие государства.

Для наших целей можно утверждать, что необходимым условием существования государства является то, что оно (т.е. некое лицо или организация) заявляет, что сделает все возможное (с учетом издержек, выполнимости, наличия более важных альтернативных задач и т.п.) для наказания каждого, кто будет изобличен в использовании силы без его явного разрешения. (Это разрешение может относиться к отдельному случаю или быть установлено каким-либо общим актом государственного регулирования или наделения полномочиями.) Этого тоже не будет достаточно: государство может оставить за собой право простить кого-либо *ex post facto*[‡]; чтобы осуществить наказание, ему может потребоваться не только обнаружить «несанкционированное» приме-

[‡] После свершившегося факта (лат.). — Прим. науч. ред.

нение силы, но и доказать это с использованием определенных процедур и т.д. Но данная формулировка позволяет нам двинуться дальше. Охранные агентства, как представляется, не заявляют о подобных притязаниях ни коллективно, ни по отдельности. Представляется также, что они не имеют на это морального права. Поэтому у системы частных защитных ассоциаций, если они не совершают морально неоправданных действий, как представляется, отсутствует какой бы то ни было элемент монополии, и, таким образом, она не образует и не содержит в своем составе государства. Чтобы проанализировать вопрос об элементе монополии, необходимо рассмотреть положение некоей группы лиц (или одного человека), живущих в системе частных защитных ассоциаций и отказывающихся присоединиться к какому-либо обществу взаимной защиты, настаивающих на том, что они сами будут судить, нарушены ли их права, и (если решат, что нарушены) сами будут обеспечивать защиту своих прав, наказывая обидчиков и/или взимая с них возмещение.

Вторым основанием не считать описанную систему государством является то, что в ней (если не учитывать внешние эффекты[‡]) защищен только тот, кто платит за защиту; более того, можно приобрести разные пакеты услуг по защите. Если опять-таки отвлечься от внешних эффектов, то в такой системе никто не оплачивает защиту для других, если сам того не захочет; ни от кого не требуют целиком или частично оплачивать защиту других. Защита и принуждение к соблюдению прав рассматриваются как экономические блага, которые должны предоставляться рынком подобно тому, как рынок обеспечивает людей столь важными благами, как еда и одежда. Однако в рамках обычного понимания государства каждый живущий в его географических границах (или даже путешествующий за его пределами) получает его защиту (или по крайней мере имеет право на нее). Если только некие частные структуры не предоставят достаточные средства на покрытие издержек по защите (на оплату сыщиков, на содержание полиции, осуществляющей задержание преступников, на суды и тюрьмы) или если само государство не найдет некую услугу, плата за которую сможет покрыть эти расходы*, можно ожидать, что

[‡] Внешним эффектом в данном случае является выгода, получаемая третьей стороной от сделки между двумя сторонами. Например, если охранные агентства патрулируют улицу, получая за это плату от ее жителей, оно защищает и случайных прохожих, не живущих на этой улице. — Прим. науч. ред.

* Я встречал предложение, что государство могло бы финансировать свою деятельность за счет лотерей. Но если оно будет лишено права запрещать частным предпринимателям заниматься тем же, то на чем

государство, столь широко предоставляющее услуги по защите, будет иметь перераспределительный характер. Это будет такое государство, в котором некоторым придется платить больше, чтобы все остальные получили защиту. И в самом деле, даже самое минимальное государство из всерьез обсуждавшихся в рамках господствующего направления политической теории, «государство — ночной сторож» классической либеральной теории, в этом смысле будет на первый взгляд перераспределительным. Но как может охранное агентство, т.е. бизнес, взимать деньги с одних, чтобы предоставлять свои услуги другим?¹⁶ (Мы пренебрегаем теми случаями, когда, например, одни частично платят за других, потому что агентству слишком накладно вести подробную классификацию потребителей, позволяющую взимать плату с каждого в точном соответствии с издержками по оказанию услуг.)

Таким образом, кажется, что у доминирующего на данной территории охранного агентства не только отсутствует требуемая монополия на применение силы, но оно еще и не предоставляет защиты всем, оказавшимся на его территории; поэтому возникает впечатление, что охранное агентство не дотягивает до государства. Но эти впечатления обманчивы.

основана надежда, что государство преуспеет в привлечении потребителей лотерей больше, чем в случае любого другого конкурентного бизнеса?

¹⁶ Об утверждении, что врачи так и делают, см.: Reuhen Kessell, "Price Discrimination in Medicine," *Journal of Law and Economics*, I, no. 1 (October 1958), 20–53.

Глава 3 МОРАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ГОСУДАРСТВО

Минимальное государство и ультраминимальное государство

«Государство — ночной сторож» классической либеральной теории, функции которого ограничены защитой всех граждан от насилия, воровства и мошенничества, а также обеспечением исполнения договоров и т.п., на первый взгляд кажется перераспределительным¹. Можно представить по меньшей мере один промежуточный тип общественного устройства между схемой частных защитных ассоциаций и «государством — ночным сторожем». Поскольку «государство — ночной сторож» часто именуют минимальным государством, мы будем называть этот промежуточный тип устройства *ультраминимальным государством*. Ультраминимальное государство обладает монополией на все формы применения силы, за исключением необходимой самообороны, и, таким образом, исключает ответное применение силы (например, ради мести или получения компенсации) со стороны частных лиц (или частных агентств); в то же время оно защищает и обеспечивает права *только* тех, кто приобретает соответствующие услуги. Люди, которые не покупают у монополии «охранный полис», не получают защиты. Минимальное государство (ночной сторож) эквивалентно ультраминимальному государству в сочетании с (бесспорно перераспределительной) ваучерной схемой в духе Фридмена*, финансируемой за счет налогов. При этой

¹ Здесь и в следующем разделе я развиваю мысль, высказанную в прим. 4 к моей статье "On the Randian Argument," *The Personalist*, Spring 1971.

* Milton Friedman, *Capitalism and Freedom* (Chicago: University of Chicago Press, 1962), chap. 6 [русск. пер.: Фридмен М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2007. Гл. 6]. Конечно, предложенные Фридменом школьные ваучеры допускают выбор поставщика услуг, чем и отличаются от воображаемых охранных ваучеров.

системе всем людям или некоторым из них (например, нуждающимся) дают финансируемые за счет налогов ваучеры, которые могут быть использованы только для покупки охранных полисов у ультраминимального государства.

Поскольку «государство — ночной сторож» представляется перераспределительным в той мере, в какой оно принуждает некоторых людей платить за защиту остальных, его сторонники обязаны объяснить, почему эта перераспределительная функция государства уникальна. Если какое-то перераспределение легитимно, когда речь идет о защите каждого, почему перераспределение не является легитимным в случае других привлекательных и желательных задач? На каком логическом основании услуги по защите выделены как исключительная область, в которой перераспределительная деятельность является оправданной? Из такого логического основания может следовать, что предоставление услуг по защите *не является* перераспределением. Выражаясь более точно, термин «перераспределительный» относится скорее к типам *логических оснований* общественного устройства, а не к самому устройству. Мы можем сокращенно назвать общественное устройство «перераспределительным», если его главные (или единственно возможные) основания сами по себе являются перераспределительными. (То же самое верно для эпитета «патерналистский».) В случае неопровержимых доказательств перераспределительного характера этих оснований необходимо отказаться от ярлыка «перераспределение». Назовем ли мы организацию, берущую деньги у одних и отдающую их другим, перераспределяющей, будет зависеть от того, что мы думаем о том, *почему* она этим занимается. Возвращение украденных денег и взыскание компенсации за нарушение прав *не* являются основаниями перераспределительного характера. До сих пор я говорил, что «государство — ночной сторож» кажется перераспределительным, чтобы не исключать возможности, что предоставление некоторыми защиты для других может происходить на перераспределительных основаниях (некоторые из таких оснований исследуются в главах 4 и 5 части 1).

Может показаться, что сторонник ультраминимального государства занимает непоследовательную позицию, даже если он избегает ответа на вопрос о том, что делает защиту единственной сферой, подходящей для перераспределения. Заботясь о защите прав от нарушения, он выдвигает ее в качестве единственной легитимной функции государства и считает, что все остальные функции нелегитимны, потому что сами предполагают нарушение прав. Поскольку он отводит высшую роль защите и нерушимости прав, то как же он может поддерживать ультраминимальное государство, которое, казалось бы, оставляет права некоторых лиц

незащищенными или плохо защищенными? Как он может поддерживать такое государство *во имя* нерушимости прав?

Моральные ограничения и моральные цели

Этот вопрос предполагает, что моральная озабоченность может реализовываться только через моральную *цель*, конечное состояние, на достижение которого направлена некая деятельность. Действительно, может показаться несомненно истинным, что термины «правильно», «должен», «следует» и т.п. нужно объяснять через то, что является «наибольшим благом», которое содержит все моральные цели² или подразумевается в качестве такового. Поэтому часто считается, что основное заблуждение утилитаризма (который имеет именно *такую* форму) состоит в слишком узком понимании того, что есть благо. Утилитаризм, говорит при этом, неадекватно учитывает права и их нерушимость; в нем они имеют производный статус. На этом строятся многие контрпримеры, направленные против утилитаризма; например, с точки зрения утилитариста, правильно найти козла отпущения и наказать невиновного, чтобы избежать массовых волнений и погромов. Однако возможны теории, которые провозглашают первичность принципа нерушимости прав, но делают это неправильно. Предположим, что в желанное конечное состояние встроено некое условие минимизации совокупного (взвешенного) количества нарушений прав. Тогда мы получим что-то вроде «утилитаризма прав»; в утилитаристской структуре место всеобщего счастья (как релевантного конечного состояния) просто займут нарушения прав (подлежащие *минимизации*). (Заметьте, что мы не считаем ненарушение наших прав нашим единственным наибольшим благом и даже не считаем его первым в лексикографическом упорядочении критериев[‡], исключающем компромисс, если существует желанное для нас общество, в котором мы предпочли бы жить, несмотря на то, что иногда некоторые наши права

² Бесспорное доказательство ошибочности этой идеи см. в: John Rawls, *A Theory of Justice* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971), pp. 30, 565—566 [русск. пер.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. С. 34—35, 477—479].

[‡] Лексикографическое упорядочение вариантов выбора при наличии нескольких критериев означает, что выбирающий субъект применяет их последовательно: сперва ограничивает выбор вариантами, максимизирующими первый критерий, затем снова сужает область выбора вариантов, максимизируя по второму критерию и т.д. При том на каждом шаге соответствующий критерий является единственным и не допускает компромисса с другими критериями. — *Прим. науч. ред.*

там будут нарушаться, вместо того, чтобы отправиться на необитаемый остров, где мы могли бы выжить в одиночку.) Это все же потребует от нас нарушения чьих-то прав, если это минимизирует совокупное (взвешенное) количество нарушений прав в обществе. Например, нарушение чьих-то прав может повлиять на других так, что они откажутся от *своих* намерений совершить серьезные противоправные действия, или может лишить их заинтересованности в этом, или отвлечь их внимание и т.п. Разъяренная толпа погромщиков, сжигающая дома и убивающая людей, *обязательно нарушит* права жителей города. Поэтому кто-то мог бы попытаться оправдать свое решение наказать невинного в преступлении, вызвавшем ярость толпы, тем, что это помогло бы избежать гораздо больших правонарушений и обеспечило бы минимизацию взвешенного количества нарушений прав в обществе.

Вместо того, чтобы включать права в конечное состояние, которого мы хотим достичь, можно, наоборот, использовать их в качестве жестких ограничений на выбор действия, как то: не нарушай ограничений *C*. Права других людей определяют ограничения в отношении ваших действий. (Целеориентированный подход при наличии жестких ограничений будет формулироваться следующим образом: среди всех доступных вам действий, не нарушающих ограничений *C*, выбирайте такие, которые обеспечивают максимизацию цели *G*. Здесь ваше целенаправленное поведение будет ограничено правами других. Я не подразумеваю, что корректная моральная позиция включает обязательные цели, к которым обязательно следует стремиться, даже в рамках ограничений.) Этот подход отличается от того, который пытается встроить ограничения непосредственно в цель *G*. Подход на основе жестких ограничений запрещает вам нарушать эти моральные ограничения, когда вы преследуете свои цели, в то время как подход, в рамках которого целью является минимизация нарушений прав, позволяет вам нарушить права (ограничения), чтобы уменьшить общее количество их нарушений в обществе*.

* К сожалению, до сих пор было описано слишком мало моделей структур этики, хотя конечно же есть и другие интересные структуры. Поэтому аргумент в пользу структур с жесткими ограничениями, состоящий главным образом в доводах против структур, основанных на максимизации целевой функции, не является окончательным, потому что возможны и другие варианты. (На с. 72–73 мы описываем подход, не укладывающийся ни в одну из этих двух структур.) Необходимо точно сформулировать и исследовать совокупность структур; возможно, наиболее адекватными окажутся какие-то новые структуры.

Вопрос о том, может ли описание, включающее жесткие ограничения, быть преобразовано в форму, предполагающую наличие

Утверждение, что сторонник ультраминимального государства непоследователен, как мы теперь можем видеть, предполагает, что он является одновременно сторонником «утилитаризма прав». Это предполагает, что его цель состоит в минимизации взвешенного количества нарушений прав в обществе, и что он будет преследовать эту цель даже с помощью средств, которые сами нарушают права людей. Но вместо того, чтобы встраивать ненарушение прав в подлежащее реализации целевое состояние (или в добавление к этому), он может объявить его ограничителем действия. Позиция такого сторонника ультраминимального государства будет последовательной в том случае, если его концепция прав утверждает, что когда вас *принуждают* способствовать благосостоянию другого, то это является нарушением ваших прав, а когда кто-то другой не предоставляет вам очень важных

цели и отсутствие жестких ограничений, непрост. Можно представить, например, что каждый индивид может различать в своей цели, когда *он сам* нарушает права и когда это делает кто-то другой. Тогда, если первой составляющей назначить бесконечно большой (отрицательный) вес в составе цели, то деятельность индивида, предотвращающая чужие правонарушения, никогда не сможет перевесить случаи, когда он сам нарушает чьи-то права. Помимо того, что некоторому компоненту цели назначается бесконечный вес, при такой процедуре вводятся индексальные выражения [т.е. включающие слова типа «я», «этот», «здесь», так что их истинность/ложность зависит от того, кто осуществляет акт высказывания. — *Перев.*], например, «нечто, делаемое мной». Корректное определение «описаний на основе жестких ограничений» должно исключать подобные искусственные приемы преобразования структуры с жесткими ограничениями в чисто целеориентированную структуру, которая тем самым делается достаточной для представления конечного состояния. Математические методы преобразования задачи условной минимизации в последовательность задач безусловной минимизации вспомогательной функции представлены в книге: Anthony Fiacco and Garth McCormik, *Nonlinear Programming: Sequential Unconstrained Minimization Techniques* (New York: Wiley, 1968) [русск. пер.: Фиацко А., Мак-Кормик Г. Нелинейное программирование. Методы последовательной безусловной минимизации. М.: Мир, 1972]. Эта книга интересна как своими методами, так и тем, что она демонстрирует ограниченность применения этих методов для прояснения интересующей нас области; см., напр., каким образом ограничения включаются в функции штрафа, варьирование весов штрафных функций (раздел 7.1) и т.д.

Я надеюсь избежать обесуждения того, являются ли эти жесткие ограничения абсолютными, или же они могут быть нарушены во избежание катастрофических моральных последствий, и если верно второе, то какие структуры получаются в результате.

для вас благ, в том числе необходимых для защиты ваших прав, то его поведение *само по себе* не нарушает ваших прав, даже несмотря на то, что оно не создает затруднений для других потенциальных нарушителей ваших прав. (Эта концепция будет последовательной, если она не воспринимает монопольный элемент ультраминимального государства как нарушение прав.) Из того, что эта позиция последовательна, разумеется, не следует автоматически то, что она приемлема.

Зачем нужны жесткие ограничения?

Разве не *иррационально* принимать жесткое ограничение *C* вместо того, чтобы выбрать подход, направленный на минимизацию нарушений *C*? (В последнем случае *C* трактуется как условие, а не как ограничение.) Если ненарушение *C* настолько важно, не должно ли это быть целью? Каким образом забота о ненарушении *C* ведет к отказу нарушить *C* даже тогда, когда таким образом действий можно предотвратить другие, более масштабные нарушения *C*? Какой смысл делать ненарушение прав ограничителем действий вместо того, чтобы сделать его исключительно целью действий индивида?

Жесткие ограничения, накладываемые на действия, отражают основной кантианский принцип: человек — это цель, а не просто средство; людьми нельзя жертвовать или использовать для достижения каких-нибудь целей без их согласия. Индивид неприкосновенен. Попробуем внести ясность в этот разговор о целях и средствах. Возьмем простой пример средства — инструмент. Кроме моральных жестких ограничений на его использование, ограничивающих то, как можно использовать инструмент по отношению к другим людям, других ограничений нет. Существуют определенные процедуры, позволяющие сохранить инструмент для использования в будущем («не оставляй его под дождем»); существуют более и менее эффективные способы его использования. Но ничто не мешает нам делать с инструментом все что угодно, чтобы достичь наших целей. А теперь представьте, что на какое-то использование инструмента существует ограничение *C*, которое можно нарушить только при определенных условиях. Например, вам одолжили инструмент, но с условием, что нарушить *C* можно, только когда выгода от этого нарушения превосходит некоторую определенную величину или когда без этого невозможно достичь некоторой определенной цели. В такой ситуации этот объект является для вас *не вполне* инструментом, который можно использовать по желанию или прихоти. Тем не менее это инструмент — даже с учетом ограничения. Если мы добавим ограниче-

ния, которые нельзя нарушать, то этот объект *в некоторых отношениях* нельзя будет использовать как инструмент. Можно ли добавить столько ограничений, чтобы объект вообще *ни в каких отношениях* нельзя было использовать как инструмент?

Можно ли ограничить поведение по отношению к индивиду таким образом, чтобы его можно было использовать только с его согласия? Если у каждого, кто предоставляет нам какое-либо благо, нужно будет спрашивать явное разрешение на каждое использование этого блага, такое условие будет невероятно сковывающим. Даже введение требования, что другой участник обмена не должен возражать против планируемого нами использования этого блага, серьезно сократит двусторонний обмен, не говоря уже о цепочках таких обменов. Достаточно, чтобы другая сторона собиралась выиграть от обмена столько, что она была бы готова его совершить, даже при наличии у нее возражений относительно одного или нескольких вариантов использования этого блага. При таких условиях другая сторона не используется в этом отношении исключительно как средство. Однако другая сторона, которая не стала бы иметь дело с вами, зная, как именно вы *намерены* использовать его действия или предоставленные им блага, *используется* как средство, даже если получает достаточно, чтобы решить (в своем неведении) иметь дело с вами. («Все это время ты *использовал меня*», — может сказать тот, кто согласился на взаимодействие только потому, что не знал о целях другого и о том, как его будут использовать.) Можно ли считать, что моральный долг человека — декларировать свои намерения и цели в тех случаях, когда у него есть основания думать, что другой отказался бы от взаимодействия, если бы знал о них? *Используется* ли он другого человека, если не декларирует своих намерений? А как трактовать случаи, когда у другого вообще нет выбора, быть ему использованным или нет? Можно ли считать использованием другого такие ситуации, в которых индивид, к примеру, испытал удовольствие от того, что мимо прошел привлекательный человек?³ Используется ли как средство тот, кто является объектом сексуальных фантазий? Я думаю, что эти и связанные с ними вопросы представляют большой интерес с точки зрения моральной, но не политической философии.

³ Кто что делает? Зачастую это полезный вопрос, как в следующем случае:
— В чем разница между мастером дзен и аналитическим философом?
— Один говорит загадками, другой разгадывает речи.
(Игра слов: *to talk riddles* — говорить загадками; *to riddle talks* — разгадывать (или подвергать критическому разбору) речи. — Прим. науч. ред.)

Политическую философию интересуют только *некоторые* способы, которыми люди не имеют права пользоваться для взаимодействия с другими людьми; в основном имеется в виду физическая агрессия против них. Каждое отдельное жесткое ограничение действий по отношению к другим людям состоит в том, что других нельзя использовать конкретными способами, которые запрещены этим ограничением. Жесткие ограничения выражают неприкосновенность других людей по отношению к определенным способам воздействия. Эти виды неприкосновенности выражены следующим предписанием: «Не используй людей некоторыми определенными способами». С другой стороны, целеориентированный подход [end-state view], включающий представление о том, что человек — это цель, а не просто средство (если эта идея вообще будет включена в него), выражается в ином предписании: «Минимизируй некоторые способы использования людей в качестве средства». Следование этому принципу может привести к использованию кого-либо в качестве средства одним из способов, которые в принципе рекомендуются минимизировать. Если бы Кант придерживался такого взгляда, он сформулировал бы категорический императив следующим образом: «Поступай так, чтобы свести к минимуму использование человечества в качестве средства», а не так, как он его сформулировал: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству»⁴.

Жесткие ограничения выражают неприкосновенность других индивидов. Но почему человеку нельзя нарушать неприкосновенность других людей ради достижения большего общественного блага? В своем личном поведении каждый из нас иногда предпочитает претерпеть боль или принести жертву ради большей выгоды или во избежание большего ущерба: мы идем к стоматологу, чтобы потом не стало совсем плохо; мы делаем неприятную работу, потому что нам нужен результат; некоторые садятся на диету ради здоровья или красоты; некоторые копят деньги на старость. В каждом случае производятся некие затраты ради большего суммарного блага. Почему бы, *аналогичным образом*, не считать, что некоторые люди обязаны нести некие издержки, которые приносят пользу другим, ради блага всего общества? Но нет никакого *общественного субъекта*, обладающего благом, которым он мог бы пожертвовать ради собственного блага. Есть только

⁴ *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Translated by H. J. Paton, *The Moral Law* (London: Hutchinson, 1956), p. 96 [русск. пер.: Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Соч. В 6-ти т. Т. 4. Ч. I. М.: Мысль, 1965. С. 269].

отдельные люди, разные люди, у каждого из которых собственная жизнь. Когда индивида используют к выгоде других, то это значит, что его используют, а выгоду получают другие. И ничего больше. Происходит только то, что с ним что-то делают ради других. Разговоры о благе всего общества скрывают этот факт. (Намеренно?) Использовать человека таким образом — значит не уважать его и не учитывать того, что он отдельная личность⁵ и его жизнь — его собственная, единственная и неповторимая. Так как *он* сам не получает от своей жертвы превышающего эту жертву блага, то никто не имеет права навязывать ему эту жертву — и меньше всего государство или правительство, которое требует от него лояльности (в отличие от других индивидов, которые этого не требуют) и поэтому обязано быть безусловно *нейтральным* по отношению к своим гражданам.

Либертарианские ограничения

Я утверждаю, что жесткие ограничения морального характера на то, что нам можно делать, отражают тот факт, что люди существуют отдельно друг от друга. Они отражают то, что не может иметь место никакого акта нахождения морального баланса между ними; в моральном плане ни одна жизнь не перевешивает другие так, чтобы можно было достичь увеличения суммарного *общественного* блага. Нет оправданий, позволяющих пожертвовать одним человеком ради других. Эта центральная идея — а именно, что есть разные люди, живущие каждый своей жизнью, и ни одним нельзя пожертвовать для других — не только лежит в основе существования жестких моральных ограничений, но и, по моему мнению, порождает либертарианское ограничение, которое запрещает агрессию против другого.

Чем сильнее давление подхода, основанного на максимизации конечного состояния, тем мощнее должна быть способная противостоять ему фундаментальная идея, лежащая в основе существования жестких ограничений морального характера. Поэтому тем серьезнее следует относиться к тому, что люди обладают независимым существованием и не являются ресурсом для других людей. Основопологающего понятия, достаточно мощного, чтобы поддержать моральные жесткие ограничения в их противостоянии с мощной интуитивной убедительностью идеи максимизации конечного состояния, будет достаточно, чтобы вывести

⁵ См.: John Rawls, *A Theory of Justice*, sects. 5, 6, 30 [русск. пер.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб ун-та, 1995. §5, 6, 30].

из него либертарианский запрет на агрессию против других. У того, кто отвергает *это конкретное* жесткое ограничение, есть три альтернативы: (1) он должен отвергнуть *все* жесткие ограничения; (2) он должен дать другое объяснение того, почему вообще существуют жесткие моральные ограничения, а не просто максимизирующая конечное состояние структура, причем объяснение, из которого не выводится либертарианское жесткое ограничение; или (3) он может согласиться с убедительно представленной центральной идеей об отдельности людей и при этом считать, что агрессия против другого человека совместима с этой ключевой идеей. Таким образом, мы имеем многообещающий набросок логического перехода от моральной формы к моральному содержанию: форма морали включает *F* (жесткие моральные ограничения); лучшее объяснение⁶ того, что мораль есть *F*, состоит в *p* (сильное утверждение отдельности каждого человека); а из *p* следует конкретное моральное содержание, а именно либертарианское ограничение. Конкретное моральное содержание, полученное с помощью этого рассуждения, которое исходит из того, что существуют отдельные индивиды, живущие каждый *своей собственной* жизнью, не будет являться *полным* либертарианским ограничением. Оно будет запрещать жертвовать одним человеком для блага другого. Нужны будут дальнейшие шаги, чтобы прийти к запрету патерналистской агрессии: угрозы насилия или использования насилия ради блага того человека, против которого это насилие направлено. Для этого нужно сосредоточиться на том факте, что существуют отдельные люди, каждый из которых *распоряжается* своей собственной жизнью.

Часто говорится, что принцип отказа от агрессии — это подходящий принцип для международных отношений. В чем состоит то подразумеваемое отличие между суверенными людьми и суверенными государствами, которое делает допустимой агрессию между людьми? Почему людям, совместно действующим через посредство государства, разрешено делать с кем-то то, что ни одной стране не позволено делать в отношении другой? Если уж на то пошло, имеются более убедительные доводы в пользу отказа от агрессии именно между людьми; в отличие от стран, они не включают в свой состав людей, защита которых могла бы быть легитимным поводом для вмешательства со стороны других.

Я не буду здесь детально разбирать принцип, запрещающий физическую агрессию, и ограничусь замечанием, что он не запрещает применение силы с целью защиты от другого человека, кото-

⁶ См.: Gilbert Harman, "The Inference to the Best Explanation," *Philosophical Review*, 1965, pp. 88–95; idem., *Thought* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1973), chaps. 8, 10.

рый представляет угрозу — даже если другой невиновен и не заслуживает возмездия. *Ненамеренную угрозу* представляет тот, кто неумышленно выступает в роли причинного агента в некотором процессе таким образом, что он был бы агрессором, если бы стал таким агентом по собственному выбору. Если кто-то хватается человека и сбрасывает его на вас в глубокий колодезь, то падающий на вас человек невиновен и в то же время представляет угрозу; но если бы он решил спрыгнуть вам на голову, он был бы агрессором. Если допустить, что падающий на вас человек выживет при падении, имеете ли вы право использовать свой лучевой пистолет, чтобы распылить падающее тело прежде, чем оно сломает вам шею? Либертарианские запреты обычно формулируются так, чтобы запретить применение силы к невинным. Но ненамеренная угроза, я думаю, это другое дело, и здесь нужно следовать иному принципу⁷. Таким образом, в этой области завершенная теория должна сформулировать *иные* ограничения в отношении реакции на ненамеренную угрозу. Дополнительные затруднения вносит проблема *ненамеренного живого щита*. Речь идет о невинных людях, которые сами по себе угрозы не представляют, но расположены таким образом, что непременно пострадают в ходе любой попытки остановить угрозу. Примером могут служить невинные заложники, которые привязаны к танкам агрессора так, что любая попытка уничтожить танки приведет к их гибели. (Некоторые случаи применения силы к людям с целью повлиять на агрессора не подпадают под категорию действий против ненамеренного живого щита; например, невинный ребенок агрессора, которого пытаются, чтобы заставить последнего остановиться, не представляет собой *щита* для своего родителя.) Допустимо ли сознательно причинить вред невинным, оказавшимся в роли живого щита? Если некто имеет право напасть на агрессора и ранить невинного человека, представляющего собой живой щит, имеет ли право этот непреднамеренный живой щит дать отпор в целях самозащиты (предполагая, что он не в состоянии выступить против агрессора и бороться с ним)? Не получим ли мы в результате двух сражающихся людей, каждый из которых находится в состоянии необходимой обороны? Аналогично, если вы применяете силу против человека, представляющего для вас ненамеренную угрозу, становитесь ли вы сами ненамеренной угрозой по отношению к нему и,

⁷ См.: Judith Jarvis Thomson, "A Defense of Abortion," *Philosophy and Public Affairs*, I, no. 2 (Fall 1971), 52–53. Уже после того, как я написал это исследование, Джон Хосперс посвятил аналогичным вопросам эссе в двух частях: John Hospers, "Some Problems about Punishment and the Retaliatory Use of Force," *Reason*, November 1972 and January 1973.

следовательно, появляются ли у него законные основания применить силу против вас (предполагается, что он это сделать может, хотя не в состоянии предотвратить свою изначальную позицию «ненамеренной угрозы»)? Я не рискую слишком близко подойти к этим невероятно трудным вопросам и только замечу, что подход, делающий главный упор на отказе от агрессии, на определенном шаге обязан дать четкие ответы на них.

Ограничения и животные

Статус жестких моральных ограничений и следствия из них можно разъяснить на примере отношения к живым существам, в отношении которых столь строгие (да и вообще любые) ограничения обычно считаются излишними, а именно — к животным, не являющимся людьми. Существуют ли какие-либо пределы в том, что мы можем делать с животными? Являются ли животные с точки зрения морального статуса просто *объектами*? Можем ли мы использовать животных как угодно, или же существуют такие цели, ради достижения которых мы не имеем права навлекать на них слишком большие издержки? Что вообще дает нам право их использовать?

Животные имеют определенное значение. По крайней мере некоторые высшие животные заслуживают того, чтобы люди, принимая решения, принимали их во внимание. Это трудно *доказать*. (Столь же трудно доказать, что люди имеют значение!) Мы начнем с отдельных примеров, а уж потом обсудим проблему в целом. Если бы вам нравилось щелкать пальцами, например, под какую-нибудь ритмичную музыку и вы бы знали, что в силу какой-то странной причинной зависимости, когда вы щелкнете пальцами, 10 000 довольных жизнью бесхозных коров погибнут в тяжелых мучениях (или пусть даже мгновенно и безболезненно), то было бы ли все нормально, если бы вы щелкнули пальцами? Есть ли какая-нибудь причина, по которой это было бы неправильно с моральной точки зрения?

Некоторые говорят, что люди не должны поступать так, потому что такие поступки ожесточают и повышают вероятность того, что люди станут ради удовольствия убивать других людей. Такие поступки, говорят они, против которых самих по себе ничего нельзя возразить с моральной точки зрения, имеют нежелательные моральные внешние эффекты. (Ситуация была бы иной, если бы отсутствовала возможность таких внешних эффектов, например, в случае человека, который знает, что остался на планете один.) Но почему такие внешние эффекты *должны быть*? Если нет ничего самого по себе плохого в том, чтобы делать с жи-

вотными все что угодно по любой причине, и если человек способен провести четкую грань между людьми и животными и не забывает об этом, тогда каким образом убийство животных может ожесточить его и повысить вероятность того, что он начнет мучить и убивать людей? Разве мясники совершают больше убийств, чем все остальные? (Или чем все прочие, у которых тоже есть ножи?) Если мне нравится попадать битой по бейсбольному мячу, повышает ли это вероятность того, что я обойдусь так же с чьей-нибудь головой? Разве я не способен понять разницу между людьми и мячами? Разве понимание этой разницы не предупреждает побочных эффектов? Почему что-то должно быть иначе в случае с животными? Строго говоря, вопрос о наличии внешнего эффекта — вопрос эмпирический; но почему это должно быть так, остается загадкой, по крайней мере в отношении читателей этой работы, людей утонченных и способных проводить различия и действовать соответственно.

Если некоторые животные имеют значение, то какие именно животные, какое значение, как это определить? Предположим (и я считаю, что факты это подтверждают), что *поедание* животных не является необходимым для *здоровья* и не является более дешевым, чем столь же здоровые альтернативные диеты, доступные жителям США. Тогда выигрыш от поедания животных состоит в удовольствии для нёба, приятных вкусовых ощущениях, разнообразии вкусов. Я не стану утверждать, что все это не является по-настоящему приятным, интересным и восхитительным. Вопрос таков: разве эти удовольствия или, еще точнее, небольшая выгода, получаемая от поедания животной, а не растительной пищи, *перевешивает* моральный груз, создаваемый убийством и мучениями животных? Если считать, что животные должны *что-то* значить, можно ли сказать, что *дополнительный* выигрыш, приносимый поеданием не растительной, а животной пищи, больше, чем моральные издержки? Как можно решать такие вопросы?

Можно присмотреться к сопоставимым ситуациям и затем распространить наши суждения по ним на рассматриваемую ситуацию. Возьмем для примера охоту, причем лично я полагаю, что нехорошо охотиться на животных и убивать их просто для удовольствия. Является ли охота особым случаем, потому что ее *цель* и то, что составляет предмет развлечения, — это погоня, причинение увечий и смерть животных? Теперь предположим, что мне нравится размахивать бейсбольной битой. И оказывается, что на том единственном месте, где я могу этим заниматься, стоит корова. Если я начну размахивать битой, то, к несчастью, проломлю ей голову. Но смерть коровы *не будет* для меня развлечением; удовольствие мне доставляет напряжение мышц,

ловкость владения битой и т.п. Очень жаль, что проломленная голова животного стала побочным эффектом (но не средством) моих упражнений. Строго говоря, я мог бы воздержаться от занятий с битой и вместо этого заняться приседаниями или проделать еще какие-нибудь упражнения. Но все это не такие приятные занятия, как махать битой; я не получил бы от них такого удовольствия, развлечения или радости. Поэтому вопрос состоит в следующем: правильно ли размахивать битой ради того, чтобы получить *дополнительное* удовольствие по сравнению с удовольствием, которое я получил бы от максимально приятного альтернативного времяпрепровождения, не влекущего убийства животного? Предположим, что речь идет не просто о том, чтобы на сегодня отказаться от упражнений с битой; предположим, что каждый день происходит одно и то же, только животные разные. Существует ли какой-либо принцип, который позволил бы ради дополнительного удовольствия убивать и поедать животных, но не позволил бы ради дополнительного удовольствия размахивать битой с угрозой для жизни животного? Как мог бы выглядеть этот принцип? (Может быть, более удачна такая аналогия с поеданием мяса. Животное убивают, чтобы добыть кость и сделать из нее самую лучшую битую; биты из других материалов не приносят такого удовольствия. Правильно ли убивать животное ради *дополнительного* удовольствия, которое приносит бита из его кости? Стало бы это морально более приемлемым, если бы вы могли нанять кого-либо для убийства животного?)

Подобные примеры и вопросы кому-то могут помочь понять, какого рода границу *он* хочет провести, какого типа позицию он хочет занять. Они сталкиваются, однако, с обычной ограниченностью аргументов, основанных на требовании непротиворечивости; позволяя выявить конфликт, они не говорят, какой из подходов следует изменить. Не сумев придумать принцип, позволяющий провести различие между размахиванием битой и убийством животных для их поедания, вы можете решить, что в конце концов в размахивании битой нет ничего предосудительного. К тому же обращение к аналогичным случаям не очень помогает нам в определении моральной значимости разных видов животных. (В главе 9 мы продолжим обсуждать, почему трудно сделать моральный вывод, опираясь на конкретные примеры.)

Эти примеры приведены здесь для пояснения идеи жестких моральных ограничений, а не из интереса к проблеме использования животных в пищу. Хотя следует сказать, что, на мой взгляд, дополнительные выгоды, получаемые сегодня американцами от поедания животных, эту практику *не* оправдывают. Поэтому мы не должны так поступать. Заслуживает упоминания один пространственный аргумент, имеющий некоторое отношение к про-

блеме жестких ограничений: поскольку люди едят животных, они выращивают их намного больше, чем их существовало бы в противном случае. Существовать недолго лучше, чем вообще никогда не существовать. Поэтому (следует вывод) животные выигрывают от того, что мы их едим. Это совсем не входит в наши цели, но, к счастью, получается так, что мы и в самом деле приносим им выгоду! (Если бы вкусы изменились, и люди перестали бы наслаждаться мясом, следовало ли бы тем, кого заботит благополучие животных, из чувства долга продолжить это малоприятное занятие — поедать их?) Надеюсь, что мои слова не поймут как предложение присвоить животным такое же моральное значение, что и человеку, если я замечу, что аналогичный пример с людьми выглядит не слишком убедительно. Можно представить себе такую ситуацию: проблема избыточного населения заставит каждую пару или группу заранее ограничить число своих детей заданным числом. Достигнув предела, данная пара планирует родить еще одного младенца и избавиться от него в возрасте трех (или двадцати трех) лет, принеся его в жертву или использовав в гастрономических целях. В свое оправдание они утверждают, что если не разрешить им родить его, то он вообще не будет существовать; и, разумеется, для ребенка лучше существовать в течение некоторого времени. Однако когда человеку уже существует, не все из того, что совместимо с утверждением «сам факт существования — это чистый выигрыш», может быть с ним проделано даже теми, кто его создал. У существующего индивида есть легитимные требования даже по отношению к тем, кто создал его с целью нарушить эти права. Стоило бы исследовать моральные возражения против системы, которая позволяет родителям делать все, позволительность чего необходима для того, чтобы они приняли решение его родить, и которая также исходит из того, что ребенку все равно будет лучше, чем если бы он совсем не родился⁸. (Некоторые сочтут, что единственное возражение возникает из-за сложностей, связанных с точным исполнением позволения.) Раз уж животные существуют, они тоже могут претендовать на определенное обращение. Их претензии, конечно, могут быть не столь значимы, как человеческие. Но то, что некоторые животные появились на свет только потому, что кто-то хотел сделать нечто, нарушающее одно из их прав, вовсе не значит, что этого права вообще не существует.

Рассмотрим следующую (чрезмерно минималистскую) точку зрения на обращение с животными. Дадим ей простое и запо-

⁸ Вспоминается еврейский анекдот:

— Жизнь настолько ужасна, что лучше б меня не родили.

— Да уж, но где ты видел таких везунчиков? Не найдешь даже одного на тысячу.

минающееся название «утилитаризм для животных, кантианство для людей». Ее суть: (1) максимизируй совокупное счастье всех живых существ; (2) наложи жесткие ограничения на то, что можно делать с человеческими существами. Человеческие существа нельзя использовать или приносить в жертву для пользы других; животных можно использовать или приносить в жертву для пользы людей или животных, *только если* эта польза больше, чем приносимый ущерб. (Это приблизительное выражение утилитаристской позиции вполне подходит для наших целей, и его удобно использовать в ходе обсуждения.) Действовать можно лишь в том случае, если совокупная утилитарная польза больше, чем приносимый животным утилитарный ущерб. В этом утилитарном подходе животных учитывают именно так, как в нормальном утилитаризме — людей. Вслед за Оруэллом можно резюмировать этот поход следующим образом: *все животные равны, но некоторые более равны, чем другие.* (Никем нельзя пожертвовать, кроме как ради большей совокупной пользы; но людей вообще нельзя приносить в жертву, или только при гораздо более строгих ограничениях, и никогда для пользы неразумных существ. Пункт (1) нужен только, чтобы исключить те жертвы, которые не отвечают утилитаристскому критерию, а не для предписания утилитаристской цели. Такую позицию будем называть негативным утилитаризмом.)

Теперь можно предъявить сторонникам иных подходов аргументы в пользу того, что животные что-то значат. «Кантианскому» моральному философу, который накладывает крайне строгие ограничения на то, что разрешено делать с индивидом, мы можем сказать: «Вы считаете утилитаризм неадекватным, потому что он позволяет пожертвовать индивидом во имя другого и за другого и т.д., тем самым пренебрегая строгими ограничениями того, что можно считать оправданным поведением в отношении людей. Но *можно ли* найти что-то среднее с точки зрения морали между человеком и камнем, отношение к чему будет ограничено не так строго, но при том оно не должно будет восприниматься как простой объект? Можно предположить, что, вычитая или уменьшая некоторые черты человеческих личностей, мы получим этот промежуточный класс существ. (Или, быть может, живые существа с промежуточным моральным статусом получают вычитанием некоторых наших характеристик и добавлением других, очень непохожих на наши.) Вполне правдоподобно, что животные и есть эти промежуточные существа, а утилитаризм — это промежуточная позиция. Можно подойти к этому вопросу слегка под другим углом. Утилитаризм предполагает, что в моральном плане имеет значение только счастье и что все живые существа взаимозаменяемы. Эта конъюнкция неверна в случае людей. Но раз-

ве (негативный) утилитаризм не прав в отношении тех существ, для которых эта конъюнкция верна, и разве она не годится для животных?»

Утилитаристу можно сказать: «Если морально значимы только удовольствие, боль, счастье и т.п. (и способность их испытывать), тогда в моральных вычислениях нужно учитывать и животных в той мере, в какой они *способны* это испытывать и *испытывают*. Постройте таблицу, в которой строки представляют различные способы поведения или действия, колонки — различные отдельные живые существа, а в каждой ячейке указана полезность (чистое удовольствие, счастье), доставляемая этому существу. Теория утилитаризма оценивает каждый способ поведения по сумме значений в ячейках соответствующей строки и требует, чтобы мы приняли линию поведения или действий, при которой сумма будет максимальной. Все колонки имеют равный вес и засчитываются только один раз независимо от того, человек это или животное. Хотя в соответствии с логикой подхода относиться к ним следует одинаково, животные могут значить меньше, потому что они другие. Если животные в меньшей степени одарены способностью испытывать удовольствие, боль и счастье, чем люди, значения в колонках для животных будут в целом ниже, чем для людей. В этом случае они являются менее значимым фактором в принятии окончательных решений».

Утилитаристу трудно отказать животным в такого рода равенстве. На каком основании он мог бы последовательно провести различие между, например, счастьем человека и животного, чтобы учитывать только людей? Даже если учитывать переживания в матрице полезности только тогда, когда они выше определенного порогового уровня, несомненно, *некоторые* переживания животных сильнее, чем переживания некоторых людей, которые, тем не менее, утилитарист захочет учесть. (Сравните животное, сожженное заживо без анестезии, с мелкими неприятностями человека.) Можно отметить, что Бентам *учитывал* счастье животных именно таким образом⁹.

⁹ «Есть ли какое-нибудь основание, по которому мы мучаем их? Я не могу привести ни одного. А есть ли такие, по которым мы не должны мучить их? Да, несколько... Может, наступит день, когда признают, что количество ног, наличие шерсти на коже или завершение *os sacrum* [крестец. — *Науч. ред.*] — столь же недостаточные основания для того, чтобы предоставить чувствующее существо такой же судьбе. Что еще должно прочерчивать эту непреодолимую линию? Способность разума или, возможно, способность речи? Но взрослая лошадь или собака несравненно более рациональные и общительные существа, чем младенец в возрасте одного дня, одной

В рамках «утилитаризма для животных, кантианства для людей» животных будут использовать для выгоды других животных и людей, но людей никогда не будут использовать (причинять страдания, приносить в жертву) против их воли для выгоды животных. Человеку нельзя будет сделать ничего плохого ради животных. (Включая наказания за нарушение законов, запрещающих жестокое обращение с животными?) Это приемлемый результат? А можно ли избавиться от мучительных страданий 10 000 животных, причинив небольшие неудобства человеку, который не виновен в страданиях животных? Кто-то сочтет, что жесткое ограничение не является абсолютным, если от мучительных страданий можно спасти *людей*. Поэтому, возможно, ограничения также ослабятся, хотя и в меньшей мере, если речь идет о страданиях животных. Последовательный утилитарист (по отношению к животным и людям, объединенным в одну группу) идет дальше и полагает, что, *ceteris paribus*[‡] можно причинить некоторые страдания и человеку, чтобы избавиться животное от (несколько) больших страданий. Такая вседозволенность мне кажется чрезмерной, даже когда ее цель состоит в том, чтобы избавиться от больших страданий *человека*!

Трудностью теории утилитаризма является возможность существования «монстров полезности», которые получают от жертв со стороны других полезность, многократно превосходящую любые потери тех, кому приходится идти на жертвы. Таким образом, получается (и это неприемлемо), что теория требует, чтобы мы все были принесены в жертву ненасытности такого монстра ради увеличения общей полезности. Аналогично, если люди являются «пожирателями полезности» по отношению к животным, всякий раз получающими от жертвы со стороны животного большую полезность, перевешивающую его страдания, то возникает ощущение, что принцип «утилитаризм для животных, кантианство для человека», требующий (или позволяющий) почти

недели или даже одного месяца. Но предположим даже, что верно обратное. Что это дает? Вопрос не в том, могут ли они *рассуждать* или могут ли они *говорить*, но в том, могут ли они *страдать* (Jeremy Bentham, *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, chap. 17, sect. 4, p. 1 [Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. Гл. XIX. §IV. Прим. 2.]). Перед процитированным отрывком Бентам обсуждает вопрос о поедании животных, которое он считает допустимым, потому что животные не знают о том, что должны умереть, и не терзаются в длительном ожидании будущих страданий, и потому что смерть, которую несут им люди, менее мучительна, чем от естественных причин.

[‡] При прочих равных условиях (*лат.*). — *Прим. науч. ред.*

всегда приносить животных в жертву, делает последних в слишком большой степени подчиненными людям.

Поскольку учитываются только счастье и страдания животных, согласится ли утилитарист с тем, что убийство животных оправданно, если оно производится безболезненно? Нормально ли, с точки зрения утилитариста, безболезненно убивать *людей*, во сне, без предупреждения? Утилитаризм печально известен нелепыми решениями в тех случаях, когда дело упирается в *количество* людей. (В этой области, следует признать, изящество труднодостижимо.) Принцип максимизации совокупного счастья требует постоянно увеличивать число людей до тех пор, пока их чистая полезность остается положительной и превышает уменьшение полезности у других людей, которое вызывается их присутствием в мире. Принцип максимизации средней полезности позволяет человеку убить всех остальных, если это приведет его в восторг и его счастье намного превзойдет средний показатель. (Только не говорите, что он не должен так поступать, поскольку после его смерти средняя полезность окажется ниже, чем была бы в случае, если бы он не убил всех остальных.) Нормально ли убить кого-то, если вы немедленно замените его другим (родите ребенка или, как в фантастических романах, создадите взрослого человека), который будет столь же счастлив, как был бы счастлив до конца жизни тот, кого вы убили? Ведь при этом не произойдет чистого уменьшения совокупной полезности, и даже не изменится функция ее распределения. Запрещаем ли мы убийство только для того, чтобы предотвратить чувство *тревоги* у потенциальных жертв? (А как утилитарист объяснит, из-за чего они тревожатся, и следует ли ему основывать практические меры на том, что он должен считать иррациональным страхом?) Несомненно, чтобы ответить на такие вопросы, утилитаристу нужно дополнить свои взгляды; возможно, он обнаружит, что дополнительная теория станет главной, а утилитаристские соображения окажутся задвинутыми в угол.

Но, может быть, утилитаризм подходит хотя бы для животных? Я полагаю, что нет. Но если имеют значение не только переживания животных, то что еще? Здесь целый клубок вопросов. Насколько нужно уважать жизнь уже существующего животного и на каком основании мы можем принимать такие решения? Не следует ли ввести некую идею полноценного существования, не являющегося существованием второго сорта? Допустимо ли было бы использовать генную инженерию, чтобы вывести породу прирожденных рабов, довольных своей участью? А как насчет врожденных рабов из числа животных? Не в этом ли заключалось одомашнивание животных? Даже для животных утилитаризм не может объяснить всего, а изобилие вопросов обескураживает.

Затруднения возникают и тогда, когда мы задаемся вопросом: что имеет значение помимо того, как люди переживают жизненный опыт «изнутри». Предположим, что существовала бы машина по производству личного опыта, которая могла бы обеспечить вам любой опыт по вашему желанию. Крутые нейропсихологи могли бы простимулировать ваш мозг так, чтобы вы почувствовали, будто сочиняете великий роман, знакомитесь с кем-нибудь или читаете интересную книгу. И все это время вы бы плавали в резервуаре с подключенными к мозгу электродами. Вы согласитесь подключиться к такой машине на всю жизнь, предварительно запрограммировав все события, которые должны с вами произойти? Если вы опасаетесь, что можете пропустить какой-нибудь замечательный опыт, можно предположить, что специализированные компании тщательно изучили жизнь многих других людей, так что вы можете ознакомиться с собранной ими большой библиотекой, так сказать, шведским столом личного опыта и выбрать себе жизненные переживания, скажем, на следующие два года. Через два года вы на десять минут или на десять часов отключитесь от машины, чтобы выбрать впечатления на *следующие* два года. Разумеется, пока вы подключены, вы не будете знать, что вы находитесь в резервуаре; вы будете думать, что все происходит на самом деле. Другие также могут подключиться, чтобы переживать то, что им нравится, так что не будет необходимости оставаться неподключенным, чтобы их обслуживать. (Оставим в стороне вопрос о том, кто будет обслуживать машины, если все к ним подключатся.) Подключитесь ли вы? *Что еще имеет для нас значение, кроме того, как мы ощущаем нашу жизнь «изнутри»?* Вы не должны отказываться из-за нескольких мгновений неприятных ощущений: между тем моментом, когда вы решились, и моментом, когда уже подключились. Что такое краткий миг страданий по сравнению с блаженством всей жизни (если вы выбрали именно это) и откуда вообще возьмутся страдания, если вы приняли *наилучшее* решение?

Что имеет для нас значение помимо переживаемого опыта? Прежде всего мы хотим *делать* определенные вещи, а не просто получить субъективное переживание того, что мы их делаем. Применительно к определенным видам опыта мы хотим в первую очередь совершить какие-то действия и только поэтому желаем испытать переживание процесса их совершения или чувство, что мы их совершили. (Но *почему* мы хотим совершать *действия*, а не просто испытывать переживания их совершения?) Второе основание для того, чтобы не подключаться, заключается в том, что мы хотим *иметь объективное существование* определенным

образом, быть личностью определенного вида. Существо, болтающееся в резервуаре, — это какой-то непонятный пузырь. Невозможно ответить на вопрос, каков тот человек, который долго проплавал в резервуаре. Он отважен, добр, умен, остроумен, заботлив? Дело не только в том, что это трудно сказать; дело в том, что он никоим образом не является таким. Подключиться к машине — это своего рода самоубийство. Некоторым, плененным этой картиной, может показаться, что для нас не может иметь значения ничто, относящееся к тому, каковы мы есть, а имеет значение лишь только то, как это отражается в нашем чувственном опыте. Но разве удивительно, что для нас имеет значение то, каковы мы *на самом деле*? Почему нас должно волновать только то, как заполнено наше время, а не то, какие мы?

В-третьих, подключение к машине по производству личного опыта ограничивает нас реальностью, созданной человеком, т.е. миром, который не глубже и не важнее того, который способны сконструировать люди¹⁰. При этом невозможен настоящий контакт с более глубокой реальностью, хотя возможна симуляция соответствующих переживаний. Многие люди желают быть открытыми к такому контакту и к постижению более глубоких смыслов*. Это объясняет накал дискуссии вокруг психотропных веществ, которые одни люди считают просто локальными машинами по производству личного опыта, а другие — окном в более глубокую реальность; то, в чем некоторые видят эквивалент подчинения машине по производству личного опыта, другие рассматривают как следование одному из оснований *не подчиняться!*

Представив себе машину по производству личного опыта, а потом осознав, что не стали бы ее использовать, мы поняли, что для нас имеет значение что-то еще, помимо переживаний. Можно продолжить придумывать ряд таких машин, чтобы в каждой последующей устранять недостатки, обнаруженные в предыдущей. Например, поскольку машина переживаний не удовлетворяет наше желание *объективно существовать*

¹⁰ На эту мысль меня навел Том Кристофиак.

* Традиционные религии по-разному представляют себе *смысл* контакта с трансцендентной реальностью. Одни говорят, что контакт приносит вечное блаженство или нирвану, но они не объясняют, чем это отличается от *очень* длительного подключения к машине по производству личного опыта. Другие считают, что следовать воле высшего существа, сотворившего нас, само по себе желанно, хотя можно предположить, что никто не думал бы так, если бы обнаружилось, что мы созданы как игрушка сверхмогущественным ребенком из другой галактики или измерения. Третьи представляют себе окончательное слияние с высшей реальностью, не высказываясь о его последствиях и о том, что в результате такого слияния произойдет с *нами*.

определенным образом, вообразите трансформирующую машину, которая преобразует нас в такой тип человека, каким мы хотим быть (сохраняя способность оставаться самими собой). Разумеется, никто не станет использовать трансформирующую машину, чтобы стать таким, как ему хочется, и вслед за этим подключиться к машине по производству личного опыта! * Таким образом, есть что-то важное и помимо того, что мы переживаем, и того, каковы мы есть. И дело не только в том, что наши переживания и опыт не связаны с тем, какие мы. Ведь машину по производству личного опыта можно было бы настроить так, чтобы она предоставляла человеку только переживания, доступные для личности его типа. А может быть, дело в том, что мы хотим оставить след в этом мире? Тогда представьте себе машину результатов, которая создает в мире любой результат из тех, которых вы могли бы достичь, и в любое выбранное вами совместное дело встраивает ваш вклад. Не будем здесь разбираться в замечательных особенностях этих и подобных им машин. Больше всего в них смущает то, что они живут нашей жизнью вместо нас. Не является ли заблуждением поиск *отдельных* дополнительных функций, которые превышают возможности любой такой машины? Возможно, то, чего мы желаем, — это жить (активный глагол) самим в контакте с реальностью. (А никакие машины не могут сделать этого за нас.) Не будем останавливаться на следствиях из этого факта, которые, по моему мнению, парадоксальным образом связаны с вопросами о свободе воли и о причинно-следственном представлении знаний; ограничимся тем, что отметим запутанность вопроса о том, что еще важно *для людей* помимо их переживаемого опыта. Пока мы не найдем удовлетворительного ответа и не определим, что этот ответ *не* приложим также к животным,

* Некоторые вообще не стали бы пользоваться трансформирующей машиной, поскольку это выглядит как своего рода *жульничество*. Но однократное использование трансформирующей машины не устранит всех трудностей; останутся препятствия, которые мы (новые мы) должны будем преодолеть; мы очутимся на новом плато, чтобы стремиться еще выше. А разве это плато менее заслуженно или заработано, чем наши унаследованные способности или среда, повлиявшая на нас в раннем детстве? Но если трансформирующую машину можно будет использовать бесконечно часто, так что мы сможем достигать чего угодно, просто нажав на кнопку, которая превращает нас в того, кому это легко, не останется границ, для преодоления которых нам *нужно* будет прилагать усилия. Останется ли тогда у нас что-нибудь, что *нужно делать*? Не потому ли некоторые теологические системы помещают Бога вне времени, что всеведущему и всемогущему существу нечем было бы заполнить свои дни?

мы не можем ответственно утверждать, что только чувственные переживания животных ставят пределы тому, что мы имеем право с ними делать.

Недоопределенность моральной теории

Чем люди отличаются от животных, так что жесткие ограничения, определяющие то, как можно обращаться с людьми, не применяются к животным?¹¹ Могли бы живые существа из другой галактики занимать по отношению к *нам* то же положение, которое, как принято считать, мы занимаем по отношению к животным, а если да, то вправе ли они были бы относиться к нам, в духе утилитаризма, как к средству? Можно ли считать, что каждый организм занимает определенное место на некоей восходящей шкале, так что любого можно принести в жертву или заставить страдать для увеличения совокупной выгоды тех, кто находится на этой шкале не ниже, чем он? * Подобный элитистский иерархический подход должен различать три моральных статуса (разбивающих шкалу на интервалы):

¹¹ По крайней мере один философ поставил под сомнение, действительно ли у нас есть достаточные основания учитывать интересы животных в меньшей степени, чем собственные, и налагать на обращение с ними менее строгие ограничения, чем обращение с людьми. См.: Leonard Nelson, *System of Ethics* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1956), sects. 66, 67. Уже после того, как я написал о животных, этот вопрос был поднят в интересном эссе Питера Сингера: Peter Singer, "Animal Liberation," *New York Review of Books*, April 5, 1973, pp. 17–21. К сожалению, Сингер счел трудным вопрос о том, можно ли убивать крыс, чтобы защитить детей от их укусов. Здесь было бы полезно применить принципы, относящиеся к реакции на ненамеренную угрозу (см. выше, с. 59–60).

* Мы оставляем в стороне проблему упорядочивания организмов на этой шкале и конкретных межвидовых сравнений. Как следует решать вопрос о том, какое место на шкале занимает данный вид? А как быть с неполноценным организмом — следует ли помещать его на уровне его вида? Будет ли аномалией недопустимость одинакового отношения к двум идентичным в данный момент организмам (они могут быть идентичны даже по своим способностям в прошлом и в будущем) по той причине, что один является нормальным представителем вида, а другой — субнормальный представитель вида, занимающего более высокое положение на шкале? А ведь проблемы внутривидовых сопоставлений между особями бледнеют перед трудностями межвидовых сопоставлений.

Статус 1: Существом нельзя пожертвовать, причинять ему вред и т.п. ради любых других существ.

Статус 2: Существо можно принести в жертву, причинить ему вред и т.п. только ради существа, занимающего более высокое положение на шкале, но не ради тех, кто находится на одном уровне с ним.

Статус 3: Существо можно принести в жертву, причинить ему вред и т.п. ради других существ, занимающих на шкале такое же или более высокое положение.

Если животные имеют статус 3, а мы — статус 1, кому принадлежит статус 2? Возможно, *мы* имеем статус 2! Существует ли моральный запрет использовать людей как средство для выгоды других или запрещено лишь использовать их ради других *людей*, т.е. существ того же уровня?* Предполагают ли общепринятые взгляды возможность более чем одного значимого морального деления (подобного делению на людей и животных) и *может ли кто-нибудь находиться по отношению к людям в той же моральной позиции, в которой люди находятся по отношению к животным?* Некоторые богословские доктрины утверждают, что Богу позволено жертвовать людьми ради собственных целей. Можно также представить встречу людей с существами с другой планеты, которые проходят в детстве все «стадии» морального

* Некоторые скажут, что здесь мы используем телеологический подход, придающий людям бесконечно высокую ценность по отношению к другим людям. Но телеологическая теория, максимизирующая совокупную ценность, не запрещает жертвовать некоторыми людьми ради других людей. Принесение в жертву одних ради других не даст чистого выигрыша, но и чистых потерь не будет. Поскольку телеологическая теория, которая придает равный вес жизни каждого человека, исключает только понижение совокупной ценности (если требовать, чтобы каждое действие обеспечивало *прирост* совокупной ценности, то пришлось бы исключить нейтральные действия), она *должна* позволять жертвовать одним ради другого. Без хитроумных методов, сходных с уже упоминавшимся использованием индексальных выражений для формулирования целей, которым придан бесконечный вес, или без придания некоторым целям (представляющим ограничения) веса с бесконечностью *более высокого* порядка, чем другие бесконечные веса (даже это не вполне поможет, и стройной теории все равно не получится), взгляды, олицетворяющие статус 2, по-видимому, не могут быть представлены как телеологические. Этот факт иллюстрирует сделанное нами ранее замечание, что «телеологический» подход и подход с позиций «жестких ограничений» не исчерпывают всех возможных структур моральных представлений.

развития, какие только могут выделить наши возрастные психологи. Эти существа утверждают, что они после этого проходят еще четырнадцать последовательных стадий, каждая из которых необходима для перехода на следующую. Однако они не могут объяснить нам (примитивным существам) содержание и методы мышления высших стадий. Эти существа утверждают, что для их благополучия или по меньшей мере для сохранения их высших способностей нами можно пожертвовать. Они говорят, что поняли эту истину, только достигнув моральной зрелости, но не понимали ее в детстве, когда были на высшем из доступных нам уровней морального развития. (Возможно, подобные истории напомнят нам о том, что последовательность стадий развития, когда каждая стадия является условием перехода на следующую, начиная с какого-то момента может стать не прогрессом, а деградацией. Чтобы достичь старческого маразма, нужно сначала пройти все остальные стадии, что не делает старческий маразм высшей стадией развития.) Разрешают ли наши моральные взгляды жертвовать нами ради повышения способностей, в том числе моральных, этих инопланетных существ? Решение этих вопросов весьма тесно переплетается с эпистемологическими эффектами, возникающими при размышлении о существовании моральных авторитетов, которые отличаются от нас, если мы при этом признаем, что, будучи склонными к заблуждениям, можем ошибаться. (Сходный эффект будет получен даже если мы не будем знать, в чем состоит позиция этих чуждых существ по данному вопросу.)

Существами, принадлежащими к промежуточному статусу 2, можно будет жертвовать, но *не* ради существ того же или более низкого уровня. Если они никогда не встретятся с существами с более высоким статусом (или никогда не узнают об их существовании), то *они* будут занимать высший статус во всех возможных ситуациях, с которыми они сталкиваются и о которых размышляют. Ситуация будет выглядеть так, как если бы *абсолютно* жесткое ограничение запрещало жертвовать ими для любых целей. Две очень разные моральные теории, элитистская иерархическая теория, отводящая людям статус 2, и теория абсолютно жестких ограничений, приводят к совершенно одинаковым моральным оценкам ситуаций, с которыми реально приходилось сталкиваться людям, и одинаково хорошо объясняют (почти) все сделанные нами моральные оценки. («Почти все», потому что мы оцениваем гипотетические ситуации, в том числе включающие «сверхсущества» с другой планеты.) Это не представление философом двух альтернативных теорий, одинаково хорошо объясняющих все *возможные* данные. И это не просто утверждение, что с помощью всевозможных уловок теорию жестких ограничений можно представить в форме теории максимизации. Скорее две

альтернативные теории объясняют все имеющиеся данные — данные относительно случаев, с которыми мы сталкивались до сих пор; при этом они существенно расходятся в оценке некоторых других гипотетических ситуаций.

Не будет ничего удивительного, если окажется непросто решить, какой теории верить. Потому что мы не обязаны думать об этих ситуациях; это не те ситуации, которые сформировали наши взгляды. Однако вопрос не сводится к тому, могут ли высшие существа пожертвовать нами ради своих целей. Речь еще и о том, что мы должны делать. Потому что если есть иные, высшие существа, элитистский иерархический подход *не* сводится к «кантианскому» подходу с его жесткими ограничениями в том, что касается нас. Индивид не должен жертвовать ближним для собственного блага или на пользу другого из своих ближних, но имеет ли он право пожертвовать одним из ближних для блага высших существ? (Нас также будет интересовать вопрос, имеют ли высшие существа право пожертвовать нами для собственной пользы.)

На чем основываются ограничения?

Не являясь для нас насущной практической проблемой (пока?), подобные вопросы заставляют нас рассмотреть фундаментальные проблемы, относящиеся к основам наших моральных представлений: во-первых, придерживаемся ли мы в сфере морали представления о жестких ограничениях или представления о более сложной иерархической структуре; во-вторых, в соответствии с какими именно особенностями людей существуют моральные ограничения на то, как люди могут обходиться с другими людьми и какого обращения ожидать от них. Мы хотим также понять, *почему* эти особенности связаны с этими ограничениями. (И, возможно, мы хотим, чтобы животные не обладали этими особенностями или обладали бы ими в не столь высокой степени.) Может показаться, что те характеристики личности, в силу которых для других существуют ограничения в обращении с ней, должны быть сами по себе ценными характеристиками. Чем иначе можно объяснить то, что из них возникает нечто настолько ценное? (Это естественное предположение заслуживает дальнейшего исследования.)

Традиционно считается, что с моральными ограничениями связаны следующие важные индивидуализирующие характеристики: чувствующий и сознающий себя; рациональный (способный использовать абстрактные идеи, не связанные с реакцией на непосредственные раздражители); обладающий свободой воли; являющийся моральным агентом, т.е. способный руковод-

ствоваться в своем поведении моральными принципами и по взаимному согласию соблюдать ограничения; обладающий душой. Не будем рассуждать о том, как в точности следует понимать эти понятия и относятся ли они к человеку и только к человеку, а обратимся к поиску связи между ними и моральными ограничениями действий по отношению к другим. Если оставить в стороне последний пункт перечня, каждый из остальных недостаточен для того, чтобы установить такую связь. Почему тот факт, что некое существо отличается высокой предусмотрительностью, сообразительностью или имеет IQ выше определенного уровня, должен служить причиной ограничений на то, как с этим существом обращаться? Будут ли существа еще более разумные, чем мы, иметь право не ограничивать себя по отношению к нам? Или же в чем смысл того или иного подразумеваемого порогового уровня? Если некоторое существо способно самостоятельно делать выбор между альтернативами, есть ли причина, по которой ему следует *позволить* это? Является ли самостоятельный выбор благом сам по себе? Если какое-нибудь существо было бы способно только один раз сделать самостоятельный выбор, скажем, между разными сортами мороженого, а потом немедленно забыть об этом, то значит ли это, что имеются основательные причины предоставить ему возможность выбирать? То, что какое-то существо способно договориться с другими о взаимно ограничивающих правилах поведения, показывает, что оно *способно* соблюдать ограничения. Но это не показывает, какие ограничения должны соблюдаться относительно него («не воздерживаться от его убийства»?) и почему вообще должны соблюдаться какие бы то ни было ограничения.

Нужно ввести промежуточную переменную *M*, для которой перечисленные особенности индивидуально необходимы, а совместно, возможно, достаточны (по крайней мере мы сумеем понять, что нужно добавить, чтобы получить *M*) и которая имеет четкую и понятную связь с моральными ограничениями поведения по отношению к кому-то, кто обладает *M*. В свете *M* у нас также будет возможность понять, почему другие сконцентрировались на таких особенностях, как рациональность, свобода воли и способность руководствоваться моральными принципами. Это легче будет сделать, если эти черты являются не просто необходимыми условиями для *M*, но и важными компонентами *M* или важными средствами для достижения *M*.

Но были ли мы правы, рассматривая рациональность, свободу воли и способность руководствоваться моральными принципами индивидуально и по отдельности? Не составляют ли они в сочетании нечто очевидно значительное: существо, способное строить долгосрочные планы на жизнь, способное обдумывать

и принимать решения на основе абстрактных принципов или сформулированных им самим суждений, а значит, не являющиеся простой игрушкой непосредственных раздражителей; существо, которое ограничивает свое собственное поведение в соответствии с некими принципами или своим представлением о том, что такое достойная жизнь для него и других, и т. д. Однако все это превосходит три перечисленные особенности. Теоретически мы можем провести различие между долгосрочным планированием и общим замыслом жизни, определяющим частные решения, с одной стороны, и тремя особенностями, которые являются их базисом, — с другой. Потому что существо могло бы обладать этими тремя особенностями, но при этом иметь еще некий встроенный барьер, мешающий ему следовать общему замыслу его жизни и всему тому, что этому соответствует. Поэтому мы добавим дополнительную черту — способность регулировать свою жизнь и направлять ее в соответствии с выбранным общим замыслом. Общий замысел и знание того, насколько нам удастся ему следовать, важны для того рода целей, которые мы ставим перед собой, и для того рода существ, которыми мы являемся. Представьте, насколько мы были бы другими (и насколько иные нормы обращения были бы оправданными по отношению к нам), если бы мы все страдали амнезией и за ночь забывали все события предыдущего дня. Даже если бы кто-то по случайности мог начинать каждое утро с того, на чем он закончил предыдущий день, живя в соответствии со связным замыслом, который был бы выбран осознающим ситуацию человеком, он все равно не вел бы жизнь такого человека. Его жизнь шла бы параллельно жизни другого, но не была бы связной.

В чем состоит моральная значимость дополнительной способности создавать целостную картину всей собственной жизни (или хотя бы ее значительных отрезков) и действовать в соответствии с некоей общей идеей того, какую жизнь человек хочет вести? Почему бы не вмешаться в процесс формирования кем-то другим его собственной жизни? (А как быть с теми, кто не формирует активно свою жизнь, а пассивно плывет по течению?) Можно отметить, что кто угодно может создать для себя образ жизни, который вы захотите перенять. Поскольку невозможно предсказать, кто это будет, в ваших собственных интересах позволить другому творить свою жизнь по собственному разумению; вы можете научиться на его примере (подражая, развивая его идеи или избегая его ошибок). Этот аргумент, апеллирующий к благо разумию, представляется недостаточным.

Я предполагаю, что ответ связан с трудной и ускользающей идеей — со смыслом жизни. Устраивая свою жизнь в соответствии с неким общим планом, человек тем самым придает жизни

смысл; только существо, обладающее способностью таким образом придавать форму собственной жизни, может жить жизнью, наполненной смыслом, или стремиться к ней. Но даже если предположить, что мы в состоянии детально разработать и прояснить это понятие удовлетворительно, остается много сложных вопросов. Является ли сама по себе способность планировать собственную жизнь способностью наполнить жизнь смыслом (или стремиться к этому?), или для этого требуется еще что-нибудь? (С точки зрения этики может ли содержанием признака «наличие души» быть именно то, что существо стремится или в состоянии стремиться придать своей жизни смысл?) Почему существуют ограничения на то, как мы можем обращаться с существами, формирующими свою жизнь? Может быть, какие-то способы обращения несовместимы с наличием у них смысла жизни? Но даже если так, почему бы не разрушать жизни, наполненные смыслом? Или почему бы в теории утилитаризма не заменить «счастье» на «осмысленность жизни» и не максимизировать суммарную величину этой «осмысленности» для всех людей в мире? Или понятие смысла жизни занимает в этике другое место? Это понятие, следует заметить, «по ощущению» вполне подходит для того, чтобы преодолеть разрыв между должным и сущим; кажется, что оно удачно наводит между ними мост. Предположим, например, что кому-то удалось показать, что жизнь конкретного человека потеряет смысл, если он будет действовать так-то и так-то. Это будет гипотетическим или категорическим императивом? Потребуется ли кому-нибудь ответ на следующий вопрос: «А почему бы моей жизни не быть бессмысленной?» Или, предположим, что действовать определенным образом по отношению к другим само по себе означает признать свою жизнь (и сами эти действия) бессмысленными. Не может ли это, подобно прагматическому противоречию, привести к распространению хотя бы моральных ограничений, соответствующих статусу 2, на поведение всех остальных людей? Я надеюсь проанализировать эту и связанные с ней проблемы в другом месте.

Анархист-индивидуалист

Кратко рассмотрев важные вопросы, лежащие в основе представления о том, что жесткие моральные ограничения ставят пределы тому, как люди могут вести себя по отношению друг к другу, теперь можно вернуться к модели частной защиты. Система частной защиты, даже когда на данной территории доминирует одно охранное агентство, как представляется, не дотягивает до государства. Она, очевидно, не предоставляет защиту всем, находящимся

на данной территории, как это делает государство, и явно не обладает монополией на применение силы или не декларирует этого, что является необходимым признаком государства. В нашей прежней терминологии эта система, очевидно, не является минимальным государством и даже ультраминимальным государством.

Протест индивидуалистического анархиста против государства фокусируется именно на тех аспектах, где доминирующее охранное агентство или территориальная защитная ассоциация явным образом не дотягивает до государства. Ведь он полагает, что, когда государство монополизировало применение силы на какой-либо территории и наказывает тех, кто нарушает его монополию, а также когда государство предоставляет защиту каждому, принуждая некоторых оплачивать защиту других, оно нарушает жесткие моральные ограничения на то, как можно обращаться с индивидами. Поэтому, делает он вывод, государство по сути своей аморально. При определенных условиях государство разрешает на законном основании наказывать тех, кто нарушает права других, потому что оно само так делает. На каком же основании оно присваивает право запрещать частным образом добиваться справедливости неагрессивным людям, чьи права были попраны? *Какое* право нарушает добывающийся справедливого возмещения человек, которого не нарушало бы и государство, когда оно наказывает преступника? Когда группа лиц объявляет себя государством и начинает наказывать, *при этом запрещая другим поступать так же*, есть ли возможность у этих других нарушить какое-либо право, которое уже не было бы нарушено этой группой? По какому праву тогда государство и его чиновники претендуют на исключительное право (на привилегию) в отношении силы и навязывают эту монополию? Какие такие права нарушает добывающийся справедливого возмещения человек, которые не нарушались бы государством, когда оно осуществляет наказание? Когда группа лиц учреждает из самой себя государство, начинает осуществлять наказание *и запрещает всем остальным делать то же самое*, существуют ли некие права, которые эти другие нарушают, а само государство — нет? По какому же праву тогда государство и его должностные лица смеют претендовать на уникальное право (и привилегию) в отношении применения силы и навязывать свою монополию? Если частное лицо, осуществляющее восстановление справедливости, не нарушает ничьих прав, то наказание его за эти действия (которые также совершают и государственные чиновники) означает нарушение его права и, таким образом, выход за пределы жестких моральных ограничений. Согласно этой точке зрения монополизация использования силы аморальна как таковая, как и перераспределение через государственный механизм обязательных налогов.

Миролюбивые индивиды, занимающиеся собственными делами, не нарушают прав других. Если вы отказываетесь приобрести что-то для кого-нибудь (при условии, что вы не брали на себя такого обязательства), вы не нарушаете этим его права. Поэтому, следует вывод, когда государство угрожает наказанием тому, кто не вносит вклад в защиту других, оно (и его представители) нарушает его права. Угрожая человеку действиями, которые были бы нарушением его прав, если бы их совершил частный гражданин, государство преступает через моральные ограничения.

Чтобы дойти до чего-то, в чем можно опознать государство, необходимо показать: 1) каким образом из системы частных защитных ассоциаций возникает ультраминимальное государство; 2) как ультраминимальное государство трансформируется в минимальное государство, т.е. как оно дает начало «перераспределению» в целях распространения защитных услуг на всех, что и превращает его в минимальное государство. Чтобы показать, что минимальное государство оправдано с точки зрения морали, чтобы показать, что оно не аморально по природе, мы должны также показать, что морально оправданы *оба* перехода: и 1), и 2). Далее в части I настоящей работы мы покажем, как происходят эти переходы и почему они допустимы с точки зрения морали. Мы утверждаем, что первый переход, от системы частных охранных агентств к ультраминимальному государству, произойдет в результате процесса, описываемого с позиции «невидимой руки», морально приемлемым образом и без нарушения чьих-либо прав. Далее мы приводим доводы в пользу того, что переход от ультраминимального государства к минимальному государству морально необходим. Было бы морально недопустимо поддерживать в ультраминимальном государстве монополию, не предоставляя защитные услуги всем, даже если это требует некоего «перераспределения». Управляющие ультраминимальным государством морально обязаны создать минимальное государство. Таким образом, в заключительных главах части, предпринимается попытка дать оправдание минимальному государству. В части II мы обосновываем утверждение, что существование государств, обладающих *большими* полномочиями или возможностями, чем минимальное государство, не является ни легитимным, ни оправданным; следовательно, в части I дается оправдание всему, что может быть оправдано. В части III мы доказываем, что вывод из части II не является неблагоприятным; что минимальное государство не только является единственно оправданным, но и способно пробудить вдохновение.

Глава 4

ЗАПРЕТ, КОМПЕНСАЦИЯ И РИСК

«Независимые» и доминирующее защитное агентство

Предположим, что среди большой группы людей, установивших отношения с одним охранным агентством, живет горстка тех, кто этого не сделал. Эти немногочисленные «независимые» (даже, может быть, всего один человек) совместно или по отдельности защищают свои права от всех и каждого, в том числе от клиентов агентства. Такая ситуация могла бы сложиться, если бы коренных американцев не вытеснили с их земель и если бы некоторые из них отказались присоединиться к окружающему обществу поселенцев. Локк полагал, что никого нельзя принуждать к вхождению в гражданское общество; некоторые имеют право отказаться и сохранить свободу естественного состояния, даже если большинство выберет другой путь (II, 95)¹.

Как в этой ситуации могли бы действовать защитные ассоциации и их члены? Они могли бы попробовать изолировать себя от «независимых» в своей среде, если бы запретили заходить в свои владения всем, кто не согласился отказаться от права на частное возмездие и наказание. Тогда территория, обслуживаемая защитной ассоциацией, стала бы похожа на кусок швейцарского сыра с дырками, потому что у нее были бы как внешние, так и внутренние границы*. Но это не разрешило бы проблем, возникающих в отношениях с теми «независимыми», которые владеют

¹ Сравните с мнением Канта, что «каждый может использовать меры принуждения, чтобы заставить другого примкнуть к законному общественному порядку» (Кант И. *Метафизика нравов*: В 2-х ч. Ч. 1. *Метафизические начала учения о праве* // Кант И. *Соч.* В 6-ти т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. §44. С. 232–234).

* Возможность взять индивида в кольцо представляет трудность для либертарианской теории, которая выступает за частную ответственность на все дороги и улицы и отсутствие общественных путей прохода. Скупив земельные участки, человек может заключить другого в ловушку, откуда нельзя будет выбраться, не нарушив границу чужих владений. Эта проблема не разрешается рекомендацией, что индивид не должен идти куда-либо или находиться где-либо,

устройствами, позволяющими осуществлять возмездие поверх границ, или вертолеты, способные добраться до обидчика, не нарушая ничьей собственности на землю*, и т.п.

Вместо попыток территориально изолировать «независимых» (или в дополнение к ним) можно было бы наказывать их за неправомерное применение силы для реализации их права на отмщение, осуществление наказания и получение компенсации. «Независимому» было бы разрешено осуществлять принуждение к соблюдению его прав в соответствии с тем, как он их понимает, и со своим видением фактов; а после этого члены защитной ассоциации проверяли бы, не поступил ли он неправильно и не зашел ли слишком далеко. В том и только в том случае, если бы выяснилось, что он неправ, они бы наказывали его или взыскивали компенсацию².

не заручившись согласием владельцев соседних участков на проход и выход. Даже если оставить в стороне вопрос о желательности системы, которая допускает, что человек, не позаботившийся о приобретении права на выход, будет заперт в одном месте стараниями злобного и богатого врага (возможно, президента корпорации, владеющей всеми местными регулярными путями сообщения), хотя он не сделал ничего наказуемого, остается еще вопрос: «выход куда?» Даже самый предусмотрительный человек может оказаться окруженным врагами, которые раскинули свои сети достаточно широко. Адекватность либертарианской теории не должна зависеть от доступности технических устройств, способных перенести человека над чужой землей и воздушным пространством, не нарушая права частной собственности (например, вертолетов). В главе 7 мы предлагаем решение этого вопроса с помощью дополнительных условий при передаче прав собственности и обмене.

* Не имея другого способа получить возмещение, человек может вторгнуться на чужую землю, чтобы взыскать с кого-то долг или воздать кому-то по заслугам, при условии что его оппонент отказывается платить или скрывается от наказания. *В* не нарушает право собственности *А* на его бумажник, прикоснувшись к нему или открыв его, если *А* отказывается сделать это, чтобы достать деньги, которые *А* ему должен, но отказывается отдать. *А* должен вернуть долг; если *А* отказывается заплатить, *В* может, в порядке реализации своих прав, сделать то, на что в другой ситуации он права не имеет. Поэтому логика Порции, когда она говорит, что Шейлок имеет право ровно на один фунт плоти, но не должен при этом пролить ни капли крови Антонио, столь же натянута, сколь фальшиво ее милосердие, когда она требует, чтобы ради спасения своей жизни Шейлок обратился в христианство и расстался со своей собственностью ненавистным ему способом.

² Этот вариант, по-видимому, предпочитает Ротбард. «Предположим, что Смит, убежденный в виновности Джонса, «берет закон в свои руки», а не следует судебной процедуре. Что тогда? Само по

Но жертва противоправного и несправедливого наказания со стороны «независимого» может не только понести ущерб, но и получить серьезное ранение или даже умереть. Должна ли защитная ассоциация дожидаться подобного исхода, чтобы начать действовать? Несомненно, всегда существовала бы вероятность того, что «независимый» поступит неправомерно, достаточно высокая (хотя и меньше единицы), чтобы защитная ассоциация могла правомерно вмешаться с тем, чтобы приостановить действия этого индивида и сначала выяснить, действительно ли ее клиент нарушил права «независимого». Разве такое поведение защитной ассоциации не было бы легитимным способом защиты клиентов?³ Разве люди не предпочитают иметь дело только с теми агентствами, которые предлагают своим клиентам защиту, заявив, что обязуются наказывать каждого, кто рискнет свести с их клиентом счеты, не воспользовавшись какой-либо специальной предварительной процедурой, устанавливающей его право на соответствующие действия, вне зависимости от того, что его действия могут оказаться правомерными? Разве человек не имеет права заявить, что не позволит себя наказывать, прежде чем не будет *установлено*, что он действительно нанес кому-то ущерб? Не вправе ли он поручить защитной ассоциации как своему агенту, чтобы она, действуя в соответствии со своим вышеупомянутым заявлением, надзирала за всяким процессом, в ходе которого кто-либо попытается установить его вину? (Есть ли кто-нибудь, настолько неспособный нанести ущерб другому, что другие могли бы исключить его из сферы действия того заявления?) Но представим себе, что «независимый» в ходе осуществления наказания требует от охранного агентства убраться с его дороги на том основании, что клиент агентства заслужил наказание, что он («независимый») имеет право того наказания, что он не нарушает ничьих прав, и не его вина, что агентство не *знает* этого. Должно ли в таком случае агентство воздержаться от вмешательства? Выправе ли «независимый» на том же основании потребовать, чтобы сам

себе это будет законно и не будет наказываться как преступление, так как никакой суд или агентство в свободном обществе не может иметь права использовать силу, выходящую за границы того же права каждого индивида. Однако в этом случае Смит столкнется с последствиями встречного иска и судебного разбирательства со стороны Джонса, и в том случае, если Джонс будет признан виновным, Смит будет наказан как преступник» (Murray Rothbard, *Power and Market* (Menlo Park, Calif.: Institute for Humane Studies, Inc., 1970), p. 197, n. 3 [русск. пер.: Ротбард М. Власть и рынок. Челябинск: Социум, 2007. С. 9, прим. 3]).

³ См. также материалы симпозиума: "Is Government Necessary?" *The Personalist*, Spring 1971.

человек отказался защищать себя от наказания? А если охранное агентство — вне зависимости от того, действительно ли его клиент нарушил права «независимого», — пытается наказать последнего за то, что тот наказал клиента, имеет ли «независимый» право защищать себя от агентства? Чтобы ответить на эти вопросы и решить, как доминирующее охранное агентство может действовать по отношению к «независимым», необходимо исследовать, каков в условиях естественного состояния моральный статус процессуальных прав и запретов на опасные виды деятельности, а также какое знание подразумевается принципами, касающимися осуществления прав, в особенности прав на принудительное обеспечение других прав. Этими трудными для традиции естественных прав вопросами мы теперь и займемся.

Запрет и компенсация

Линия (или гиперповерхность) очерчивает некоторую область в моральном пространстве вокруг индивида. Локк считает, что эта линия определена естественными правами человека, которые ограничивают действия других. Те, кто не является последователями Локка, выдвигают другие основания для установления положения и контура этой линии⁴. В любом случае возникает следующий вопрос: *запрещено ли другим совершать действия, нарушающие границу, или вторгаться в очерченную область, или им позволено совершать такие действия при условии компенсации тому, чьи границы были нарушены?* Распутыванию этого вопроса мы посвятим большую часть данной главы. Будем говорить, что система запрещает индивиду какое-то действие, если она налагает (устроена так, чтобы налагать) на него за это действие некое наказание, а также взимает с него компенсацию в пользу потерпевших от этого действия*. Нечто является полной компенсацией потерь тогда и только тогда, когда положение человека после выплаты компенсации не хуже, чем было бы в том случае, если бы действия, из-за которых выплачивается компенсация, не были бы совершены; нечто компенсирует лицу X действие A , совершенное лицом Y , если в результате его получения после совершения Y

⁴ О родственных вопросах, которые должны быть разрешены теориями естественного права, см. интересную работу: Erving Goffman, *Relations in Public* (New York: Public Books, 1971), chaps. 2, 4.

* Это является достаточным, но не необходимым условием для того, чтобы запретить действие. Запрет на действие может и не предполагать полной или частичной компенсации для жертв. Для наших целей общий обзор запретов не требуется.

действия A положение X будет не хуже, чем если бы он не получил компенсации, а Y не совершил бы действия A . (Как говорят экономисты, нечто компенсирует субъекту X действие субъекта Y , если после получения компенсации X оказывается как минимум на столь же высокой кривой безразличия, как это было бы без компенсации, не соверши Y своего действия*.) Я бесстыдно игнорирую проблемы, связанные с контрфактуальным утверждением «так же хорошо (или на той же самой кривой безразличия), как было бы для X , если бы Y не совершил своего действия». Я также не учитываю частных трудностей; например, если положение X в момент совершения действия ухудшалось (или улучшалось), то какой уровень должна обеспечить компенсация — тот, который X имел на момент совершения действия, или то, к которому двинулся? Меняет ли дело тот факт, что положение X все равно бы ухудшилось на следующий день? Но один вопрос нужно обсудить. Учитывается ли в величине компенсации, получаемой X за действия Y , оптимальная реакция X на эти действия? Если X в ответ реструктурировал свою деятельность и активы, чтобы ограничить свои потери (или заранее принял меры для ограничения потерь), должно ли это привести к уменьшению величины компенсации к выгоде Y ? И наоборот, если X не пытается ничего сделать, чтобы уменьшить ущерб от действия Y , то должен ли Y компенсировать в полном объеме все потери X ? Такое поведение со стороны X может показаться иррациональным; но если в таких случаях Y должен компенсировать все фактические потери X , то X не понесет потерь из-за своего пассивного и негибкого поведения. В этом случае Y мог бы уменьшить величину компенсации, которую он должен заплатить, заплатив X за то, чтобы тот реагировал более активно и тем самым уменьшил потери. Мы в порядке рассуждения примем другой подход к компенсации, предполагающий, что X ведет себя с разумной предусмотрительностью и адаптируется к происшедшему. Соответствующие действия поместят X (после действия Y) на определенную кривую безразличия I ; от Y требуется переместить X на кривую, которая располагается выше I , на величину, равную разнице между его фактически сложившимся положением на I и его исходным положением. Y компенсирует X ухудшение его положения в результате действия Y с учетом того, что X разумно отреагировал на эти действия. (Такое исчисление величины компенсации использует измерение полезности на интервальной шкале.)

* К какому моменту времени относится требование, чтобы человеку был безразличен выбор между двумя ситуациями: когда выплачивается компенсация (что поощряет нарушение границы, поскольку время лечит раны) или в момент совершения действия?

Я буду предполагать, что человек вправе сделать с собой то, что было бы посягательством на его границы, будь это сделано кем-то другим без его согласия. (Некоторые вещи такого рода человек, вероятно, не в состоянии сделать с собой сам.) Кроме того, он вправе позволить кому-то сделать с ним это (включая то, что он не в состоянии сделать с собой сам). Добровольное согласие делает возможным пересечение границы. Локк, конечно, сказал бы, что есть то, чего другие не имеют права делать с вами с вашего разрешения: то, что вы не имеете права делать с собой⁵. Локк сказал бы, что даже ваше разрешение не дает другому морально-го права убить вас, потому что у вас нет права на самоубийство. Исходя из непатерналистской позиции, я утверждаю, что человек вправе решить (или разрешить другому) сделать с собой *все что угодно*, если только у него нет обязательства перед третьей стороной не делать этого или не позволять делать этого с собой. Этот вопрос не должен быть для нас препятствием в этой главе. Пусть те, кто несогласен, представят себе, что мы рассматриваем только те действия, относительно которых (как они сами признают) эта позиция правомерна; тогда мы можем вместе двинуться дальше, вынеся за скобки этот разделяющий нас, но несущественный для наших ближайших целей вопрос.

Наша тема будет ограничена двумя противоположными вопросами:

1. Зачем вообще некоторые действия бывают запрещены, а не разрешены при условии выплаты компенсации?
2. Почему бы не запретить любые нарушения моральной границы, на которые потерпевшая сторона не дала предварительного согласия? Зачем вообще позволять кому бы то ни было пересекать границу другого без его предварительного согласия?⁶

⁵ Если бы Локк допускал особые патерналистские ограничения, тогда, возможно, человек мог бы на законном основании дать другому разрешение и право делать с собой то, что он сам делать не может, например, человек мог бы разрешить врачу лечить его по своему разумению, не имея при этом права лечить самого себя.

⁶ Эти вопросы и последующее обсуждение заимствованы (с некоторыми изменениями стилистического характера) из распространенного в феврале 1972 г. черновика, циркулировавшего под тем же названием, что и часть I этой книги. Независимо от него сходные вопросы рассматривались в статье: Guido Calabresi and A. Douglas Melamed, "Property Rules, Liability Rules, and Inalienability," *Harvard Law Review*, 85, no. 6 (April 1972), 1089–1128.

Наш первый вопрос сформулирован слишком нечетко, поскольку система, разрешающая при условии уплаты компенсации действие *A*, должна запретить по крайней мере сочетание действия *A* и отказа от уплаты компенсации. Для того чтобы более четко определить предмет рассмотрения, предположим, что существует простое средство взыскать установленную компенсацию⁷. Если понятно, кто должен выплатить компенсацию, то ее легко взыскать. Но те, кто нарушает защищенную границу, очерченную вокруг другого человека, иногда исчезают, оставшись анонимными. Простого требования выплаты компенсации (после розыска, ареста и установления вины) может оказаться недостаточно, чтобы удержать индивида от действия. Почему бы ему не предпринимать постоянных попыток скрыться после совершения действия, чтобы получить выгоду и без уплаты компенсации? Конечно, если его поймают и суд признает его виновным, ему придется оплатить расходы на расследование, задержание и суд; возможно, эти дополнительные расходы окажутся достаточно значительными, чтобы удержать его от преступления. Но могут и не удержать. Эти соображения приводят к решению запретить определенные действия без уплаты компенсации и налагать штраф на тех, кто отказывается от уплаты компенсации или пытается скрыть факт пересечения чужих границ.

Теории наказания: ретрибутивная теория и теория сдерживания

Решение индивида нарушить чью-то границу характеризуется вероятностью $(1-p)$ получения выигрыша *G*, где *p* — это вероятность того, что он будет пойман, в сочетании с вероятностью *p* оплаты всевозможных издержек. К издержкам относятся, прежде всего, компенсация нанесенного жертве ущерба и возврат того, что еще осталось от незаконно полученных вещей, которые могут быть переданы от одного лица к другому; обозначим этот

⁷ Например, можно предположить, что чистые активы каждого человека учтены в некоем центральном компьютере и каждый располагает счетом, позволяющим оплатить любые претензии к нему. (Ниже мы увидим, какие интересные проблемы возникают при ослаблении последнего предположения.) Стоимость любой покупки зачисляется на счет продавца и снимается со счета покупателя. В случае решения суда сумма со счета виновного переводится на счет потерпевшего; отказ платить невозможен. Мы говорим об этом, чтобы более четко изложить вопрос, а не потому, что рекомендуем использовать в жизни подобную компьютеризованную систему.

параметр через C . Кроме того, поскольку любые неотчуждаемые выгоды от преступления (например, удовольствие от приятных воспоминаний) также будут уравновешены таким образом, чтобы не осталось никакой чистой выгоды, то в дальнейшем мы можем их игнорировать. Есть еще психологические, социальные и эмоциональные издержки, возникающие оттого, что человека арестовывают, судят и т.п. (обозначим их через D); а также финансовые издержки (обозначим их через E), включающие расходы на задержание и судебное разбирательство, которые человек должен покрыть, потому что они возникли из-за его попытки избежать уплаты компенсации. Не приходится особенно рассчитывать на сдерживание, если ожидаемые издержки от нарушения границы меньше ожидаемой выгоды; т.е. если $p(C+D+E)$ меньше, чем $(1-p)G$. (Несмотря на это, человек может все же воздержаться от нарушения границ, если у него есть вариант получше, с еще большей ожидаемой полезностью.) Если аппарат задержания преступников несовершенен, хоть и недорог, для сдерживания преступлений могут потребоваться дополнительные штрафы или наказания. (В этом случае попытки избежать выплаты компенсации стали бы запрещенными действиями.)

Подобные соображения создают трудности для ретрибутивных теорий или теорий возмездия [retributive theories], которые устанавливают на основании понятия возмездия *верхний предел* наказания, которое может быть назначено виновному. Предположим (в соответствии с логикой таких теорий), что заслуженное наказание R равно rH , где H — показатель тяжести причиненного преступлением ущерба, а r (коэффициент со значением от 0 до 1) оценивает степень ответственности человека за H . (Мы обходим деликатный вопрос о том, представляет ли H ущерб планируемый или реально нанесенный, или является некоей функцией того и другого, или в разных случаях возможны разные варианты*.) Если другие будут знать, что $r = 1$, они будут считать, что $R = H$. Человек, принимающий решение о совершении преступления, встает перед выбором получения выигрыша G с вероятностью $(1-p)$ и уплаты $(C+D+E+R)$ с вероятностью p . Обычно, хоть и не всегда, выгода от нарушения границы близка к вели-

* Мы обходим также вопрос о том, содержит ли возмездие компонент, представляющий *неправильность* или *несправедливость* [wrongness] наказываемого деяния. Ретрибутивные теории, исходящие из того, что наказание должно каким-то образом *соответствовать* преступлению, оказываются перед дилеммой: наказание либо не равно преступлению по степени несправедливости и тогда возмездие оказывается неполным, либо оно в полной мере соответствует деянию по степени несправедливости и тогда оказывается неоправданным.

чине ущерба или вреда, который наносится другой стороне; значение R близко к значению G . Но когда значение p или R мало, тогда $p(C+D+E+R)$ может оказаться меньше, чем $(1-p)G$, так что никакого сдерживания зачастую не получается*.

Получается, что ретрибутивная теория не содержит эффективного механизма сдерживания преступлений. Теоретики сдерживания могли бы злорадствовать (хотя они вряд ли стали бы это делать) над смущением ретрибутивистов, если бы сами имели совершенную теорию. Но принцип «наказание за преступление должно быть минимально необходимым для того, чтобы удержать людей от его совершения» не может служить руководством, пока не будет сказано, от *скольких* преступлений следует удержать. Если нужно полностью ликвидировать преступность, т.е. удержать потенциального преступника во всех случаях, то минимально необходимое наказание будет неприемлемо суровым. Если нужно предотвратить только одно преступление, чтобы преступлений просто стало меньше, чем было бы при полном отсутствии наказаний, наказание будет неприемлемо мягким, а сдерживание — почти *нулевым*. Так где же между этими двумя крайностями должна располагаться цель и соответственно каким должно быть наказание? Теоретики сдерживания утилитаристского толка предложили бы, скажем, установить наказание P за преступление на наименьшем уровне, при котором любое наказание, превосходящее P , приведет к большим дополнительным страданиям преступника, чем страдания, от которых будут избавлены (потенциальные) жертвы преступлений, предотвращенных в случае дополнительного увеличения наказания (или какой-нибудь принцип, похожий на этот).

В этом утилитаристском предложении страдания наказываемого преступника приравниваются к страданиям его жертв, вызванным преступлением. Эти два вида страданий получают равный вес при вычислении оптимального для общества уровня счастья. Поэтому утилитарист откажется ужесточать наказание за преступление даже тогда, когда более суровое наказание (которое, тем не менее, существенно ниже любого ретрибутивного

* Помните, что $C+D+E+R$ измеряет потери действующего лица в сравнении с его первоначальным положением, а не в сравнении с тем, которое складывается после получения выигрыша за счет другого и нанесения соответствующего ущерба. Мы пренебрегаем здесь вопросом о том, не должны ли налагаемые на преступника издержки быть равными $C+D+2E+R$, где второе E есть цена бесплодных поисков, которую несет аппарат раскрытия преступлений и задержания преступников; или не должно ли R в $C+D+E+R$ также содержать в качестве компонента это второе E .

верхнего предела) удержит от совершения большего числа преступлений, если при этом страдания наказанных увеличатся хоть ненамного больше, чем уменьшатся страдания тех, кто не станет жертвами преступлений, и тех, кто воздержится от преступления и не понесет наказания. (Между двумя мерами наказания, равно увеличивающими величину совокупного счастья, всегда ли утилитарист выберет тот вариант, который минимизирует страдания жертв?) Читатель может сам в качестве упражнения придумать примеры, опровергающие этот странный подход. Утилитаристская «теория» сдерживания могла бы избежать этого результата, только приписав меньший вес страданиям наказываемой стороны. Можно предположить, что здесь мог бы сыграть роль учет степени заслуженности наказания, понятия, которое теоретики сдерживания считали излишним или даже невразумительным; можно предположить, что из этого что-то бы и вышло, если бы не вопрос, каким образом, даже используя понятие заслуженного наказания, «правильно» придать веса счастью (страданию) разных индивидов. В отличие от этого стороннику теории возмездия *нет необходимости* говорить, что счастье преступника менее существенно, чем счастье его жертвы, потому что он вообще не рассматривает задачу правильного выбора наказания как задачу оценки, взвешивания и распределения счастья*.

Ретрибутивную концепцию можно связать с некоторыми вопросами самозащиты. Согласно ретрибутивной теории заслуженное наказание составляет rH , где H — величина ущерба (нанесенного или задуманного), а r — степень ответственности человека за причинение H . Будем предполагать, что ожидаемая величина ущерба, навлекаемого на жертву, равна H (это не так только в случаях, когда намерения человека не совпадают с его объективным положением). Тогда в соответствии с принципом пропорциональности можно установить верхний предел ущер-

* Следует отметить любопытную возможность: современные правила могли бы перевести наказания (подобно компенсации) в денежную форму и использовать эти поступления для финансирования разных видов государственной деятельности. Возможно, дополнительный доход могли бы приносить штрафы, взимаемые сверх суммы компенсации, и дополнительные штрафы, необходимые для сдерживания преступности из-за неполной раскрываемости. Поскольку жертвы раскрытых преступлений получают полную компенсацию, неясно, следует ли направить оставшиеся средства (особенно те, которые принесло применение ретрибутивной теории) на выплату компенсации жертвам нераскрытых преступлений. Охранное агентство, как можно предположить, направило бы эти средства на снижение цены своих услуг.

ба, который допустимо нанести в порядке самозащиты тому, кто наносит ущерб H . Это делает верхнее значение вреда, который допустимо причинять в порядке самозащиты, некоторой возрастающей функцией от H (чем больше H , тем больше $f(H)$), и такой, что $f(H) > H$. (Или, по крайней мере, $f(H) \geq H$.) Заметим, что такой принцип пропорциональности не зависит от степени ответственности r ; он применяется вне зависимости от того, ответственен человек за ущерб, который он причинит, или нет. В этом отношении он отличается от другого принципа пропорциональности, согласно которому верхний предел самозащиты есть функция, зависящая от rH . Такой подход вполне согласуется с нашим мнением, что, при прочих равных, человек вправе применить *больше* силы при защите от того, чье r больше нуля. В рамках нашей модели это можно сформулировать следующим образом. Защищая себя, человек имеет право «списать со счета» нападающего величину *заслуженного* наказания (равную rH). Таким образом, верхний предел того, что допустимо в целях самозащиты против наносящего ущерб H , равен $f(H) + rH$. Если в ходе самозащиты сверх $f(H)$ затрачена величина A , наказание, которое может наступить впоследствии, уменьшается на эту величину и составляет $rH - A$. Наконец, необходимо будет задать правила необходимой самообороны, согласно которым человек не должен делать в порядке самозащиты больше, чем необходимо для отражения нападения. Если то, что необходимо, превышает $f(H) + rH$, его долг — отступить*.

Дележ выгоды от обмена

Вернемся к первому из наших двух вопросов: почему бы не разрешить любое нарушение границ при условии выплаты полной компенсации? При полной компенсации жертва окажется на столь же высокой кривой безразличия, как в случае, если бы нарушения границ не произошло. Поэтому система, разрешающая

* Интересный анализ этих вопросов содержится в статье Джорджа Флетчера: George P. Fletcher, "Proportionality and the Psychotic Aggressor," *Israel Law Review*, vol. 8, no. 3, July 1973, pp. 367–390. Несмотря на утверждение Флетчера, что невозможно примирить допустимость использования крайних методов самозащиты против психически неуравновешенного агрессора ($r = 0$) и требование подчинения некоторому правилу пропорциональности, я убежден, что представленный в данной книге подход позволяет этого достичь и удовлетворяет разнообразным условиям, которые могут быть сформулированы.

любые нарушения границ при условии выплаты полной компенсации, эквивалентна системе, которая требует, чтобы все предварительные соглашения о праве на пересечение границы попадали в ту точку контрактной кривой⁸, которая наиболее благоприятна для *покупателя* права. Если за право что-то сделать в отношении меня вы согласны были бы заплатить n долларов, а я был бы согласен получить не менее m долларов (сумма, меньшая чем m долларов, перемещает меня на более низкую кривую безразличия), тогда у нас есть возможность заключить взаимовыгодную сделку, если $n \geq m$. Где должна быть установлена цена в интервале от m до n ? На этот вопрос нет ответа, поскольку нет сколько-нибудь приемлемой теории честной, или справедливой, цены (о чем свидетельствуют разные попытки сконструировать модели *арбитража* и игры двух лиц с переменной суммой). Никто еще не сумел доказать, что все обмены непременно должны завершиться в точке контрактной кривой, наиболее благоприятной для одной из сторон, так, чтобы выгода от сделки доставалась только этой стороне. Допущение нарушений границ при условии, что будет выплачена полная компенсация, но не более того, означает несправедливое и произвольное «решение» проблемы распределения выгод от добровольного обмена*.

Теперь посмотрим, каким образом такая система распределяет блага. Любой может завладеть неким благом и стать таким образом его «собственником», выплатив владельцу компенсацию. Если несколько человек желают получить некое благо, его получит тот, кто первым его захватит, и будет «владеть» им до тех пор, пока его не отнимет следующий, выплатив первому захватчику полную компенсацию. (Почему *такого* рода посредник должен что-то получать?⁹) Какой размер компенсации удовлетворил бы первоначального владельца, если бы несколько человек желали полу-

⁸ См.: Peter Newman, *The Theory of Exchange* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1965), chap. 3.

* Возникает соблазн очертить область, в которой приемлема полная компенсация, введя различие между использованием чего-то в качестве ресурса производительного процесса и повреждением чего-то в качестве побочного эффекта в каком-либо процессе. В последнем случае приемлемой могла бы считаться уплата одной лишь полной компенсации, а в первом была бы желательна уплата рыночной цены, потому что в этом случае возникает вопрос о разделе выгод от экономического обмена. Однако этот подход не работает, потому что свалка для побочных эффектов — это тоже рыночный ресурс, имеющий цену.

⁹ О более привычной роли посредников см.: Armen Alchian and W. R. Allen, *University Economics*, 2nd ed. (Belmont, Calif.: Wadsworth, 1967), pp. 29–37, 40.

чить одно и то же благо? Собственник, который знал бы об этом спросе, мог бы оценить свое благо по рыночной цене и, таким образом, оказаться на более низкой кривой безразличия, получив за него меньше. (Разве рыночная цена там, где существует рынок, не является наименьшей, на которую согласился бы продавец? Существовал бы в описанном случае рынок?) Сложные комбинации условных контрфактуальных высказываний[‡], возможно, могли бы отделить предпочтения владельца от его знаний о желаниях других и о цене, которую они готовы заплатить. Но еще никто пока что не предложил таких комбинаций*. Система не сможет избежать обвинений в несправедливости, если компенсация

[‡] Условное контрфактуальное высказывание описывает что могло бы быть, если бы посылка была истинна (при этом посылка может не соответствовать тому, что на самом деле имеет или имело место). — *Прим. науч. ред.*

* Сходная проблема возникает с обычным экономическим объяснением обмена. Раньше считалось, что должно быть какое-то равенство между вещами, которыми стороны желали обменяться. Считалось, что в противном случае одна из сторон была бы в проигрыше. В ответ экономисты указывают, что для взаимовыгодности обмена достаточно противоположности предпочтений. Если один человек предпочитает имеющемуся у него благу принадлежащее другому благо, а другой соответственно предпочитает то, что есть у него, тому, что есть у первого, то обмен может принести выгоду им обоим. Никто не потеряет при обмене, даже если обмениваемые блага *не равны* ни в каком отношении. Можно было бы возразить, что противоположность предпочтений не является необходимой (даже оставляя в стороне вопросы о возможности обменов между сторонами, безразличными к обоим товарам, или о возможности взаимовыгодного обмена между двумя лицами с одинаковыми предпочтениями и первоначально имеющими на руках идентичные наборы из двух товаров в ситуации, когда каждый участник предпочитает любой из товаров в чистом виде любому из наборов и не предпочитает один из наборов другому). Например, в трехстороннем обмене бейсболистами одна команда может отдать своего игрока за другого, которого они ценят ниже, чем своего, чтобы обменять его на третьего игрока из третьей команды, которого они ценят выше, чем первого. На это можно ответить, что, поскольку первая команда знает, что второго игрока можно обменять на третьего, она *предпочитает* иметь второго (которого с помощью обмена легко превратить в третьего), а не первого. Таким образом, если развивать этот аргумент, то в первом обмене команда получила не менее предпочитаемый объект, и этот обмен не переместил ее на более низкую кривую предпочтений. Общий принцип можно было бы сформулировать так: всякий, кто знает, что одно благо легко может быть превращено в другое (посредством обмена или как-то иначе), оценивает первое по меньшей мере

за нарушение границы будет установлена равной цене, которая была бы достигнута на предварительных переговорах о получении разрешения. (Назовем эту компенсацию «рыночной». В нормальной ситуации она окажется больше, чем полная компенсация.) Лучший способ определения этой цены, разумеется, состоит в том, чтобы на самом деле провести переговоры и посмотреть на их результат. Любая другая процедура будет крайне неточной и невероятно громоздкой.

Страх и запрет

Помимо соображений о справедливости цены обмена есть и другие аргументы против разрешения любых действий при условии выплаты компенсации, и они - то, со многих точек зрения, и являются самыми интересными. Если какие-то виды ущерба невозможно компенсировать, то соответствующие действия не будут подпадать под разрешение нанести ущерб при условии выплаты компенсации. (Вернее, они *были бы* разрешены при условии выплаты компенсации, но поскольку компенсация невозможна, то в действительности они не были бы разрешены.) Если оставить в стороне этот трудный вопрос, все равно некоторые действия, *допускающие* выплату компенсации, могут быть запрещены. Среди тех действий, которые можно компенсировать, есть такие, которые внушают страх. Мы боимся, что с нами сделают это, даже если мы уверены, что получим полную компенсацию. X, узнав, что Y поскользнулся перед чьим-то домом, сломал руку и, подав в суд, получил 2000 долларов в качестве компенсации, мог бы подумать: «Повезло же этому Y; совсем неплохо сломать себе

так же высоко, как второе. (Исключение из рассмотрения *издержек* на трансформацию первого блага во второе не меняет сути аргумента.) Но этот принцип, по-видимому, необходимый для объяснения простых трехсторонних обменов, противоречит прежнему объяснению обмена в терминах противоположных предпочтений, потому что из этого принципа следует, что человек *не* предпочитает обладание благом, принадлежащим другому, обладанию тем, которое есть у него. Ведь благо, принадлежащее ему самому, может быть преобразовано в другое (через подлежащий объяснению обмен), а потому он ценит его не менее высоко, чем другое.

Различные приходящие в голову и не рассыпающиеся при первом же рассмотрении варианты выхода из этой запутанной ситуации (не забывайте, что каждая из двух сторон может предложить свой товар еще кому-нибудь) предполагают введение сложных и запутанных сочетаний условных контрфактуальных высказываний.

руку за 2000 долларов; эта сумма полностью компенсирует увечье». Но если потом кто-нибудь обратился бы к X с предложением: «В следующем месяце я, возможно, сломаю вам руку и, если сломаю, заплачу вам 2000 долларов, а если я решу не ломать вам руку, я ничего вам не заплачу», — стал бы X считать себя счастливым? Не стал ли бы он после этого, напротив, оглядываться по сторонам, дергаться при каждом резком звуке и мучительно гадать, как и когда на него обрушится боль? Система, позволяющая физическое насилие при условии выплаты компенсации, вселила бы в людей тревогу, страх перед внезапным нападением и возможным увечьем. Достаточная ли это причина для запрета физического насилия? Разве не может виновник компенсировать жертве не только нападение и все его последствия, но и тот страх, который испытывала жертва в ожидании, что на нее кто-нибудь нападет? Но в условиях системы, позволяющей физическое насилие при условии выплаты компенсации, страх жертвы вызывает не тот конкретный человек, который на нее напал. Почему же именно тот, кто напал, должен выплачивать компенсацию? *А кто выплатит компенсацию за их страх всем остальным напуганным людям, на которых никто не совершил нападения?*

Некоторых вещей мы будем бояться, даже зная, что получим полную компенсацию за то, что случилось или было сделано с нами. Во избежание всеобщей запуганности и страха такие действия запрещены и наказуемы. (Запрет, конечно, не гарантирует, что запрещенное действие не будет совершено и соответственно что люди будут чувствовать себя в безопасности. Там, где акты насилия, будучи запрещенными, совершались бы часто и непредсказуемо, люди жили бы в страхе.) Не всякое нарушение границ порождает подобный страх. Если мне скажут, что в следующем месяце мой автомобиль могут угнать, а я получу полную компенсацию, в том числе за неудобства, связанные с отсутствием машины, это не погрузит меня на этот месяц в состояние тревоги, нервозности и страха.

Это дает нам один критерий для проведения различия между частным ущербом и ущербом, обладающим общественной составляющей. Частным ущербом является такой ущерб, при котором компенсацию нужно выплачивать только пострадавшей стороне, и люди, которые знают, что получают полную компенсацию, не испытывают страха по этому поводу. Общественный ущерб — это такой, которого люди боятся, даже если они знают, что получат полную компенсацию там и тогда, где и когда деяние будет совершено. Даже если будет реализовано самое сильное предложение касательно размеров компенсации и жертвам будет возмещено все, в том числе их страх, некоторые (не-жертвы) компенсации за *свой* страх не получают. Поэтому совершенно законно

стремление общества устранить такие нарушения границ, особенно в силу того, что каждое такое нарушение приводит к тому, что каждый начинает еще больше бояться, что такое случится с ним.

Можно ли избежать такого результата? Например, уровень страха в обществе не повысился бы, если бы жертвам выдавали компенсацию немедленно и еще давали бы взятку за молчание. Все остальные не знали бы о том, что случилось, и, таким образом, не стали бы бояться больше, чем раньше, и считать, что для них вероятность стать жертвой преступления выросла. Проблема в том, что когда человек знает, что живет в системе, которая допускает подобное замалчивание, то это само по себе порождает опасения. Как человек может оценить статистическую вероятность стать жертвой чего-либо, если вся информация скрывается? Таким образом, даже в этой крайне искусственной ситуации ущерб наносится не только жертве, если известно, что такие действия в данной системе в принципе допускаются. Широко распространенный страх делает фактическое совершение таких поступков и их санкционирование не просто частным делом, касающимся только преступника и его жертвы. (Однако, поскольку жертва, получившая постфактум компенсацию и взятку, жаловаться не будет, принудительное обеспечение запрета таких преступлений, жертвы которых остаются удовлетворенными, может послужить иллюстрацией к проблемам принудительного обеспечения запрета на так называемые преступления без жертв*.)

Как мы отметили, система, допускающая внушающие страх действия при условии выплаты компенсации жертвам, порождает издержки в виде некомпенсированного страха потенциальных жертв. Устранил ли бы этот дефект системы человек, который объявил бы, что он будет по своему желанию совершать некие действия и выплатит компенсацию не только всем жертвам, если они будут, но и каждому, кто будет страдать от страха в результате его объявления, несмотря на то, что он не будет ничего с ними делать? Это было бы настолько дорого, что почти ни у кого не хватило бы на это средств. Но тем не менее не является ли

* Заметим, что не каждое действие, уменьшающее полезность для других, в общем случае может быть запрещено; чтобы можно было хотя бы поставить вопрос о его запрете, оно должно нарушать права других. Заметьте также, что наши рассуждения о страхе неприменимы к системе, позволяющей любое действие при наличии предварительного согласия того, чьи границы нарушаются. Тот, кто опасается, что при такой системе он мог бы согласиться на что-то по глупости, может оградить себя от этого с помощью добровольных средств (договоров и т.п.). Кроме того, неразумно ограничивать других людей с целью противодействовать страху человека перед *самим собой!*

этот вариант теоретическим аргументом против нашего требования запретить те нарушения границ, разрешение которых (при выплате компенсации) породило бы общий страх, за который население не получало бы возмещения? Нет, не является, по двум причинам. Во-первых, люди могли бы испытывать беспричинный страх перед нападением, а потому, что они знают, что система позволяет нападать после соответствующего объявления, и беспокоятся, что *не* услышали какого-то из них. Они не могут получить компенсацию за то, о чем они не слышали, и они не смогут потребовать компенсации за страх, не вызванный конкретным объявлением. При этом они могут оказаться жертвами человека, чье объявление они не слышали. Никакое конкретное объявление не было причиной этого страха (который не есть страх, вызванный каким-либо конкретным объявлением), так кто должен платить компенсацию за него? Таким образом, наш аргумент повторяется на следующем уровне; но следует признать, что на этом уровне страхи *могут* быть настолько ослабленными и безосновательными, что не окажутся достаточным поводом для запрета *таких* объявлений. Во-вторых, в соответствии с нашим анализом справедливых рыночных цен кто-нибудь может потребовать от автора такого объявления, чтобы выплачиваемая им компенсация была бы не только полной, но и рыночной. Полная компенсация — это сумма, достаточная (но не более того) для того, чтобы человек потом мог сказать, что он не сожалеет, а радуется, что все так случилось; а рыночная компенсация — это сумма, которая была бы установлена, если бы велись предварительные переговоры о согласии человека на то, что с ним может случиться. Поскольку страх задним числом воспринимается иначе, чем в тот момент, когда человек его испытывает или ожидает, в подобных случаях без проведения реальных переговоров будет почти невозможно точно определить величину рыночной компенсации.

Наше рассуждение в пользу запрета некоторых действий, таких как физическое нападение, предполагает, что просто потребовать от нападающей стороны выплатить компенсацию жертвам за последствия нападения (хотя не за всякий страх, связанный с ожиданием нападения) было бы недостаточным сдерживающим фактором и не избавило бы людей от страха. Аргумент, исходящий из наличия страха, не работает, если наше предположение ошибочно. (В таком случае остался бы в силе аргумент о дедеже выгод от обмена.) Можно было бы задаться вопросом: не получится ли так, что и заслуженное наказание (в соответствии с ретрибутивной теорией) за нарушение запрета осуществляющим определенными действия не послужит достаточным сдерживающим фактором и не сможет устранить страх и дурные предчувствия?

Это маловероятно, если вероятность задержания велика, а само по себе наказание вызывает *страх*; такое наказание за деяния, вызывающие страх, не было бы неоправданным. Это не вызвало бы трудностей и в том случае, если выгода человека от совершения действия намного больше, чем ущерб его жертвы (и, следовательно, больше, чем наказание). Вспомните, что, согласно ретрибутивной теории воздаяния, человек должен быть лишен всех несправедливо полученных выгод в том случае, если у него что-либо останется после выплаты компенсации жертве, вне зависимости от процесса наказания.

Сам феномен страха перед определенными действиями, который испытывают даже те, кто уверен в получении полной компенсации, показывает, почему мы запрещаем эти действия. Не является ли наш довод чрезмерно утилитаристским? Если страх не порожден данным конкретным человеком, как можно оправдать то, что ему запрещено совершить действие, за которое он готов заплатить компенсацию? Наши рассуждения направлены против естественного предположения, что только результаты и последствия самого действия имеют значение для принятия решения о том, следует ли его запретить. Нужно включить в рассмотрение также влияние и последствия отсутствия запрета. Стоит только сформулировать этот подход, как он становится очевиден, однако было бы важно исследовать, насколько велики и существенны последствия этого отклонения от естественного предположения.

Остается загадкой то, *почему* некоторым действиям сопутствует страх. В конце концов, если вы знаете, что получите полную компенсацию за все фактические последствия действия, так что (по вашему собственному мнению) в результате ничего не потеряете, то *чего же вы боитесь?* Вы не боитесь, что окажетесь в менее предпочтительной позиции на более низкой кривой безразличия, потому что (предположительно) знаете, что этого не случится. Вы будете испытывать страх, даже когда ожидаемая компенсация перекрывает ущерб, например, как в случае человека, которому сказали, что ему могут сломать руку, но при этом он получит на 500 долларов больше, чем нужно для полной компенсации. Проблема не в том, чтобы определить, какой должна быть величина компенсации за страх, а в том, *откуда* вообще берется этот страх, если величина ожидаемого возмещения в целом представляется удовлетворительной. Можно предположить, что страх возникает из-за неуверенности в том, что дело ограничится сломанной рукой; человек не знает, будут ли соблюдены заявленные границы нарушения правил. Но та же проблема возникла бы и при наличии гарантии того, что ущерб будет компенсирован независимо ни от чего, или если для гарантии того, что оговоренные пределы не будут превышены, будет использо-

ваться специальная машина, ломающая руки, и только руки. Чего будет бояться человек при наличии таких гарантий? Мы хотели бы выяснить, какого рода ущерба на самом деле боятся люди, даже если он сопровождается компенсацией, делающей сальдо всего пакета привлекательным. Страх — это не всеохватывающая эмоция; он направлен на части пакета независимо от его итоговой оценки «в целом». Наши доводы в пользу запрета компенсируемого нарушения границ покоятся на этом локальном характере страха, тревоги, дурных предчувствий и т.п.¹⁰ Ответ на вопрос, чего боятся люди, можно сформулировать просто — «физической боли»; но можно использовать и понятия какой-нибудь психологической теории, скажем, «безусловные аверсивные стимулы». (Но не стоит спешить с выводом, что, когда есть уверенность в компенсации, вызывать страх может только перспектива физических повреждений и боли. При всей уверенности в компенсации, люди могут бояться перспективы унижения, стыда, позора, неловкого положения и т.п.) Кроме того, нам хотелось бы выяснить, в какой степени эти страхи связаны с изменяемыми чертами социального окружения. Если люди выросли там, где случайным и непредсказуемым образом происходило большое число действий определенного вида, будут ли они в большей степени проявлять опасения и страх перед подобными действиями, или они привыкнут к риску как к нормальному элементу жизненного окружения? (Трудно было бы выявить или измерить степень их боязни, если бы она выражалась в повышенном общем напряжении. Как можно измерить средний уровень нервозности людей?) Если люди, выросшие в более стрессовом окружении, смогли бы выработать терпимость к определенным действиям, демонстрируя лишь слабые признаки страха и напряжения, мы не получили бы достаточно *глубокого* объяснения того, почему определенные действия запрещены (а не позволены с условием выплаты компенсации). Потому что страх перед этими действиями, на который опирается наше объяснение, сам по себе оказался бы не слишком глубоким феноменом¹¹.

¹⁰ Возможно, усиленном неопределенностью события? См.: Martin Seligman et al., "Unpredictable and Uncontrollable Aversive Events," in Robert Brush, ed., *Aversive Conditioning and Learning*, Academic Press, 1971, pp. 347–400, esp. Section IV.

¹¹ Разумным объяснением, обладающим средней степенью глубины, будет умеренная вероятность того, что в том или ином социальном окружении может быть устранен любой конкретный вид страха, хотя и не все страхи одновременно. Следует отметить, что у того, кто предполагает, что некие особые страхи не удастся устранить с помощью изменений в социальном окружении, *может* по-прежнему оставаться вопрос, не являются ли эти страхи слишком иррациональными,

Почему бы всегда не запрещать?

Рассуждение, исходящее из общего страха, оправдывает запрет тех актов нарушения границ, которые порождают страх, даже когда известно, что они будут компенсированы. Другие соображения приводят к тому же результату: система, позволяющая пересечение границ за определенную компенсацию, воплощает идею использования людей в качестве средства; для людей издержками является само знание того, что их используют в качестве средства и что их планы и ожидания могут быть произвольно разрушены; некоторые формы ущерба не могут быть компенсированы; в случае же если они могут быть компенсированы, откуда тот, кто наносит ущерб, может знать, что у него хватит средств для выплаты компенсации? (Будет ли возможность застраховаться против этого?) Достаточно ли этих соображений в сочетании с другими, относящимися к предотвращению несправедливости в распределении выгод от добровольного обмена, для оправдания запрета всех актов нарушения границ, включая те, которые не порождают страха? Рассмотрение первого вопроса, сформулированного в начале главы, — «Почему бы не разрешить любые нарушения границ при условии выплаты компенсации?» — привело нас ко второму вопросу — «Почему бы не запретить любые нарушения границ, на которые жертва не выразила предварительного согласия?»

Объявление уголовными преступлениями всех нарушений прав, на которые не получено согласия, включая случайные и непреднамеренные, привнесло бы в жизнь людей значительные дополнительные риски и опасности. Люди не могли бы быть уверены, что, несмотря на наилучшие намерения с их стороны, они не окажутся в итоге наказаны за какое-нибудь случайное происшествие¹². Многим это также представляется несправедливым. Оставим в стороне эти интересные вопросы и сосредоточимся на тех действиях, когда действующий субъект *знает*, что он может нарушить чьи-либо права и собирается это сделать. Разве не должны быть наказаны те, кто делает это без предварительного согласия

чтобы их можно было устранить методами социальной политики, хотя эту точку зрения трудно обосновать в случае страха перед телесным увечьем или чем-либо подобным.

¹² См.: Н. Л. А. Hart, "Legal Responsibility and Excuses," in *Punishment and Responsibility* (New York: Oxford University Press, 1968), chap. 2. Этот аргумент не может быть распространен с наказания на компенсацию, потому что эти издержки должен кто-то нести. О подобных вопросах см.: Walter Blum and Harry Kalven, Jr., *Public Law Perspectives on a Private Law Problem: Auto Compensation Plans* (Boston: Little, Brown, 1965).

(как правило купленного) своих жертв? Дело осложняется тем, что некий фактор может помешать заручиться согласием или сделать это невозможным. (Фактор, отличающийся от выраженного жертвой несогласия.) Может быть известно, кто будет жертвой и что именно с ним случится, но при этом связь с ним окажется временно невозможной. Либо может быть известно, что жертвой будет тот или иной человек, но при этом невозможно заранее установить, кто именно. В каждом из этих случаев невозможно заранее договориться о согласии жертвы на осуществление акта. В некоторых других случаях проведение переговоров возможно, но требует слишком больших затрат. Связаться с намеченной жертвой *можно*, но предварительно нужно сделать ей операцию на мозге, или найти ее в африканских джунглях, или вытащить ее из монастыря, где она затворилась на полгода, дав обет молчания и воздержания от дел, и т. п.; все это связано с очень большими издержками. Либо неизвестную жертву можно установить заранее только путем очень дорогостоящего опроса всех возможных жертв.

Любой акт нарушения границ, разрешенный при условии выплаты последующей компенсации, будет относиться к тем случаям, когда предварительная договоренность невозможна или требует слишком больших издержек (если не учитывать некоторых сложностей, сюда же входят случайные действия, ненамеренные действия, действия, осуществленные по ошибке, и т. п.). Но не наоборот. Какие же действия могут осуществляться без предварительного согласия жертвы и с выплатой последующей компенсации? *Не* те, которые порождают страх описанным выше образом*. Можно ли еще больше сузить область таких действий? Какие не вызывающие страха действия, способные нарушить или нарушающие границы, допустимы с учетом последующей компенсации? Было бы произвольным проведение жесткого различия между случаем невозможности идентифицировать жертву или провести с ней переговоры и случаем чрезвычайно высоких издержек, связанных с этим. (И не только потому, что трудно установить, какой из этих двух вариантов имеет место в данном случае. Но если издержки равны, например, ВВП США, будет ли это означать «невозможно» или «слишком дорого»?) Неясны основания для проведения разделяющей черты именно в этом месте. Причина, по которой иногда было бы желательно допустить нарушение границ с последующей компенсацией (когда предварительная идентификация жертвы или проведение переговоров с ней *невозможны*),

* Действие с вероятными опасными последствиями может не вызывать страха, даже когда заранее известно, какими будут последствия, если пониженная оценка его вероятности рассеивает страх.

предположительно связана с большой выгодой от нарушения; дело стоит того, его нужно сделать, и оно окупится. Но такая логика иногда будет оправдана и в том случае, когда предварительная идентификация и переговоры хоть и возможны, но требуют затрат, превышающих все огромные выгоды от данного действия. Запрет таких не получивших согласия действий повлек бы отказ от соответствующих выгод, как и в случаях, когда переговоры просто невозможны. Наиболее эффективная политика заключается в отказе от возможно меньшего числа выгодных действий; она позволяет любому совершать не вызывающие страха действия без предварительного соглашения — при условии, что транзакционные издержки на достижение соглашения выше, хотя бы ненамного, чем издержки последующего процесса выплаты компенсации. (Сторона, подвергающаяся действию, получает компенсацию как за само действие, так и за участие в процессе выплаты компенсации.) Но соображения эффективности недостаточны для оправдания отказа от наказания за нарушение границ ради незначительных выгод, даже если компенсация более чем покрывает ущерб, так что выгоды от обмена достаются не только тому, кто нарушил границу. Вспомните упоминавшиеся выше (с. 100) дополнительные соображения против разрешения нарушать границу с уплатой компенсации. Сказать, что такие действия должны быть позволены, если и только если выгоды от этого «достаточно велики», мало что изменит с практической точки зрения в отсутствие общественных механизмов принятия соответствующих решений. Область дозволенного очерчивают три границы, определяемые аргументами страха, дележа выгод от обмена и транзакционных издержек; но поскольку мы еще не нашли точный принцип, учитывающий издержки, а также изложенные выше доводы (с. 100), этот треугольник еще не образует ясного решения.

Риск

Мы уже отмечали, что рискованное действие может означать слишком низкую вероятность ущерба для любого отдельно взятого человека, чтобы вызвать у него тревогу или страх. Но отдельно взятый человек может опасаться того, что будет совершено большое количество таких действий. Вероятность пострадать в результате любого отдельного действия ниже, чем необходимо для того, чтобы вызвать страх, но совокупность этих действий может давать достаточно высокую вероятность нанесения вреда. Если за каждым из таких действий стоят разные люди, никто из них по отдельности не несет ответственности за возникающий страх. И трудно выяснить, ответственность за какую часть стра-

ха лежит на отдельно взятом человеке. Одно действие не вызвало бы страха вообще, потому что оно ниже порогового уровня, а если бы действий было в совокупности на одно меньше, то это, вероятно, не уменьшило бы страха. Наши прежние рассуждения относительно страха содержат доводы в пользу запрета всей *суммы* действий. Но поскольку по частям действия не влекут дурных последствий, было бы чрезмерно жестким запрещать каждое действие, составляющее эту сумму¹³.

Как следует решать вопрос о том, какие из подмножеств такой совокупности, находящихся ниже порогового уровня, следует разрешить? Если обложить каждое действие налогом, потребовалось бы централизованное или единообразное налогообложение и аппарат, принимающий решения. То же можно сказать об общественных механизмах определения того, какие действия достаточно ценны, чтобы их разрешить; тогда остальные действия [из этой совокупности] следует запретить, чтобы не превысить порогового уровня. Например, можно было бы принять решение, что добыча полезных ископаемых и железнодорожные перевозки достаточно ценны, чтобы их разрешить, даже если каждый из этих видов деятельности создает для прохожего не меньший риск, чем принудительная русская рулетка с одной пулей на *n* камер барабана (где *n* устанавливается определенным образом), которая запрещена, так как имеет недостаточную ценность. В естественном состоянии, в котором нет центрального или единого аппарата, способного принимать или уполномоченного принимать подобные решения, возникают проблемы. (В главе 5 мы обсуждаем, помогает ли их решать так называемый «принцип честности» [principle of fairness] Герберта Харта.) Эти проблемы можно уменьшить, если состояние в целом (совокупность ниже порогового уровня и т.п.) могло бы быть достигнуто действием некоего механизма типа «невидимой руки». Но механизм, способный этого достичь, пока не описан; к тому же нужно было бы показать, каким образом такой механизм может появиться в естественном состоянии. (Здесь, как и далее, нам пригодилась бы теория, точно объясняющая, какие типы макросостояний могут возникнуть в результате действия тех или иных механизмов типа «невидимой руки», и описывающая такие механизмы.)

¹³ Действительно, запрет на любое отдельное действие, возможные последствия которого вызвали бы страх в том случае, если бы они ожидались с определенностью, которое могло бы быть частью совокупности подобных действий, порождающей страх, при том что наличие или отсутствие страха зависит от того, сколько именно сходных действий содержит эта совокупность, — такой запрет охватил бы чрезвычайно большую область.

Действия, связанные с риском нарушить чужие границы, ставят серьезные проблемы перед концепцией естественных прав. (Вопрос дополнительно усложняется разнообразием возможностей: может быть известно, какие именно люди будут подвергаться риску, а может быть известно только то, что это может случиться с кем-нибудь; вероятность понести ущерб может быть известна точно или в пределах некоторого интервала и т.п.) Каков уровень, начиная с которого вероятность ущерба, нарушающего чьи-то права, сама является нарушением прав? Вместо единого порогового уровня вероятности для всех случаев ущерба, возможно, этот уровень может зависеть от серьезности ущерба — чем выше ущерб, тем ниже пороговый уровень. Можно представить себе некоторое определенное значение ожидаемого ущерба, единое для всех действий и определяющее границу нарушения прав; действие нарушает чьи-либо права, если ожидаемый ущерб для этого индивида (т.е. вероятность ущерба, умноженная на его величину) не меньше данного значения. Но чему равно это фиксированное значение? Равно ли оно ущербу от наименее значительного акта (гарантированно наносящего только этот ущерб) из тех, которые нарушают естественные права личности? Такая интерпретация не может быть использована традицией, с точки зрения которой украсть у человека пенни, булавку или любой другой сколь угодно мелкий предмет — это нарушение прав. Эта традиция *не устанавливает* нижнее пороговое значение ущерба в случае, когда ущерб гарантирован. Трудно представить себе, что традиция естественных прав, не отступая от своих принципиальных положений, может установить пороговое значение вероятности, начиная с которого возникает неприемлемо высокий риск для других. Это означает, что трудно понять, как в этих случаях традиция естественных прав проводит столь важные для нее границы*.

* Можно было бы убедительно аргументировать, что подход, предполагающий континуальное множество значений вероятности и требующий установления порогового значения, является неправильной постановкой задачи, и в результате любое положение того порогового значения (кроме 0 или 1) почти наверняка будет выглядеть произвольным. Альтернативный подход начал бы с соображений, «перпендикулярных» рассмотрению вероятностей, чтобы теоретически вывести из них ответ на вопросы о рискованных действиях. Возможны два типа теорий. Теория одного типа могла бы установить, где следует провести границу так, чтобы это решение не казалось произвольным: хотя место этой границы на шкале вероятностей ничем не примечательно, оно выделяется в других измерениях, которые учитывает эта теория. Теория другого типа могла бы предложить критерии принятия решений о рискованных действиях, *не* требующие проведения границы на вероятностной оси (или на оси математического ожидания,

Если ни одна теория естественного права еще не установила точную линию, определяющую естественные права людей в рискованных ситуациях, что должно происходить в естественном состоянии? В отношении каждого отдельного действия, которое порождает риск нарушения границ в отношении других людей, у нас есть следующие три возможности:

1. Действие запрещено и наказуемо, даже если компенсация выплачивается за любое нарушение границ, а также в том случае, когда выясняется, что чьи границы не были нарушены.
2. Действие разрешено при условии выплаты компенсации тем лицам, чьи границы действительно были нарушены.
3. Действие разрешено при условии выплаты компенсации всем тем, кто подвергся риску нарушения границ, вне зависимости от того, были ли действительно нарушены границы этих людей.

Третий вариант позволяет людям выбрать и второй: они могут сложить выплаты, положенные тем, кто подвергся риску, чтобы обеспечить полную компенсацию тем, чьи границы были действительно нарушены. Третий вариант будет убедителен, если создание значимого риска для другого само по себе рассматривается как пересечение границ, которое должно быть компенсировано, возможно, потому что при этом у людей возникают опасения и страх*.

(Лица, добровольно идущие на такой риск в условиях или еще на какой-нибудь оси такого рода), так что действия, оказывающиеся по одну сторону от границы, трактуются одним образом, а оказывающиеся по другую сторону — другим образом. Такая теория не размещает действия в порядке, задаваемом вероятностным измерением, а также не разделяет действия на классы эквивалентности, коэкстенсивные какому-либо интервальному разбиению единичного отрезка. Рассуждения, приводимые такой теорией, подходят к вопросу просто по-иному, в результате чего одно действие запрещается, в то время как другое, с *более* высоким значением ожидаемого ущерба, разрешается. К сожалению, пока не создано ни одной удовлетворительной альтернативной теории ни того, ни другого типа.

* Не может ли лицо, предпринимающее действие, вместо компенсации раздать транквилизаторы всем, кого он ставит в рискованную ситуацию своими действиями, чтобы они меньше боялись? Не должны ли они принять транквилизаторы сами, так, чтобы действующее лицо не волновалось, что люди пренебрегли этой мерой и потому испытывают страх? Превосходное введение в эти вопросы см. в статье Рональда Коуза: Ronald Coase, "The Problem of Social Costs," *Journal of Law and Economics*, 1960, pp. 1–44 [русск. пер.: Коуз Р. Проблема социальных издержек // Коуз Р. Фирма, рынок, право. М.: Дело, 1993. С. 87–141].

рынка, получают «компенсацию» в виде более высокой заработной платы за профессиональный риск вне зависимости от того, реализуется он или нет.)

Чарльз Фрид недавно предположил, что люди согласились бы с системой, которая позволяет им подвергать друг друга «нормальному» риску смерти, и предпочли бы ее системе, которая в принципе запрещает подвергать жизнь других риску¹⁴. Никто не попадает в особенно невыгодное положение по сравнению с другими; каждый получает право для достижения собственных целей осуществлять деятельность, подвергающую риску других, представляя им в обмен право поступать так же по отношению к нему. Риски, которым подвергают индивида другие люди, — это те же самые риски, на которые он готов бы был пойти для достижения своих целей; то же самое верно относительно рисков, которым он подвергает других. Однако мир устроен так, что в ходе достижения собственных целей люди зачастую должны подвергать других рискам, которые они не могут взять непосредственно на себя. Естественно, сама собой возникает идея торговли рисками. Если идею Фрида пересказать в терминах обмена, возникает другой вариант: явная компенсация каждого случая возникновения риска нарушения границ для тех, кто подвергается риску (третья из перечисленных выше возможностей). Такая схема отличалась бы от предложенного Фридом общего пула рисков тем, что она была бы более справедлива. Однако практика точного измерения риска для других людей и соответствующей компенсации, по-видимому, предполагает огромные транзакционные издержки. Легко придумать, как повысить ее эффективность (например, централизованно хранить документацию и производить выплаты каждые *n* месяцев), но без отработанного институционального инструмента система останется чудовищно громоздкой. Поскольку из-за огромных транзакционных издержек самый честный вариант может быть нереализуем, можно поискать другой, например, предложенный Фридом общий пул рисков. Эти варианты будут предусматривать постоянные мелкие несправедливости и отдельные категории крупных. Например, дети, которые становятся жертвами риска смерти и умирают, не получают реальной выгоды, сопоставимой с выгодой тех, кто подвергает их этому риску. Вряд ли ситуация облегчается тем, что каждый взрослый подвергался этому риску в детстве и что каждый выживший ребенок, став взрослым, получит возможность подвергнуть такому риску других детей.

Система, которая обеспечивает компенсацию только тем, кто реально стал жертвой рискованной деятельности (вторая из пере-

¹⁴ Charles Fried, *An Anatomy of Values* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970), chap. 9.

численных выше возможностей), была бы куда более управляемой и включала бы намного меньшие операционные и транзакционные издержки, чем та, при которой компенсация платится всем, кто подвергается риску (третья возможность). Самые трудные вопросы возникают в связи с риском смерти. Как оценить величину ущерба? Если ущерб от смерти в реальности компенсировать невозможно, за неимением лучшего можно было бы, даже если не принимать во внимание фактор страха, выплачивать возмещение всем, кто подвергается такому риску. Хотя посмертные выплаты родственникам или благотворительным фондам, пышные похороны, роскошный памятник и тому подобные действия имеют очевидные недостатки с точки зрения покойника, индивид может получить выгоду от посмертных компенсационных выплат, предназначенных для жертв. Он может продать право на получение посмертной компенсации компании, скупающей такие права. Цена была бы не выше, чем ожидаемая денежная стоимость прав (вероятность получения выплат, умноженная на их абсолютную величину); насколько ниже была бы цена, зависело бы от степени конкуренции в отрасли, от ставки процента и т.п. Такая система не обеспечивала бы полной компенсации собственно жертвам в соответствии с измеренным ущербом; а другие, те, кто в итоге не пострадал бы, получили бы выгоду, продав свои права на компенсацию. Однако каждый мог бы рассматривать это, *ex ante*[‡], как вполне удовлетворительную сделку. (Выше мы описали способ объединения выплат в пул и превращения третьей ситуации во вторую; здесь перед нами способ преобразования второй в третью.) Эта система также может дать индивиду финансовый стимул увеличить «денежную ценность своей жизни», измеряемую с помощью критерия компенсации, чтобы увеличить цену, за которую он мог бы продать право на компенсацию¹⁵.

[‡] Здесь: в момент заключения сделки, но до наступления ее последствий (лат.). — Прим. науч. ред.

¹⁵ Самый изощренный в экономическом плане анализ критериев, определяющих величину компенсации за потерю жизни, см.: E. J. Mishan, "Evaluation of Life and Limb: A Theoretical Approach," *Journal of Political Economy*, 1971, pp. 687–705. К сожалению, Мишан использует процедуру с двойным счетом, поскольку «косвенные или производные риски» (pp. 699–705), связанные со смертью человека, включая финансовые или психические потери для других людей, уже учтены в прямом вынужденном риске, как его понимает Мишан, благодаря заботе потенциальной жертвы об этих людях. Компенсация за принятие прямого вынужденного риска должна быть достаточно велика, чтобы человек согласился взять на себя риск смерти. Исходя из послышки, что у людей есть право покончить жизнь самоубийством, бросить работу и т.п., разумно полагать, что, если сама

Даже когда на первый взгляд лучше разрешить опасные действия с условием выплаты компенсации (вторая или третья возможность), чем запретить их (первая возможность), вопрос о запрете или разрешении этих действий для всех людей нельзя считать окончательно разрешенным. Потому что у некоторых людей не будет ни достаточно денег, чтобы в случае необходимости выплатить необходимую компенсацию, ни страховки, чтобы покрыть свои обязательства в случае причинения ущерба. Можно ли запретить этим лицам выполнять соответствующие действия? Запрет на действие для тех, кто не в состоянии заплатить компенсацию, отличается от запрета на действие без уплаты компенсации пострадавшим (вторая возможность) тем, что в первом случае (но не во втором) тот, кто не в состоянии выплатить компенсацию, может быть наказан за совершение действия, даже если при этом границы не нарушаются и ущерб не причиняется.

Нарушает ли индивид права других, если он совершает действие, не имея достаточных средств для выплаты компенсации или страхования ответственности для покрытия этих рисков? Можно ли запретить ему делать это и наказать за нарушение запрета? Поскольку к увеличению риска для других ведет огромное количество действий, общество, запрещающее такие финансово необеспеченные действия, вряд ли будет вписываться в представления о свободном обществе, т.е. об обществе, в котором существует презумпция свободы, где люди могут совершать любые действия при условии, что они не наносят другим ущерб определенным образом. Однако как можно разрешить людям подвергать других риску, если первые в случае необходимости будут не в состоя-

жертва не заботится о косвенных или производных рисках, они вряд ли могут рассматриваться как издержки, которые можно надлежащим образом возложить на другого, который рискует жизнью жертвы или причиняет ей смерть. В конце концов разве эти издержки можно возложить на человека или его имущество, если он совершил самоубийство или бросил работу? Если, с другой стороны, он *обеспокоен* косвенными или производными рисками, они (в должной мере) будут включены, с учетом его беспокойства, в компенсацию прямого риска. К этой критике, однако, нужно добавить, что у жертвы могли быть *обязательства* перед другими людьми, на которые ей было наплевать, но ей пришлось бы их выполнять, если бы она не погибла, — возможно, в силу давления со стороны общества или закона. Теоретическое определение адекватной величины компенсации *должно* включать косвенные риски, падающие на лиц, которые были жертве безразличны, но перед которыми у нее были обязательства.

нии компенсировать последствия вторым? Почему одни должны расплачиваться за свободу других? Однако запрещение опасных действий (ввиду того, что они связаны со слишком большим риском, или ввиду того, что они не имеют финансового покрытия) ограничивает свободу действий индивидов, даже когда эти действия на деле не могут повлечь за собой издержек для остальных. Вполне возможно, что данный конкретный эпилептик, например, смог бы водить машину всю жизнь безо всякого вреда для других. Запрещая *ему* садиться за руль, мы не обязательно уменьшим ущерб для других, и, насколько известно, это так и есть. (Действительно, мы не можем заранее определить, какой именно индивид в конечном итоге не причинит вреда, но почему он должен нести полную ответственность за нашу неспособность это сделать?) Запрещая кому-либо садиться за руль в нашем зависимом от автомобилей обществе, чтобы уменьшить риск для других, мы серьезно ухудшаем положение этого человека. Чтобы компенсировать ту ущербность, потребуются деньги — на то, чтобы нанять шофера или пользоваться такси.

Рассмотрим тезис о том, что человеку положена компенсация за неблагоприятные условия [disadvantage], когда ему по такого рода причинам запрещают заниматься какой-либо деятельностью. Те, кто получает выгоду от сокращения рисков, должны «выплатить компенсацию» тем, кого ограничивают. Но такая формулировка слишком широка. Должен ли я выплачивать компенсацию человеку, если в порядке самообороны я не дал ему сыграть в русскую рулетку *со мной* в качестве мишени? Если кто-то желает использовать очень рискованный, но эффективный (и если все сложится хорошо, то *безрэдный*) процесс для производства какой-нибудь продукции, должны ли те, кто живет рядом с заводом, компенсировать ему экономические потери, которые он несет из-за того, что ему запрещено использовать потенциально опасный процесс? Нет, конечно.

Пожалуй, нужно сказать несколько слов о загрязнении окружающей среды — об оказании негативного влияния на собственность других людей (на их дома, одежду, легкие), а также на то, что не является ничьей собственностью и приносит людям пользу и радость, например, на чистое и прекрасное небо. Я буду обсуждать только влияние загрязнения на собственность. Было бы нежелательно, и все сказанное мною ниже этого не исключает, чтобы кто-либо направлял все свои отходы производства высоко-высоко, туда, где нет ничьей собственности, так, чтобы небо приобрело *отвратительный* серо-зеленый оттенок. Мы ничего не выигрываем, попытавшись трансформировать ситуации второго типа в ситуации первого типа, например, нет смысла говорить, что человек,

который изменяет то, как *выглядит* небо, «перекладывает негативные последствия своих действий на зрение других». Следующее рассуждение нельзя считать полным, так как оно не рассматривает ситуации второго типа.

Поскольку запрет *всех* действий, загрязняющих окружающую среду, был бы слишком широким, каким образом общество (социалистическое или капиталистическое) могло бы решать, какие загрязняющие виды деятельности запретить, а какие — разрешить? Предположительно следует разрешить те виды деятельности, выгоды от которых превышают издержки, *включаящие в том числе последствия загрязнения окружающей среды*. Теоретически проще всего определить наличие или отсутствие чистой выгоды следующим образом: могла ли бы отрасль оплатить издержки, т.е. согласны ли были бы те, кто получает от нее выгоду, заплатить столько, чтобы компенсировать издержки тем, кому она наносит ущерб. (Те, кто благосклонен к какой-либо почтенной отрасли, которая не выдерживает этой проверки, могут оказать ей благотворительную помощь.) Например, некоторые виды аэродромного обслуживания создают шумовое загрязнение для домов в окрестностях аэропорта. Экономическая ценность этих домов так или иначе падает (снижаются цена продажи, арендная плата и т.п.). Только если выгоды для авиапассажиров больше, чем издержки для живущих рядом с аэропортом, следует продолжать оказывать «более шумные» транспортные услуги. Общество должно располагать способом определять, превышают ли выгоды издержки. Во-вторых, оно должно решить, как следует распределять издержки. Оно может не вмешиваться в естественный ход событий: тогда издержки в нашем примере несут местные домовладельцы. Или оно может попытаться распределить издержки на все общество. Или оно может перенести издержки на тех, кто получает от этих действий выгоду: в нашем примере аэропорты, авиакомпании и в конечном счете авиапассажиры. Последний вариант, если он реализуем, представляется наиболее справедливым. Если загрязняющую деятельность следует допустить, потому что выгоды от нее перевешивают издержки (в том числе последствия загрязнения), то те, кто реально получает выгоду, должны компенсировать издержки тем, на кого они изначально ложатся. Компенсация может включать оплату устройств, уменьшающих первоначальные последствия загрязнения. В нашем примере аэропорты или авиакомпании могли бы заплатить за звукоизоляцию дома, а затем компенсировать разницу в стоимости дома по сравнению с его стоимостью до появления дополнительного шума или со стоимостью такого же дома без звукоизоляции, расположенного в другом месте.

Когда каждая из жертв загрязнения несет большие издержки, то права потерпевших могут быть восстановлены в рамках обычного гражданского процесса (с небольшими модификациями). В этих случаях принудительного обеспечения права собственности будет достаточно, чтобы держать загрязнение под контролем. Но ситуация меняется, если каждый индивидуальный источник загрязнения оказывает воздействие, охватывающее большое число людей, но крайне незначительное в расчете на одного человека. Если кто-нибудь перекладывает на каждого жителя Соединенных Штатов издержки, эквивалентные двадцати центам, у отдельно взятого гражданина не будет никакого смысла обращаться в суд, чтобы взыскать эти деньги, несмотря на большую величину общей суммы издержек. Если тех, кто перекладывает на каждого индивида очень маленькие издержки, много, то суммарные издержки для индивида могут быть значительными. Но поскольку ни один источник загрязнения не оказывает существенного воздействия на какого-нибудь одного индивида, любому отдельно взятому индивиду будет невыгодно подавать иск против отдельно взятого загрязнителя. Есть ирония в том, что, по общему мнению, загрязнение окружающей среды указывает на недостатки «антиобщественной» системы частной собственности, тогда как проблема состоит в том, что высокие транзакционные издержки затрудняют *принудительное обеспечение* прав частной собственности жертв загрязнения. Один вариант решения проблемы — разрешить групповые иски против загрязнителей. Любой адвокат или адвокатская фирма может представлять в суде интересы общественности, беря на себя обязательство пропорционально распределять между лицами, понесшими ущерб, выигранную сумму компенсации. (Поскольку одни и те же акты загрязнения по-разному воздействуют на разных людей, адвокаты могли бы разным группам истцов выплачивать разные суммы компенсаций.) Адвокаты получают деньги тех, кто не написал заявление о возмещении ущерба, и доход от денег тех, кто не сразу подал заявление. Увидев, что некоторые таким образом заработали огромные деньги, другие тоже займутся бизнесом в качестве «представителей общественности», за ежегодную плату собирая и распределяя между клиентами все платежи за загрязнение окружающей среды, на которые их клиенты имеют право. Поскольку такая схема предоставляет наибольшие преимущества тому адвокату, который действует быстро, она гарантирует, что адвокаты будут постоянно искать возможность защитить права жертв загрязнения. Можно разработать и другие схемы, позволяющие одновременно нескольким адвокатам представлять разные конкретные группы лиц. Конечно, при таком подходе очень многое

зависит от судебной системы, но он не менее работоспособен, чем определение и распределение издержек государственным бюрократическим органом*.

Чтобы прийти к приемлемому принципу компенсации, необходимо ограничить класс действий, в случае которых можно требовать компенсацию. Некоторые типы действий совершаются регулярно и повсеместно, играя важную роль в жизни людей, и если запретить их какому-нибудь человеку, то он окажется в крайне невыгодном положении по сравнению с другими. Один принцип можно было бы сформулировать следующим образом: когда действие определенного типа запрещено определенному человеку из-за того, что оно *могло бы* нанести ущерб другим, и является особенно опасным, если его совершает именно этот человек, тогда

* Выдвигаемое мною здесь предложение, как я полагаю, может выдержать проверку рассуждениями, приведенными Фрэнком Майклом, детально сформулировавшим противоположный подход в своей рецензии на книгу Гвидо Калабреззи (Guido Calabresi) *The Costs of Accidents* (см.: Frank Michelman, "Pollution as a Tort," *Yale Law Journal*, 80 (1971), pt. V, 666—683).

Я не считаю предложенную мною схему *универсальным* решением задачи контроля загрязнения окружающей среды. Я просто хочу выдвинуть и обосновать тезис о том, что можно было бы выработать некую институциональную меру, позволяющую решить проблему в принципе, и поручить соответствующие задачи тем, кто разбирается в таких вещах (Дж. Дейлс предлагает продавать свободно обрабатываемые квоты на загрязнение (см.: J. H. Daless, *Pollution, Property, and Prices*). К сожалению, эта красивая идея предусматривает централизованное решение о желательном *общем* объеме загрязнения окружающей среды).

В общественных дискуссиях часто объединяются в одно целое проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды, и задача сохранения природных ресурсов. И опять-таки самые наглядные примеры неверно направляемой деятельности возникают там, где нет четких прав частной собственности: на *общественных* землях, эксплуатируемых лесопромышленными компаниями, и на нефтяных месторождениях, где собственность на земельный участок существует отдельно от собственности на нефтяной пласт. В той мере, в какой наши потомки (или мы сами в будущем) будут согласны платить за удовлетворение своих желаний, в том числе желания путешествовать по диким лесам и наслаждаться нетронутой природой, сохранение необходимых для этого ресурсов станет экономически выгодным занятием. См. обсуждение в: Murray Rothbard, *Power and Market* (Menlo Park, Calif.: Institute for Humane Studies, Inc., 1970), pp. 47—52 [русск. пер.: Ротбард М. Н. Власть и рынок. Челябинск: Социум, 2008. С. 96—108], а также цитируемые в этой работе источники.

те, кто запрещает ему это ради повышения уровня своей собственной безопасности, должны компенсировать его неудобства. Этот принцип относится к ситуации, когда эпилептику запрещено водить машину, но не к случаям принудительной русской рулетки и специализированного производственного процесса. Идея состоит в том, чтобы сосредоточиться на тех важных действиях, которые совершают почти все, хотя одни при этом представляют большую опасность для окружающих, чем другие. Машину водит почти каждый, тогда как игра в русскую рулетку или использование особенно опасных производственных процессов не является нормальной частью жизни почти всех людей.

К сожалению, при таком подходе к принципу компенсации очень многое зависит от того, как классифицировать действия. То, что имеется *одно* описание какого-либо действия человека, которое отличает это действие от действий других людей, *не* классифицирует такое действие как необычное и выпадающее из сферы применения описанного выше принципа. Но, с другой стороны, было бы слишком сильным утверждение, что любое действие, подпадающее под некоторое описание, примером которому могут служить действия почти каждого человека, в силу этого считается обычным и подпадает под действие принципа компенсации. Дело в том, что необычные виды деятельности также подпадают под *некоторые* описания действий, которые люди обычно совершают. Игра в русскую рулетку — это более опасный способ «развлекаться», а развлекаться разрешается; использование рискованного производственного процесса — это более опасный способ «зарабатывать на жизнь». Почти любые два действия могут быть истолкованы как одинаковые или разные в зависимости от того, попадают ли они в один и тот же или в разные подклассы базовой классификации действий. Эта возможность по-разному описывать действия затрудняет использование принципа, изложенного выше.

Если бы эти вопросы можно было удовлетворительным образом прояснить, мы могли бы пожелать расширить сферу действия принципа на некоторые необычные действия. Если использование опасного процесса — это единственный способ, каким *данный* человек может заработать на жизнь (а устроить другому русскую рулетку с револьвером, барабан которого рассчитан на 100 000 патронов, — это единственный способ вообще получить удовольствие для данного человека, при том, что, на мой взгляд, оба предположения экстравагантны), тогда, пожалуй, этому человеку запрет должен быть компенсирован. Если ему запрещено использовать *единственный* способ, каким он может зарабатывать на жизнь, то он оказывается в относительно невыгодном положении по сравнению с нормальной ситуацией, тогда как тот, кому запрещено использование самого выгодного

из доступных для него вариантов действий, не находится в невыгодном положении по сравнению с нормальной ситуацией. Невыгодное положение, по сравнению с нормальной ситуацией, отличается от относительного ухудшения положения по сравнению с тем, что могло бы быть. Чтобы сформулировать «Принцип компенсации», можно было бы использовать «теорию невыгодных условий», если бы такая существовала: те, кто оказывается в *невыгодных условиях* в результате запрета совершать действия, которые только потенциально *могли бы* повредить другим людям, должны получить компенсацию за невыгодность условий, в которые они поставлены ради того, чтобы обеспечить безопасность других. Если выгоды от повышения уровня безопасности вследствие предполагаемого запрета будут меньше, чем потери тех, кто попал бы под его действие, то потенциальные сторонники запрета не смогут или не захотят выплатить достаточно большие компенсации; таким образом, запрет не будет наложен, что в данном случае совершенно правильно.

Принцип компенсации охватывает случаи, подпадающие под сделанное нами выше утверждение относительно запутанных проблем, связанных с классификацией действий. Применительно к этому принципу не удастся полностью избежать сходных вопросов относительно обстоятельств, при которых кто-то попадает в особенно невыгодные условия. Но эти вопросы решать проще. Например, можно ли считать, что производитель, которому запретили использовать самый лучший вариант производственного процесса (хотя другие прибыльные возможности у него остались), находится в особенно невыгодной ситуации, если все остальные имеют право использовать наилучшие альтернативы, которые оказались неопасными? Конечно, нет.

Принцип компенсации требует, чтобы люди, которым запрещены определенные рискованные виды деятельности, получали компенсацию. Можно было бы возразить, что вы либо имеете право запрещать рискованные действия этих людей, либо не имеете. Если да, то вы не обязаны выплачивать людям компенсацию за те действия по отношению к ним, на которые вы имеете право; а если нет, то вы должны не разрабатывать порядок выплаты компенсаций за последствия ваших неправомерных запретов, а просто перестать запрещать. Ни в том, ни в другом случае запрет с последующей компенсацией не представляется правильным решением. Но дилемма «либо у вас есть право запретить это и тогда не нужно выплачивать компенсации, либо у вас нет права запрещать это и тогда вы должны перестать это делать» не описывает все возможные случаи. Вполне возможна ситуация, когда у вас есть право запретить действие, но только при условии выплаты компенсации тем, кому вы запрещаете.

Как это возможно? Является ли эта ситуация одной из рассмотренных ранее, а именно такой, когда нарушение границ разрешено при условии выплаты компенсации? Если да, существовала бы некая разделительная линия, ограничивающая запрет на совершение людьми некоторых рискованных действий, которую было бы разрешено пересекать, если бы сторона, чья граница нарушена, получала компенсацию. Но даже если это так, поскольку в обсуждаемых случаях мы можем заранее установить, кто те конкретные индивиды, чьи действия подпадают под запрет, то почему мы не обязаны вместо того, чтобы запрещать им какое-либо опасное действие, заключить с ними договор, по которому они согласились бы не совершать его? Почему бы не предложить им стимул, нанять или подкупить их, чтобы они воздержались от совершения этого действия? Обсуждая выше вопрос пересечения границ, мы отметили отсутствие убедительной теории справедливой цены или убедительного довода в пользу того, что выгода от добровольного обмена должна доставаться одной из сторон. Мы говорили, что вопрос о том, какая из допустимых точек на контрактной кривой должна быть выбрана, следует оставить на усмотрение договаривающихся сторон. Это рассуждение приводило к выводу, что предварительные переговоры лучше, чем выплата полной компенсации после события. Однако в данном конкретном подклассе случаев, по-видимому, правильным *действительно* является единообразный выбор одной из крайних точек контрактной кривой. В отличие от обменов, в которых выигрывают обе стороны и неясно, как разделить выгоды от обмена, в переговорах о воздержании одной стороны от действия, которое подвергнет или могло бы подвергнуть опасности другого человека, эта сторона должна получить только полную компенсацию и ничего сверх того. (Плата за воздержание от разрешенного действия, которую эта сторона могла бы обсуждать, *не* является частью ее потерь вследствие запрета того действия, последствия которого ей обязаны компенсировать.)

Продуктивный обмен

Если я покупаю у вас товар или услугу, я получаю выгоду от вашей деятельности; благодаря ей я становлюсь богаче, чем если бы вы ею не занимались или вообще не существовали. (Будем игнорировать осложнение, возникающее в связи с тем, что некто один раз мог бы продать качественный товар тому, кому он в общем наносит ущерб.) Однако если я плачу вам за то, чтобы вы не наносили мне ущерба, я не получаю от вас ничего такого, чего не имел бы в ситуации, если бы вы вовсе не существовали или

существовали, но не имели бы никаких дел со мной. (Это сравнение неуместно в случае, если я заслуживаю тот вред, который вы мне нанесли.) Грубо говоря, *продуктивная деятельность* делает покупателей богаче по сравнению с ситуацией, в которой продавец не имел бы с ними вообще никаких дел. Точнее, это дает нам необходимое, но недостаточное условие непродуктивной деятельности. Если ваш ближайший сосед планирует построить на своей земле что-нибудь кошмарное и у него есть на это право, возможно, вам было бы лучше, если бы он вообще не существовал. (Никто другой не стал бы строить это уродство.) Однако выплата ему отступного за отказ от планов строительства будет продуктивным обменом¹⁶. Предположим, однако, что сосед не хочет ничего строить на своем участке; он придумал свой план и рассказал вам о нем только для того, чтобы продать вам свой отказ от него. Такой обмен не был бы продуктивным; он только освобождает вас от угрозы, которой бы не было, если бы не возможность получить с вас плату за отказ от нее. Можно представить обобщенную ситуацию, в которой сосед нацелился бы не только на вас. Он может придумать план строительства и предложить нескольким соседям купить отказ от него. Тот, кто купит, будет «обслужен» непродуктивно. О том, что такие обмены непродуктивны и не приносят выгоду обеим сторонам, свидетельствует тот факт, что если бы они были невозможны или запрещены, так, чтобы каждый знал об их невыполнимости, то одна из сторон потенциального обмена ничего бы не потеряла. Это была бы поистине странная разновидность продуктивного обмена, если в результате запрета на него одна из сторон ничего не теряет! (Сторона, которая ничего не платит за отказ или не нуждается в этом, потому что у соседа нет другого мотива продолжать свои действия, оказывается в выигрыше.) Хотя люди ценят молчание шантажиста и платят за него, его молчание не является продуктивной деятельностью. Его жертвы ничего не потеряли бы, если бы шантажист просто не существовал и тем самым не угрожал бы им*. И они ничего не потеряли бы, если бы было известно, что обмен абсолютно невозможен. В соответствии с избранным нами подходом

¹⁶ Отказом рассматривать сформулированное условие как достаточное я обязан Рональду Хеймови.

* Но если бы его не существовало, то не мог ли бы кто-нибудь другой наткнуться на уникальную информацию и потребовать за молчание более высокую цену? Если бы это могло произойти, разве не выигрывает жертва от того, что существует именно этот шантажист? Поиск абсолютно точной формулировки, которая бы исключила подобные осложнения, не стоит тех усилий, которые могли бы быть на него потрачены.

продавец такого молчания может законно брать деньги только за то, от чего он отказывается, сохраняя молчание. То, от чего он отказывается, не включает плату, которую он мог бы получить за воздержание от разглашения информации, но включает выплату, которую он мог бы получить от других за разглашение этой информации. Соответственно автор книги, обнаруживший информацию о другом человеке, которая способствовала бы продажам, будь она включена в книгу, имеет право назначить цену за отказ от включения этих сведений в книгу, если кто-нибудь (в том числе тот человек, которого касается эта информация) заинтересован в сделке. Он имеет право потребовать сумму, равную ожидаемой разнице в доходах от книги, содержащей эту информацию, и не содержащей ее; он не имеет права требовать максимальную сумму, которую он мог бы получить от того, кто покупает его молчание*. Охранные услуги производительны и приносят выгоду получателю, а «предоставление крыши» непродуктивно. По сравнению с ситуацией, когда вы вообще не сталкиваетесь с рэкетирами, вы ничего не выигрываете, купив у рэкетиров отказ от причинения вам ущерба.

Таким образом, сфера применения наших прежних рассуждений о дележе выигрыша от добровольного обмена должна быть сужена так, чтобы включать только те обмены, в которых обе стороны получают выгоду, в том смысле, что являются реципиентами продуктивной деятельности. Когда одна из сторон не получает выгоды, а лишь непродуктивное «обслуживание», было бы справедливо, чтобы она просто выплатила минимальную компенсацию, если другая сторона вообще имеет право на какую-либо

* Писатель или другой человек, получающий удовольствие от разглашения тайн, может иначе оценивать свое молчание. Это соображение не относится к рэкетире, о котором речь идет ниже, даже если он садист и получает удовольствие от своего занятия. Действия, которыми он угрожает людям, исключены в силу моральных ограничений и запрещены независимо от того, взимает ли он деньги за эти действия или за отказ от них. Пример с писателем взят из примечания 34 к моей статье «Coercion» из *Philosophy, Science, and Method: Essays in Honor of Ernest Nagel*, ed. S. Morgenbesser, P. Suppes, and M. White (New York: St. Martin's Press, 1969), pp. 440–472. Ср. наш взгляд на шантаж со следующим, рассматривающим его наравне с любыми другими экономическими транзакциями: «В свободном обществе шантаж не был бы вне закона. Шантаж — это получение денег в обмен за услугу, которая заключается в отказе от обнародования определенной информации о другом человеке. Здесь нет никакого насилия или угрозы применения насилия по отношению к личности или собственности» (Murray N. Rothbard, *Man, Economy, and State*, vol. I, p. 443, n. 49).

компенсацию. Имеется категория случаев, когда выполняется только первое из условий непродуктивности обмена, а второе не выполняется: X не стал богаче в результате обмена по сравнению с ситуацией, в которой Y не существовало бы вообще, но кроме продажи отказа от своих действий у Y есть и другой мотив. Если от того, что Y воздерживается от деятельности, X получает только уменьшение вероятности того, что его граница будет нарушена (при этом намеренное нарушение такого рода запрещено), то Y должен получить компенсацию только за те невыгодные условия, в которые его ставит запрет именно тех действий, связанный с которыми риск достаточно серьезен, чтобы оправдать такого рода запрет.

Мы отвергли мнение о том, что запрет рискованной деятельности является нелегитимным и что следует с помощью предварительных соглашений или открытых переговоров побуждать людей к добровольным соглашениям об отказе от опасных действий. Но мы не должны интерпретировать наш случай просто как компенсацию за пересечение границы, которая ограждает рискованные действия другого человека, где предварительные переговоры не обязательны ввиду специфики этого случая (состоящей в том, что он не связан с продуктивным обменом). Дело в том, что это не объясняет, почему не все возвращаются на ту кривую безразличия, которую бы они занимали, если бы не было запрета; получать компенсацию должны только те, кто в результате запрета оказывается в невыгодных условиях по сравнению с нормальной ситуацией, и компенсировать им следует *только* эти сравнительные потери. Если запрет на рискованное действие имеет для кого-либо два отдельных следствия — во-первых, уменьшает его выигрыш, но не ставит в невыгодные условия по сравнению с остальными и, во-вторых, ставит его в невыгодные условия, принцип компенсации требует, чтобы компенсация была выплачена только за второй тип последствий. В отличие от обычного нарушения границ, в этих случаях компенсация не обязана поднимать человека до положения, в котором он находился до вмешательства. Чтобы такого рода компенсация могла рассматриваться в свете описанного принципа как обычная компенсация за нарушение границ, можно было бы попытаться переопределить или переместить границу так, чтобы она оказывалась нарушенной только тогда, когда в результате этого кто-то оказывается в невыгодных условиях по сравнению с остальными. Но для большей ясности не следует искажать нашего представления о данном случае выплаты компенсации, пытаясь приспособить его к другому случаю.

То, что не следует приравнивать компенсацию последствий запрета на рискованные действия к компенсации за нарушение границ, не препятствует, конечно, тому, чтобы вывести принцип

компенсации из более глубоких принципов. Для целей, которые мы ставим перед собой в данном исследовании, можно без этого обойтись; точно так же мы можем обойтись без точной формулировки этого принципа. Необходимо лишь провозгласить верность некоторым принципам, в том числе принципа компенсации, обязав тех, кто накладывает запрет на связанные с риском действия, выплачивать компенсацию тем, кто оказался в невыгодных условиях по сравнению с остальными из-за того, что им было запрещено производить эти действия. Меня несколько смущает, что я выдвигаю и использую принцип, недостаточно глубоко проработанный в деталях, хотя непроработанные аспекты, на мой взгляд, не являются существенными для тех проблем, применительно к которым мы будем его использовать. Я думаю, у меня есть некоторые основания утверждать, что для начала можно оставить принцип в несколько нечетком виде; ключевой вопрос состоит в том, будет ли что-нибудь подобное работать. Многочисленные сторонники иного принципа, который мы подвергнем тщательному анализу в следующей главе, оказали бы моим словам ледяной прием, если бы догадывались, насколько более сурово я обойдусь с их принципом, чем со своим собственным. К счастью, они этого пока не знают.

Глава 5 ГОСУДАРСТВО

Запрет для частных лиц на принудительное обеспечение справедливости

«Независимому» может быть запрещено самостоятельно вершить правосудие ввиду того, что его процедуры известны как слишком рискованные и опасные — т.е. допускают больший (по сравнению с другими процедурами) риск наказания невиновного или чрезмерно сурового наказания виновного — или ввиду того, что относительно его процедур неизвестно, что они безопасны. (Если бы процедуры, применяемые «независимым», слишком часто оставляли без наказания виновного, они также были бы ненадежны, но по этой причине ему нельзя было бы запретить принудительное правоприменение в частном порядке.)

Рассмотрим эти случаи по очереди. Если процедуры «независимого» слишком ненадежны и подвергают других высокому риску (например, он устанавливает виновность человека, гадая на кофейной гуще), тогда (в том случае, если он занимается восстановлением справедливости часто) он может внушать страх всем, даже тем, кто не был его жертвой. Защищая себя в порядке самообороны, любой индивид вправе остановить чрезвычайно рискованную для других деятельность «независимого». Но конечно же необходимо предотвратить применение «независимым» его чрезвычайно ненадежных процедур, даже в том случае, если он не представляет собой постоянную опасность. Если известно, что «независимый» будет заниматься принудительным обеспечением своих прав, применяя ненадежные процедуры только один раз в десять лет, это *не породит* в обществе страх и тревогу. Следовательно, основанием для того, чтобы запретить очень редкое применение им своих процедур, не является необходимость предотвратить всеобщее некомпенсированное чувство страха, которого не было бы при наличии такого запрета.

Если бы «независимых» было много и все они были склонны наказывать ошибочно, то вероятности суммировались бы, что создавало бы опасную ситуацию для всех. Тогда у других людей появилось бы право объединиться и запретить *всю совокупность*

таких действий. Но каким образом действовал бы такой запрет? Запретили ли бы они *каждое* из действий, по отдельности не вызывающих страха? Пребывая в естественном состоянии, посредством какой процедуры они могли бы отобрать из совокупности действий те, которые можно продолжать, и что давало бы им право на принятие таких решений? Никакая защитная ассоциация, сколь угодно доминирующая, не имела бы такого права. Ведь легитимные полномочия охранной ассоциации — это всего лишь *сумма* индивидуальных полномочий, переданных ассоциации ее членами или клиентами. Никакие новые права и полномочия при этом не возникают; любое право ассоциации можно разделить без остатка на личные права ее индивидуальных членов, поодиночке действующих в естественном состоянии. Объединение индивидов может иметь право совершить действие *C*, на которое не имеет права ни один из них в одиночку, если *C* идентично *D* и *E*, и лица, которые имеют право в одиночку делать *D* и *E*, действуют совместно. Если бы некоторые права индивидов имели форму «ты имеешь право сделать *A*, если 51%, или 85%, или иной установленный процент остальных согласны с этим», тогда группа индивидов имела бы право сделать *A*, даже если бы ни у одного из членов группы по отдельности такого права не было. Но личных прав, которые имеют такую форму, не существует. Ни один человек или группа не имеют полномочий выбрать, кому из общей совокупности «независимых» будет позволено продолжать. *Все* «независимые» могут собраться и принять такое решение. Они могли бы, например, использовать какую-нибудь процедуру типа жребия, чтобы распределить на будущее некое количество (торгуемых?) прав на принудительное обеспечение частного правосудия, чтобы понизить общую опасность ниже порогового уровня. Трудность в том, что если так поступит много «независимых», то в интересах отдельного человека будет воздержаться от участия в общей договоренности. Ему будет выгодно продолжить свою рискованную деятельность по своему усмотрению, тогда как остальные подчинятся ограничению ради того, чтобы совокупность действий, включая в том числе действия человека, не присоединившегося к договоренностям, оказалась ниже опасного уровня. Дело в том, что остальные, скорее всего, оставят некоторый зазор между суммой своих действий и пороговым уровнем, так что у него будет возможность туда втиснуться. И даже если остальные оказались бы вплотную к пороговому уровню, так что его деятельность выводила бы совокупность в опасную зону, на каком основании можно было бы выделить именно *его* действия как подлежащие запрещению? Аналогично, в естественном состоянии в интересах любого индивида будет воздерживаться от участия в договоренностях, которые при его участии были бы единогласными: например,

в договоре об образовании государства. Все, что индивиду может дать такая единогласная всеобщая договоренность, он может получить через сепаратные двусторонние договоры. Любой контракт, действительно нуждающийся в почти полном единодушии, любой контракт, являющийся по природе своей всеобщим, будет служить своим целям вне зависимости от того, участвует ли в нем данный конкретный индивид; поэтому в его интересах не связывать себя обязательством участия.

«Принцип честности»

Здесь нам пригодился бы, будь он адекватным, принцип, предложенный Гербертом Хартом, который (вслед за Джоном Ролзом) мы будем называть *принципом честности* [principle of fairness]. Этот принцип утверждает, что, когда группа индивидов участвует в справедливом и взаимовыгодном совместном проекте в соответствии с определенными правилами и тем самым ограничивает свою свободу так, чтобы это было выгодно всем, те, кто добровольно наложил на себя ограничения, имеют право на то, чтобы те, кто от этого выигрывает, поступили так же¹⁷. Согласно этому принципу получение выгод само по себе является достаточным для возникновения у человека обязательств (даже если он не выражает явно или неявно намерения сотрудничать). Если добавить к принципу честности тезис о том, что другие люди — те, по отношению к которым существуют обязательства, или их представители — имеют право *принудительно обеспечить* выполнение обязательств, возникающих в силу этого принципа (включая обязательства ограничить свою деятельность), то группы людей в естественном состоянии, которые договорились о процедуре выбора тех, кто может осуществлять определенные действия, будут иметь законное право запретить «безбилетничество». Это право может оказаться критически важным

¹⁷ Herbert Hart, "Are There Any Natural Rights?" *Philosophical Review*, 1955; John Rawls, *A Theory of Justice* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971), sect. 18 [русск. пер.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб ун-та, 1995. §18]. Моя формулировка принципа близка к той, которой придерживается Ролз. Доводы Ролза в пользу этого принципа верны только для обоснования более узкого принципа верности (добросовестно данные обещания следует выполнять). Хотя если бы применительно к принципу верности (р. 349 [русск. изд. с. 305]) нельзя было бы избежать трудностей типа «нет возможности начать применение», кроме как обращением к принципу честности, это *явилось бы* аргументом в пользу принципа честности.

для жизнеспособности подобных соглашений. Мы должны с предельной тщательностью исследовать столь важное право, тем более что оно в условиях естественного состояния, по-видимому, делает *ненужным единодушное* согласие на осуществление правления, основанного на принуждении! Оно достойно изучения еще и потому, что подходит в качестве контрпримера для моего утверждения о том, что на уровне группы никакие новые права «возникнуть» не могут; что объединенные индивиды не могут создать такие новые права, которые бы не являлись суммой прежде существовавших. Право принуждать других людей исполнять обязательство определенным образом ограничивает свое поведение могло бы проистекать из неких особых свойств этого обязательства или из некоего общего принципа, согласно которому разрешается принудительное обеспечение всех обязательств по отношению к другим людям. В отсутствие доводов в пользу особой природы этого обязательства, оправдывающей принуждение к его исполнению и, предположительно, возникающей из принципа честности, я начну с рассмотрения принципа, провозглашающего возможность принудительного обеспечения исполнения всех обязательств, а затем займусь вопросом об адекватности самого принципа честности. Если хотя бы один из этих принципов будет отвергнут, тогда право принуждать других к сотрудничеству в этих ситуациях рассыпается. Я докажу, что должны быть отвергнуты оба принципа.

Довод Герберта Харта в пользу существования естественного права¹⁸ зависит от конкретизации принципа, который провозглашает возможность принуждения к исполнению всех обязательств: то, что некто имеет перед вами особое обязательство [special obligation] сделать *A* (оно могло бы возникнуть, например, потому, что он пообещал вам сделать *A*), дает вам не только право рассчитывать, что он сделает *A*, но и право принудить его сделать *A*. Только на фоне ситуаций, в которых люди не имеют права принудить вас совершить *A* или другие действия, которые вы, возможно, пообещали совершить, мы можем понять, говорит Харт, *смысл* и цель особых обязательств. Поскольку у особых обязательств всегда есть смысл и цель, продолжает Харт, существует естественное право не быть принуждаемым к действию, за исключением ситуации наступления определенных особых условий; это естественное право является частью фона, на котором существуют особые обязательства.

Этот известный аргумент Харта озадачивает. Я могу освободить кого-нибудь от обязательства не принуждать меня делать *A*. («Сим освобождаю тебя от обязательства не принуждать

¹⁸ Hart, "Are There Any Natural Rights?"

меня сделать *A*. Теперь ты волен принудить меня сделать *A*.) Но от того, что я так поступил, у меня не возникает обязательства сделать *A*. Поскольку Харт предполагает, что лежащее на мне по отношению к кому-либо обязательство сделать *A* дает этому человеку (влечет за собой) право принудить меня сделать *A*, и поскольку мы убедились, что обратное неверно, мы можем считать, что компонент «обязательство перед кем-то сделать нечто» является дополнением к наличию у этого кого-то права принудить вас сделать это. (Можем ли мы предположить, что этот различимый компонент существует, и не быть обвиненными в «логическом атомизме»?) Альтернативный взгляд, отвергающий предложение Харта включить право принуждения в понятие об обязательстве, мог бы исходить из того, что этот дополнительный компонент составляет *все* содержание обязательства перед кем-то сделать нечто. Если я не делаю этого, тогда (при прочих равных) я поступаю неправильно; контроль над ситуацией находится в его руках; у него есть возможность освободить меня от обязательства, если только он не обещал кому-то, что не будет делать этого, и т.д. Возможно, все это выглядит слишком *эфемерным* без дополнительного наличия права применить принуждение. Однако права на принуждение к исполнению сами по себе есть всего лишь *права*; т.е. разрешение сделать что-то и обязательства других людей не вмешиваться. Конечно, у индивида есть право принудительно обеспечить соблюдение этих дальнейших обязательств, но неясно, действительно ли включение *прав* на принуждение к исполнению укрепляет всю постройку, если оно с самого начала предполагается несущественным. Возможно, следует просто серьезно отнестись к сфере морали и представить себе, что один из компонентов имеет значение даже вне связи с принуждением к исполнению. (Это, разумеется, не следует понимать так, что этот компонент *никогда* не бывает связан с принуждением к исполнению!) С этой точки зрения можно объяснить смысл обязательств, не прибегая к представлению о праве на их принудительное обеспечение и, следовательно, не нуждаясь в существовании общего фона обязательств, которые не обеспечены принуждением, от которых данные обязательства отличаются. (Конечно, хотя рассуждение Харта не демонстрирует существование обязательства не использовать принуждения, последнее, тем не менее, может существовать.)

Помимо этих общих доводов против принципа возможности принудительного обеспечения всех особых обязательств можно придумать и другие головоломные случаи. Например, если я обещаю вам, что не убью кого-то, это не *дает* вам права принудить меня не делать этого, потому что у вас уже есть это право, хотя оно создает определенное обязательство *перед вами*. Или, если я предусмотрительно настою на том, чтобы прежде

чем я пообещаю вам сделать *A*, вы сначала пообещаете не принуждать меня делать *A* и я первым получу от вас обещание, то утверждение о том, что, давая обещание, я дал вам право принудить меня сделать *A*, будет неубедительным. (Хотя можно рассмотреть ситуацию, которая возникнет, если я по глупости в одностороннем порядке освобожу вас от вашего обязательства передо мной.)

Если бы утверждение Харта о том, что смысл особых прав можно понять только на фоне неперемного отсутствия принуждения, было обоснованным, то равно обоснованным представлялось бы утверждение, что только на фоне *разрешенного* принуждения мы можем понять смысл *общих* прав [general rights]. Согласно Харту у человека есть общее право делать *A* тогда и только тогда, когда для всех индивидов *P* и *Q* верно следующее: *Q* не имеет права мешать *P* делать *A* или принуждать его не делать *A* до тех пор, пока *P* не дал *Q* особого права на это. Но не каждое действие можно подставить вместо *A*; у людей есть общие права на то, чтобы совершать только определенные виды действий. Поэтому можно было бы утверждать, что если должен быть смысл в обладании общими правами, в обладании правами совершать конкретный вид действия *A*, в том, чтобы другие люди были обязаны не принуждать вас не делать *A*, то этот смысл должен существовать на фоне контрастной ситуации, в которой у людей *нет* обязательства воздерживаться от того, чтобы принуждать вас делать или не делать некие вещи, т.е. в ситуации, в которой у людей *нет* общего права совершать действия вообще. Если Харт может доказать презумпцию отсутствия принуждения указанием на существование смысла особых прав, тогда он может с тем же успехом доказать отсутствие такой презумпции указанием на наличие смысла общих прав¹⁹.

Аргумент в пользу обязательства, исполнение которого может обеспечиваться принуждением, состоит из двух частей: первая устанавливает существование обязательства, а вторая устанавливает возможность применения принуждения для его исполнения. Отбросив вторую часть (по крайней мере, поскольку принято считать, что она следует из первой), займемся предполагаемым обязательством сотрудничать с другими, которые ограничили свои действия в результате совместных решений. Принцип честности, как мы сформулировали его вслед за Хартом и Ролзом, вызыва-

¹⁹ Я сформулировал свои замечания в терминах «смысла» определенных видов прав, несмотря на известную нечеткость понятия «смысл» применительно к тому или иному типу прав, так как, по моему мнению, это придает аргументу Харта наиболее убедительную конструкцию.

ет возражения и является неприемлемым. Представим себе, что некоторые ваши соседи (всего их 364 взрослых человека) придумали сеть общественных репродукторов и решили создать систему общественных развлечений. Они вывешивают список имен, по одному на каждый день, включая ваше. В назначенный день (можно меняться с другими) человек должен дежурить по сети, выступать в качестве диджея, сообщать о новостях, рассказывать анекдоты и т.п. Через 138 дней, в каждый из которых кто-то был дежурным, пришел и ваш черед. Обязаны ли вы принять в этом участие? Вы *получали* выгоду от этого, время от времени открывали окно послушать, наслаждались музыкой, иногда смеялись над шутками. Другие люди *на деле* активно участвовали в этом проекте. Но обязаны ли вы откликнуться на призыв, когда настанет ваша очередь? Конечно, нет. Хотя вы получаете пользу от этой затеи, вы можете определенно знать, что 364 дня развлечений, которые устраивают другие, не стоят того, чтобы вы пожертвовали *один* день. Вы предпочли бы не иметь всего этого и не жертвовать одним днем, чем иметь и потратить на это целый день. Учитывая эти предпочтения, каким образом от вас могут потребовать участвовать в проекте, когда придет ваша очередь? Было бы прекрасно, если бы существовала радиостанция «Философская волна», чтобы ее всегда можно было включить и послушать какую-нибудь лекцию, например, поздно вечером, после трудного дня. Но это, возможно, не настолько привлекательно для вас, чтобы вы захотели потратить целый день на работу диктора. Могут ли другие, независимо от ваших желаний, создать ваши обязательства перед ними, просто начав транслировать эту программу? В нашем примере вы можете решить, что не будете включать радио, чтобы не получать выгоды, но в других ситуациях от выгоды невозможно уклониться. Если ваши соседи по очереди каждый день подметают улицу, на которой стоит ваш дом, должны ли вы взяться за метлу, когда придет ваш черед? Даже если вам не так уж важна чистота улицы? Должны ли вы всякий раз, проходя по улице, представлять себе, что повсюду грязь, чтобы не получать выгоду как «безбилетник»? Должны ли вы воздержаться от включения радио, чтобы не слышать философскую станцию? Должны ли вы подстригать лужайку перед домом так же часто, как ваши соседи?

По меньшей мере, желательно включить в принцип честности условие, что выгоды, которые человек получает от действий других, должны быть больше, чем издержки, которые он несет, исполняя свою часть общей работы. Как это себе представить? Выполняется ли это условие, если вы получаете удовольствие от ежедневного вещания местной радиостанции, но предпочли бы один день прогулок в лесу году прослушивания передач?

Для того чтобы вы были обязаны посвятить работе на местной радиосети целый день, не должно ли, по крайней мере, быть верным утверждение, что все, что вы могли бы сделать за день (за этот день или за любой другой, с которого вы могли бы перенести дела на этот день), менее предпочтительно для вас, чем возможность весь год слушать радио? Если бы единственной возможностью слушать радиопередачи было бы потратить день на участие в этом проекте, то чтобы выполнялось условие о выгодах, превышающих издержки, вы должны были бы предпочесть день работы на радио *всем остальным* доступным для вас в этот день возможностям.

Принцип честности все равно вызывал бы возражения, даже если бы его можно было изменить так, чтобы он включал это очень сильное условие. Ваши выгоды могут едва-едва покрывать издержки, которые вы несете из-за участия в общем деле, в то время как другие люди могут получать от *этого* дела намного больше выгоды — все они высоко ценят возможность слушать общественное радио. Если вы — человек, получающий наименьшую выгоду от этого проекта, обязаны ли вы делать для него столько же, сколько другие участники? Возможно, вы предпочли бы, чтобы все занялись *другим общим делом*, ограничив свое поведение и чем-то пожертвовав ради *него*? Да, *при условии*, что они не принимают ваш план (и тем самым ограничивая для вас возможности выбора из иных доступных вам вариантов), выгоды, получаемые вами от их предприятия, *превосходят* издержки, которые вы несете в результате вашего сотрудничества в нем. Но вы не хотите сотрудничать, в частности, потому что стремитесь привлечь их внимание к своему альтернативному предложению, которым они пренебрегли или которое, по вашему мнению, не оценили должным образом. (Например, вы хотите, чтобы они читали по радио Талмуд, а не философские тексты, которые они читают сейчас.) Тем, что вы окажете этой организации (их организации) поддержку в виде вашего сотрудничества, вы только уменьшите возможность изменить ее²⁰.

²⁰ Я избегал построения такой организации, в которой вы не получили бы справедливого права голоса в том, что касается ее учреждения или принятия решения о ее природе, потому что иначе Ролз возразил бы, что она не отвечает двум его принципам справедливости. Хотя Ролз не требует, чтобы любая малая организация отвечала двум сформулированным им принципам справедливости, поскольку они относятся только к базовым общественным структурам, он, по-видимому, считает, что малые организации должны удовлетворять этим двум принципам, чтобы сделать возможным появление обязательств в соответствии с принципом честности.

На первый взгляд принудительное обеспечение принципа честности вызывает возражения. Вы не можете решить отдать мне что-нибудь, например книгу, а затем отнять у меня деньги в уплату за нее, даже если мне ничего лучшего за эти деньги не купить. Еще меньше у вас оснований требовать с меня деньги, если ваша деятельность, в результате которой я обзавелся книгой, приносит выгоду и вам; предположим, что для вас лучшая зарядка — это забрасывать книжки в дома людей или что ваша деятельность с необходимостью приводит к такому побочному эффекту. Ничего не меняется и в том случае, если невозможность получить деньги за книги, которые неизбежно попадают в дома других людей в качестве побочного эффекта, делает ваше основное занятие, имеющее такой побочный эффект, нежелательным или слишком накладным. Индивид не может вне зависимости от того, каковы его цели, просто действовать таким образом, чтобы предоставлять людям блага, а потом требовать (или отбирать) у них деньги. И группа лиц тоже не может делать этого. Если вы не можете назначать цену и собирать деньги за блага, раздаваемые вами без предварительной договоренности, вы тем более не можете сделать этого по отношению к благам, раздача которых вам ничего не стоит, и совершенно бесспорно, что люди не должны платить вам за ничего не стоящие вам блага, которые к тому же им предоставили *другие*. И поэтому тот факт, что отчасти мы представляем собой «общественный продукт» в том смысле, что получаем выгоду от существующих паттернов и форм, созданных многочисленными действиями длинной последовательности давно забытых людей, форм, включающих институты, обычаи и язык (социальная природа которого может влиять на наше речевое поведение в духе идеи Витгенштейна о языковых играх), не создает у нас некоей общей текущей задолженности, которую существующее общество может собирать и использовать на свое усмотрение.

Не исключено, что можно сформулировать модифицированный принцип честности, который будет свободен от этих и других трудностей. Что представляется очевидным, так это то, что любой подобный принцип, если его удалось бы сформулировать, был бы настолько сложным и запутанным, что его нельзя было бы совместить с особым принципом, который легитимизировал бы *принуждение к выполнению* обязательств, возникающих в естественном состоянии, в соответствии с модифицированным принципом честности. Поэтому даже если бы модифицированный принцип честности можно было сформулировать непротиворечивым образом, то его нельзя было бы применить для устранения необходимости в получении *согласия* других людей на сотрудничество и ограничение их собственных действий.

Вернемся к нашему «независимому». Если вынести за скобки страх других людей, не являющихся «независимыми» (возможно, они будут не так уж сильно обеспокоены), разве не имеет права индивид, которому грозит наказание, защищаться? Должен ли он позволить сначала наказать себя и лишь потом взыскать компенсацию, если докажет, что наказание было несправедливым? Но кому докажет? Если он знает, что невиновен, не вправе ли он потребовать компенсации немедленно и принудительно обеспечить свои права на ее взыскание? И так далее. В рамках теории естественного состояния понятия процессуальных прав, публичного доказательства вины и прочее имеют очень неясный статус.

Можно было бы сказать, что у каждого человека есть право на то, чтобы его вина доказывалась посредством наименее опасной из известных процедур установления вины, т.е. такой, которая с наименьшей вероятностью признает невиновного виновным. Хорошо известны максимы по этому поводу, имеющие следующую форму: «лучше отпустить m виновных, чем осудить n невиновных». Для каждого n каждая максима будет устанавливать верхний предел коэффициента m/n . Она будет говорить: лучше m , но $m+1$ уже не лучше. (Для разных преступлений система может выбрать разные верхние значения коэффициента.) Исходя из совершенно неправдоподобного предположения, что нам точно известно, какова в каждой процессуальной системе вероятность признать виновным невиновного²¹ и невиновным виновного, мы выберем те, для которых долговременное соотношение двух видов ошибок наиболее близко (не превышая его) к максимальному значению, которое мы считаем приемлемым. Далеко не очевидно, каким должно быть значение этого коэффициента. Если лучше отпустить любое число виновных, чем осудить одного невиновного, то, чтобы реализовать это на практике, пришлось бы, вероятно, *отказаться* от системы наказания вообще. Любая система, которую можно изобрести и которая иногда действительно кого-нибудь наказывает, будет включать некий ощутимый риск наказания невиновного, и она почти наверняка накажет невиновного, потому что через нее проходит очень много людей. И любую систему S можно преобразовать в другую, характеризующуюся меньшей вероятностью наказания невиновного, включив в нее, например, процедуру случайного

²¹ Для нас лично приемлемость процессуальных процедур может определяться тем, что мы не знаем этой информации. См.: Lawrence Tribe, "Trial by Mathematics," *Harvard Law Review*, 1971.

выбора (типа игры в рулетку), в соответствии с итогом которой тот, кого система S признала виновным, будет действительно наказан с вероятностью всего 0,1. (Эта процедура является итеративной.)

Если человек утверждает, что методы «независимого» приводят к слишком высокой вероятности наказания невиновного, то как можно определить, какие вероятности слишком высоки? Можно себе представить, что каждый индивид рассуждает следующим образом: чем больше процессуальные гарантии, тем меньше вероятность, что меня осудят несправедливо, и тем больше вероятность, что виновный будет оправдан; значит, тем менее эффективно система сдерживает преступность и тем больше мои шансы стать жертвой преступления. Наиболее эффективна та система, которая минимизирует ожидаемую величину незаслуженного ущерба для меня, — как от несправедливого суда, так и от преступления, совершенного против меня. Если предположить — в качестве *сильного* упрощения, — что издержки от наказания по суду и от преступлений взаимно уравновешиваются, то было бы желательно, чтобы процессуальные гарантии были установлены ровно на том уровне, при котором любое их уменьшение вело бы к большему увеличению вероятности быть несправедливо осужденным по сравнению с уменьшением (благодаря дополнительному эффекту сдерживания) вероятности стать жертвой преступления; и при котором любое усиление гарантий в большей степени повышало бы вероятность для индивида стать жертвой преступления (благодаря уменьшению эффекта сдерживания), чем снижало бы его шансы быть несправедливо осужденным. Поскольку [функции] полезности у всех людей разные, нет оснований предполагать, что индивиды, занимающиеся такими расчетами ожидаемой ценности, сойдутся на одинаковом наборе процедур. Более того, некоторые из них могут считать наказание виновного как таковое настолько важным, что ради этого согласятся на более высокий риск быть наказанными. Эти люди будут считать недостатком системы высокую вероятность того, что виновный не будет наказан, и это отразится в их расчетах вне зависимости от влияния этого фактора на эффект сдерживания. По меньшей мере очень сомнительно, чтобы какие бы то ни было положения естественного права смогли (в теории и на практике) разрешить вопрос о том, какой вес следует придавать таким соображениям, или смогли бы обеспечить согласование того, как разные люди оценивают серьезность перспективы несправедливого наказания в сравнении с перспективой стать жертвой преступления (даже если и в том, и в другом случае с ними физически будет происходить одно и то же). Даже подходя к вопросу с предельной

ответственностью, разные люди выскажутся в пользу разных процедур, имеющих различные вероятности того, что невиновный понесет наказание.

Представляется, что нельзя запретить кому-либо использовать процедуру только на том основании, что она дает чуть более высокую вероятность наказания невиновного, чем та, которую вы считаете оптимальной. В конце концов процедура, предпочитаемая вами, будет иметь ровно тот же недостаток относительно процедуры, предпочитаемой каким-нибудь другим человеком. И то, что вашу процедуру используют многие другие люди, дела не меняет. Представляется, что в естественном состоянии индивиды должны терпеть (т.е. не запрещать) использование процедур, «близких» к их собственной, но, по-видимому, они имеют право запрещать использование существенно более рискованных процедур. Острая проблема возникает, когда две группы считают, что их собственная процедура надежна, а процедура, которую применяет другая группа, — очень опасна. Представляется, что никакая *процедура* разрешения их разногласий, скорее всего, не будет работать; а использование непроцедурного принципа, в соответствии с которым группа, которая права, должна победить (а другая должна уступить), вряд ли приведет к миру, если каждая группа, твердо верящая в свою правоту, пойдет на принцип.

Когда два искренних и хороших человека расходятся во взглядах, мы склонны думать, что им следует согласиться на какую-либо процедуру урегулирования разногласий, которую оба сочтут заслуживающей доверия или честной. Здесь же мы видим, что это разногласие может распространиться на всю иерархическую последовательность процедур. Кроме того, в некоторых случаях человек откажется признавать неблагоприятное решение, полученное посредством такой процедуры, особенно если ущерб от неправильного решения оказывается даже большим, чем разрыв и издержки (включая насильственные столкновения), связанные с отказом, т.е. если неверное решение оказывается даже хуже, чем конфликт с человеком, находящимся по ту сторону баррикад. Страшно представить себе ситуацию, когда обе стороны считают, что конфликт лучше, чем неблагоприятное решение, вне зависимости от того, с помощью какой процедуры оно получено. Каждая сторона воспринимает ситуацию как такую, в которой она права и обязана действовать, а другая сторона должна сдаться. Нейтральная сторона ничего не добьется, обратившись к ним: «Смотрите, вы оба *считаете*, что вы правы, и если вы будете упорствовать, то столкновение неизбежно. Поэтому вам следует достичь согласия о какой-нибудь процедуре решения вопроса». Дело в том, что обе стороны убеждены, что конфликт

лучше, чем возможность проигрыша*. И одна из них может оказаться в этом права. Разве не *должна* она вступить в конфликт? Разве не *она* должна вступить в конфликт? (Конечно, каждая из сторон будет считать, что это именно она.) Во избежание этих болезненных проблем можно попытаться связать стороны обязательством подчиниться определенным процедурам, и будь что будет. (Не может ли получиться, что в результате применения

* Должны ли их расчеты оптимального поведения учитывать их шансы на успех? Есть искушение определить эту область конфликта как таковую, где по некоторым причинам считается, что вероятность проигрыша по какой-то причине оценивается столь же плохо, как и гарантированный проигрыш. Крайне необходимо разработать теорию того, как вероятности взаимосвязаны с моральным весом проигрыша.

Сводя вопрос к соотношению выгод и издержек конфликта, этот текст серьезно упрощает проблему. Корректный принцип должен не ограничиваться простым сопоставлением издержек и выгод, а требовать, чтобы действие было морально приемлемым; не только чтобы моральные выгоды превышали моральные издержки, но и чтобы не существовало никакого другого доступного альтернативного действия с меньшими моральными издержками так, чтобы дополнительные моральные издержки рассматриваемого действия по отношению к альтернативе перевешивали его дополнительные моральные выгоды. (Детальное рассмотрение этих вопросов см.: Nozick, "Moral Complications and Moral Structures," *Natural Law Forum*, 1968, pp. 1—50, особенно анализ принципа VII.) Можно продвинуться в понимании многих вопросов, если объединить такой принцип с теорией морального веса разных видов ущерба или неблагоприятного исхода, реализуемых с определенными заданными вероятностями, и получить в результате эксплицитно вероятностную версию этого принципа. Я упоминаю здесь только одно применение, которое не сразу приходит в голову. Часто предполагается, что единственный пацифистский подход, который представляет собой целостную моральную позицию, запрещает любые насильственные действия. Любой пацифистский подход, учитывающий степень эффективности пацифистских методов, обычно рассматривается как тактический (в отличие от морального). Но если пацифист исходит из того, что ведение или подготовка войны представляет собой *моральное* преступление ввиду наличия весьма эффективных ненасильственных методов (гражданское сопротивление, ненасильственная защита, сатяграха и т.п.), то он формулирует целостную позицию, которая является *моральной*, и требует апелляции к фактам относительно эффективности пацифистских методов. Учитывая отсутствие определенности в вопросе эффективности различных действий (войн, пацифистских методов), принципом, которым следует руководствоваться при этическом анализе моральной допустимости непацифистских действий, является вероятностная версия кратко рассмотренного выше принципа (принцип VII).

процедур сами процедуры будут отвергнуты?) Некоторые рассматривают государство именно как такого рода механизм переноса бремени окончательных моральных решений, чтобы конфликты, подобные описанному выше, не могли возникнуть между индивидами. Но какого рода индивид смог бы подобным образом отречься от своих прав? Кто мог бы доверить *все* решения внешним процедурам и потом согласиться с любым решением? Возможность подобного конфликта — это часть условий человеческого существования. Хотя в естественном состоянии эта проблема неизбежна, при выработке соответствующих институциональных условий в естественном состоянии она может быть не более острой, чем в государстве, где она также существует²².

Вопрос о том, какие решения могут приниматься путем использования связывающих внешних процедур, имеет отношение к интересному вопросу о моральных обязательствах того, кто был осужден за преступление, в котором, как ему известно, он не виноват. Судебная система (предположим, что она не содержит нечестных процессуальных норм) осудила его на пожизненное заключение или смерть. Имеет ли он право бежать? Имеет ли он право нанести ущерб другому человеку, чтобы убежать из тюрьмы? Это совсем иной вопрос, чем вопрос о том, может ли индивид, который незаконно нападает (или участвует в нападении) на другого, оправдывать себя тем, что он совершил убийство в порядке самообороны, когда тот, на кого он напал, защищая себя, подверг угрозе жизнь нападавшего. Здесь ответ один —

²² Это следует из представлений Локка, согласно которым каждый гражданин, апеллирующий к высшей государственной инстанции, оказывается в естественном состоянии по отношению к ней, потому что дальше апеллировать не к кому. Соответственно он и по отношению к государству в целом оказывается в естественном состоянии. Кроме того, граждане «вольны воззвать к небесам, если они считают повод достаточно серьезным. И следовательно, хотя народ не может быть судьей, обладающим по конституции этого общества высшей властью для определения и вынесения действительного приговора в этом случае, все же он сохраняет по закону, предшествующему и превосходящему все положительные законы людей, то окончательное определение, которым обладает все человечество в тех случаях, когда не к кому обратиться на земле, а именно правом судить о том, имеется ли у него достаточный повод воззвать к небесам. И лишиться этого суждения народ не может...» (John Locke, *Two Treatises of Government*, 2nd ed., ed. Peter Laslett (New York: Cambridge University Press, 1967), II, sect. 168; see also sect. 20, 21, 90–93, 176, 207, 241, 242 [Локк Дж. Два трактата о правлении. Книга II, §168; см. также: Книга II, §20, 21, 90–93, 176, 207, 241, 242]).

«нет». Прежде всего напавший не должен был нападать; если бы он не напал, никто не угрожал бы его жизни, и эта угроза его никак не оправдывает. Его задача — выпутаться из этой ситуации, и если он не сумеет это сделать, то с точки зрения морали окажется в уязвимом положении. Зная, что их страна ведет захватническую войну, солдаты-зенитчики, защищающие военный объект, *не* имеют права в порядке самообороны стрелять по самолетам обороняющейся страны, которая действует в порядке самообороны, даже если самолеты летят прямо на них и собираются бомбить *их*. Принять решение о том, за правое ли дело он воюет, — это вопрос личной ответственности солдата; если он обнаружит, что вопрос запутан, неясен или ставит в тупик, он не имеет права переложить ответственность на своих командиров, которые, разумеется, скажут ему, что их дело — правое. Человек, который отказывается принимать участие в боевых действиях, может быть прав относительно того, что не участвовать в войне — его моральный долг; а если так, то не следует ли наказать другого, не протестующего солдата, за то, что он делает то, что противоречит его моральному долгу? Таким образом, мы возвращаемся к той идее, что каждый должен взять ответственность за свои действия на себя; мы отвергаем позицию морального элитаризма, что некоторые солдаты неспособны думать самостоятельно. (Разумеется, в них не поощряют способность думать самостоятельно, освобождая от всякой ответственности за действия, совершенные ими в рамках законов и обычаев войны.) Мы также не понимаем, почему политика является особой сферой человеческой деятельности. Точнее говоря, почему человек освобождается от ответственности за действия, совершаемые по политическим мотивам совместно с другими и под руководством или по приказу политических лидеров?²³

До сих пор мы исходили из того, что вам известно, что избранная другим человеком процедура осуществления правосудия отличается от вашей в худшую сторону. Теперь предположим, что вы не знаете ничего определенного о его процедуре отправления правосудия. Имеете ли вы право остановить его в порядке самообороны или поручить это своему охранному агентству только потому, что вам или вашему агентству не известно, надежны ли его

²³ Хотя сказанное в этом абзаце представляется мне убедительным, у меня остается некоторое беспокойство в связи с позицией, которую я отстаиваю. Для читателя, желающего заявить, бросая вызов этой книге, что в отношении *государства* возникают особые моральные принципы, этот сюжет может оказаться стимулирующим. Хотя если я здесь в чем и ошибаюсь, то ошибка относится, скорее, к ответственности, чем к государству.

процедуры? Есть ли у вас право на то, чтобы вашу виновность или невиновность и соответственно наказание определяла система, известная как честная и заслуживающая доверия? Известная кому? Тем, кто ее применяет, может быть известно, что она честная и заслуживает доверия. Есть ли у вас право на то, чтобы вашу виновность или невиновность и соответственно наказание определяла система, известная *вам* как честная и заслуживающая доверия? Нарушены ли права индивида, если он считает заслуживающим доверия только гадание на кофейной гуще или если он не в силах сосредоточиться и разобраться в описании систем, используемых другими, и поэтому не знает, заслуживают они доверия или нет, и т.п.? Можно считать государство авторитетом при разрешении сомнений относительно честности и надежности. Но, разумеется, нет никаких гарантий, что оно *действительно* разрешит сомнения (президент Йельского университета не считал, что «Черные пантеры» могут рассчитывать на беспристрастный суд), и нет никаких оснований предполагать, что оно решит эту задачу эффективнее, чем другой инструмент. Традиция естественных прав мало что говорит о том, какие в точности процессуальные права существуют в естественном состоянии, о том, каким образом встроено знание в различные компоненты принципов, устанавливающих требования к действиям человека, и т.п. При этом люди, находящиеся «внутри» этой традиции, не утверждают, что в ней *отсутствуют* процессуальные права, т.е. что человек не имеет права защищаться, если его пытаются подвергнуть не заслуживающей доверия или нечестной процедуре.

Как имеет право действовать доминирующее агентство?

Что в этом случае имеет право доминирующая защитная ассоциация запретить делать другим индивидам? Доминирующая защитная ассоциация может оставить за собой право решать, может ли та или иная судебная процедура применяться в отношении своих клиентов. Ассоциация может объявить, что накажет любого, кто применит к одному из ее клиентов процедуру, которую она находит ненадежной или нечестной, и действовать соответственно. Она накажет любого, кто применит к одному из ее клиентов процедуру, которую она уже оценила как ненадежную или нечестную, и будет защищать своих клиентов от попыток применить к ним подобную процедуру. Имеет ли она право объявить, что накажет любого, кто применит к одному из ее клиентов процедуру, которую она на момент наказания еще не одобрила как надежную или честную? Может ли она присвоить себе право заранее оценивать любую процедуру, которой предпола-

гается подвергнуть клиента, так что будет наказан каждый, применивший к клиенту процедуру, еще не получившую одобрения защитной ассоциации? Очевидно, что индивиды сами по себе такого права не имеют. Сказать, что индивид вправе наказать любого, кто применяет к нему не получившую его одобрения судебную процедуру, означало бы, что преступник, не признающий ни одну судебную процедуру, имеет законное право наказать любого, кто попытался наказать его. Можно было бы предположить, что защитная ассоциация имеет право на это, потому что она не было бы пристрастна к своим клиентам в этом отношении. Но гарантий ее беспристрастности не существует. И ранее мы не смогли обнаружить, каким образом новое право такого рода могло бы возникнуть из комбинации предшествовавших ему прав отдельных индивидов. Мы должны сделать вывод, что защитные ассоциации, в том числе единственная и доминирующая, не имеют такого права.

У каждого индивида, безусловно, есть право на то, чтобы была публично доступной или доступной лично ему информация, достаточная для демонстрации того, что судебная процедура, которую предполагается применить к нему, является честной и надежной (или не менее честной и надежной, чем другие процедуры, применяющиеся на практике). У него есть право на то, чтобы ему продемонстрировали, что его делом будет заниматься честная и достойная доверия система. В отсутствие доказательств этого он имеет право защищать себя и сопротивляться применению к нему малоизвестной системы. Когда информация находится в публичном доступе или доступна для него, у него есть возможность судить о том, насколько процедура является честной и достойной доверия²⁴. Он изучает эту информацию, и, если обнаруживает, что система достаточно честна и надежна, он должен ей подчиниться; а если поймет, что она нечестная и ненадежная, то имеет право сопротивляться. Его подчинение означает, что он отказывается наказывать другого человека за использование этой системы. Однако он может противиться проведению в жизнь конкретного решения этой системы на том основании, что он невиновен. Если он предпочитает не сопротивляться, ему необязательно сотрудничать с системой в процессе установления его виновности

²⁴ Имеет ли право тот, у кого была возможность познакомиться с процедурой, заявить, что он не успел изучить соответствующую информацию, а потому будет защищаться против любого человека, который попытается подвергнуть его этой процедуре? Вероятно, нет, если процедура хорошо известна и существует достаточно давно. Но даже в этом случае этому человеку можно было бы *даровать* дополнительное время на изучение процедуры.

или невинности. Поскольку его вина еще не установлена, на него нельзя давить и добиваться от него сотрудничества. Но благо-разумие могло бы подсказать ему, что он увеличит шансы на оправдательный приговор, если будет сотрудничать, приводя доводы в свою защиту.

Принцип заключается в том, что человек имеет право сопротивляться в порядке самозащиты, когда другие пытаются применить к нему ненадежную или нечестную судебную процедуру. Применяя этот принцип, человек будет сопротивляться тем системам, которые после добросовестного изучения он сочтет нечестными или ненадежными. Индивид имеет право уполномочить свое охранное агентство осуществить от его имени его право на защиту от любой процедуры, о которой не известно, что она является честной и заслуживает доверия, а также от любых нечестных и не заслуживающих доверия процедур. В главе 2 мы кратко описали процессы, приводящие к доминированию на данной территории одной защитной ассоциации или доминирующей федерации защитных ассоциаций, использующих правила для мирного разрешения взаимных конфликтов. Такая доминирующая защитная ассоциация запретит кому бы то ни было применять к ее членам любую процедуру, относительно которой нет достаточной информации в пользу того, что она является честной и заслуживающей доверия. Доминирующая ассоциация также запретит кому бы то ни было применять к ее членам заведомо не внушающие доверия или нечестные процедуры; следовательно, поскольку ее члены применяют этот принцип и достаточно сильны для этого, другим запрещено применять к членам ассоциации какие бы то ни было процедуры, которые ассоциация сочла нечестными или не заслуживающими доверия. Если пренебречь возможностями обхода системы, можно считать, что любой нарушитель этого запрета будет наказан. Защитная ассоциация опубликует список процедур, которые она считает честными и надежными (а может быть, и список ненадежных); и только отчаянный смельчак рискнет применить еще не получившую одобрения процедуру. Поскольку клиенты ассоциации будут рассчитывать на то, что она сделает все возможное, чтобы оградить их от не внушающих доверия процедур, ассоциация будет постоянно обновлять свой список, стремясь охватить все известные публике процедуры.

Нас могут упрекнуть, что, выдвинув предположение о существовании процессуальных прав, мы слишком упростили себе задачу. Разве человек, который сам *нарушил* чужие права, имеет право на то, чтобы для установления этого факта использовалась честная и заслуживающая доверие процедура? Да, действительно, ненадежная процедура будет слишком часто признавать невинного виновным. Но разве применение такой

ненадежной процедуры к *виновному* нарушает какие-нибудь его права? Имеет ли он право, в порядке самозащиты, сопротивляться применению к нему такой процедуры? Но от чего он стал бы защищать себя? От слишком высокой вероятности наказания, которого он заслуживает? Для нашего анализа эти вопросы важны. Если виновный не имеет права защищать себя от таких процедур и не имеет права наказать того, кто применяет их против него, тогда имеет ли право его охранное агентство защищать его от этих процедур или наказать того, кто применил их к его клиенту, независимо от того, был ли клиент признан виновным (следовательно, даже если был)? Можно предположить, что агентство имеет право только на те действия, которые переданы ему его клиентами. Но если у виновного клиента нет такого права, он не может передать его агентству.

Агентство, конечно, не *знает*, что его клиент виновен, тогда как сам клиент знает это (предположим). Но разве это различие в знаниях дает искомое отличие? Разве агентство в такой ситуации не должно исследовать вопрос о виновности своего клиента вместо того, чтобы действовать исходя из его невинности? Разница в состоянии знаний агентства и клиента *может* привести к следующему различию. При некоторых обстоятельствах агентство имеет право защищать своего клиента от наказания, одновременно изучая вопрос о его виновности. Если агентство знает, что наказываемая сторона использовала надежную процедуру, оно соглашается с вердиктом о виновности клиента и не может вмешиваться, исходя из предположения о том, что клиент, возможно, невинен. Если агентство признает процедуру ненадежной или не знает, насколько она надежна, ему не нужно исходить из предположения, что клиент виновен, и оно может само расследовать дело. Если в результате расследования оно устанавливает виновность клиента, оно позволяет его наказать. Логика защиты клиента от наказания довольно проста, если не считать вопроса о том, должно ли агентство компенсировать наказываемой стороне издержки, возникшие в результате необходимости отложить наказание на время, нужное для того, чтобы агентство убедилось в виновности своего клиента. Как представляется, охранное агентство должно выплатить компенсацию тем, кто использует сравнительно ненадежную процедуру, за любые неудобства, созданные вынужденным промедлением в реализации решения; а тем, кто использует процедуру, надежность которой неизвестна, оно должно заплатить полную компенсацию в случае, если процедура оказалась надежной, а в противном случае — компенсировать неудобства. (На ком лежит бремя доказательств в вопросе о надежности процедур?) Поскольку агентство имеет возможность возместить эти расходы (принудительно) за счет

средств клиента, который заявлял о своей невинности, это будет своего рода механизмом сдерживания ложных заявлений о невинности*.

С предоставляемой агентством временной защитой от наказания все сравнительно ясно. Менее ясно, как следует действовать агентству после осуществления наказания. Если процедура была надежной, агентство ничего не предпринимает против тех, кто применил наказание. Но имеет ли право агентство наказать кого-либо, кто наказывает его клиента, исходя из того, что процедура была ненадежной? Может ли оно наказать этого человека независимо от того, виновен *был* его клиент или невинен? Или оно должно провести собственное расследование с использованием собственной надежной процедуры, чтобы установить факт его вины или невинности и наказать наказавших его клиента *только* в случае его невинности? (Или так: если оно не сумеет доказать его виновности?) По какому праву охранное агентство могло бы объявить, что накажет любого, наказавшего его клиента в результате применения ненадежной процедуры, вне зависимости от виновности или невинности своего клиента?

Человек, использующий ненадежную процедуру, а потом действующий в соответствии с ее результатами, навязывает другим риск независимо от того, дала ли его процедура осечку в конкретном случае. То же самое происходит, когда кто-то устраивает для другого человека русскую рулетку и после нажатия на спусковой крючок револьвер не стреляет. Охранное агентство имеет право относиться к тому, кто осуществляет правосудие на основе ненадежной процедуры, так же, как к любому, кто совершает опасные действия. В главе 4 мы рассмотрели ряд уместных в разных ситуациях реакций на опасные действия: запрет, компенсация тем, чьи границы были нарушены, и компенсация всем, кто подвергается риску нарушения границ. Не внушающий доверия правоприменитель либо совершает, либо не совершает действий,

* Нет сомнений, что клиенты поручат агентству действовать так, как описано в тексте, если сам клиент не в состоянии сказать, виновен он или нет, например, потому что он находится без сознания, и согласятся возместить любую компенсацию, которую агентству придется заплатить стороне, собирающейся его наказать.

Такая защита от ложных заявлений о невинности может помешать некоторым невинным людям, против которых говорят все факты, заявлять о своей невинности. Такого рода случаев будет немного, но, чтобы их избежать, человека, которого признали виновным вне всяких обоснованных сомнений после того, как он заявлял о своей невинности, можно было бы освободить от наказания за лжесвидетельство.

внушающих страх другим людям; и то, и другое могло бы иметь целью получить компенсацию за причиненный ранее ущерб или свершить возмездие²⁵. Человек, который использует ненадежную процедуру правоприменения и в результате совершает какие-то действия, *не вызывающие страха*, не будет наказан после этого. Если окажется, что человек, по отношению к которому он совершил эти действия, был виновен, а компенсация, которую он взыскал, — соразмерной, все останется без последствий. Если окажется, что человек, по отношению к которому тот совершил эти действия, невинен, то ненадежный правоприменитель может быть принужден к выплате ему полной компенсации.

С другой стороны, не вызывающим доверия правоприменителям может быть запрещено налагать санкции, ожидание которых могло бы вселить в людей страх. Почему? Если применение санкций на основе ненадежных процедур будет происходить достаточно часто, чтобы породить всеобщий страх, такое ненадежное правоприменение может быть вообще запрещено, чтобы избежать общего некомпенсируемого страха. Не внушающий доверия правоприменитель может быть наказан за то, что он применил внушающую страх санкцию к невинному, даже если он делает это редко. Но если он действует редко и не вселяет всеобщий страх, почему он может быть наказан за применение внушающих страх санкций *к виновному*? Наказание ненадежных правоприменителей за то, что они наказывают виновных, могло бы помочь отвлечь их от использования своих ненадежных процедур по отношению к кому бы то ни было, а следовательно, и от их использования по отношению к невинным. Но не любые средства, которые могли бы помочь в сдерживании активности ненадежных правоприменителей, можно использовать. Вопрос в том, правомерно ли было бы наказать постфактум ненадежного правоприменителя, если он наказал того, кто потом оказался виновным.

Никто не имеет права использовать сравнительно ненадежную процедуру, чтобы решить вопрос о том, наказывать ли другого человека. Ведь тот, кто использует такую систему, не может быть в достаточной степени уверен, что другой заслуживает наказания, а потому он не имеет права наказать его. Но как мы

²⁵ В категории «взыскание компенсации, вызывающее страх» будет немного случаев, но она не будет пустой. Взыскание компенсации может включать действия, вызывающие у людей страх, поскольку подразумевает их принудительный труд в целях выплаты компенсации; может ли взыскание компенсации состоять в непосредственном причинении вызывающих страх последствий, так как только это способно вернуть жертву на ее прежнюю кривую безразличия?

можем утверждать это? Если другой человек совершил преступление, разве в естественном состоянии не у *каждого* есть право наказать его? А следовательно, в том числе у того, кто не знает, что данный человек совершил преступление. Здесь, как мне представляется, перед нами терминологическая проблема: как совместить эпистемологические факторы с правами. Следует ли нам сказать, что индивид не имеет права делать определенные вещи, пока не знает определенных фактов, или следует сказать, что он имеет такое право, но поступает неправильно, если реализует его, не узнав определенных фактов? Возможно, корректнее выбрать один из способов, но и с помощью другого способа мы можем сказать все, что мы пожелаем; существует простой перевод одного способа выражения в другой, и наоборот²⁶. Мы выберем второй способ; если уж на то пошло, в таком виде наш аргумент будет выглядеть *менее* убедительным. Если мы предположим, что каждый имеет право взять то, что украл вор, тогда, в этой терминологии, тот, кто забирает у вора краденую вещь, не зная, что она была украдена, имел право ее забрать; но поскольку он не знал, что у него было это право, *его* поступок был неправильным и недозволенным. Хотя ни одно из прав первого вора не нарушено, второй этого не знал и поэтому действовал неправильно и недопустимым образом.

Вооружившись этой терминологической вилкой, можно предложить эпистемологический принцип нарушения границ: если действие *A* нарушило бы права индивида *Q*, если не соблюдено условие *C*, тогда тот, кто не знает, соблюдено ли *C*, не имеет права совершить действие *A*. Поскольку можно предположить, что все люди знают, что наказание человека является нарушением его прав, если он не виновен в преступлении, можно обойтись более слабым принципом: если кто-либо *знает*, что действие *A* нарушило бы права *Q*, если не соблюдено условие *C*, он не имеет права сделать *A*, если не знает, что условие *C* *соблюдено*. Для наших целей достаточно еще более слабой формулы: если кто-либо знает, что действие *A* нарушило бы права *Q*, если не соблюдено

²⁶ Гилберт Харман предлагает использовать «простоту перевода» в качестве критерия того, что различия имеют чисто вербальный характер, см: Gilbert Harman, "Quine on Meaning and Existence," *Review of Metaphysics*, 21, no. 1 (September 1967). Если мы хотим сказать, что между двумя лицами, разделяющими одни и те же убеждения, но говорящими на разных языках, существуют всего лишь вербальные различия, тогда критерий Хармана будет включать в качестве «простой» такую сложную операцию, как перевод с одного естественного языка на другой. Вне зависимости от интерпретации подобных ситуаций в нашем случае критерий применим.

условие *C*, он не имеет права сделать *A*, если он не удостоверился в выполнении *C*, использовав все возможные средства, которые позволяют точно убедиться в этом. (Такое ослабление консеквента позволяет также избежать различных проблем, связанных с эпистемологическим скептицизмом.) Любой имеет право наказать нарушителя этого запрета. Точнее говоря, у каждого есть право наказать нарушителя; но люди имеют право сделать это, только если сами не нарушат своими действиями этот запрет, т.е. если они сами, использовав все возможные средства, позволяющие это установить, убедились, что другой человек нарушил запрет.

С этой точки зрения то, что человек имеет право сделать, ограничено *не* только правами других. Ненадежный правоприменитель не нарушает прав виновного, но тем не менее он не имеет права его наказывать. Это дополнительное пространство создано эпистемологическими соображениями. (Данный вопрос мог бы оказаться перспективной областью для исследования, если бы можно было не погрязнуть в трясине соображений о «субъективном долженствовании» и «объективном долженствовании».) Заметьте, что в этой интерпретации человек не имеет права на то, чтобы его наказывали только на основании сравнительно надежной процедуры. (Хотя он может, если хочет, дать согласие на использование по отношению к нему менее надежной процедуры.) С этой точки зрения многие процессуальные права имеют источником не права того, по отношению к кому совершается действие, а моральные соображения относительно того или тех, кто совершает действие.

Я не вполне уверен, что здесь верно выбрана отправная точка. Возможно, тот, по отношению к кому совершается действие, имеет такие процессуальные права по отношению к тому, кто использует ненадежную процедуру. (Но в чем состоит жалоба *виновного* на ненадежную процедуру? Что она, скорее всего, накажет его несоответствующим образом? Нужно ли сделать так, чтобы тот, кто использует ненадежную процедуру, выплачивал компенсацию наказанному им виновному человеку за нарушение его прав?) Мы уже видели, что наш довод в пользу того, чтобы охранное агентство наказывало сторону, использующую ненадежную процедуру, за наказание клиента, был бы более убедителен, если бы это было так. Клиент мог бы просто уполномочить свое агентство делать все необходимое для обеспечения его процессуальных прав. В порядке вспомогательного аргумента мы показали, что наш вывод остается в силе даже без предположения о существовании процессуальных прав. (Мы не имеем в виду, что таких прав не существует.) И в том, и в другом случае охранное агентство может наказать человека, использующего ненадежную или нечестную процедуру, который (против воли клиента) наказал

одного из его клиентов, независимо от того, виновен был клиент или нет, а значит, даже в том случае, если он виновен.

Монополия de facto

В соответствии с традицией теоретического мышления о государстве, которую мы кратко обсудили в главе 2, государство претендует на монополию на применение силы. Появился ли уже в нашем описании доминирующего охранного агентства какой-либо элемент монополии? *Каждый* имеет право защищать себя от неизвестных или ненадежных процедур и наказать тех, кто использует или пытается использовать такие процедуры по отношению к нему. В качестве представителя клиента защитная ассоциация имеет право делать это для своих клиентов. Она признает, что каждый индивид, в том числе те, кто *не* присоединился к ассоциации, имеет это право. Пока что никаких претензий на монополию нет. Конечно, в полномочиях ассоциации есть универсальный элемент: право определять качество всех процедур *вне* зависимости от того, кем они применяются. Но она не претендует на то, чтобы быть единственной, кто обладает этим правом, — оно есть у каждого. Поскольку не утверждается, что есть некое право, принадлежащее ассоциации и только ей, нет и притязаний на монополию. Тем не менее в отношении своих собственных клиентов ассоциация применяет и принудительно обеспечивает те права, которые она признает за всеми. Она считает свои собственные процедуры надежными и честными. У нее будет проявляться выраженной тенденция считать все иные процедуры или даже «те же самые», но применяемые другими, ненадежными или нечестными. Но нет нужды предполагать, что ассоциация исключает *всякую* иную процедуру. У каждого есть право защищаться от процедур, которые не являются честными и надежными или не известны в качестве таковых. Поскольку доминирующая защитная ассоциация считает собственные процедуры надежными и честными и полагает, что это общеизвестно, она не позволит никому защищаться от *них*; это означает, что она накажет каждого, кто так поступит. Доминирующая защитная ассоциация будет действовать свободно, основываясь на своем понимании ситуации, тогда как все остальные будут не в состоянии делать это безнаказанно. Хотя монополия не объявлена, доминирующая ассоциация занимает уникальную позицию в силу своего могущества. Она и только она принудительно обеспечивает запрет на практикуемые другими процедуры отправления правосудия так, как считает нужным. Она не претендует на право произвольно вводить запреты для других людей; она объявляет только о своем праве

запретить любому человеку использовать против ее клиентов процедуры, обладающие доказанными дефектами. Но когда она, с ее точки зрения, действует против действительно дефектных процедур, другие люди могут видеть в этом действия против того, что ассоциация *считает* дефектными процедурами. Лишь она одна будет действовать свободно против того, что считает дефектными процедурами, что бы ни считали остальные. В качестве самого могущественного «применителя» принципов, право на *правильное* применение которых она признает за каждым человеком, она обеспечивает санкцией выполнение своей воли, которую, глядя «изнутри», считает правильной. Из силы ассоциации проистекает ее практическое положение как правоприменителя последней инстанции и судьи последней инстанции в отношении ее клиентов. Заявляя лишь об универсальном праве действовать правильно, она действует правильно, со своей точки зрения. Она одна находится в положении, которое позволяет ей действовать, исключительно руководствуясь своей точкой зрения.

Представляет ли собой монополию это исключительное положение? Доминирующая защитная ассоциация не претендует на исключительное обладание каким-либо правом. Но ее сила приводит ее к тому, что она оказывается единственным агентом, который действует на всем поле, чтобы принудительно обеспечить конкретное право. Дело не просто в том, что она случайно *оказывается* единственным субъектом, способным реализовать право, обладание которым она признает за всеми; природа этого права такова, что как только возникает доминирующая сила, только она будет на деле пользоваться этим правом. Дело в том, что это право включает право удержать других от неправильного пользования этим правом, и только доминирующая сила будет иметь возможность использовать это право против всех остальных людей. Здесь самое подходящее место для использования понятия монополии *de facto*; она не является монополией *де-юре*, потому что не является результатом уникального акта, предоставившего ей какое-то исключительное право, в то время как все остальные лишены такой привилегии. Разумеется, другие охранные агентства могут выйти на рынок и попытаться отбить клиентов у доминирующего охранного агентства. Они могут попытаться сменить его в качестве доминирующей организации. Но то, что оно уже доминирует на рынке, дает доминирующему агентству значительное рыночное преимущество в деле конкуренции за клиентов. Доминирующее агентство может гарантировать клиентам то, что не в состоянии сделать конкуренты: «В отношении наших клиентов будут применяться только те процедуры, которые *мы* считаем корректными».

Сфера деятельности доминирующего охранного агентства *не* распространяется на ссоры не-клиентов *между собой*. Охранное

агентство, по-видимому, не имело бы права вмешаться, если один «независимый» собирался применить свою процедуру правосудия к другому «независимому». У него было бы право, как и у всех нас, помочь сопротивляющейся жертве, права которой находятся под угрозой. Но поскольку оно не имеет права вмешаться по патерналистским мотивам, то в случае, если бы оба «независимых» были удовлетворены *своей* процедурой правосудия, их конфликт не дело охранного агентства. Это не доказывает того, что доминирующая защитная ассоциация не является государством. Государство тоже могло бы воздержаться от участия в спорах, все участники которых предпочли бы выйти из-под юрисдикции государственного аппарата. (Хотя для людей было бы более трудным делом частично выйти из-под юрисдикции государства, выбрав негосударственную процедуру для разрешения конкретного конфликта. Дело в том, что в ходе такого частного урегулирования, апелляции при их реакции на его результат, могли бы оказаться затронуты и такие области, которые не все заинтересованные стороны добровольно исключили из сферы полномочий государства.) Разве каждому государству не следовало бы (и не обязано ли оно) предоставить гражданам такую возможность?

Защищая других

Если охранное агентство считает используемые «независимыми» процедуры принудительного обеспечения их прав недостаточно надежными и честными, когда речь идет о его клиентах, оно запретит «независимым» такое самообслуживание в сфере правоприменения. Основанием для этого запрета является то, что самообслуживание в сфере правоприменения является источником опасности для клиентов агентства. Поскольку запрет делает абсолютно несерьезными угрозы со стороны «независимых» наказать клиентов, нарушающих их права, он лишает их возможности защитить себя от ущерба и ставит в невыгодное положение в их повседневной жизни и деятельности по сравнению с клиентами. Однако вполне возможно, что деятельность «независимых», включая самостоятельное правоприменение, будет происходить без нарушения чьих-либо прав (если оставить в стороне вопрос о процессуальных правах). Согласно сформулированному в главе 4 принципу компенсации в этой ситуации лица, провозгласившие запрет и получающие от него выгоду, должны выплатить компенсацию тем, кто поставлен запретом в неблагоприятные условия. Таким образом, клиенты охранного агентства должны компенсировать «независимым» то ухудшение их положения по сравнению с остальными, причиной которого стал запрет на само-

стоятельное обеспечение прав санкциями в отношениях с клиентами агентства. Несомненно, наименее затратным способом компенсации было бы *предоставление* «независимым» бесплатных услуг по защите в ситуациях конфликта между ними и платными клиентами охранного агентства. Это будет дешевле, чем оставить их без защиты от нарушений их прав (т.е. не наказывать клиентов, нарушающих их права), а потом пытаться покрыть им ущерб от нарушения прав (и ущерб от того, что они были поставлены в положение, создающее условия для нарушения их прав). Если бы это *не было* дешевле, люди не покупали бы услуги охранных служб, а сэкономили бы деньги и за счет этого покрывали бы свои потери, создав для этого страховой пул.

Должны ли клиенты охранного агентства *платить* за охраняемые услуги для «независимых» (в отношениях с его клиентами)? Могут ли они настоять на том, чтобы «независимые» сами покупали эти услуги? В конце концов процедура самостоятельного правоприменения для «независимого» были бы связаны с издержками. Принцип компенсации не требует от тех, кто запрещает эпилептику водить машину, полностью оплачивать его расходы на такси, личного шофера и т.п. Если бы эпилептику было разрешено водить машину, у него тоже были бы расходы: на покупку автомобиля, страховку, бензин, ремонт и ухудшение состояния здоровья. Чтобы компенсировать ухудшение положения, тем, кто запрещает, следует заплатить только ту сумму, которая покрывает сравнительные неудобства его положения вследствие запрета, минус расходы, которые бы он нес, если бы запрета не было. Тем, кто вводит запрет, не нужно оплачивать полную стоимость такси; они должны выплатить только ту сумму, которой в сочетании с непроизведенными расходами на собственный автомобиль достаточно для оплаты такси. Они могут обнаружить, что им дешевле предоставить не финансовую компенсацию неудобств, а компенсацию в натуральном виде; они могут организовать предоставление каких-то услуг, которые полностью устраняют или уменьшают сравнительные неудобства, компенсируя в денежной форме только остаток.

Если запрещающая сторона выплачивает жертве запрета денежную компенсацию, покрывающую неблагоприятность ее ситуации *минус* расходы, которых потребовала бы запрещаемая деятельность, не будь она запрещена, этой суммы может быть недостаточно, чтобы жертва запрета преодолела возникшие вследствие запрета затруднения. Если бы затраты на осуществление запрещенной деятельности были чисто денежными, индивид мог бы присоединить компенсационные выплаты к непотраченным деньгам и приобрести эквивалентную услугу. Но если его издержки не были бы чисто денежными, а включали бы его усилия, время и т.п., как в случае с «независимыми» и самостоятельным обеспечением

прав санкцией, то денежной выплаты не хватило бы на то, чтобы преодолеть последствия неблагоприятного положения, купив эквивалент того, что ему запрещено. Если бы у «независимого» были другие финансовые ресурсы, которые он мог бы использовать, не ухудшая своего положения относительно остальных, то выплат по описанному выше принципу было бы достаточно, чтобы его положение не ухудшилось. Но *если* у него нет дополнительных финансовых ресурсов, охранное агентство *не имеет права* заплатить ему *меньше*, чем стоит его самый дешевый охранный полис, потому что иначе «независимый» либо останется беззащитным против злоупотреблений со стороны клиентов агентства, либо должен будет пойти работать на рынок зарабатывать недостающую для оплаты полиса сумму. Этому индивиду (из-за запрета попавшему в тяжелую финансовую ситуацию) агентство должно возместить разницу между *денежной* стоимостью запрещенной для него деятельности и суммой, необходимой для покупки того, что уравнивает или компенсирует причиненные ему помехи. Тот, кто запрещает, должен полностью предоставить компенсацию — в натуре или деньгами, — достаточную для преодоления созданных запретом неблагоприятных условий. Тем, кто может купить для себя охранные услуги, не испытывая затруднений, выплачивать компенсацию не нужно. Тем, кто находится в более стесненных обстоятельствах, для кого соответствующая деятельность до запрета не была связана с финансовыми расходами, агентство должно покрыть разницу между средствами, которые они могут сэкономить в случае отсутствия препятствия, создаваемого запретом, и стоимостью охранных услуг. Тем, для кого незапрещенная деятельность была связана с какими-то финансовыми расходами, запрещающая сторона должна предоставить дополнительные денежные средства (сверх того, что этот человек может сэкономить в случае отсутствия препятствия, создаваемого запретом), необходимые для компенсации неблагоприятных последствий запрета. Если компенсация предоставляется натурой, запрещающая сторона может выставить жертве запрета, находящейся в стесненных финансовых обстоятельствах, счет на сумму его денежных расходов на незапрещенную деятельность при условии, что эта сумма не больше, чем цена услуги²⁷. Будучи фактически единственным поставщиком на рынке, доминирующее охранное агентство должно предложить в качестве компенсации разницу между ценой своих услуг и денежными расходами на самостоятельное

²⁷ Имеют ли право те, кто устанавливает запрет, потребовать от жертвы запрета, чтобы она оплатила неденежные издержки (время, энергию и др.), которые она понесла бы в результате своих действий по правоприменению, если бы они не были запрещены?

правоприменение для жертвы запрета. Оно почти во всех случаях получит эти деньги обратно в качестве частичной платы за охранный полис. Само собой разумеется, что все эти сделки и запреты относятся только к тем, кто использует ненадежные или нечестные правоприменительные процедуры.

Таким образом, доминирующее охранное агентство должно предоставлять «независимым» (т.е. всем, кому оно запрещает заниматься самостоятельным правоприменением в отношении его клиентов на том основании, что применяемые этими людьми процедуры являются ненадежными или нечестными) услуги по охране от своих клиентов; некоторым из них ему придется предоставлять эти услуги по более низкой цене, чем всем остальным. Конечно, «независимые» имеют право отказаться платить и обходиться без этих компенсаторных услуг. Если доминирующее охранное агентство будет оказывать «независимым» охранные услуги на таких условиях, не приведет ли это к тому, что его клиенты откажутся от обслуживания в качестве клиентов, чтобы получать его услуги бесплатно? Вряд ли таких случаев будет много, потому что компенсация выплачивается только тем, кто не в состоянии был бы заплатить агентству, не испытав серьезных затруднений, а ее величина рассчитана таким образом, что если ее сложить с суммой, эквивалентной произведенным индивиду денежным расходам на самостоятельное правоприменение, а также с суммой, которую данный индивид мог бы заплатить без труда, полученной суммой хватило бы на самый дешевый полис. Более того, агентство защищает тех «независимых», которым оно компенсирует неблагоприятные последствия запрета, только от своих платных клиентов, по отношению к которым «независимым» запрещено самостоятельное правоприменение. Чем больше безбилетников, тем приятнее быть клиентом, всегда находящимся под защитой агентства. Этот фактор, в сочетании с остальными, способствует уменьшению количества безбилетников и сдвигает равновесие в сторону ситуации, в которой почти все покупают услуги агентства.

Государство

В главе 3 мы поставили перед собой задачу показать, что доминирующая на какой-либо территории защитная ассоциация удовлетворяет двум ключевым необходимым условиям для того, чтобы считаться государством: она 1) имеет монополию требуемого вида на использование силы в пределах этой территории и 2) защищает на этой территории права каждого человека, даже если этого можно достичь только путем «перераспределения». Именно из-за этих ключевых свойств анархисты-индивидуалисты

осуждают государство как аморальный институт. Мы также поставили перед собой задачу показать, что эти элементы монополии и перераспределения сами по себе морально оправданы, показать, что переход от естественного состояния к ультраминимальному государству (элемент монополии) морально оправдан и не нарушает ничьих прав и что переход от ультраминимального государства к минимальному (элемент «перераспределения») также морально оправдан и не нарушает ничьих прав.

Доминирующее на какой-либо территории охранное агентство целиком и полностью удовлетворяет двум необходимым ключевым условиям, чтобы называться государством. Оно является единственным субъектом, способным силой обеспечить запрет на использование другими ненадежных правоприменительных процедур (по мере их выявления), и, кроме того, осуществляет надзор за процедурами. Кроме того, это агентство защищает тех не-клиентов в рамках своей территории, которым оно запретило самостоятельно обеспечивать санкцией свои права в отношениях с его клиентами, даже если их защиту должны финансировать (на первый взгляд через перераспределение) сами клиенты. К тому, чтобы так поступать, агентство морально обязывает принцип компенсации, который требует от тех, кто, действуя в целях самозащиты и для повышения собственной безопасности, запрещает другим совершать рискованные действия, которые на практике могут оказаться безвредными²⁸, компенсировать неблагоприятные условия, создаваемые запретом для тех, на кого распространяется запрет.

В начале главы 3 мы отметили, что ответ на вопрос о том, будет ли предоставление защитных услуг одним людям за счет других носить «перераспределительный характер», зависит от причин этих действий. Теперь мы видим, что эти действия могут не являться перераспределительными, поскольку их можно оправдать не связанными с перераспределением причинами, вытекающими из принципа компенсации. (Вспомните, что термин «перераспределительный» применим к причинам, породившим какую-либо практику или институт, а к самому институту — только для краткости.) Для большей наглядности можно представить себе, что охранные агентства предлагают два типа охранных полисов: первый — предоставляющий защиту от рискованных видов осуществления правосудия в частном порядке, а второй — не предоставляющий такой услуги, а обеспечивающий защиту только от воровства, физического насилия и т.п. (предположим, что в ходе частного осуществления правосудия таких вещей не происходит). Поскольку запрет на частное правоприменение установлен толь-

²⁸ Здесь, как и повсюду в этой книге, «вред» («ущерб») означает только нарушение границ.

ко в интересах клиентов — держателей полисов первого типа, то платить компенсацию за неблагоприятные условия, создаваемые этим запретом для «независимых», должны будут только они. Держатели только полисов второго типа не должны будут оплачивать охранные услуги для других людей, потому что нет ничего такого, что они должны были бы компенсировать. Поскольку причины, по которым люди будут желать оградить себя от частного отправления правосудия, очень серьезны, почти все покупатели охранных услуг, несмотря на дополнительные расходы, будут приобретать полис первого типа и вследствие этого вносить свой вклад в предоставление защиты «независимым».

Мы справились с нашей задачей и объяснили, как государство может возникнуть из естественного состояния так, что ничьи права не будут нарушены. Моральные возражения анархистов-индивидуалистов против минимального государства преодолены. Оно не представляет собой несправедливого навязывания монополии; монополия *de facto* возникает сама собой в процессе типа «невидимой руки», с использованием *морально приемлемых средств*, без нарушения чьих-либо прав и без чьих-либо претензий на особые права, которых лишены другие. А в требовании, чтобы клиенты этой монополии *de facto* оплачивали услуги по защите тех, кому они запрещают самостоятельно обеспечивать свои права санкцией, нет ничего аморального, напротив, это моральное требование, вытекающее из описанного в общих чертах в главе 4 принципа компенсации.

В главе 4 мы подробно обсудили возможность запрета тем или иным людям совершать действия, если у них отсутствуют средства, чтобы компенсировать другим возможные вредные последствия этих действий или если их ответственность, которая может наступить в результате этих действий, не застрахована на сумму, достаточную для уплаты компенсации. Если этот запрет правомерен, то согласно принципу компенсации лица, на которых он распространяется, должны были бы получить компенсацию за навязанные им неблагоприятные условия и смогли бы на эти деньги купить себе страховку! Компенсацию получили бы только те, кто оказался в неблагоприятных условиях вследствие запрета, иными словами, те, у кого нет ресурсов, которые они могли бы потратить на страхование ответственности, не ухудшив серьезно своего материального положения. Когда эти люди тратят компенсационные выплаты на страхование ответственности, это эквивалентно бесплатному общественному предоставлению им этой услуги. Она предоставляется только тем, кто не в состоянии купить ее сам, и покрывает только рискованные действия, подпадающие под принцип компенсации, — те действия, которые правомерно запрещены, если они не застрахованы (при условии, что за неблагоприятные условия,

которые являются следствием запрета, выплачивается компенсация), действия, запрет которых поставил бы людей в неблагоприятное положение по сравнению с другими. Предоставление такой страховки почти наверняка было бы наиболее дешевым способом компенсировать неблагоприятные условия от запрета для тех, чьи действия представляют для других нормальный уровень опасности. Поскольку в этом случае они были бы застрахованы от риска ответственности за нанесение ущерба другим людям, эти действия не были бы им запрещены. Таким образом, мы видим, что если бы было легитимно запрещать некоторые действия тем, кто не застраховал ответственность, и если бы это было сделано, то в результате следования бескомпромиссно либертарианским моральным принципам возникло бы еще одно свойство государства, *кажущееся* перераспределительным! (Восклицательный знак обозначает мое изумление.)

Является ли доминирующее на какой-то территории охранное агентство территориальным *государством*? В главе 2 мы видели, насколько трудно точно сформулировать идею монополии на применение силы так, чтобы полученное определение не рассыпалось при предъявлении очевидных контрпримеров. Обычно объясняется, что понятие монополии нельзя использовать для получения достоверного ответа на наш вопрос. Найденное в каком-либо тексте тщательно сформулированное определение может быть принято нами только в том случае, если это определение пригодно для применения в столь же сложных случаях, как рассмотренные нами, и с успехом применялось для анализа широкого спектра таких случаев. Никакая классификация не может дать полезного ответа на наш вопрос попутно, в результате счастливой случайности.

Рассмотрим следующее дискурсивное описание, принадлежащее перу антрополога:

«Концентрация всей физической силы в руках центральной власти — это главная функция государства [state] и его определяющая характеристика. Для наглядности рассмотрим, чего нельзя сделать при государственной форме правления: в обществе, управляемом государством, никто не может отнять у другого жизнь, нанести ему телесные повреждения, посягнуть на его собственность или причинить ущерб его репутации иначе как с разрешения государства. Должностные лица государства имеют полномочия отнять у человека жизнь, подвергнуть его телесным наказаниям, конфисковать его собственность в порядке взыскания штрафа или экспроприации, а также повлиять на положение и репутацию любого члена общества.

Из этого не следует, что в безгосударственных обществах можно безнаказанно отнимать жизнь. Но в таких обществах

(например, у бушменов, эскимосов и в племенах центральной Австралии) центральной власти, которая защищала бы семьи от преступников, не существует или она слаба, проявляется от случая к случаю, а в племени кроу и в других индейских племенах западных прерий она применялась только эпизодически. Семья или индивид в безгосударственных обществах защищены неэксплицитными средствами, т.е. участием всех членов группы в наказании правонарушителя, спорадическим или временным применением силы, которая перестает быть необходимой (и, следовательно, перестает использоваться), когда непосредственная причина для ее применения устранена. Государство располагает инструментами для подавления того, что общество считает правонарушениями или преступлениями: полицией, судами, тюрьмами, учреждениями, которые эксплицитно специализируются на этом виде деятельности. Более того, эти учреждения стабильны в рамках общества, и их существование является постоянным.

Когда в Древней Руси сформировалось государство, князь присвоил себе власть накладывать пени и причинять физические страдания и смерть, а всем остальным запретил такие действия. Он в очередной раз подтвердил монопольную природу государственной власти, отняв ее у всякого другого индивида или сообщества. Если один человек причинял ущерб другому без специального разрешения князя, это было преступлением, и преступник подвергался наказанию. Более того, князь мог делегировать свои властные полномочия только явным образом. Группа подданных, получавших такую защиту, была, разумеется, точно определена; конечно, не все подданные князя были защищены подобным образом.

Никакому отдельно взятому человеку или группе не занять место государства; оно действует только напрямую или делегируя полномочия явным образом. Государство, делегируя полномочия, делает того, кому они делегированы, агентом (органом) государства. Полицейские, судьи, тюремщики получают полномочия на принуждение, в соответствии с принятыми в обществе нормами, непосредственно от центральной власти; точно так же обстоит дело со сборщиками налогов, военными, пограничниками и др. Властная функция государства опирается на его господство над этими силами, которые являются его агентами»²⁹.

Автор не утверждает, что все перечисленные им черты являются необходимыми признаками государства; отклонение по одному признаку не было бы доказательством того, что доминирующее

²⁹ Lawrence Krader, *Formation of the State* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968), pp. 21–22.

на некоторой территории охранное агентство не является государством. Нет сомнений, что доминирующее агентство обладает почти всеми описанными признаками, а наличие постоянной структуры управления, штат которой укомплектован специалистами, толкает его все дальше — в направлении к государству — от того, что антропологи называют безгосударственным обществом. На основании многих текстов, подобных процитированному выше, его можно было бы назвать государством.

Можно сделать вполне убедительный вывод, что доминирующая на некоторой территории защитная ассоциация является государством на этой территории только в том случае, если территория относительно велика и на ней живет не три с половиной человека. Мы не утверждаем, что каждый индивид, который в условиях анархии имеет монополию на использование силы в пределах собственного участка площадью в четверть акра, является государством этой четверти акра; не являются государством и три жителя какого-нибудь крошечного островка. Всякие попытки определить пороговую величину населения и территории, необходимых для существования государства, — напрасное и бесполезное занятие. Кроме того, мы имеем в виду случаи, когда почти все обитатели территории являются клиентами доминирующего агентства, а «независимые» в случае конфликтов с агентством и его клиентами занимают подчиненное положение. (Мы привели доводы в подтверждение того, что именно это и произойдет.) Гораздо более интересный вопрос состоит в следующем: каким именно должен быть процент клиентов и насколько подчиненным, с точки зрения соотношения сил, должно быть положение «независимых». Но тут я мало что интересного могу сказать.

Еще одно необходимое условие для существования государства мы установили в главе 2 в ходе анализа веберовской традиции, а именно, что государство объявляет себя единственным субъектом, который санкционирует применение насилия. Доминирующая защитная ассоциация ни на что подобное не претендует. Может быть, после того, как мы описали положение доминирующей защитной ассоциации и убедились, насколько точно оно соответствует представлениям антропологической теории, следует ли нам ослабить сформулированное Вебером необходимое условие таким образом, чтобы оно включило монополию *de facto*, которая является единственным реальным судьей в вопросе о допустимости насилия на некоторой территории и обладает правом (строго говоря, принадлежащим всем) принимать решения по этому вопросу и действовать на их основании? Доводы в пользу такого подхода очень убедительны, и это чрезвычайно желательно и уместно. Таким образом, мы делаем вывод, что описанная нами защитная ассоциация, доминирующая на некоторой территории,

является государством. Но чтобы читатель не забывал о том, что мы слегка ослабили веберовское условие, время от времени мы будем называть доминирующее охранное агентство «образованием, подобным государству», а не просто «государством».

Объяснение возникновения государства с позиции «невидимой руки»

Смогли ли мы объяснить с позиции «невидимой руки» (см. главу 2) возникновение государства из естественного состояния? Дали ли мы объяснение государства с позиции «невидимой руки»? *Права*, принадлежащие государству, в естественном состоянии уже принадлежали каждому индивиду. Эти права не нуждаются в объяснении с позиции «невидимой руки», так как они уже целиком содержались в составных частях объясняемого. Мы также не давали с позиции «невидимой руки» объяснения тому, каким образом государство приобретает права, уникальные для него. Это очень удачно; раз у государства нет никаких особых прав, то и объяснять ничего не надо.

Мы объяснили, каким образом эгоистичные и рациональные действия индивидов в локковском естественном состоянии, безо всякого сознательного стремления к тому, будут приводить к возникновению охранных агентств, каждое из которых будет доминировать на какой-то географической территории; каждая территория получит либо одно доминирующее агентство, либо несколько агентств, объединенных в федерацию и образующих, в сущности, одно агентство. Мы также объяснили, каким образом, не претендуя ни на какие исключительные права, доминирующее на некоторой территории охранное агентство неизбежно займет исключительное положение. Хотя у каждого индивида есть право, действуя корректно, запрещать другим нарушать права (в том числе право индивида не быть наказанным, пока не доказана его вина), только доминирующая защитная ассоциация будет иметь возможность без разрешения обеспечивать корректность так, как она считает нужным. Ее сила делает ее арбитром в вопросах справедливости; она определяет, с целью назначения наказания, что именно считается нарушением корректности. Наше объяснение не предполагает по умолчанию и не утверждает, что прав тот, кто сильнее. Но сильный действительно способен обеспечить соблюдение запрета, даже если никто не считает, что у него есть особое право на осуществление в мире своих собственных представлений о том, применение каких запретов корректно.

Наше объяснение этой монополии *de facto* есть объяснение с позиции «невидимой руки». Если государство является институтом,

(1) который имеет право принудительно обеспечивать права, запрещать представляющее опасность частное осуществление правосудия, принимать решения об опасности тех или иных частных процедур правоприменения и т. д. и (2) который на практике является на данной географической территории *единственным держателем* прав, перечисленных в пункте (1), тогда, объяснив с позиции «невидимой руки» (2), но не (1), мы частично объяснили существование государства с позиции «невидимой руки». Точнее, мы частично объяснили с позиции «невидимой руки» существование *ультраминимального* государства. Как объяснить возникновение *минимального* государства? Доминирующая защитная ассоциация с элементом монополии морально обязана компенсировать неблагоприятные условия тем, кто в результате запрета не может самостоятельно восстанавливать справедливость в отношениях с ее клиентами. Однако на практике она может не предоставить такую компенсацию. Те, кто управляет ультраминимальным государством, морально обязаны преобразовать его в минимальное государство, но они могли бы предпочесть не делать этого. Мы предполагали, что в общем случае люди будут делать то, что они морально обязаны сделать. Объяснение того, каким образом в естественном состоянии может возникнуть государство без нарушения при этом чьих-либо прав, опровергает принципиальные возражения анархистов. Однако все это выглядело бы более убедительно, если бы объяснение того, как государство *могло бы* возникнуть из естественного состояния, определяло бы и другие основания, помимо моральных, для того, почему ультраминимальное государство должно превратиться в минимальное, если бы были выявлены и другие мотивы или причины для предоставления компенсации, кроме желания людей поступать так, как они должны поступать. Необходимо отметить, что даже если мы не найдем внеморальные мотивы или причины, достаточные для перехода от ультраминимального государства к минимальному, и если объяснение по-прежнему будет исходить исключительно из моральных побуждений людей, тем не менее оно не приписывает людям специальную цель, которая формулируется как создание государства. Вместо этого люди полагают, что они предоставляют некоторым другим людям компенсацию за определенные запреты, которые они на тех наложили. Это объяснение по-прежнему будет объяснением с позиции «невидимой руки».

Глава 6 ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ГОСУДАРСТВА

Итак, мы завершили подробное рассмотрение того, как из естественного состояния правомерным образом возникает минимальное государство. Теперь нам приличествует рассмотреть различные возражения против предложенного нами объяснения и развить его, установив связи между ним и некоторыми другими вопросами. Читатель, желающий следить за основной нитью наших рассуждений, может пропустить эту главу.

Остановка процесса?

Мы утверждали, что легитимное право на самозащиту от опасностей, которые представляют ненадежные или нечестные правоприменительные процедуры, дает каждому человеку право контролировать то, как другие люди принудительно обеспечивают свои права в конфликтах с ним; а также, что он имеет право поручить своему охранному агентству реализовать это право от его имени. Когда мы объединяем этот анализ с нашим описанием возникновения монополии *de facto*, не будет ли это «доказывать» слишком много? Существование монополии *de facto* создает (в ситуации равных прав) дисбаланс сил. Это увеличивает безопасность для некоторых людей и в то же время увеличивает опасность для других; это увеличивает безопасность тех клиентов доминирующего агентства, которые не могут быть наказаны другими людьми без разрешения их агентства, в то время как для тех, кому становится сложнее защитить себя от несправедливых действий со стороны клиентов доминирующего агентства или самого агентства, опасность увеличивается. Не позволяет ли право на легитимную самозащиту каждой из сторон запрещать какие-то действия другой стороне, чтобы уменьшить риски для себя? Может ли доминирующее охранное агентство и его клиенты, действуя в целях самозащиты, запретить другим людям присоединяться к конкурирующему охранному агентству? Ведь в результате конкурирующее

агентство может стать сильнее доминирующего, тем самым создавая угрозу для клиентов последнего и делая их положение менее безопасным. Можно предположить, что запрет, ограничивающий свободу клиентов менять охранные агентства, будет действовать и для клиентов доминирующего агентства, ограничивая их свободу смены агентства. Даже если ни один из конкурентов не представляет реальной угрозы для доминирующего агентства, есть опасность, что все по отдельности более слабые агентства объединятся против доминирующего агентства и в результате станут для него существенной угрозой или даже окажутся сильнее. Имеет ли право доминирующее агентство запретить другим наращивать свои силы выше определенного уровня, чтобы устранить любую возможность того, что оно окажется слабее объединившихся конкурентов? Может ли доминирующее агентство ради сохранения дисбаланса сил легитимно запретить другим наращивать силу? Подобные вопросы возникают и в иной перспективе: если индивид, пребывающий в естественном состоянии, предвидит, что в случае если другие объединятся и создадут охранное агентство или защитную ассоциацию, это уменьшит его собственную безопасность и создаст для него угрозу, это имеет ли он право запретить другим объединяться в принципе? Имеет ли он право запретить другим помогать друг другу в создании государства *de facto*?³⁰

Позволяет ли каждому человеку то же самое право на самозащиту, которое позволяет агентству выносить решения относительно механизмов правоприменения, которые используют другие

³⁰ Локк придерживается мнения, что люди могут соединиться в гражданское общество или защитную ассоциацию, среди всего прочего и ради «большой безопасности, чем кто-либо, не являющийся членом общества. Это может сделать любое число людей, поскольку здесь нет ущерба для свободы остальных людей, которые, как и прежде, остаются в естественном состоянии свободы» (John Locke, *Two Treatises of Government*, 2nd ed., ed. Peter Laslett (New York: Cambridge University Press, 1967), II, sect. 95 [Локк Дж. Два трактата о правлении. Книга II, §95]. (Далее в этой главе все ссылки, если не указано иначе, будут на *Second Treatise* [в русск. пер. Книга II].) Но хотя это не отменяет имеющихся у них прав и не вредит их свободе, это вредит их безопасности, потому что повышается вероятность того, что им придется столкнуться с несправедливостью, поскольку они не смогут успешно защищать свои права. В другом месте Локк признает эту проблему, обсуждая ее в контексте деспотических действий, хотя то же применимо и к лицам, действующим согласно неизменным и публично определенным правилам: «В гораздо худшем положении находится тот, кто подчиняется деспотической власти одного, имеющего у себя под началом 100 000, чем тот, кто подчиняется деспотической власти 100 000 отдельных людей» (II, 137).

Матрица I

Индивид II

	В	С	Д'	
Индивид I	<p>A</p> <p>Присоединиться к защитной ассоциации и позволить I присоединиться к любой защитной ассоциации</p> <p>Федеративная система, основанная на балансе сил, или (а) доминирует защитная ассоциация, к которой присоединился I (б) доминирует защитная ассоциация, к которой присоединился II</p> <p>Одна доминирующая ассоциация на данной территории, и более вероятно, что это ассоциация, к которой присоединился I, а не II, хотя это может быть и ассоциация, к которой присоединился II</p> <p>Федеративная система, основанная на балансе сил, или (а) доминирует защитная ассоциация, к которой присоединился I, а не II, хотя это может быть и ассоциация, к которой присоединился II</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился II, доминирует, индивид I находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился II, доминирует, индивид I находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился II, доминирует, индивид I находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Никто не присоединяется к защитной ассоциации и попытаться запретить I присоединиться к любой защитной ассоциации</p> <p>Никто не присоединяется к защитной ассоциации и попытаться запретить I присоединиться к любой защитной ассоциации</p>	<p>B</p> <p>Присоединиться к защитной ассоциации и попытаться запретить I присоединиться к другой защитной ассоциации</p> <p>Одна доминирующая ассоциация на данной территории, и более вероятно, что это ассоциация, к которой присоединился II, а не I, хотя это может быть и ассоциация, к которой присоединился I</p> <p>Федеративная система, основанная на балансе сил, или (а) доминирует защитная ассоциация, к которой присоединился I, а не II, хотя это может быть и ассоциация, к которой присоединился II</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился II, доминирует, индивид I находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился II, доминирует, индивид I находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился II, доминирует, индивид I находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Никто не присоединяется к защитной ассоциации и попытаться запретить I присоединиться к другой защитной ассоциации</p> <p>Никто не присоединяется к защитной ассоциации и попытаться запретить I присоединиться к другой защитной ассоциации</p>	<p>C</p> <p>Не присоединиться к защитной ассоциации и попытаться запретить I присоединиться к защитной ассоциации</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился I, доминирует, индивид II находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился I, доминирует, индивид II находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился I, доминирует, индивид II находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Никто не присоединяется к защитной ассоциации, I и II находятся в ложковском неорганизованном естественном состоянии</p> <p>Никто не присоединяется к защитной ассоциации, I и II находятся в ложковском неорганизованном естественном состоянии</p>	<p>D'</p> <p>Не присоединиться к защитной ассоциации и попытаться запретить I присоединиться к защитной ассоциации</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился I, доминирует, индивид II находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился I, доминирует, индивид II находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Ассоциация, к которой присоединился I, доминирует, индивид II находится в худшем положении в отношении принудительного правоприменения</p> <p>Никто не присоединяется к защитной ассоциации, I и II находятся в ложковском неорганизованном естественном состоянии</p> <p>Никто не присоединяется к защитной ассоциации, I и II находятся в ложковском неорганизованном естественном состоянии</p>

люди, также запрещать любому другому человеку присоединиться к охранной ассоциации? Если бы это право было таким мощным и всеобъемлющим, тогда то самое право, которое создало законный моральный канал для возникновения государства, подорвало бы существование этого государства, предоставив другим право запретить использование этого канала.

В матрице I представлены все взаимные положения двух индивидов, которые возможны в естественном состоянии.

Если предположить, что лучше быть клиентом могущественного, доминирующего на данной территории охранного агентства, чем не быть; и что лучше быть клиентом доминирующего агентства, если другой человек им не является, то матрица I является примером структуры, представленной в матрице II (к величинам интервалов между числами не следует относиться слишком серьезно)[‡].

Матрица II

		Индивид II			
		A'	B'	C'	D'
Индивид I	A	(5, 5)	(4, 6)	(10, 0)	(10, 0)
	B	(6, 4)	(5, 5)	(10, 0)	(10, 0)
	C	(0, 10)	(0, 10)	(x, x)	(x, x)
	D	(0, 10)	(0, 10)	(x, x)	(x, x)

Если они не придерживаются каких-либо моральных ограничений, запрещающих такие действия, то I выберет B, а II выберет B'. Логика такова. B(B') слабо доминирует A(A'), поэтому I не выберет вариант A, а II не выберет A'*. C и D (C' и D') оказываются неотличимы друг от друга, так что достаточно будет рассмотреть лишь один из них; не нарушая общности, мы можем ограничиться C(C'). Остается вопрос: что выберет каждый из двух индивидов — B или C. (Достаточно рассмотреть только усеченную матрицу III, в которой D(D') приравнивается к C(C'), а A и A' опускаются, поскольку ни один из двух индивидов не проигрывает, если другой совершает свое действие A.)

[‡] Как это принято в теории игр и теории принятия решений, первое число в каждой паре обозначает выигрыш игрока, выбирающего строку, а второе — игрока, выбирающего столбец. — *Прим. науч. ред.*

* В терминах теории принятия решений одно действие слабо доминирует другое, если ни в одной из возможных в мире ситуаций оно не даст худших результатов, чем другое, а в некоторых — лучшие результаты, чем другое. Действие сильно доминирует другое, если в любой ситуации оно дает лучшие результаты.

		Индивид II	
		B'	C'
Индивид I	B	(5, 5)	(10, 0)
	C	(0, 10)	(x, x)

Пока $x < 10$, что, по-видимому, соответствует действительности (пребывать в неорганизованном естественном состоянии менее предпочтительно с точки зрения отношений с другим индивидом, чем находиться в доминирующей защитной ассоциации в то время, как другой индивид к ней не принадлежит), B сильно доминирует C, а B' сильно доминирует C'. Поэтому в отсутствие моральных ограничений два рациональных индивида выбрали бы B и B'. Если $x < 10$, этого достаточно, чтобы в силу доминирования получить (B, B')³¹. Если, кроме того, $x > 5$, мы получаем ситуацию «дилеммы заключенного», в которой индивидуальное рациональное поведение является неоптимальным, потому что оно приводит к итогу (5, 5), которому оба индивида предпочли бы другой доступный им результат (7, 7)³². Некоторые утверждают, что специфическая функция правительства состоит в том, чтобы запретить людям совершать доминирующие действия в ситуациях типа «дилеммы заключенного». Как бы там ни было, если кто-нибудь, пребывая в естественных условиях, возьмет на себя эту предположительно государственную функцию (и попытается запретить другим совершать A или B), тогда его действие по отношению к другим не будет являться C; потому что он запрещает другим выполнять их доминирующее действие, а именно присоединяться к защитной ассоциации. Совершит ли тогда такой индивид, назначивший сам себя суррогатным государством, действие D? Он может предпринять такую попытку. Но помимо

³¹ О применимости принципов доминирования в ряде запутанных случаев см.: Nozick, "Newcomb's Problem and Two Principles of Choice," in *Essays in Honor of C. G. Hempel*, ed. N. Rescher et al. (Holland: Riedel, 1969), pp. 114–146; а также колонку Мартина Гарднера (Martin Gardner) "Mathematical Games," *Scientific American*, July 1973, pp. 104–109, и мою колонку "Mathematical Games," *Scientific American*, March 1974, pp. 102–108.

³² О «дилемме заключенного» см.: R. D. Luce and H. Raiffa, *Games and Decisions* (New York: Wiley, 1957), pp. 94–102 [русск. пер.: Льюс Р., Райфа Д. Игры и решения. М.: Иностранная литература, 1961. С. 133–142].

того, что это действие для него как для индивида неоптимально, крайне маловероятно, что он достигнет успеха в конфликте с индивидами, которые объединятся в охранные ассоциации, потому что крайне маловероятно, что он окажется сильнее их. Чтобы получить реальный шанс на успех, он должен присоединиться к другим людям (выполнить действия A или B), и, следовательно, он не может запретить всем, включая себя, доминирующие действия A или B .

Ситуация $x > 5$ представляет теоретический интерес, выходящий за пределы обычного интереса к дилемме заключенного. В этой ситуации анархическое естественное состояние является наилучшим вариантом для всех индивидов в совокупности по сравнению со всеми симметричными ситуациями, и при этом в интересах каждого отдельного индивида отклониться от этого наилучшего для всех решения. Однако любая сулящая успех попытка навязать это лучшее для всех решение *сама по себе является* отклонением от него (которое вызывает другие отклонения в целях самозащиты). Если $x > 5$, государство, которое некоторые представляют как «решение», позволяющее избежать дилеммы заключенного, было бы вместо этого неблагоприятным исходом этой дилеммы!

Если каждый индивид действует рационально и не имеет моральных ограничений, возникнет ситуация (B, B') . Что изменится (если вообще изменится) с введением моральных ограничений? Можно было бы предположить, что моральные ограничения требуют позволить другому все то, что делаешь ты; поскольку ситуация симметрична, следует найти какое-либо симметричное решение. На это можно было бы дать жульнический ответ: (B, B') симметрично, а потому тот, кто совершает действие типа B , осознает, что другой поступит так же. Но осознать, что другой поступит так же, отнюдь не то же самое, что *позволить* ему сделать это. Человек, совершающий действие типа B , пытается реализовать решение (B, C') . Разве имеет он моральное право навязывать эту асимметрию, *принуждать* других поступать не так, как он сам? Прежде чем согласиться с этим сильным возражением, необходимо задать вопрос: действительно ли каждый из индивидов находится или считает, что находится, в симметричной ситуации? Каждый человек больше знает о себе, чем о другом; каждый человек, если сам он находится в доминирующей позиции с точки зрения соотношения сил, может быть в большей степени уверен в том, что у него нет намерения напасть на другого человека, чем в аналогичных намерениях со стороны других. (Вслед за лордом Актоном мы могли бы задуматься над тем, может ли кто-либо из нас быть в этом уверенным или хотя бы в достаточной степени уверенным.) С учетом этой асимметрии, когда каждый знает о своих намерениях больше, чем о намерениях другой сторо-

ны³³, не будет ли для каждого разумно совершить действие типа B ? Вернее, поскольку это рационально с точки зрения отдельного индивида на личном уровне, служит ли эта асимметрия опровержению аргумента на основании симметрии в пользу решения (A, A') и против решения (B, B') ? Дело ясное, что дело темное.

Вместо того, чтобы рассматривать ситуацию в целом, возможно, перспективнее было бы выяснить, нет ли в действиях типа B чего-нибудь такого, что делало бы их морально неприемлемыми. Существуют ли какие-нибудь моральные запреты, исключаяющие B ? Если да, тогда следует отличать действия типа B от действий, представляющих опасность для других, запрет на которые мы уже признали оправданным. Что отличает запрещение другим присоединяться к другому охранному агентству или насильственные действия, имеющие целью помешать другому агентству стать более сильным, чем ваше собственное или вы сами, от запрещения другим наказывать ваших клиентов иначе как с использованием надежной процедуры (и от наказания тех, кто не подчиняется этому запрету, даже если окажется, что ваши клиенты принесли этим другим вред и не были невиновны)? Начнем рассмотрение с тех случаев, которые принято различать.

Превентивный удар

Обычно считается, что при некоторых обстоятельствах страна X имеет право нанести превентивный удар или начать превентивную войну со страной Y ; например, если сама Y вот-вот нападет на X или если Y объявила, что непременно это сделает, как только достигнет определенного уровня готовности к войне, что ожидается в скором времени. Однако не принято считать, что страна X имеет право напасть на страну Y по той причине, что Y усиливается (а для стран это типично) вполне может напасть на X , когда станет еще сильнее. Самообороной считаются ситуации первого типа, но не второго. Почему?

Можно было бы подумать, что разница просто в большей или меньшей вероятности. Когда страна собирается напасть на другую или объявила, что сделает это, когда достигнет определенного уровня готовности, очень велика вероятность, что она действительно нападет. В то же время вероятность того, что любая страна,

³³ О родственных вопросах см.: Thomas Schelling, "The Reciprocal Fear of Surprise Attack," *The Strategy of Conflict* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960), chap. 9 [русск. пер.: Шеллинг Т. Обоюдный страх внезапного нападения // Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. С. 257–282].

которая усиливается, нападет на другую страну, когда ее силы увеличатся, не столь велика. Но различие между этими случаями не связано с такого рода вероятностными оценками. Как бы ни была низка, по оценкам «экспертов» из нейтральных стран, вероятность того, что Y нападет на X (во втором случае) в следующие десять лет (0,5, 0,2, 0,05), мы можем, например, представить себе, что в настоящее время Y вот-вот разработает в своих научных лабораториях новое сверхоружие, которое с *этой* вероятностью покорит X ; тогда как с вероятностью 1 минус эта вероятность оно ни к чему не приведет. (Возможно, эта вероятность есть вероятность того, что сверхоружие сработает или само оружие, быть может, является вероятностным.) Оружие будет готово к применению через неделю; Y твердо намерена его использовать, график выдерживается, и обратный отсчет времени уже начался. В этой ситуации X может, защищая себя, атаковать или предъявить ультиматум, что, если оружие не будет демонтировано в течение двух дней, она нападет, и тому подобное. (А что, если вопреки графику оружие *может* быть использовано на следующий день или прямо сейчас?) Если бы Y играла в рулетку и по итогам игры с вероятностью 0,025 начала бы войну, X имела бы право действовать в целях самообороны. Но во втором случае, даже при той же вероятности нападения, X не имеет права так действовать против наращивающей вооружения Y . Таким образом, проблема не сводится просто к вопросу о том, насколько высока вероятность. Тогда на чем же, если не на величине вероятности, основано различие между ситуациями первого и второго типов?

Различие зависит от того, как ущерб, если он будет иметь место, связан с тем, что Y уже сделала. Для некоторых действий, с той или иной вероятностью ведущих к разным результатам, действующему лицу (после того, как оно их совершило) больше ничего не надо делать, чтобы получить результат, который, когда он воплотится в жизнь, будет представлять собой то, что это лицо сделало, вызвало, породило и т.п. (В некоторых случаях в дальнейшем могут потребоваться действия *других*, например солдат, выполняющих приказы командира.) Если результатом такого действия с высокой вероятностью будет опасное «нарушение границы», другой участник имеет право запретить его. В то же время некоторые процессы могли бы привести к определенным вероятным последствиям, но только если их участники примут дальнейшие решения. В ходе процесса, как, например, в рассматриваемых нами случаях, у его участников может появиться больше возможностей делать что-то, и это повысит вероятность того, что они решат это сделать. Эти процессы связаны с последующими существенными решениями людей, и нарушения границ зависят именно от *этих* решений (которые процесс делает более веро-

ятными). Разрешается запрещать действия первого типа, когда человеку больше ничего не нужно делать, но не процессы второго типа*. Почему?

Возможно, принцип примерно таков: действие не является преступлением и потому не может быть запрещено, если оно безвредно в отсутствие последующих важных решений, направленных на причинение ущерба (т.е. оно не было бы преступлением, если бы тот, кто его совершил, гарантированно удержался бы от дальнейших преступных решений); оно может быть запрещено, только когда является запланированной прелюдией последующих преступных действий. Принцип, сформулированный таким образом, защищал бы такие действия, которые, будучи сами по себе безвредными, просто облегчают преступные действия других людей — например, публикацию схем банковской системы сигнализации. Это действие можно было бы допустить, если бы было известно, что другие не примут решения использовать его во зло. Среди таких действий очевиднейшими кандидатами на запрет являются те, для совершения которых, судя по всему, не может быть иных причин, кроме облегчения совершения преступлений. (Но разве нельзя всегда представить себе, даже в таких случаях, эксцентричного человека со странными, но вполне законными мотивами?) Мы могли бы избежать вопроса о том, могут ли быть запрещены действия, столь явно направленные только на то, чтобы помочь преступникам. Все действия, которые нас здесь интересуют, могли бы быть осуществлены по совершенно легитимным и уважаемым мотивам (например, ради самозащиты), и они требуют от самого действующего лица принять решение совершить преступление, для того чтобы преступление действительно произошло.

Строгий принцип должен был бы заключаться в том, что допустимо запрещать только последнее злонамеренное решение, которое необходимо для того, чтобы преступление произошло. (Или последнее из действий, необходимых для реализации одной из альтернатив, каждое из которых необходимо.) Еще более строгим был бы принцип, устанавливающий, что можно запретить только переход через последнюю очевидную точку, в которой последнее

* Первый класс включает запуск процессов, возможный ущерб от которых не зависит от значимых новых решений, хотя может требоваться подтверждение прежних. В этих случаях различие между запретом (когда наказание следует за нарушением) и превенцией оказывается шатким. Иногда будет неясно, было ли целью действия, предпринятого уже после начала процесса, но еще до того, как угроза оказалась реализованной, наказание тех, кто нарушил запрет на опасные процессы, или предотвращение опасности.

злонамеренное решение, необходимое для того, чтобы преступление состоялось, может быть отменено. Больше возможностей для запрета дает следующий принцип (являющийся, следовательно, более слабым принципом в отношении запрета): запрещать *только* преступные решения и основанные на них действия (или опасные действия, не требующие принятия последующих злонамеренных решений). *Нельзя* запрещать действия, не основанные на неправомерных решениях, просто на том основании, что они облегчают или делают более вероятным то, что тот, кто их совершил, впоследствии примет неправомерные решения и осуществит вытекающие из них преступные действия. Поскольку даже этот более слабый принцип достаточен, чтобы *исключить* запреты, мешающие другим усилить свои охранные агентства или присоединиться к другому агентству, у нас нет необходимости здесь решать, какой из принципов предпочтительнее. (Два более сильных принципа, конечно, также исключили бы подобные запреты.)

Можно было бы возразить, что описанные в общих чертах принципы не следует применять для того, чтобы сделать непроизвольным силовое вмешательство некоей группы *A* в процесс усиления группой *B* своего охранного агентства. Потому что этот процесс — особый; в случае его успеха *A* окажется в гораздо более слабой позиции и, вполне вероятно, не сможет воспрепятствовать неправомерным действиям тогда, когда получит наконец право на это. Как можно требовать от *A* воздержаться от запрета на ранних стадиях, когда она знает, что позже будут совершаться преступления, с которыми у *A* не будет возможности бороться столь же успешно, как в начале процесса? Но если ранние стадии процесса *B* не связаны с твердым решением совершить преступление впоследствии и если у *B* имеются благие (неагрессивные) причины для действий, тогда не будет абсурдным требование, что другие не должны вмешиваться на ранних и (предполагая определенную последовательность) самих по себе безвредных стадиях, даже если это воздержание позже поставит их в менее сильную позицию³⁴.

Мы нашли теоретически значимое различие, позволяющее отличить запреты, которые охранное агентство устанавливает

³⁴ Поскольку лидеры государств способны на все, будет неудивительно, если страна *A* запретит стране *B* вооружаться, присоединит *B* к *A* и заявит, что тем самым граждане *B* получили защиту, а потому аннексия представляет собой признание и выполнение обязательств *A* компенсировать им неблагоприятные условия, созданные запретом. *A* заявляла бы, что ее действия допустимы. Читатель сам может сформулировать, почему этот предлог не оправдывает такого рода агрессию.

на использование другими ненадежных или нечестных процедур осуществления правосудия по отношению к его клиентам, от других запретов — например, от запрета другим людям создать другое охранное агентство, — которые можно было бы считать допустимыми, если допустимы запреты первого типа. Для целей нашего исследования можно обойтись без теории, которая бы обосновывала это различие и объясняла его значимость, несмотря на то что исследование этих проблем сулит быстрый выход на фундаментальные вопросы. Достаточно опровергнуть придуманное нами ранее обвинение, что наш аргумент не достигает цели, потому что «доказывает чересчур много», а именно: обосновывает не только позволительность появления и развития доминирующей защитной ассоциации, но и принудительные действия этой ассоциации, запрещающие кому-либо искать защиту где-то еще, или действия индивида, принуждающего других не вступать в защитные ассоциации. Наш аргумент не дает оснований для действий второго типа и не может быть использован для их защиты.

Мы сформулировали принцип, который исключает запрещение действий, которые сами по себе не являются преступными, а лишь облегчают или повышают вероятность совершения правонарушений, зависящих от других неправомерных решений, которых действующее лицо (еще) не приняло. (Это утверждение я намеренно сделал двусмысленным, чтобы оно включало и сильный, и слабый принципы.) Этот принцип *не* утверждает, что ни один человек не может нести ответственность или быть наказан за попытку спровоцировать других на преступление на том основании, что успех попытки зависит от решения *других* действительно совершить преступление. С точки зрения этого принципа важно, запущен ли уже такого рода процесс, для которого необязательно дальнейшее участие *данного человека* и который ведет к преступлению. Могут ли какие бы то ни было решения, принятые другими людьми, снять с него ответственность за результаты его первоначальной попытки, и если да, то в какой степени — это уже *следующий* вопрос. Вероятнее всего ответственность должна сохраняться в случае таких попыток подтолкнуть других к правонарушению, которые достигают успеха (не в результате совпадения, в соответствии с намерениями и т.п.) и приводят к тому, что те совершают неправомерные действия. (В этом случае, не является ли первоначальное действие неправомерным, а следовательно, действием, *подпадающим* под запрет в соответствии с нашим принципом?)

Противоположная точка зрения исходит из того, что последующие решения других снимают ответственность с того, кто достигает успеха в своей попытке побудить их действовать определенным образом; несмотря на то что он убеждал их, подстрекал и

уговаривал сделать нечто, они могли бы отказаться. В основе этого представления могла бы лежать следующая модель. Для каждого действия существует неизменный объем ответственности, который можно было бы измерить тем, какое наказание положено за это действие. Того, кого кто-то другой уговорил сделать нечто, следует наказывать за это действие по всей строгости; его можно наказывать так же, как того, кто самостоятельно решает совершить то же самое действие. Поскольку все наказание за это действие исчерпано, то же самое относится и к ответственности; не остается никакого наказания или ответственности за это действие, которые могли бы быть возложены на кого-то еще. Отсюда следует вывод, что человек, уговоривший другого решиться что-то сделать, не может нести ответственность или быть наказанным за последствия того, что сделал этот другой. Но эта модель неизменного количества ответственности за некоторое действие неверна. Если два человека сотрудничают друг с другом, чтобы убить или напасть на третьего, каждый из убийц или участников нападения несет полную меру ответственности. Каждый из них может быть приговорен к тому же наказанию, что и человек, совершивший то же самое в одиночку, скажем, к *n* годам тюрьмы. Наказание не делится пополам так, чтобы каждый получил по *n/2 лет*. Ответственность — это не ведро, пустеющее по мере того, как из него черпают; не существует неизменного количества ответственности или наказания, которые один человек может исчерпать, так что для другого ничего не останется. Поскольку эта модель или картина того, как устроена ответственность, ошибочна, представление о том, что никто не может быть наказан за то, что убедил другого сознательного человека что-либо совершить, теряет свою главную опору³⁵.

³⁵ Я не хочу сказать, что конституционные пределы свободы слова должны быть более узкими, чем они есть. Но поскольку ответственность индивида может распространяться и на решения, которые принимают другие, возможно, было бы правильно, чтобы университеты установили более строгие ограничения для преподавателей, которые в силу своего статуса пользуются особым уважением и авторитетом (такие еще есть?), применительно к их отношениям со студентами. (Можно было бы также сказать — в пользу введения более строгих институциональных норм, чем позволяют конституционные гарантии свободы слова, — что призвание преподавателя обязывает его относиться к словам и идеям с особой серьезностью.) Поэтому, возможно, оправданно нечто вроде следующего *узкого* принципа: если существуют некие действия, за совершение которых университет может правомерно наказать или наложить взыскание на своих студентов и преподавателей, и если преподаватель попытается или вознамерится побудить студентов к этим действиям и преуспеет в этом (как и намеревался), университет имеет законное право наказать

Поведение в ходе процесса

Мы доказали, что даже тот, кто предвидит, что защитная ассоциация станет доминирующей, не имеет права запретить другим вступать в нее. Но хотя никому нельзя запретить вступать в ассоциацию, не мог бы каждый из индивидов *по своей воле* воздержаться от вступления ради того, чтобы избежать возникновения государства в качестве итога этого процесса? Не могла бы популяция анархистов осознать, что усилия индивидов, нанимающих охрану, приведут посредством процесса типа «невидимой руки» к возникновению государства, и поскольку они располагают историческими свидетельствами и теоретическими основаниями, заставляющими беспокоиться о том, что государство — это не поддающееся контролю чудовище Франкенштейна, которое не ограничится минимально возможными функциями, то не мог бы каждый из них проявить благоразумие и не вступать на этот путь?³⁶ Если рассказать об этом анархистам, не превратится ли объяснение возникновения государства с позиции «невидимой руки» в саморазрушающееся пророчество?

Такого рода согласованным усилием будет трудно достичь успеха в попытке помешать формированию государства, поскольку каждый человек поймет, что в его личных интересах присоединиться к защитной ассоциации (и тем больше это в его интересах в случае, если некоторые другие поступят так же), а то, присоединится он к ней или нет, не повлияет на то, возникнет ли государство. (В наших матрицах доминирующими являются действия типа *B*.) Однако следует признать, что люди с особой мотивацией стали бы вести себя не так, как мы описали: например, люди, чья религия запрещает им покупать защиту или объединяться с другими в целях защиты; мизантропы, отказывающиеся сотрудничать с другими людьми или нанимать кого-либо; пацифисты, даже ради самозащиты не желающие сотрудничать или участвовать в деятельности какой бы то ни было организации, которая использует силу. Чтобы исключить влияние этих особых психологических типов, которые мешают развитию описанного нами процесса типа «невидимой руки», необходимо ограничить наше

или наложить на него взыскание за это. Я оставляю в стороне вопрос о том, как поступить, если преподаватель предпримет подобную попытку, но — не по своей вине — не преуспеет в этом. Я также оставляю в стороне запутанные вопросы о том, какие методы убеждения должны подпадать под действие принципа: например, то, что говорится в пределах университета вне занятий, но не колонка, напечатанная в городской газете.

³⁶ Такой постановкой вопроса я обязан Джеролду Кацу.

утверждение, что государство неизбежно возникнет из естественного состояния. Для каждого психологического типа мы можем предусмотреть особую оговорку. Соответственно: на территории, населенной рациональными индивидами, готовыми также использовать силу для самозащиты, желающими сотрудничать с другими и нанимать их, будет происходить то-то и то-то.

В конце главы 5 мы доказали, что территория с доминирующим охранным агентством представляет собой государство. Согласился бы Локк, что на такой территории существует государство или гражданское общество? Если да, сказал бы он, что оно было создано в результате общественного договора? Клиенты одного и того же охранного агентства находятся по отношению друг к другу в состоянии гражданского общества; клиенты и «независимые» имеют точно такие же права в отношении друг к другу, как два любых индивида в естественном состоянии, а следовательно, находятся в естественном состоянии по отношению друг к другу (II, 87). Но означает ли это, что «независимые» покоряются превосходящей власти доминирующего охранного агентства и *не обеспечивают санкцией* естественное право в отношении его клиентов (хотя право на это у них есть), что они не находятся в локковском естественном состоянии в отношении клиентов? Следует ли сказать, что они находятся в естественном состоянии только *de jure*, но не *de facto*? Стал бы Локк использовать такую идею политического или гражданского общества, в соответствии с которой на некоторой территории могло бы существовать гражданское общество, даже если не любые два человека на этой территории находятся между собой в отношениях, соответствующих гражданскому обществу? Хотелось бы также, чтобы эта идея имела политическое значение; если лишь двое из множества обитателей территории находятся между собой в отношениях, соответствующих гражданскому обществу, этого должно быть недостаточно для того, чтобы на этой территории существовало гражданское общество³⁷.

³⁷ «Но поскольку ни одно политическое общество не может ни быть, ни существовать, не обладая само правом охранять собственность и в этих целях наказывать преступления всех членов этого общества, то политическое общество налицо там и только там, где *каждый* из членов отказался от этой естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом» (II, 87, курсив мой. — Р. Н.). Имеет ли Локк в виду, что наличие на территории «независимых» не позволяет существовать там политическому обществу или что «независимые» не являются *членами* политического общества, которое там существует? (Сравните также с II, 89, где эта проблема не получает разрешения.) Локк полагает, что «абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой прав-

Мы описали процесс, в ходе которого люди, проживающие на некоторой территории, каждый по отдельности договорились о личной защите с разными фирмами, предоставляющими охранные услуги, потом все агентства, кроме одного, были ликвидированы или пришли к некоему *modus vivendi*[‡], и т.д. В какой степени этот процесс соответствует, если вообще соответствует, тому, который представлял себе Локк, где индивиды достигли «соглашения с другими людьми об объединении в сообщество», согласились «создать сообщество или государство» (II, 95), договорились образовать содружество (II, 99)? Этот процесс совсем не похож на единодушное общее решение создать правительство или государство. Никто, покупая охранные услуги у местного охранного агентства, не думает о вещах столь грандиозных. Но, может быть, общий договор, где каждый знает, что остальные согласны, и каждый намерен реализовать конечный результат, не является необходимым для договора в духе Локка³⁸. Лично я не вижу большого смысла в растягивании понятия «договор» ради того, чтобы любая структура или положение дел, возникающие в результате разрозненных добровольных действий действующих индивидов, рассматривались как результат *общественного договора*, при том что никто не стремился к такому положению дел сознательно и не действовал в соответствии с этим. А если мы идем на такую натяжку, то следует делать это открыто, чтобы никого не вводить в заблуждение относительно значения этого термина. Следует четко сказать, что

ления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может быть вообще формой гражданского правления» (здесь как будто бы требуется, чтобы *все* были включены), и далее продолжает: «Если есть какие-либо лица, не имеющие такого органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, то эти лица все еще находятся в естественном состоянии. И в таком состоянии находится каждый абсолютный государь в отношении тех, кто ему подвластен» (II, 90).

[‡] Здесь: способ совместного существования (лат.). — Прим. науч. ред.

³⁸ Параграфы 74–76, 105–106 и 112 книги II «Двух трактатов о правлении» могут склонить к мысли, что в нашей ситуации имеет место договор, хотя заметьте, что Локк использует в этих разделах слово «согласие», а не «договор». Другие разделы и главная тема его труда склоняют к противоположному мнению, что отмечают и комментаторы Локка. Вероятно, в том, что Локк писал о деньгах (II, 36, 37, 47, 48, 50, 184), можно также не фокусироваться на выражениях типа «изобретение денег», «условились, что маленькие куски желтого метала... будут меридом стоимости», «по взаимному согласию», «баснословная воображаемая ценность» и т.п., а вместо этого акцентировать «неявное соглашение», чтобы попытаться приблизить данное Локком описание к тому, о чем мы рассказали в главе 2.

понятие общественного договора таково, что результатом общественного договора является каждый из следующих примеров: состояние личной жизни всех, в том числе кто на ком женат или кто с кем живет; кто в данном городе в данный вечер пошел в какой кинотеатр и в каком ряду сидит; состояние дорожного движения на государственных шоссе в данный день; состав покупателей и их покупок в данном продовольственном магазине в данный день и т.п. Я далек от утверждения, что такое более широкое понимание этого понятия не представляет интереса; то, что государство может возникнуть в результате процесса, соответствующего данному, более широкому пониманию (и не соответствующего более узкому), представляет очень большой интерес!

Представленную здесь точку зрения не следует путать с другими подходами. Она отличается от представлений об общественном договоре тем, что подразумевает структуру типа «невидимой руки». Она отличается от точки зрения, что «в процессе возникновения государства “право силы” превращается в силу права», поскольку утверждает, что права на правоприменение и право на контроль за правоприменением существуют независимо и принадлежат всем, а не закреплены за кем-то одним или за небольшой группой лиц, и что процесс возникновения исключительных полномочий на правоприменение и контроль за правоприменением может происходить без нарушения чьих-либо прав; что государство может возникнуть в результате процесса, в ходе которого ничьи права не нарушаются. Следует ли нам сказать, что государство, которое возникло из естественного состояния в результате описанного нами процесса, пришло на смену естественному состоянию, которое, таким образом, больше не существует, или лучше сказать, что оно существует внутри естественного состояния и, таким образом, совместимо с ним? Первое, несомненно, больше соответствует локковской традиции; но государство возникает из локковского естественного состояния настолько постепенно и незаметно, без разрывов и скачков, что есть *соблазн*, вопреки скептицизму самого Локка, склониться ко второму варианту: «...если только кто-либо не станет утверждать, что естественное состояние и гражданское общество — это одно и то же; но до сих пор я еще не нашел ни одного столь страстного приверженца анархии, который бы стал на этом настаивать» (II, 94).

Легитимность

Некоторые могли бы отрицать (возможно, обоснованно), что в описании государства должна содержаться какая бы то ни было нормативная идея, даже право на принудительное обеспечение

прав и на запрещение опасных методов самостоятельного правоприменения при условии, что попавшие под запрет получают компенсацию. Но поскольку это не дает государству или какому-либо из его агентов никаких прав, кроме тех, которые есть у всех и каждого, такое включение представляется безопасным. Оно не дает государству никаких *особых* прав, и из него никак не следует, что все действия государственной власти правильны по определению. Из него не следует также, что индивиды, выступающие в качестве агентов государства, обладают особым иммунитетом от наказания в случае, если они нарушают права других. Общественность, агентами которой они являются, может предоставить им страхование ответственности или гарантию, что их ответственность будет покрыта. Но она не может *уменьшить* их ответственность по сравнению с ответственностью других людей. Кроме того, ни охранное агентство, ни другие корпорации не будут нести ограниченную ответственность. Те, кто добровольно вступает в отношения с какой-либо корпорацией (клиенты, кредиторы, сотрудники и др.), будут заключать с ней договоры, явным образом ограничивающие ответственность корпорации, в том случае, если корпорация предпочитает вести бизнес именно таким образом. Ответственность корпорации перед теми, кто сталкивается с ней не по собственному выбору, не будет ограниченной. И можно предположить, что она будет страховать такого рода ответственность.

Обладает ли государство, которое мы описали, легитимностью, законно ли его правление? Доминирующее охранное агентство обладает властью *de facto*; оно приобрело эту власть и достигло доминирующего положения без нарушения чьих-либо прав; оно распоряжается этой властью по возможности наилучшим образом. Означает ли все это в сумме, что оно обладает властью легитимно? В соответствии с тем, как термин «легитимность» используется в политической теории, те, кто легитимно обладает властью, наделены правомочиями [entitled] обладать ею — причем наделены *особым образом*‡. Имеет ли место в случае доминирующего охранного агентства какое-либо особое наделение правомочиями [entitlement]? Доминирующее агентство и другое, крошечное агентство или доминирующее агентство и независимый индивид равны с точки зрения природы их прав на принудительное

‡ При попытках объяснить понятия легитимности правительства в терминах мнений и представлений его подданных трудно избежать повторного обращения к понятию легитимности, когда приходит время объяснить точное содержание мнений и представлений подданных; хотя нетрудно сделать этот круг неполным: легитимным является то правительство, которое большинством его подданных признается легитимным. — *Прим. науч. ред.*

обеспечение других прав. Каким образом они могли бы быть наделены полномочиями разной степени?

Рассмотрим вопрос, наделено ли доминирующее агентство полномочиями на то, чтобы быть доминирующим. Наделен ли ресторан, куда вы решили пойти в конкретный день, полномочиями на то, чтобы сделать вас своим постоянным клиентом? При некоторых обстоятельствах, пожалуй, есть искушение сказать, что ресторан это заслужил или достоин этого; он кормит вкуснее, дешевле, обстановка там приятнее, и персонал старается изо всех сил; тем не менее он не наделен полномочиями вас обслуживать³⁹. Вы не пренебрегаете полномочиями, которыми наделены хозяева ресторана, если идете в другое место. Но, решив пойти к ним, вы разрешаете им обслужить вас и взять за это деньги. Они не наделены полномочиями на то, чтобы *быть единственным* рестораном, обслуживающим вас, но они наделены правомочием вас обслуживать. Сходным образом мы должны различать между ситуацией, когда агентство наделено правомочием быть тем, кто обладает определенной властью, и ситуацией, когда оно наделено правомочием обладать этой властью⁴⁰. Является ли единственным правомочием доминирующего агентства то, что оно наделено правомочием обладать властью? К вопросу о наделении правомочиями можно подойти и с другой стороны, что позволит более полно осветить положение индивида в естественном состоянии.

³⁹ Разница между «наделением правомочием» и «заслужой» рассматривается в эссе Джоела Фейнберга: Joel Feinberg, "Justice and Personal Desert," *Doing and Deserving* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1970), pp. 55–87. Если бы в основе легитимности были заслуги и достоинства, а не наделение правомочиями (что не соответствует действительности), тогда доминирующее охранное агентство могло бы получить ее, заслужив свою доминирующую позицию на рынке своими достоинствами.

⁴⁰ Ниже утверждение 1 выражает утверждение, что *a* наделен правомочием обладать властью, тогда как выражения 2 и 3 выражают утверждение, что *a* наделен правомочием быть тем, кто обладает этой властью.

1. *a* — это индивид *x*, такой, что *x* обладает властью *P* и *x* наделен правомочием обладать *P*, а *P* представляет собой (почти) всю имеющуюся власть.
2. *a* наделен правомочием быть индивидом *x*, таким, что *x* обладает властью *P* и *x* наделен правомочием обладать *P*, а *P* представляет собой (почти) всю имеющуюся власть.
3. *a* наделен правомочием быть индивидом *x*, таким, что *x* обладает властью *P*, *x* наделен правомочием обладать *P*, и *x* наделен правомочием, чтобы *P* представляла собой (почти) всю имеющуюся власть.

Охранное агентство может действовать за или против конкретного индивида. Оно действует против него, если оно принудительно обеспечивает чьи-то права по отношению к нему — наказывает его, взыскивает компенсацию и т.п. Оно действует за него, если защищает его от других — наказывает других за нарушение его прав, принуждает их выплатить ему компенсацию и т.п. Теоретики, изучающие естественное состояние, полагают, что существуют некоторые права жертвы правонарушения, которые другие лица могут принудительно обеспечить *только* с ее разрешения; и есть иные права, которые другие лица могут принудительно обеспечивать вне зависимости от того, разрешила им жертва это сделать или нет. К первой группе принадлежит право взыскивать компенсацию, ко второй — право наказывать. Если потерпевший отказывается от компенсации, никто не имеет права взыскивать компенсацию в его пользу или в свою, вместо потерпевшего. Но если потерпевший хочет получить компенсацию, то почему взыскать ее могут только те, кому он разрешил это? Очевидно, что, если несколько разных лиц взыщут с обидчика полную компенсацию, это было бы несправедливо по отношению к нему. Как же определить, кому действовать? Может быть, на это имеет право тот, кто сумел первым взыскать достаточную компенсацию в пользу жертвы? Но если позволить многим людям соперничать из-за того, кто первым успешно взыщет компенсацию, разумные правонарушители, равно как и их жертвы, окажутся втянутыми во множество независимых судебных разбирательств, требующих больших затрат времени и сил, только одно из которых завершится взысканием компенсации. Другой вариант: тот, кто первым начинает процесс взыскания компенсации, оставляет поле за собой; никто другой больше не имеет права участвовать в процессе. Но это позволяло бы правонарушителю привлечь сообщника, который бы первым начал судебное разбирательство, чтобы помешать другим взыскать с него компенсацию (оно было бы продолжительным, запутанным и, возможно, безрезультатным).

Теоретически для выбора того, кто должен заняться получением компенсации (или поручить это другому), можно использовать произвольное правило, скажем, «взыскивать компенсацию должен тот, чье имя в алфавитном справочнике всех жителей данной территории идет непосредственно за именем жертвы». (Привело бы это к тому, что люди стали бы нарушать права тех, кто в алфавитном справочнике стоит прямо перед ними?) Если принимать решение о том, кто должен взыскивать компенсацию, будет потерпевший, это, по крайней мере, гарантирует, что он будет связан обязательством удовлетвориться результатом процесса и не будет продолжать попыток получить дополнительную компенсацию.

Потерпевший не будет считать, что он выбрал процесс, нечестный по отношению к самому себе, а если он придет к такому выводу, то винить сможет только себя. Вовлеченность жертвы в процесс и ее доверие к его результату выгодны и правонарушителю, потому что в противном случае потерпевший начнет второй процесс, чтобы получить остаток того, что, по его мнению, ему причитается. Можно ожидать, что потерпевший согласится с ограничением на вторичное привлечение к ответственности за одно и то же правонарушение, только если он активно участвует в процессе и связан обязательством согласиться с его итогами, что было бы невозможным в случае, когда первоначальное судебное решение выносит соучастник правонарушителя. Но что неправильного в повторном привлечении к ответственности за одно и то же правонарушение при условии, что в случае несправедливого исхода процесса наказанный сможет сделать ответный ход? И почему потерпевший не может привлечь правонарушителя к ответственности повторно, даже если он сам санкционировал первый процесс? Разве не может потерпевший сказать, что он поручил одному человеку взыскать справедливую компенсацию, но поскольку его представитель не смог этого сделать в полном объеме, он вправе поручить еще кому-нибудь закончить дело? Если первый, кого он направил за правонарушителем, не смог найти его, он вправе послать второго; если тот нашел его, но был подкуплен, потерпевший имеет право послать третьего; почему он не имеет права послать другого, если первый его представитель не смог выполнить свою задачу должным образом? Строго говоря, если он на самом деле прислал следующего человека, чтобы взыскать что-то сверх того, что пытался взыскать его первый представитель, он рискует, что другие люди сочтут его дополнительные требования несправедливыми и воспротивятся ему. Но есть ли иные основания, кроме благоразумия, которые не дают ему так поступать? В правовой системе, регулирующей отношения между гражданами государства, как она обычно представляется, содержатся доводы против повторного привлечения к ответственности за одно и то же правонарушение. Поскольку одного раза достаточно, чтобы признать человека виновным, нечестно позволять обвинению делать все новые и новые попытки, пока оно не добьется успеха. Но это не так в естественном состоянии, где невозможно абсолютное урегулирование спора и где то или иное решение не связывает обязательствами всех участников процесса после того, как агент (или агентство), представляющий потерпевшего, добился этого решения. В системе, регулирующей отношения между гражданами, нечестно давать обвинителю много шансов добиться окончательного обвинения, обязательного для выполнения, потому что, если ему повезет один раз, то у того, кто признан виновным, шансы на пересмотр при-

говора невелики. В то же время в естественном состоянии у того, кто считает приговор несправедливым, есть возможность прибегнуть к каким-то другим средствам⁴¹. Но даже если нет гарантий, что потерпевший сочтет приемлемым решение, которого достиг его представитель, это все-таки более вероятно, чем то, что он сочтет приемлемым для себя решение некоей неизвестной третьей стороны; поэтому то, что жертва сама выбирает того, кто будет взимать компенсацию, является шагом к окончанию дела. (Ее противник также может согласиться подчиниться решению.) Есть еще одно, пожалуй, главное соображение в пользу того, чтобы именно жертва принимала ключевые решения в вопросе о компенсации. Именно жертва имеет право на компенсацию, и не только в том смысле, что она получает деньги, но еще и в том, что у другой стороны именно *перед ней* имеется обязательство их выплатить. (Этот случай надо отличать от следующей ситуации: у меня может быть обязательство перед вами выплатить деньги третьей стороне, поскольку я пообещал вам передать деньги ей.) Представляется, что именно потерпевший, как то лицо, по отношению к которому существуют имеющиеся иски, является стороной для определения, как именно по этому обязательству будет осуществляться взыскание.

Всеобщее право наказывать

В отличие от взыскания компенсации, которое теория естественного состояния рассматривает как нечто такое, что может должным образом осуществить только сам потерпевший или его законный

⁴¹ Ротбард представляет себе, что каким-то образом в свободном обществе «решение любых двух судов будет рассматриваться как имеющее обязательную силу, т.е. имелся бы пункт, благодаря которому суд сможет принимать меры против стороны, признанной виновной» (Murray Rothbard, *Power and Market* (Menlo Park, Calif.: Institute for Humane Studies, Inc., 1970), p. 5 [русск. пер.: Ротбард М. Н. Власть и рынок. Челябинск: Социум, 2008. С. 10]). Кто признает это решение имеющим обязательную силу? Разве на человеке, признанном виновным, лежит моральный долг с этим согласиться? (Даже если он знает, что приговор несправедлив или основан на фактической ошибке?) Почему тот, кто не согласился заранее с принципом двух судов, будет считать окончательным их решение? Имеет ли в виду Ротбард что-либо, кроме того, что, по его мнению, агентства не будут действовать, пока два независимых суда (второй суд — апелляционный) не придут к одинаковому решению? Почему следует считать, что этот факт проясняет что-либо в вопросе о том, какие действия морально приемлемы для индивида, или в вопросе о надежном разрешении споров?

представитель, наказание в этой теории обычно рассматривается как функция, которую может реализовать каждый. Локк осознает, что «это покажется весьма странной доктриной для некоторых людей» (II, 9). В ее защиту он говорит, что естественные права будут пустым местом, если ни у кого в естественном состоянии не будет власти обеспечить их санкцией, а поскольку в естественном состоянии все обладают равными правами, то если хотя бы у одного человека есть такое право, это значит, что такое право есть у каждого (II, 7); он говорит также, что преступник становится опасен для всего человеческого рода и потому каждый имеет право наказать его (II, 8). Локк предлагает читателю найти иное основание для наказания чужестранцев за преступления, совершенные ими в данной стране. Неужели общее право наказывать настолько противоречит интуитивным представлениям? Если какое-то серьезное преступление было совершено в другой стране, которая отказывается наказать за него (возможно, правительство находится в союзе с преступником либо само совершило преступление), разве не было бы правильно, с вашей точки зрения, покарать преступника, причинив ему какой-либо ущерб за его преступление? Более того, можно было бы попытаться вывести право наказывать из других моральных соображений: из права защищать в сочетании с представлением о том, что преступление меняет моральные границы, ограждающие преступника. Можно было бы подойти к моральным запретам с позиций, близких к точке зрения контрактного права, и считать, что те, кто нарушает границы других людей, теряют право на то, чтобы некоторые их границы уважались. С этой точки зрения моральные запреты на определенные действия по отношению к тому, кто сам нарушил определенные моральные запреты (и не понес наказания за это), отсутствуют. Определенные преступления дают другим *свободу* выходить за определенные границы (исчезает обязанность не делать этого); конкретные детали можно было бы позаимствовать у сторонников ретрибутивного подхода⁴². Разговор о праве наказывать может показаться странным, если понимать его радикально, как право, осуществлению которого другие люди не должны препятствовать или брать его на себя, а не как свободу делать это, которой могут также располагать и другие. В более сильном истолковании этого права нет необходимости; свобода наказывать дала бы Локку многое из того, что ему нужно, даже, может быть, все, если добавить обязанность преступника не противиться наказанию. К этим доводам, которые делают более убедительным утверждение, что

⁴² Контрактный подход следовало бы формулировать осмотрительно, чтобы не допустить судебных злоупотреблений по отношению к виновным в преступлениях.

существует общее право наказывать, можно добавить то соображение, что, в отличие от компенсации, наказание не является долгом по отношению к потерпевшему (хотя именно он может быть сильнее всех заинтересован в его реализации), а потому оно не является сферой, в которой потерпевший имеет особую власть.

Как могла бы функционировать такого рода система общедоступного наказания? Все предыдущие трудности, возникшие при попытке представить себе систему общедоступного взыскания компенсации, возникают и применительно к системе «открытого» наказания. Кроме того, есть и другие трудности. Будет ли в этой системе торжествовать право первого? Не возникнет ли конкуренция между садистами за возможность наказать первым? Это бы крайне усугубило проблему удержания наказывающего от чрезмерного наказания и было бы нежелательно, несмотря на открывающиеся садистам возможности радостного и свободного труда. В системе общедоступного наказания сможет ли кто-нибудь помиловать преступника? И будет ли у другого человека право отменить это решение и наказать виновного со всей возможной суровостью, не переходя пределов заслуженного наказания? Не сможет ли преступник договориться с сообщником и гарантировать себе минимальное наказание? Будет существовать хоть какая-нибудь вероятность того, что жертва почувствует, что справедливость свершилась? И так далее.

Если система, предоставляющая исполнение наказания первому попавшемуся человеку, дефектна, то как следует решать, кто — из всех готовых и даже, возможно, жаждущих этого — должен наказывать? Можно было бы предположить, что, как и в предыдущем случае, это должен быть потерпевший или его уполномоченный представитель. Но хотя жертва имеет особый статус, а именно — статус жертвы, которой причитается компенсация, наказание ей не причитается. (Оно «причитается» человеку, который заслужил наказание.) У преступника нет перед потерпевшим обязательства быть наказанным; он не заслужил наказание «перед потерпевшим». Так почему же у потерпевшего должно быть особое право наказать или лично исполнить наказание? Если у него нет особого права наказать, есть ли у него особое право *отменить* наказание или помиловать преступника? Имеет ли право кто-нибудь наказать преступника даже вопреки желанию потерпевшего, который по моральным соображениям против избранного способа наказания? Если потерпевший является последователем Ганди, имеют ли право другие люди защищать его с помощью мер, которые он отвергает по моральным соображениям? Но ведь дело касается и других: они испуганы и не смогут чувствовать себя в безопасности, если такие преступления остаются безнаказанными. Должен ли тот факт, что жертва сильнее всех пострадала

от преступления, давать ей особый статус в отношении наказания преступника? (Что затрагивает остальных — преступление или только безнаказанность?) Если жертва была убита, переходит ли ее особый статус к ее ближайшим родственникам? Если убиты двое, значит ли это, что близкие родственники каждого из убитых имеют право убить преступника в условиях состязания за то, кто сделает это первым? Может быть, вместо того, чтобы каждый имел право наказывать и чтобы только жертва имела такую власть, решение состоит в том, чтобы все, кого это касается (т.е. все и каждый), совместно исполняли наказание или поручали это кому-нибудь. Но для этого было бы необходимо, чтобы в естественном состоянии наличествовал какой-нибудь институциональный аппарат или способ принятия решений. И если мы определим этот способ как принадлежащее каждому право голоса при окончательном определении наказания, то это было бы единственное право такого рода, которым обладали бы люди в естественном состоянии; в итоге получилось бы право (право определять наказание), принадлежащее всем вместе, а не каждому в отдельности. Кажется, что невозможно четко понять, каким образом право наказывать могло бы действовать в естественном состоянии. Из нашего обсуждения того, кто имеет право взыскивать компенсацию и кто имеет право исполнять наказание, возникает другой подход к вопросу об источнике правомочий доминирующей защитной ассоциации.

Доминирующая защитная ассоциация получила от многих людей санкцию действовать в качестве их представителя при взыскании компенсации. Она наделена правомочиями действовать от их имени, в то время как маленькое агентство наделено правомочиями действовать от имени небольшого числа людей, а индивид наделен правомочиями действовать только от своего имени. В этом смысле, т.е. в смысле наделения большим количеством правомочий со стороны индивидов, пусть такого рода, как и у других, доминирующее защитное агентство имеет большие правомочия. С учетом неясности относительно того, как действует в естественном состоянии право наказывать, можно утверждать нечто большее. *В той мере*, в какой убедительно предположение, что все претендующие на право наказывать должны действовать совместно, доминирующее агентство следует рассматривать как обладателя наибольших правомочий на исполнение наказания, потому что почти все уполномочивают его действовать вместо них. Исполняя наказание, оно лишает возможности быть причастными к этому процессу минимально возможное число людей. Любой частный индивид, который накажет преступника, не даст свершиться действиям и реализоваться правомочиям всех остальных, которые также имеют право наказывать, в то время как многие люди будут чувствовать, что их правомочия реализо-

ваны, если действовать будет их представитель — доминирующее охранное агентство. Это объяснило бы распространенное мнение, что доминирующее охранное агентство или государство обладает некоей особой легитимностью. Получив больше правомочий действовать, оно в большей степени наделено правомочиями действовать. Но оно, как и никто другой, не наделено правомочиями быть доминирующим агентством.

Необходимо отметить еще одно возможное основание для того, чтобы рассматривать нечто как легитимное место сосредоточения властных полномочий. В той мере, в какой люди рассматривают выбор агентства как своего рода игру координации, в которой преимущества проистекают из того, что они быстро сходятся на одном и том же, не очень важно каком, агентстве, они могут думать, что то агентство, на котором они остановились, как раз и подходит для того, чтобы искать у него защиты. Возьмем пример места, где встречаются живущие в районе подростки. Не очень важно, где именно оно находится, если каждый знает его как место, где встречаются остальные, и уверен в том, что если уж они пойдут куда-нибудь, то именно туда. Это место становится «точкой сбора», куда ходят, чтобы встретиться с другими. Дело не столько в том, что вы с большей вероятностью потерпите неудачу, если будете искать их в другом месте, сколько в том, что другие рассчитывают на то, что вы пойдете именно туда, и таким образом получают пользу от существования этого места, и точно так же вы рассчитываете на то, что они собираются там, и тоже получаете выгоду от сложившегося обычая собираться именно здесь. Это место «не наделено правомочиями» служить местом сбора; если это магазин, его владелец не наделен правомочиями на то, чтобы именно его магазин был местом, куда сходится публика. Дело не в том, что люди должны собираться именно там. Это просто место, где они собираются. Аналогичным образом можно представить себе, как конкретное охранное агентство становится тем самым агентством, куда люди приходят за защитой. В той мере, в какой люди пытаются координировать свои действия и сойтись на одном охранном агентстве, клиентами которого станут все, этот процесс не является процессом типа «невидимой руки». Будут также промежуточные случаи, когда некоторые люди рассматривают это как игру координации, а другие, не осознающие этого, просто реагируют на локальные сигналы⁴³.

⁴³ О философских аспектах идеи Шеллинга об игре координации см.: David Lewis, *Convention* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969); обратите особое внимание на обсуждение общественных договоров в главе 3. В нашем описании государства используется менее осознанная координация действий между людьми, чем

Когда только одно агентство на деле реализует право запрещать другим людям использовать ненадежные процедуры осуществления правосудия, его положение делает его государством *de facto*. Наше логическое обоснование этих запретов опирается на неведение, неопределенность и отсутствие знаний, являющиеся условиями жизни людей. В некоторых ситуациях не известно, выполнил ли конкретный человек определенное действие, а процедуры установления этого факта различаются по степени надежности или честности. Можно задать вопрос о том, мог ли бы кто-либо legitimately претендовать на право запрещать другому наказание виновного (не притязая на исключительное обладание этим правом) в мире, где все факты точно известны, а полная информация доступна всем. Даже когда есть согласие относительно фактов, были бы возможны разногласия по вопросу о том, какого наказания заслуживает конкретный поступок и какие поступки заслуживают наказания. В этой книге я старался, насколько возможно, не подвергать сомнению и не сосредоточиваться на общем для многих утопических и анархистских теорий предположении о том, что существует некий набор принципов, достаточно очевидных, чтобы их приняли все люди доброй воли, достаточно однозначных, чтобы ими можно было руководствоваться в конкретных ситуациях, достаточно ясных, чтобы все понимали их предписания, и достаточно универсальных, чтобы содержать решение всех проблем, которые будут возникать на практике. Если бы наши доводы в пользу государства были основаны на отказе от этого предположения, была бы надежда, что будущий прогресс человечества (и моральной философии) мог бы увенчаться такого рода универсальной договоренностью и, таким образом, подорвать основания для существования государства. Дело не только в том, что день, когда все люди доброй воли согласятся с либертарианскими принципами, наступит далеко не завтра; эти принципы до конца не сформулированы, кроме того, сейчас нет единого набора принципов, который устраивал бы всех либертарианцев. Возьмем, например, вопрос о том, legitimately ли авторское право в фор-

в предложенном Мизесом описании средства обмена, которое мы привели в главе 2.

Здесь мы не имеем возможности заняться исследованием интересных и важных вопросов о том, в какой степени и при каких условиях клиенты, наделившие охранное агентство той или иной особой легитимностью, которой оно обладает, несут ответственность за совершенные агентством нарушения прав других людей, на которые оно не было ими «уполномочено», и что клиенты должны сделать, чтобы избежать ответственности за это. (См.: Hugo Bedau, "Civil Disobedience and Personal Responsibility for Injustice," *The Monist*, 54 (October 1970), 517—535.)

ме полного копирайта. Некоторые либертарианцы доказывают, что оно нелегитимно, но при этом говорят, что тех же результатов можно достичь, если при продаже книги авторы и издатели будут включать в контракт пункт, запрещающий неавторизованную перепечатку, а потом будут преследовать по суду каждого книжного пирата за нарушение контракта; они, по-видимому, забывают, что иногда некоторые люди теряют книги, а другие их находят. Другие либертарианцы не согласны с этим⁴⁴. То же самое с патентами. Если люди, чьи взгляды так близки в области общей теории, могут расходиться по столь фундаментальному вопросу, дело может вообще дойти до открытого столкновения между двумя либертарианскими охранными агентствами. Одно агентство попытается силой обеспечить запрет кому-нибудь опубликовать некую книгу (поскольку это будет нарушением авторских прав) или воспроизвести какое-нибудь изобретение, если производитель не является одновременно изобретателем, а другое агентство выступит против этого запрета как нарушения прав индивида. Несогласие по вопросу о том, что именно должно обеспечиваться санкцией, с энтузиазмом доказывают «архисты», служит еще одним доводом (в дополнение к недостатку фактической информации) в пользу государственного аппарата; сюда можно добавить и необходимость изменять содержание того, что должно принудительно обеспечиваться. Люди, которые предпочитают мир практической реализации своих представлений о том, что является правильным, объединятся в одно государство. Но, разумеется, если люди действительно следуют данному предпочтению, их охранные агентства не будут воевать между собой.

Превентивное ограничение

Наконец, рассмотрим, как вопрос «превентивного ареста» или «превентивного ограничения» связан с принципом компенсации (глава 4) и со всеобщей защитой (см. главу 5), которую в соответствии с ним должно обеспечивать ультраминимальное государство даже тем, кто за это не платит. Это понятие следует расширить, чтобы включить все ограничения для индивидов, введенные с целью уменьшить риск того, что они нарушат права других; назовем это более широкое понятие «превентивным ограничением». Под него будут подпадать, в частности, требование

⁴⁴ Относительно первого подхода см.: Rothbard, *Man, Economy, and State*, vol. 2 (Los Angeles; Nash, 1971), p. 654; относительно второго см., напр.: Ayn Rand, "Patents and Copyrights," in *Capitalism: the Unknown Ideal* (New York: New American Library, 1966), pp. 125—129.

к некоторым лицам раз в неделю отмечаться в каком-либо учреждении (как при условном освобождении), запрет некоторым лицам находиться в определенные часы в определенных местах, законы, ограничивающие и регулирующие продажу, покупку и владение оружием и т.п. (но не законы, запрещающие публикацию схем банковской сигнализации). Превентивное заключение будет охватывать заключение человека под стражу не за совершенное им преступление, а на основании прогноза, что для него вероятность совершить преступление намного больше средней. (Его предыдущие преступления могут быть частью данных, на основании которых составляются прогнозы.)

Если такие превентивные ограничения несправедливы, причиной не может быть то, что они заблаговременно запрещают действия, которые, хотя и опасны, могут оказаться безвредными. Дело в том, что могущая быть практически реализованной правовая система, которая *включает запрет на частное осуществление правосудия*, опирается на соображения превентивного характера⁴⁵. Нельзя утверждать, что соображения превентивности, делающие возможным существование *всех* правовых систем, которые запрещают самодеятельное восстановление справедливости, несовместимы с существованием справедливой правовой системы, по крайней мере если исходить из того, что существование справедливой правовой системы возможно. Есть ли такие основания строго осудить превентивные ограничения как несправедливые, которые нельзя было бы в равной мере применить к запрету на частное правосудие, который лежит в основе всех существующих государственных правовых систем? Я не знаю, *можно ли*, исходя из соображений справедливости, провести различие между превентивными ограничениями и другими похожими запретами, направленными на уменьшение опасности, которые являются фундаментальными для правовых систем. Возможно, мы можем опереться на приведенный выше в этой главе анализ принципов, устанавливающих различие между действиями или процессами, в случае которых не требуется дальнейших решений для того, чтобы зло было совершено, и такими, где зло совершается только в том случае, если индивид впоследствии принимает решение его совер-

⁴⁵ По крайней мере, когда мы объясняли разумное основание подобных систем. Алан Дершовиц напомнил мне о том, что для обоснования запрета частного осуществления правосудия можно было бы разработать некоторые доводы непревентивного характера. Если бы эти доводы смогли выдержать критический анализ, сильное утверждение, что все правовые системы, которые запрещают частное осуществление правосудия, предполагают легитимность некоторых соображений превентивного характера, было бы некорректным.

шить. В той мере, в какой некоторые люди считаются неспособными принять решение в будущем и рассматриваются всего лишь как уже включенные механизмы, которые совершат (или могут совершить) неправомерные действия (или в той мере, в какой они считаются *неспособными* принять решение отказаться от неправомерных действий?), превентивные ограничения, вероятно, будут выглядеть оправданными. При условии, что неблагоприятные условия будут компенсированы (см. ниже), превентивное ограничение будет разрешено на основании тех же соображений, которые лежат в основе существования правовой системы. (Хотя на основании других соображений оно может быть исключено.) Но если зло, которое может (есть опасение, что может) принести человек, действительно зависит от тех его решений, которые он еще не принял, то согласно введенным ранее принципам превентивный арест или превентивные ограничения являются нелегитимными и недопустимыми*.

Даже если нельзя исходя из соображений справедливости провести различие между превентивным ограничением и сходными запретами, которые лежат в основе правовых систем, и если риск опасности достаточно существен, чтобы оправдать вмешательство в виде запрета, то те, кто устанавливает запреты ради повышения собственной безопасности, *должны компенсировать* тем, кто попал под запрет (и кто на самом деле мог бы не причинить никому ущерба), создаваемые им неблагоприятные условия. Это следует из сформулированного в главе 4 принципа компенсации. В случае мелких запретов и требований предоставление компенсации не вызовет затруднений (и, может быть, в этих случаях ее следует предоставлять, даже если запреты не порождают *неблагоприятных условий*). Другие меры, включая комендантский час для некоторых лиц и особые ограничения их деятельности, требовали бы значительной компенсации. Для общества будет почти невозможно компенсировать неблагоприятные условия кому-то, кого в качестве меры превентивного ограничения заключают в тюрьму. Возможно, чтобы удовлетворить в данном случае этому требованию компенсации неблагоприятных условий тем, кто, как ожидается, может представлять большую опасность, придется построить для них охраняемый и обнесенный колючей проволокой курорт с отелями, ресторанами, развлечениями и т.п. (Согласно нашему предшествующему анализу с таких людей можно было бы

* Можно ли сделать тот же вывод, если те, кто вводит ограничение, выплачивают *полную* компенсацию, так что тот, кого ограничивают, возвращается по меньшей мере на столь же высокую кривую безразличия, какую он занимал бы в отсутствие ограничений, а не просто компенсацию за созданные *неблагоприятные условия*?

взимать плату, не превышающую их нормальные расходы на еду и жилье в условиях жизни в обществе. Но было бы недопустимо, если бы индивид в тюрьме не имел возможности зарабатывать столько же, сколько и на свободе, потому что тогда эта плата совершенно истощила бы его финансовые ресурсы.) Такой центр превентивного заключения должен быть очень привлекательным местом для жизни; когда множество людей начнет рваться туда, можно будет сделать вывод, что условия содержания там действительно более чем роскошны для того, чтобы компенсировать индивиду неблагоприятные условия, происходящие от запрета на свободную жизнь в обществе*. Я не обсуждаю здесь детали подобной схемы, теоретические трудности (например, для одних людей условия, создаваемые изоляцией от общества, были бы более благоприятны, чем для других) и возможные моральные возражения (например, нарушены ли права человека, которого отправляют за решетку в компании других опасных людей? Может ли роскошная обстановка компенсировать возросшую опасность?). Я упомянул курортные центры превентивного заключения *не* для того, чтобы выдвинуть такое предложение, а для того, чтобы показать, о какого рода проблемах сторонники превентивного заключения должны подумать, что им придется одобрить и *за что заплатить*. То, что общественность должна будет людям, на которых она накладывает превентивные ограничения, компенсировать создаваемые в результате этого неблагоприятные условия в тех случаях (*если таковые вообще имеются*), когда она может легитимно наложить эти ограничения, возможно, могло бы стать серьезным барьером на пути желаний общественности устанавливать подобные ограничения. Можно с ходу отвергнуть любую схему превентивных ограничений, не предусматривающую достаточной компенсации. В сочетании с нашими выводами, сделанными в предыдущем абзаце, это почти не оставляет (или вообще не оставляет) пространства для легитимных превентивных ограничений.

* Поскольку компенсировать необходимо только неблагоприятные условия, могло бы подойти что-то менее роскошное, чем место, которое люди выбрали бы добровольно. Однако трудно оценить степень неблагоприятности условий, когда речь идет о столь жестких мерах, как превентивное заключение. Если под неблагоприятными условиями понимать затруднения при доступе к определенным видам деятельности по сравнению с обычными людьми, то столь суровое ограничение, каким является помещение под стражу, вероятно, потребует *полной* компенсации неблагоприятных условий. Возможно, только когда место содержания станет привлекательным для кого-нибудь снаружи, можно будет считать, что оно компенсирует всем, кто там находится, их неблагоприятные условия.

Краткое рассмотрение некоторых возражений против такой точки зрения на превентивное ограничение позволит нам учесть соображения, которые мы уже рассматривали в другом контексте. Можно задать вопрос о том, может ли одним людям быть разрешено превентивно ограничивать других, даже при условии компенсации неблагоприятных условий, последовавших в результате превентивных ограничений. Почему те, кто желает, чтобы другие были превентивно ограничены, не должны нанять их (заплатить им) за соблюдение превентивных ограничений вместо наложения превентивных ограничений? Поскольку такой обмен удовлетворял бы первому необходимому условию «непродуктивного» обмена (см. главу 4) и поскольку то, что выигрывает одна сторона (которая в результате обмена оказывается не в лучшем положении, чем если бы другая сторона вообще не вступала с ней в отношения), представляет собой лишь уменьшение вероятности пострадать от того, что было бы запрещенным нарушением границ, если бы было сделано намеренно, то приводившиеся нами ранее аргументы в пользу рыночного определения раздела взаимных выгод от обмена здесь неприменимы. Вместо этого мы имеем ситуацию, подпадающую под условия, когда уместен запрет с компенсацией; в более сильной формулировке (согласно нашему анализу, проведенному в главе 4) — запрет с компенсацией только созданных запретом неблагоприятных условий. Далее, во многих ситуациях с превентивными ограничениями «продукт» (а именно действие ограничения применительно к конкретному человеку) может быть поставлен только одной, конкретной стороной. Нет и не может быть другого человека, некоего конкурента, который мог бы продать вам *это* в случае, если бы цена, запрошенная первым, оказалась слишком высокой. Трудно понять, почему в *этих* случаях *непродуктивного* обмена (по крайней мере в соответствии с первым необходимым условием) монопольное ценообразование должно рассматриваться в качестве адекватной модели распределения выгод. Если, однако, цель программы превентивных ограничений состоит в том, чтобы понизить совокупную вероятность опасности для других людей ниже определенного порога, а не в том, чтобы ограничить всех опасных индивидов, которые вносят в эту совокупную опасность вклад, превышающий фиксированный минимальный уровень, этого можно было бы добиться, не накладывая ограничений на всех таких людей. Если заплатить достаточному числу опасных людей, совокупная опасность, исходящая от остальных из них, оказалась бы ниже порогового значения. В такой ситуации те, кто является объектом превентивных ограничений, имели бы некоторые основания для ценовой конкуренции друг с другом, потому что они занимали бы на рынке несколько менее влиятельное положение.

Даже если те, кто накладывает ограничения, не обязаны достигать добровольного двустороннего соглашения с теми, кого они ограничивают, почему от них, по крайней мере, не требуется, чтобы они не перемещали тех, кого ограничивают, на более низкую кривую безразличия? Почему требование сводится только к компенсации за созданные *неблагоприятные условия*? Можно рассматривать компенсацию неблагоприятных условий как компромиссный вариант, возникший вследствие невозможности сделать выбор между двумя привлекательными, но несовместимыми позициями: (1) никаких выплат компенсации, потому что опасных людей следует ограничивать, а следовательно, есть право их ограничивать; (2) полная компенсация, потому что этот человек мог бы жить без ограничений и никому на деле не причинить вреда, а значит, нет права его ограничивать. Однако запрет с компенсацией неудобств — это не компромисс, полученный в результате усреднения двух равно привлекательных противоположных позиций, одна из которых правильна, но нам не известно, какая именно. Наоборот, мне это представляется правильной позицией, которая соответствует (моральному) вектору равнодействующей противоположных веских соображений, каждое из которых каким-то образом следует учитывать*.

* Что, если общество слишком истощено, чтобы выплачивать компенсацию тем, кто, не будучи ограниченным, был бы слишком опасен? Разве община нищих фермеров не может никого превентивно ограничить? Да, может; но только если те, кто вводит ограничения, попытаются выплатить компенсацию, так чтобы их собственное ухудшившееся положение (ухудшившееся потому, что часть собственных благ они отдали в компенсационный фонд) стало приблизительно эквивалентным положению тех, на кого наложены ограничения (с учетом компенсационных выплат). Те, кого ограничили, все еще находятся в невыгодном положении; но не больше, чем все остальные. Общество является *бедным* в отношении превентивного ограничения, если те, кто ограничивает, не могут компенсировать неблагоприятные условия тем, кого они ограничивают, без того, чтобы не переместиться самим в более неблагоприятное положение; т.е. без того, чтобы самим переместиться на позицию, которая считалась бы неблагоприятными условиями, если бы на ней находились только *некоторые* члены общества. Бедные общества должны выплачивать компенсацию за создаваемые ими неблагоприятные условия до тех пор, пока положение тех, на кого наложены ограничения, и остальных не станет эквивалентным. Здесь понятие «эквивалентности» можно толковать по-разному. «Эквивалентные» может означать: одинаково нищие в абсолютном выражении (это толкование может показаться чересчур сильным в свете того, что исходное положение некоторых свободных от ограничений людей может быть довольно высоким); положение каждого понижено на равную величину; положение каждого

На этом завершается анализ возражений против наших доводов, которые привели к минимальному государству, а также применение принципов, сформулированных в ходе разработки нашей основной темы, к другим вопросам. Мы перешли от анархии к минимальному государству, и наша следующая задача — обосновать, что дальше идти не следует.

понижено на одинаковый процент по отношению к некоторому базисному уровню. Чтобы внести ясность в эти сложные вопросы, необходимо исследовать их более основательно, чем требуется для целей настоящей книги, для которой они являются малозначимыми. Поскольку Алан Дершовиц сообщил мне, что во втором томе его готовящейся к выходу обширной работы о превентивных мерах в системе права его подход близок к моему, изложенному на этих страницах, можно посоветовать читателю обратиться к этой работе.

Часть II

ЗА ПРЕДЕЛАМИ
МИНИМАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА?

Глава 7

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Минимальное государство — это максимальное государство, существование которого может быть оправдано. Любое государство, которое больше минимального, нарушает права людей. Однако многие выдвигали аргументы, имеющие целью оправдать такое государство, которое больше минимального. В рамках этой книги невозможно проанализировать все выдвигавшиеся соображения. Поэтому я сосредоточусь на тех, которые считаются наиболее существенными и авторитетными, чтобы точно определить, в чем именно состоит их некорректность. В этой главе будет рассмотрено утверждение, что государство, которое больше, чем минимальное, является оправданным в силу того, что оно необходимо (или является наилучшим инструментом) для достижения распределительной справедливости; в следующей главе мы рассмотрим различные иные аргументы.

Термин «распределительная справедливость» не является нейтральным. Большинство людей, когда слышат термин «распределение», предполагают, что речь идет о некотором механизме, который раздает определенный запас благ на основании некоторого критерия или принципа. В этот процесс распределения долей, возможно, вкралась какая-то ошибка. Поэтому остается открытым как минимум вопрос, не должно ли произойти *перераспределение*; не следует ли сделать заново то, что однажды уже было сделано, хоть и неудачно. Однако мы не находимся в положении детей, которым кто-то сначала раздал пирог, а теперь исправляет ошибки, возникшие из-за того, что пирог был нарезан неаккуратно. *Централизованного* распределения не существует, нет человека или группы, которые наделены полномочиями контролировать все ресурсы и совместно решать, как они должны раздаваться. То, что получает отдельно взятый человек, он получает от других в обмен на что-то другое или в подарок. В свободном обществе разные люди контролируют разные ресурсы, и новые активы возникают из добровольных обменов и добровольных действий индивидов. Говорить о процессе распределения, или о распределении долей,

в такой ситуации не более оправданно, чем говорить о распределении брачных партнеров в обществе, в котором люди сами выбирают, на ком жениться и за кого выйти замуж. Общий результат является итогом множества индивидуальных решений, которые уполномочены принимать разные люди, участвующие в процессе. Конечно, некоторые случаи употребления термина «распределение» не предполагают предшествующего распределительного действия, которое оценивается в соответствии с неким критерием (например, в случае термина «вероятностное распределение»); тем не менее, несмотря на название этой главы, было бы лучше всего использовать такую терминологию, которая явным образом нейтральна. Мы будем говорить об имуществе людей; принцип справедливости в имущественных отношениях описывает (частично), что справедливость говорит нам об имуществе (требует в отношении имущества). Сначала я изложу то, что я считаю правильной точкой зрения на справедливость в имущественных отношениях, а потом займусь рассмотрением других точек зрения¹.

Раздел I

Теория справедливости, основанная на титулах собственности[‡]

Тема справедливости в имущественных отношениях состоит из трех главных разделов. Во-первых, это *первичное приобретение во владение*, присвоение того, что не принадлежало никому. Сюда относятся вопросы о том, каким образом ничьи вещи могут перейти во владение; процесс или процессы, посредством которых ничьи вещи могут перейти во владение; вещи, которые могут стать имуществом в результате этих процессов; масштаб того, что может перейти во владение в результате конкретного процесса. Сложный принцип, регулирующий эти вопросы, который пока что здесь не формулируется, мы будем называть принципом справедливости присвоения [principle of justice in acquisition]. Второй

¹ Читатель, забежавший вперед и обнаруживший, что вторая часть этой главы посвящена обсуждению теории Ролза, может ошибочно решить, что все замечания и аргументы в первой части, направленные против альтернативных теорий справедливости, так или иначе представляют собой или превосходят критику теории Ролза. Это не так; есть и другие теории, также заслуживающие критики.

[‡] В данном переводе словосочетанием «теория, основанная на титулах собственности», переводится английский термин «entitlement theory». Смысл того термина разъясняется в дальнейшем. — *Прим. науч. ред.*

раздел касается *перехода имущества* от одного индивида к другому. Посредством каких процессов человек может передать имущество другому? Как может один человек получить во владение нечто, чем владеет другой? Этот раздел содержит общие описания добровольного обмена и дарения и, с другой стороны, мошенничества, а также указания на специфические правила поведения, принятые в данном обществе. Сложный принцип, касающийся этих вопросов (оставляя незаполненным место, отведенное для конкретных правил поведения), мы будем называть принципом справедливости перехода [principle of justice in transfer]. (Мы также будем предполагать, что сюда же относятся принципы, которые определяют, как человек может избавиться от имущества, переведя его в статус «ничьей вещи».)

Если бы мир был совершенно справедливым, то тема справедливости в имущественных отношениях совершенно исчерпывалась бы следующим индуктивным определением.

1. Лицо, которое приобретает имущество в соответствии с принципом справедливости присвоения, имеет титул собственности на это имущество.
2. Лицо, которое приобретает имущество в соответствии с принципом справедливости перехода у кого-то, кто имеет титул собственности на это имущество, также получает титул собственности на это имущество.
3. Никто не может получить титул собственности на имущество иначе как в результате (неоднократного) применения пунктов 1 и 2.

В полном виде принцип распределительной справедливости утверждал бы просто, что распределение справедливо, если каждый обладает титулом собственности на имущество, которое он имеет в соответствии с этим распределением.

Распределение справедливо, если оно правомерным способом происходит из другого справедливого распределения. Правомерные способы перехода от одного распределения к другому установлены принципом справедливости перехода. Первый законный «переход» определен принципом справедливости присвоения*. Все, что возникает из справедливой ситуации в результате справедливых действий, само по себе справедливо. Способы обмена, установленные

* Принцип справедливости присвоения также может быть применен как часть перехода от одного распределения к другому. Вы можете найти ничью вещь и присвоить ее. Когда я для простоты говорю о переходе путем передачи, следует понимать, что это относится также и к присвоению.

принципом справедливости перехода, обеспечивают сохранение справедливости. Подобно тому, как корректные правила вывода сохраняют истинность, и любое заключение, выведенное на основе повторяющегося применения таких правил к истинным посылкам, само по себе истинно, так и способы перехода от одной ситуации к другой, установленные принципом справедливости перехода, обеспечивают сохранение справедливости, и любая ситуация, реально возникшая из справедливой ситуации вследствие последовательности переходов в соответствии с этим принципом, сама по себе является справедливой. Аналогия между преобразованиями, сохраняющими справедливость, и преобразованиями, сохраняющими истинность, имеет и сильные и слабые стороны, но является поучительной и в том и в другом случае. Чтобы показать истинность заключения, достаточно показать, что оно могло быть получено из истинных посылок способом, сохраняющим истинность. Для доказательства, что ситуация является справедливой, *недостаточно* показать, что она могла бы быть получена из справедливой ситуации способом, сохраняющим справедливость. То, что жертвы вора *могли* бы сделать ему подарки, не дает вору титула собственности на украденное. Справедливость в имущественных отношениях обусловлена исторически; она зависит от того, что конкретно произошло. Мы вернемся к этому ниже.

Не все реальные ситуации возникают в соответствии с двумя принципами справедливости владения имуществом: принципом справедливости присвоения и принципом справедливости перехода. Некоторые люди крадут у других, обманывают их, порабащают их, отбирая произведенное ими и препятствуя им жить свободно, или насильственно не допускают их к конкуренции в обмене. Ничто из этого не является допустимым способом перехода от одной ситуации к другой. Некоторые люди приобретают имущество такими способами, которые не санкционированы принципом справедливости присвоения. Существование несправедливости в прошлом (прежних нарушений первых двух принципов справедливости владения имуществом) заставляет обратиться к третьему главному разделу темы справедливости: исправлению несправедливости во владении имуществом. Если несправедливость, совершенная в прошлом, разными путями, одни из которых можно установить, а другие — нет, сформировала нынешнюю ситуацию с имуществом, что надо (и надо ли вообще что-то) делать для исправления этих несправедливостей? Каковы обязательства тех, кто совершил несправедливость, перед теми, чье положение хуже, чем оно было бы, если бы несправедливость не совершилась? Или хуже, чем оно было бы, если бы компенсация была выплачена немедленно? Как меняется и меняется ли ситуация, если выигравшие и пострадавшие от несправед-

ливости — это не прямые участники самого акта несправедливости, а, например, их потомки? Совершена ли несправедливость по отношению к тому, чье владение имуществом было основано на неисправленной несправедливости? Насколько далеко в прошлое следует заходить, чтобы исправить историческую несправедливость? Что имеют право сделать жертвы несправедливости, чтобы исправить несправедливость, включая те многочисленные несправедливости, которые причинили им лица, действовавшие через посредство их правительства? Мне неизвестны тщательные или теоретически проработанные исследования этих вопросов². В порядке крайней идеализации действительности представим себе, что теоретическое исследование сформулирует некий принцип исправления несправедливости. Этот принцип использует историческую информацию о прежних ситуациях и совершенных в этих ситуациях несправедливостях (определяемых в соответствии с первыми двумя принципами справедливости и правами, запрещающими внешнее вмешательство), а также информацию о реальном ходе событий, последовавших в результате этих несправедливостей вплоть до настоящего времени, и на основе всего этого получает описание (или описания) имущественных отношений в обществе. Предположительно принцип исправления несправедливости будет использовать наиболее точные оценки гипотетической информации о том, что произошло бы (или вероятностное распределение того, что могло бы произойти, с использованием математических ожиданий), если бы несправедливость не была совершена. Если окажется, что реальные имущественные отношения не совпадут ни с одним из описаний, полученных на основе принципа, то должно быть реализовано одно из полученных описаний*.

Общие контуры теории справедливости владения имуществом состоят в том, что человек владеет имуществом по справедливости, если он получил титул на это имущество в соответствии с принципами справедливости присвоения и перехода или принципом

² См., однако, полезную книгу: Boris Bittker, *The Case for Black Reparations* (New York: Random House, 1973).

* Если принцип исправления нарушений двух первых принципов даст более одного описания имущественных отношений, будет необходимо сделать выбор, какое из описаний подлежит реализации. Пожалуй, соображения распределительной справедливости и равенства, против которых я выступаю, играют законную роль в *этом* второстепенном решении. Аналогично для таких соображений может найтись место при выборе того, какие из требований, произвольных во всех остальных отношениях, должны войти в закон, когда таких требований нельзя избежать, потому что другие соображения не позволяют точно определить критерии, а выбрать какой-то критерий необходимо.

исправления несправедливости (устанавливаемой в соответствии с двумя первыми принципами). Если каждое лицо владеет имуществом справедливо, то и суммарное множество отношений владения (т.е. распределение имущества) является справедливым. Чтобы превратить эти общие контуры в конкретную теорию, нам нужно было бы описать детали каждого из трех принципов справедливости владения: принципа присвоения «ничейного» имущества, принципа перехода имущества от одного лица к другому и принципа исправления нарушения первых двух принципов. Я не буду пытаться выполнить эту задачу здесь. (Предложенный Локком принцип справедливости присвоения обсуждается ниже.)

Исторические принципы и принципы, основанные на конечном результате

Общие контуры теории, основанной на титулах собственности, бросают свет на природу и недостатки других концепций распределительной справедливости. Теория, основанная на титулах собственности, является *исторической* по своему характеру: является ли распределение справедливым, зависит от того, как оно возникло. Напротив, *принципы справедливости в текущем временном срезе* утверждают, что справедливость распределения определяется тем, как распределены вещи (кому что принадлежит), и суждение выносится в соответствии с неким(и) *структурным(и)* принципом(ами) справедливого распределения. Утилитарист, который выбирает одно из двух распределений в зависимости от суммы полезности и, если суммы равны, применяет некий фиксированный критерий равенства, чтобы выбрать более равное распределение, будет придерживаться принципа в текущем временном срезе. И то же самое относится ко всякому, у кого была бы фиксированная функция замещения между суммой счастья и степенью равенства. Согласно принципу справедливости в текущем временном срезе, для того чтобы оценить справедливость какого-нибудь распределения, нужно смотреть только на то, кто и что получил в итоге; при сопоставлении двух любых распределений достаточно сравнить только матрицы, описывающие распределения. Принцип справедливости такого типа никакой иной информации не требует. Из таких принципов справедливости следует, что любые два структурно идентичных распределения в равной степени справедливы. (Два распределения структурно идентичны, если у них одинаковые профили, но при этом определенные позиции могут быть заняты разными людьми. Если у меня десять, а у вас пять, это распределение структурно иден-

тично другому распределению, когда у меня пять, а у вас десять.) Экономическая теория благосостояния — это теория принципов справедливости в текущем временном срезе. Ее предмет понимается как операции с матрицами, представляющими только текущую информацию о распределении. Это, а также некоторые стандартные условия (например, выбор распределения инвариантен при переименовании столбцов) гарантирует, что экономическая теория благосостояния будет теорией, относящейся к текущему временному срезу, со всеми ее недостатками.

Большинство людей не считают, что принципы, относящиеся к текущему временному срезу, содержат в себе все, что необходимо для оценки распределения долей. Они полагают, что при оценке справедливости ситуации важно учитывать не только получившееся распределение, но и то, как оно возникло. Если какие-то люди находятся в тюрьме за убийство или военные преступления, мы не скажем, что для оценки справедливости распределения в обществе нужно учитывать только то, что имеет один индивид, другой, третий и т.д. ... в данный момент. Мы будем считать существенным вопрос о том, не совершил ли кто-нибудь чего-нибудь такого, чем он *заслужил* наказание, заслужил меньшую долю в распределении. Большинство людей согласятся с тем, что дополнительная информация о штрафах и наказаниях является значимой. Мы рассмотрим также то, каковы объекты желаний. Один из традиционных социалистических подходов заключается в том, что рабочие обладают правом (титулом собственности) на весь продукт и все плоды своего труда; они его заработали; распределение является несправедливым, если оно не дает рабочим то, на что у них есть титул собственности. Такие титульные права основаны на некоторых событиях в прошлом. Ни один социалист, который придерживается этого взгляда, не согласился бы, если бы ему сказали, что поскольку реальное распределение *A* структурно совпадает с распределением *D*, которого он желает, то из этого следует, что *A* не менее справедливо, чем *D*; оно отличается только тем, что «паразитические» собственники капитала получают при *A* то, что при *D* положено рабочим, а рабочие получают при *A* то, что положено капиталистам при *D*, т.е. очень мало. На мой взгляд, этот социалист совершенно обоснованно цепляется за понятия заработанного, произведенного, заслуг, награждения титулом собственности и т.п., и он правильно отвергает принципы, основанные на текущем временном срезе, учитывающие только структуру результирующей совокупности отношений владения. (Совокупности являющейся результатом *чего*? Разве убедителен тезис о том, что то, как имущество было произведено и появилось на свет, не имеет никакого отношения к тому, кому что должно принадлежать?) Ошибка социалиста вытекает из его

представлений о том, из каких производственных процессов возникают те или иные титулы собственности.

Мы слишком сузили сферу нашего обсуждения, говоря о принципах, основанных на *текущем* временном срезе. Ничего не изменится, если структурные принципы будут действовать применительно к временной последовательности распределений, относящихся к разным текущим временным срезам, — например, будут предоставлять сегодня кому-то больше, чтобы уравновесить то, что вчера он имел меньше. Утилитарист, эгалитарист или сторонник любого гибрида этих двух идеологий, учитывающий временное измерение, получит в наследство трудности своих более близоруких товарищей. Ему не поможет то, что часть информации, которую другие считают существенной для оценки распределения, отражена в прежних матрицах (но невозстановима). В дальнейшем мы будем называть такие внеисторические принципы распределительной справедливости, включая принципы справедливости в текущем временном срезе, *принципами, основанными на конечном результате или на конечном состоянии*.

В противоположность принципам, основанным на конечном результате, *исторические принципы* справедливости утверждают, что прошлые обстоятельства или действия людей могут создавать дифференцированные титулы собственности [entitlements] или дифференцированные преимущества [deserts] в отношении вещей. Несправедливость может быть следствием перехода из одного распределения в другое, структурно идентичное, потому что второе, идентичное по профилю, может нарушать титулы собственности или преимущества, оно может не соответствовать фактической истории.

Калибровка по паттерну

Очерченные нами принципы справедливости владения, основанные на титулах собственности, — это исторические принципы справедливости. Чтобы лучше понять их конкретные особенности, мы будем проводить различие между ними и другим подклассом исторических принципов. Возьмите, например, принцип распределения в соответствии с моральными заслугами. Этот принцип требует, чтобы суммарные доли, получаемые при распределении, менялись в прямой зависимости от моральных заслуг; никто не должен иметь доли, которая была бы больше, чем у более добродетельного человека. (Если бы моральные заслуги можно было не просто упорядочить по возрастанию, но и измерить на интервальной шкале или шкале отношений, то можно было бы сформулировать более сильные принципы.) Или возьмите принцип, где

место «моральных заслуг» заняла бы «полезность для общества». Вместо «распределения по моральным заслугам» или «распределения по общественной полезности» мы могли бы рассмотреть «распределение по взвешенной сумме моральных заслуг, общественной полезности и потребностей», установив равные веса для разных измерений. Мы будем называть принцип распределения *калиброванным* (или *калиброванным по паттерну*)[‡], если он устанавливает, что распределение должно изменяться в зависимости от некоторого естественного показателя, взвешенной суммы естественных показателей или лексикографического упорядочения естественных показателей. Будем говорить, что *распределение* является калиброванным, если оно соответствует некоему калиброванному принципу. (Я говорю о естественных показателях, сознательно не вводя для них общего критерия, потому что для любого распределения имущества всегда можно подобрать такие искусственные показатели, которые будут изменяться так, чтобы соответствовать распределению.) Принцип распределения по моральным достоинствам — это калиброванный исторический принцип, устанавливающий калиброванное распределение. «Распределять в соответствии с IQ» — это калиброванный принцип, использующий информацию, которая не содержится в матрице распределения. Он, однако, не является историческим в том отношении, что при оценке распределения не учитывает никаких совершенных в прошлом действий, создающих дифференцированные титулы; для него достаточно матрицы распределения, столбцы которой соответствуют значениям IQ. Однако распределение в обществе может состоять из подобного рода простых калиброванных распределений, но само оно при этом не будет калибровано на основании какого-либо простого паттерна. В разных секторах могут действовать разные паттерны, или, скажем, в разных частях общества комбинации паттернов могут действовать в разных пропорциях. Распределение, сформированное таким образом из небольшого количества калиброванных распределений, мы также будем называть калиброванным. Мы распространяем использование термина «паттерн» на все структуры, созданные комбинированием принципов, основанных на конечном состоянии.

Почти любой из принципов распределительной справедливости является калиброванным: каждому по его моральным заслугам, или по потребностям, или по предельному продукту, или по его усердию, или по взвешенной сумме упомянутых показателей и т. п.

[‡] В оригинале — *patterned*. Русский термин введен по аналогии с калибровкой измерительных приборов, которая представляет собой установление зависимости между показаниями прибора и значением измеряемой величины. — *Прим. науч. ред.*

Кратко обрисованный выше принцип, основанный на титулах собственности, *не* является калиброванным*. Не существует одного естественного показателя, взвешенной суммы или комбинации малого числа естественных показателей, которые позволяют получить распределение, сгенерированное в соответствии с принципом, основанным на титулах собственности. Набор отношений владения [holdings], возникающий, когда одни люди получают свой предельный продукт, другие выигрывают в казино, третьи получают долю в доходе супруга, четвертые получают гранты от фондов, кто-то получает проценты со ссуды, кто-то — подарки от обожателей, кто-то — доходы от инвестиций, некоторые делают большую часть того, что им принадлежит, собственными руками, а еще кто-то находит вещи на улице и т.п., не будет калиброванным. Его будут пронизывать крупные участки-паттерны; калиброванные переменные будут отвечать за существенную часть разнообразия в распределении имущества. Если большинство людей в большинстве случаев предпочитают передавать другим некоторые из своих имущественных титулов только в обмен на что-то, то значительная часть того, чем люди владеют, будет зависеть от того, что, по их мнению, желанно для других. Подробное описание этого механизма дает теория предельной производительности. Но такой подход далеко не идеален, когда речь идет о подарках родственникам, благотворительных пожертвованиях, наследстве

* Можно попытаться протащить калибровочную концепцию распределительной справедливости в рамки концепции, основанной на титулах собственности, сформулировав искусственно обязательный «принцип перехода», который приводил бы к возникновению паттерна. Например, в такой формулировке: каждый, имеющий доход выше среднего, должен передать все свое имущество, превышающее средний уровень, тем, чей доход ниже среднего, так, чтобы поднять их уровень до среднего (но не выше). Можно сформулировать критерий для «принципа перехода» так, чтобы исключить такие *принудительные* операции, или можно сказать, что ни один правильный принцип перехода, ни один принцип перехода в свободном обществе не будет таким, как только что сформулированный. Первое решение, возможно, лучше, но и второе также истинно.

В качестве альтернативного варианта можно было бы представить себе способ, которым концепция, основанная на титулах собственности, породила бы модель, а именно с помощью матрицы, элементы которой выражали бы относительную силу имущественных титулов индивида, измеряемых некоей функцией, принимающей вещественные значения. Но даже если ограничение, требующее применять только естественные показатели, не исключило бы эту функцию, результирующая конструкция *не* вместила бы нашу систему имущественных титулов на *конкретные* вещи.

в пользу детей и т.п. Игнорируя части распределения, соответствующие паттернам, предположим на время, что то распределение, которое реально возникает в результате действия принципа, основанного на титулах собственности, является случайным по отношению к какому бы то ни было паттерну. Хотя результирующий набор отношений владения имуществом не будет калиброванным по паттерну, он не будет недоступным для понимания, поскольку его можно будет интерпретировать как результат действия небольшого числа принципов. Эти принципы устанавливают, как может возникнуть исходное распределение (принцип присвоения имущества) и как из одного распределения могут возникнуть другие (принцип перехода имущества). Процесс, в ходе которого генерируется набор отношений владения имуществом, будет доступным для понимания, но сам набор, который порождается в результате процесса, не будет калиброванным по какому-либо паттерну.

Ф. А. Хайек в своих работах уделяет меньше внимания, чем обычно, тем условиям, которых требует калибровка распределительной справедливости. Хайек утверждает, что для распределения по моральным заслугам мы не можем знать достаточно о каждом отдельном человеке (но, если бы мы это знали, потребовали бы справедливость поступить так?); далее он говорит, что это «возражение направлено против всех попыток навязать обществу произвольно выбранную модель распределения, вне зависимости от того, на равенстве или на неравенстве она основана»³. Однако Хайек делает вывод, что в свободном обществе распределение будет осуществляться не по моральным заслугам, а по ценности, т.е. по тому, как другие оценивают деятельность человека и его услуги другим. Отвергнув концепцию калиброванной распределительной справедливости, Хайек при этом сам предлагает паттерн, который считает оправданным, — распределение в соответствии с оценкой субъективных выгод для других, — оставляя место для возражения, что свободное общество недостаточно строго реализует этот паттерн. Если более точно сформулировать этот калиброванный принцип для части свободного капиталистического общества, мы получим: «Каждому — в соответствии с тем, сколько выгоды он приносит другим, у которых есть ресурсы для того, чтобы принести выгоду тем, кто приносит выгоду им». Такое распределение будет казаться произвольным, пока не установлен какой-нибудь приемлемый первичный набор отношений владения имуществом или пока не установлено, что с течением времени действие системы размывает всякие существенные последствия первоначального распределения имущества. Вот пример последнего: если бы

³ F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1960), p. 87.

почти каждый купил машину у Генри Форда, утверждение, что деньги могли принадлежать их владельцу (покупателю) случайно, не бросило бы тень на доходы Генри Форда. В любом случае то, что владельцем денег стал он, не является случайностью. Как верно указывает Хайек, в свободном капиталистическом обществе распределение в соответствии с выгодой для других действительно является главным паттерном в определенной части складывающегося распределения имущества, но это лишь один участок этого распределения, который не образует целостный паттерн для системы титулов собственности (включающей наследство, подарки, благотворительность и т.п.) и не является стандартом, которому общество должно соответствовать. Будут ли люди долго мириться с системой, порождающей распределения, которые, по их мнению, являются некалиброванными?⁴ Нет сомнений, люди не будут долго терпеть распределение, которое они считают *несправедливым*. Люди хотят, чтобы их общество было справедливым и выглядело справедливым. Но что должно «выглядеть справедливо»: сложившийся паттерн распределения или все-таки базовые порождающие принципы? У нас нет оснований для вывода, что люди в обществе, воплощающем концепцию справедливости, которая основана на титулах собственности, сочтут ее неприемлемой. В то же время мы совершенно уверены, что, если бы причины, по которым люди передают другим часть своего имущества, всегда были бы иррациональными или произвольными, это было бы для нас источником беспокойства. (Представьте себе, что люди всегда бросали бы жребий, чтобы решить, какое имущество и кому они передают.) Мы чувствуем себя более комфортно, защищая справедливость системы, основанной на титулах собственности, если большинство актов перехода имущества внутри этой системы совершается по каким-то причинам. Это не обязательно означает, что все заслуживают то имущество, которое они получают. Это означает только, что, когда индивид передает свое имущество одному человеку, а не другому, в этом есть какой-то смысл

⁴ Вопрос не предполагает, что они станут терпеть абсолютно любое калиброванное распределение. Обсуждая взгляды Хайека, Ирвинг Кристал недавно предположил, что люди не станут долго терпеть систему, порождающую распределение, калиброванное по ценности, а не по заслугам. ("When Virtue Loses All Her Loveliness — Some Reflections on Capitalism and 'The Free Society,'" *The Public Interest*, Fall 1970, pp. 3–15.) Кристал, следуя некоторым замечаниям Хайека, постулирует равенство между системой, основанной на заслугах, и справедливостью. Поскольку можно привести доводы в пользу внешнего критерия распределения в соответствии с выгодой для других, нам нужна более слабая (и тем самым более правдоподобная) гипотеза.

или цель, и обычно мы можем понять, что, по мнению передающего, он выигрывает, какому делу, по его мнению, он служит, достижению каких целей он способствует и т.д. Поскольку в капиталистическом обществе люди часто передают имущество другим в соответствии с тем, как они оценивают пользу, которую эти люди приносят им, ткань, создаваемая индивидуальными транзакциями и переходами имущества из рук в руки, по преимуществу рациональна и доступна пониманию*. (Такие компоненты этой ткани, как подарки близким, завещания в пользу детей, благотворительная помощь нуждающимся, также не являются основанными на произволе.) Выделяя огромную составную часть ткани распределения, соответствующую критерию пользы для других, Хайек демонстрирует цель многих обменов, показывая таким образом, что механизм системы перехода титулов собственности на имущество крутится не бесцельно. Система имущественных титулов имеет обоснование, когда ее образуют личные цели индивидуальных сделок. Никакой всеобщей цели не нужно, никакого распределительного образца не требуется.

Полагать, что задача теории распределительной справедливости состоит в том, чтобы заполнить пробел в формуле «каждому по его ___», означает быть предрасположенным к поиску паттерна; а отдельное рассмотрение формулы «от каждого по его ___» приводит к трактовке производства и распределения как двух отдельных и независимых друг от друга сфер. С точки зрения подхода, основанного на титулах собственности, эти два вопроса *не* могут быть отделены друг от друга. Любому, кто сделал нечто, купив или получив по контракту все иные ресурсы, использованные в процессе производства (передав часть своего имущества в обмен на эти факторы производства), принадлежит титул собственности на это «нечто». Ситуация состоит *не* в том, что нечто производится,

* Конечно, мы получаем выгоду от того, что мощные экономические стимулы побуждают других тратить время и энергию на то, чтобы понять, как *услужить* нам, предложив вещи, за которые мы захотим заплатить. Вопрос о том, не следует ли подвергнуть капитализм критике за то, что он в наибольшей степени вознаграждает и, следовательно, поощряет не индивидуалистов вроде Торо, которые заняты тем, что обслуживают других и делают их своими клиентами, продиктован чем-то большим, чем просто любовь к парадоксам. Но чтобы защищать капитализм, не обязательно считать, что предприниматели — это благороднейшие из людей. (Впрочем, я не собираюсь присоединяться к хору тех, кто клеветает на них.) Те, кто считает, что больше всех должны получать самые благородные люди, могут попробовать убедить своих сограждан передавать свои ресурсы в соответствии с *этим* принципом.

и вопрос о том, кто это «нечто» получит, остается открытым. Вещи появляются в мире уже в привязке к людям, которые имеют на них титул собственности. С точки зрения концепции справедливости, основанной на титулах собственности на имущество, которая учитывает исторический характер этих титулов, те, кто начинает с заполнения пробела в формуле «каждому по его _____», рассматривают объекты, как если бы они появлялись ниоткуда, из ничего. Завершенная теория справедливости могла бы учитывать и этот крайний случай; возможно, здесь пригодились бы и обычные концепции распределительной справедливости⁵.

Распределительные формулы, имеющие приведенную выше стандартную форму, настолько укоренились, что, возможно, нам следует изложить с их помощью конкурирующую концепцию — концепцию, основанную на титулах собственности. Если не учитывать присвоение и исправление, мы могли бы сказать: «От каждого — в соответствии с тем, какие действия он выбирает, и каждому — в соответствии с тем, что он делает для себя (возможно, нанимая других), и с тем, что другие предпочитают сделать для него и предпочитают дать ему из того, что они получили ранее (в соответствии с этой формулой) и чего они еще не успели истратить или передать».

Как заметил один пронизательный читатель, в качестве лозунга наша формула имеет определенные недостатки. В сильно сокращенном и упрощенном виде (не в качестве отдельной формулы с каким-либо независимым значением) — мы получим:

*От каждого — по его желанию,
каждому — по желанию других.*

Как свобода разрушает калибровочные паттерны

Непонятно, каким образом приверженцы различных концепций распределительной справедливости могут отвергнуть концепцию справедливости, основанную на титулах собственности. Давайте представим себе, что реализована одна из этих концепций. Пред-

⁵ Если бы мы постепенно переходили от этой предельной ситуации через промежуточные стадии к той, которую мы рассматриваем, мы были бы вынуждены эксплицитно сформулировать логическое обоснование титулов собственности и рассмотреть вопрос о том, являются ли критерии, связанные с титулами собственности, лексикографически предшествующими критериям обычных теорий распределительной справедливости, так что малейший элемент титульных прав перевешивает требования обычных теорий распределительной справедливости.

положим, что вы ее поддерживаете, и назовем ее распределением D_1 ; возможно, при этом каждый имеет равную долю, или может быть, индивидуальные доли как-то зависят от какого-то существенного, с вашей точки зрения, показателя. Теперь предположим, что баскетбольные команды предъявляют большой спрос на Уилта Чемберлена, потому что его мячи сами залетают в корзину. (Предположим также, что контракты заключаются только на один год, а игроки действуют как свободные агенты.) Он подписывает с командой контракт такого содержания: с каждой игры дома он получает двадцать пять центов с каждого проданного билета. (Нас не волнует вопрос, надувает ли Чемберлен владельцев клуба — пусть они сами о себе позаботятся.) Начинается сезон, и люди валом валют на игры команды; они покупают билеты и при этом всякий раз бросают четверть доллара в отдельный ящик, на котором написано «Чемберлен». Они в восторге от игры Чемберлена; с их точки зрения, цена билета стоит полученного удовольствия. Теперь предположим, что за сезон на стадионе побывал миллион зрителей и Уилт Чемберлен получил 250 000 долларов, намного больше, чем средний доход, и даже больше дохода любого другого человека. Имеет ли он титул собственности на этот доход? Является ли это новое распределение D_2 несправедливым? Если да, то почему? *Нет* сомнений в том, что каждый человек обладал правом распоряжаться ресурсами, которыми он владел в ситуации D_1 , потому что это распределение (предпочтительное для вас) мы выбрали (в целях рассуждения) как приемлемое. Каждый из зрителей *добровольно* отдал по двадцать пять центов Чемберлену. Они могли потратить эти деньги на кино, на конфеты или на журналы *Dissent* или *Monthly Review*[‡]. Но все они или по меньшей мере миллион из них сошлись в желании отдать эти деньги Уилту Чемберлену за возможность посмотреть, как он играет в баскетбол. Если распределение D_1 было справедливым и люди добровольно перешли из него в D_2 , передав часть долей, которые им были выданы в D_1 (собственно говоря, эти ресурсы были им предоставлены именно для того, чтобы они с ними что-нибудь сделали), разве D_2 не является тоже справедливым? Если люди имели титул собственности, позволяющий им истратить ресурсы, на которые они получили титул *собственно-*

[‡] *Dissent* — ежеквартальный журнал, выходящий в США и придерживающийся умеренно левой политической направленности, сближающейся с социал-демократией. В нем публикуются материалы по политическим, культурным и социальным вопросам. Основан в 1954 г. группой нью-йоркских интеллектуалов. *Monthly Review* — радикальный социалистический журнал, выходящий в Нью-Йорке с 1949 г. с периодичностью 11 раз в год. — *Прим. науч. ред.*

сти (в условиях D_1), не означает ли это, что они имели правомочия отдать их Уилту Чемберлену или произвести с ним обмен? Может ли кто-либо быть против этого с позиций справедливости? Каждый человек уже имеет свою обоснованную долю в условиях D_1 . В условиях D_1 ни один человек не имеет ничего такого, на что мог бы по справедливости претендовать кто-либо другой. После того, как кто-то отдал что-то Уилту Чемберлену, третьи стороны *сохраняют* свои обоснованные доли; их доли не меняются. В результате какого процесса такой переход имущества между двумя людьми мог бы дать третьей стороне основание для того, чтобы из соображений распределительной справедливости обоснованно претендовать на часть того, что было передано, если эта третья сторона не могла справедливо претендовать на какое-либо имущество других до того, как имущество было передано?* Чтобы отсечь не относящиеся к делу возражения, можно представить себе обмены, которые происходят в социалистическом государстве в свободное от работы время. Закончив играть в баскетбол (или закончив любое другое дело, которым он зарабатывает на жизнь), Уилт Чемберлен решает использовать *свободное время* для дополнительного заработка. (Свое трудовое задание он уже отработал и

* Не может ли акт перехода оказывать инструментальное влияние на третью сторону, изменяя доступные ей возможности? (Но что, если две стороны обмена независимо использовали свое имущество подобным образом?) Я обсуждаю этот вопрос ниже, а здесь ограничусь замечанием, что он подразумевает отсутствие возражений в случае конечных внутренних неинструментальных благ (так сказать, чистых переживаний полезности), которые являются трансферабельными (т.е. могут быть переданы от одного человека к другому). Можно также возразить, что акт перехода мог бы возбудить в третьей стороне зависть, ухудшив ее положение по сравнению с чьим-то еще. Мне представляется непостижимым, как можно считать, что это имеет какое-то отношение к требованиям справедливости. О зависти см. главу 8.

Здесь и далее в этой главе теория, включающая элементы чисто процедурной справедливости, могла бы считать то, о чем я говорю, приемлемым, *при условии* что этому будет отведено соответствующее место, т.е. если существуют базовые институты, способные гарантировать выполнение определенных условий в отношении распределительных долей. Но если сами эти институты не являются суммой или полученным в результате действия «невидимой руки» итогом добровольных (неагрессивных) действий людей, ограничения, которые они накладывают на людей, будут нуждаться в оправдании. Наше рассуждение никоим образом не предполагает каких-либо базовых институтов, выходящих за рамки минимального государства — «ночного сторожа», государства, функции которого ограничены охраной людей от убийства, насилия, воровства, мошенничества и т.п.

хочет поработать в свободное время.) Или представим себе, что, будучи искусным жонглером, на представления которого собираются люди, он устраивает свои выступления после рабочего дня.

Зачем кому-либо работать в свободное время в обществе, в котором предполагается, что все нужды людей удовлетворены? Возможно, потому что эти люди заботятся о чем-то еще, кроме нужд. Мне нравится делать заметки на полях книг, которые я читаю, и иметь доступ к книгам, чтобы рыться в них в любое время дня и ночи. Было бы очень приятно и удобно иметь у себя на заднем дворе библиотеку Гарвардского университета. Я полагаю, что ни одно общество не предоставит таких ресурсов каждому, кто хотел бы, чтобы они были частью его регулярного пайка (в условиях D_1). Таким образом, либо люди должны обходиться без каких-то дополнительных вещей, которых они хотят иметь, либо нужно разрешить им делать что-то дополнительное, чтобы получить некоторые из этих вещей. На каком основании можно было бы запретить неравенство, которое возникло бы в результате этого? Заметьте также, что мелкие производства непременно возникли бы в социалистическом обществе, если их не запретить. Я переплавляю некоторые из моих личных вещей (в условиях D_1) и собираю машину из полученного материала. Я предлагаю вам и другим еженедельную лекцию по философии в обмен на то, что вы крутите ручку моей машины, продукцию которой я обмениваю еще на какие-то другие вещи и т.д. (Сырье для машины мне дают другие люди, имеющие его в условиях D_1 , в обмен на мои лекции.) Каждый человек может принять участие в этом, чтобы получить что-то сверх того, что ему положено в рамках D_1 . Некоторые люди могли бы даже захотеть бросить свою работу в социалистическом секторе и работать на полную ставку в этом частном секторе. В следующей главе мы подробнее обсудим эти вопросы. Здесь я хочу только отметить, каким образом частная собственность, даже на средства производства, может возникнуть в социалистических обществах, не запрещающих людям использовать по своему усмотрению некоторые ресурсы из тех, которые выделены им в рамках социалистического распределения D_1 ⁶.

⁶ См. отрывок из романа Генри Маккея «Анархист» (Henry MacKay, *The Anarchist*), перепечатанный в сб.: Leonard Krimmerman and Lewis Perry, eds., *Patterns of Anarchy* [New York: Doubleday Anchor Books, 1966]). В этом отрывке анархо-индивидуалист ставит перед анархо-коммунистом следующий вопрос: «Если в вашей общественной системе, которую вы называете «свободным коммунизмом», люди захотят обмениваться между собой трудом с помощью своих собственных средств обмена, будет ли это запрещено? И еще: вы запретили бы им занимать участки земли для личных нужд?» Далее

Социалистическому обществу пришлось бы запретить капиталистические акты между совершеннолетними, совершенные по взаимному согласию.

Примеры с Уилтом Чемберленом и с предпринимателем в социалистическом обществе иллюстрируют тот факт, что ни один принцип, основанный на конечном состоянии, и ни один паттерн распределительной справедливости нельзя последовательно реализовать без непрерывного вмешательства в жизнь людей. Любая структура распределения, предпочтительная в соответствии с данным паттерном, трансформировалась бы в неpreferable людям, действующими различным образом; например, людьми, которые обмениваются товарами и услугами с другими людьми или дарят другим людям вещи, находящиеся в их распоряжении в рамках предпочтительного паттерна распределения. Чтобы сохранить этот паттерн, нужно либо постоянно вмешиваться, чтобы не дать людям обмениваться ресурсами по своему желанию, либо постоянно (или периодически) вмешиваться, чтобы отобрать у некоторых людей ресурсы, которые другие по каким-то причинам предпочли им передать. (Но если установлено какое-то ограниченное время, в течение которого люди могут хранить у себя ресурсы, добровольно переданные им другими, зачем оставлять у них эти ресурсы на *какое-то* время вообще? Почему бы не конфисковывать их немедленно?) Можно было бы возразить, что все люди предпочтут добровольно воздерживаться от действий, разрушающих паттерн распределения. Но это возможно только при соблюдении следующих фантастических условий: 1) все люди больше всего на свете будут хотеть сохранить паттерн рас-

в романе следует: «обойти этот вопрос было невозможно. Если бы он ответил "Да!", он признал бы, что общество имеет право контролировать человека, и выбросил бы за борт автономность индивида, которую он всегда так ревностно защищал; а если бы он ответил "Нет!", он тем самым признал бы право частной собственности, которое он перед этим так решительно отвергал. ... Тогда он ответил: "При анархии любое число людей должны иметь право создать добровольный союз, чтобы реализовать свои идеи на практике. И я не понимаю, как можно кого-либо по справедливости лишить земли и дома, которые он занимает и использует... каждый серьезный человек должен сам для себя решить: за социализм и, тем самым, за насилие и против свободы или за анархизм, и потому за свободу и против насилия"». Ноам Хомски, напротив, пишет: «Любой последовательный анархист должен быть против частной собственности на средства производства», «таким образом, последовательный анархист тогда... будет социалистом... особого типа» (Из предисловия к Daniel Guerin, *Anarchism: From Theory to Practice* (New York: Monthly Review Press, 1970), pp. xiii, xv).

пределения (должны ли те, кто не захочет, «перевоспитываться» или принуждаться к «самокритике»?); 2) каждый человек в состоянии собрать достаточно информации о своих действиях и о деятельности других, чтобы установить, какие из его действий могут нарушить предпочтительный паттерн распределения; 3) разные и находящиеся далеко друг от друга люди способны координировать свои действия таким образом, чтобы они вписывались в паттерн. Сравните с этим нейтральность рынка по отношению к желаниям людей и то, как он посредством цен отражает и передает рассеянную информацию и тем самым координирует деятельность людей.

Пожалуй, было бы некоторым преувеличением утверждение, что любой калиброванный по паттерну (или ориентированный на конечный результат) принцип обречен быть разрушенным добровольными действиями индивидов, передающих часть долей, которые они получают в соответствии с ним. Возможно, *очень* слабым калиброванным принципам такая судьба не грозит*. Со временем любой распределительный паттерн, имеющий какой-либо эгалитарный компонент, будет разрушен добровольными действиями людей; то же произойдет и с каждым калибровочным условием, достаточно содержательным, чтобы функционировать в качестве

* Стабилен ли калиброванный принцип, требующий только того, чтобы распределение было оптимальным по Парето? Один человек мог бы подарить или завещать другому нечто, что тот смог бы к взаимной выгоде обменять с третьим. Пока второй не произведет обмен, оптимальность по Парето отсутствует. Стабилен ли паттерн распределения, представленный принципом, который выбирает из позиций, оптимальных по Парето, те, что удовлетворяют условию *C*? Может показаться, что в данном случае нельзя найти контрпример, поскольку любой добровольный обмен, который происходит в некоторой ситуации, демонстрирует, что эта ситуация не была Парето-оптимальной. (Я предлагаю пренебречь неправдоподобностью последнего утверждения для случая завещания.) Но принципы должны удовлетворяться во времени, в течение которого возникают новые возможности. Распределение, которое в данный момент отвечало критерию оптимальности по Парето, могло бы утратить это достоинство с появлением новых возможностей (Уилт Чемберлен вырос и начал играть в баскетбол); и хотя действия людей будут стремиться сдвигать ситуацию к новой позиции, оптимальной по Парето, *новая* позиция не обязательно будет удовлетворять содержательному условию *C*. Потребуется постоянное вмешательство, чтобы обеспечить неизменное соответствие условию *C*. (Следует исследовать теоретическую возможность того, что паттерн будет поддерживаться неким процессом типа «невидимой руки», который после каждого отклонения будет возвращать ситуацию к состоянию равновесия, соответствующему паттерну.)

центрального ядра распределительной справедливости. Тем не менее с учетом возможности того, что некие слабые условия или паттерны могут не быть нестабильными в этом отношении, было бы предпочтительным дать эксплицитное описание обсуждаемых нами интересных и содержательных паттернов и доказать теорему об их нестабильности. Поскольку чем слабее калибровка по паттерну, тем вероятнее, что ей удовлетворяет и система, основанная на титулах собственности, правдоподобной является гипотеза, что любая калибровка по паттерну либо нестабильна, либо ей удовлетворяет система, основанная на титулах собственности.

Аргумент Сена

Наши выводы могут быть усилены с учетом общего рассуждения, которое недавно представил Амартия Сен⁷. Предположим, что правами индивида подразумевается право выбрать, какой из двух альтернатив должен быть присвоен более высокий ранг в общественном упорядочивании множества альтернатив. Добавим слабое условие, что, если один вариант единогласно предпочитается другому, он получает более высокий ранг на шкале общественных предпочтений. Если существуют два разных индивида, обладающие правами (понимаемыми в соответствии с данной выше интерпретацией) по отношению к различным парам вариантов (не имеющих общих членов), тогда для некоторого набора отношений порядка, описывающих предпочтения этих индивидов, не существует линейного порядка общественных предпочтений. Предположим, что индивид *A* имеет право сделать выбор между (*X*, *Y*), а индивид *B* имеет право сделать выбор между (*Z*, *W*); предположим, что других индивидов нет и что их личные предпочтения таковы: для индивида *A* в порядке убывания $W \rightarrow X \rightarrow Y \rightarrow Z$, а для индивида *B* в порядке убывания $Y \rightarrow Z \rightarrow W \rightarrow X$. Согласно требованию единогласия, для отношения упорядочения общественных предпочтений будут выполняться соотношения: *W* предпочтительнее, чем *X* (так как каждый индивид предпочитает его *X*), а *Y* предпочтительнее, чем *Z* (так как каждый индивид предпочитает его *Z*). Кроме того, на шкале общественных предпочтений *X* предпочтительней *Y* в силу того, что *A* имеет право выбора между этими двумя вариантами. Объединив эти три бинарных соотношения, получаем, что на шкале общественных предпочтений альтернативы распределятся следующим образом в порядке убывания: $W \rightarrow X \rightarrow Y \rightarrow Z$. Но в соответствии

⁷ Amartya K. Sen, *Collective Choice and Social Welfare* (Holden-Day, Inc., 1970), chaps. 6 and 6*.

с правом выбора индивида *B* в отношении порядка общественных предпочтений вариант *Z* должен быть предпочтительней варианта *W*. Не существует транзитивного общественного упорядочения альтернатив, которое бы удовлетворяло всем этим условиям, и поэтому общественное упорядочение альтернатив является нелинейным. Таково рассуждение Сена.

Проблема состоит в том, что право индивида выбирать между вариантами истолковано как право определять относительный порядок на множестве альтернатив в рамках общественных предпочтений. Другой подход, при котором индивиды ранжируют пары альтернативных вариантов и независимо от этого ранжируют отдельные варианты, ничем не лучше: в этом случае предпочтения индивидов относительно пар становятся исходными данными для процесса агрегирования предпочтений, дающего на выходе порядок общественных предпочтений для пар; а выбор между альтернативами в паре с самым высоким рангом на шкале общественных предпочтений делает индивид с правом принять решение по этой паре. При такой системе существует также возможность того, что некий вариант может быть выбран, несмотря на то что все предпочитают какие-нибудь другие варианты; например, *A* выбирает *X*, а не *Y*, где (*X*, *Y*) каким-то образом является высшей по рангу парой на шкале общественных предпочтений, хотя каждый индивид, включая *A*, варианту *X* предпочитает *W*. (Но индивиду *A* был предоставлен выбор только между *X* и *Y*.)

Более адекватным является следующий взгляд на индивидуальные права. Личные права могут сосуществовать; каждый индивид может осуществлять свои права как ему угодно. Осуществление этих прав наделяет мир некоторыми характеристиками. В рамках ограничений, определяемых этими жесткими характеристиками, может производиться выбор с помощью механизма общественного выбора, основанного на шкале общественных предпочтений, — если какие-либо возможности для выбора еще останутся! Права не определяют общественные предпочтения, а устанавливают ограничения, в рамках которых должен производиться общественный выбор путем исключения одних альтернатив, фиксации других и т.п. (Если я имею право выбрать, где жить: в Нью-Йорке или в Массачусетсе, и выбираю Массачусетс, то вариант, подразумевающий мое проживание в Нью-Йорке, не должен учитываться при определении общественных предпочтений.) Даже если все возможные варианты упорядочены заранее, независимо от чьих-либо прав, ситуация не меняется: в этом случае принимается альтернатива, имеющая самый высокий ранг среди тех, которые не исключаются в ходе осуществления индивидами своих прав. Права не определяют положение альтернативы или относительное положение двух альтернатив на шкале общественных

предпочтений; они *действуют поверх общественных предпочтений*, ограничивая возможности выбора на их основе.

Если титулы собственности на имущество включают право на отказ от имущества, то общественный выбор должен осуществляться *в рамках* ограничений, определяемых тем, как люди решают реализовать эти права. Если оправданной является какая-либо калибровка по паттерну, она происходит в сфере применимости общественного выбора и в силу этого ограничена правами людей. *Как еще можно справиться с последствиями результата, полученного Сеном?* Вариант, когда сначала проводится построение социальной шкалы упорядочения альтернатив, а затем права осуществляются в рамках установленных *ею* ограничений, — это вообще не вариант. Почему бы просто не выбрать наиболее предпочитаемую альтернативу и забыть о правах? Если эта альтернатива сама по себе оставит какое-либо пространство для личного выбора (именно здесь предполагается учет «прав» выбора), то должно быть что-то, что не допускает ее трансформации в другую альтернативу в результате актов выбора. Таким образом, аргумент Сена опять приводит нас к заключению, что соответствие паттерну требует постоянного вмешательства в деятельность индивидов и совершаемые ими акты выбора⁸.

Перераспределение и права собственности

Вероятно, принципы, калиброванные по паттерну, позволяют людям добровольно расходовать на себя, но не на других, те ресурсы, на которые они имеют (или, скорее, получают) титулы собственности в условиях какого-либо предпочитаемого распределительного паттерна D_1 . Ведь если каждый из группы людей решит истратить часть своих ресурсов D_1 на другого человека, этот другой получит больше, чем его доля в D_1 , чем нарушит предпочитаемый распределительный паттерн. Сохранение распределительного паттерна означает высшую степень индивидуализма! Нельзя сказать, что калиброванные принципы распределения дают людям то же самое, что и принципы, основанные на титулах собственности, только приводят к лучшему распределению. Они не дают права выбирать, что делать с тем, что есть у человека; они не дают права стремиться к цели, которая вызывает (как таковая или в качестве средства) улучшение положения другого человека. С такой

⁸ Угнетение будет менее заметным, если базовые институты не запрещают некоторых определенных действий (обменов или передачи титулов собственности), разрушающих паттерн, а просто предотвращают их, объявляя ничтожными.

точки зрения семья является источником беспорядка, потому что внутри семьи происходят переходы имущества, которые разрушают предпочитаемый распределительный паттерн. Либо семьи сами превращаются в единицы, участвующие в распределении, и соответствуют столбцам матрицы (на каком основании?), либо поведение, диктуемое семейными добродетелями, попадает под запрет. Попутно необходимо отметить амбивалентное отношение радикалов к семье. Отношения внутри семьи, основанные на любви и преданности, воспринимаются как образец, которому следует подражать и который следует распространить на все общество, но в то же время семья подвергается обличениям как удушающий институт, который следует разрушить и осудить как средоточие узких интересов, препятствующих достижению радикальных целей. Нужно ли говорить, что нелепо насаждать в обществе отношения любви и заботы, уместные в семье, которые возникают в результате добровольных решений? Кстати говоря, любовь является интересным примером отношений, которые носят исторический характер, в том смысле, что она (как и справедливость) зависит от произошедшего в прошлом. Взрослый человек может полюбить другого человека за то, что тот обладает определенными чертами, но любит он человека, а не его черты характера⁹. Любовь нельзя перенести на другого человека с такими же чертами характера, даже на того, кто с точки зрения выраженности этих черт набирает больше очков. И любовь выдерживает изменение тех особенностей, которые ее вызвали. Человек любит того конкретного человека, с которым он встретился в прошлом. Почему любовь исторична, почему она обращена на человека, а не на его свойства, представляет собой интересный и загадочный вопрос.

Сторонники калиброванных по паттерну принципов распределительной справедливости озабочены преимущественно критериями

* Одним из доказательств чрезмерной строгости предложенного Ролзом принципа различия, которому мы уделим внимание во второй части этой главы, является его неприменимость в качестве руководящего принципа даже в семье, которая состоит из любящих друг друга людей. Должна ли семья направлять свои ресурсы на максимизацию положения наименее благополучного и наименее талантливого ребенка, отдавая остальных детей или выделяя им ресурсы только при условии, что они всю жизнь будут максимизировать положение наименее удачливого из них? Разумеется, нет. Как в таком случае можно считать этот принцип пригодным для всего общества? (Ниже я рассмотрю возможный ответ Ролза: что некоторые принципы, применимые на макроуровне, неприменимы на микроуровне.)

⁹ См.: Gregory Vlastos, "The Individual as an Object of Love in Plato" in Gregory Vlastos, *Platonic Studies* (Princeton: Princeton University Press, 1973), pp. 3–34.

определения того, кто должен получать имущество; их интересуют основания, по которым кто-то должен иметь что-то, а также общая картина распределения имущества. Независимо от того, что лучше — давать или получать, сторонники распределительной справедливости не учитывают дающей стороны. При рассмотрении распределения благ, дохода и т.п. их теории трактуют справедливость с позиции получающей стороны; они совершенно игнорируют всякое право отдать что-либо кому-либо, которое могло бы быть у человека. Даже в случае обменов, где каждая сторона одновременно и отдает, и получает, калиброванные принципы справедливости интересуются только получателем и его предполагаемыми правами. Так, в центре рассмотрения, как правило, находится вопрос о том, имеют ли (должны ли иметь) люди право получать наследство, но не о том, имеют ли они (должны ли они иметь) право завещать, или о том, имеют ли люди, у которых есть право владения, также право решить, что другие люди будут владеть вместо них. У меня нет удовлетворительного объяснения, почему теории распределительной справедливости обычно настолько ориентированы на получателя; игнорирование дарителей и тех, кто передает имущество на каких-то условиях, а также их прав гармонирует с игнорированием производителей и их титулов собственности. Но почему *все* это игнорируется?

Из принципов распределительной справедливости, калиброванных по паттерну, с необходимостью вытекает деятельность по *перераспределению*. Вероятность того, что любой свободно возникший в реальности набор отношений владения имуществом будет отвечать заданному паттерну, очень мала, а вероятность того, что это соответствие сохранится по мере того, как люди будут обмениваться и дарить, равна нулю. С точки зрения теории титулов собственности перераспределение — это серьезная проблема, включающая, как это и происходит в действительности, нарушение прав индивидов. (Исключением являются те изъятия, которые попадают в сферу действия принципа исправления несправедливости.) С других точек зрения это тоже очень серьезно.

Налогообложение доходов, заработанных трудом, эквивалентно принудительному труду*. Некоторые люди считают это

* Я не уверен, что приведенные мною ниже аргументы демонстрируют, что такое налогообложение и *есть* принудительный труд; поэтому я говорю «эквивалентно», т.е. «того же рода». Иначе говоря, то, что они подчеркивают большое сходство между таким налогообложением и принудительным трудом, показывает, что рассматривать такое налогообложение в свете принудительного труда убедительно и поучительно. Последний подход напоминает то, как Джон Уиздом [John Wisdom] понимает утверждения метафизиков.

утверждение очевидной истиной: забрать то, что человек заработал за *n* часов труда, это то же самое, что отнять у него *n* часов; это все равно что заставить человека отработать *n* часов на кого-то другого. Другие находят это утверждение абсурдным. Но даже эти люди, если они против принудительного труда, не согласились бы с идеей заставить безработных хиппи трудиться на благо нуждающихся*. Они были бы также против того, чтобы принудить каждого человека работать дополнительно по пять часов в неделю на благо нуждающихся. Но система, которая забирает в виде налогов заработанное пятичасовым трудом, не кажется им похожей на ту, которая принуждает отработать пять часов, поскольку она предоставляет жертве принуждения более широкий выбор деятельности, чем натуральный налог в виде определенной работы. (Но можно представить себе градацию систем принудительного труда от такой, где жестко устанавливается вид деятельности, до предлагающей на выбор два вида деятельности и т.д. с расширением выбора на каждом шаге.) Более того, некоторые люди обсуждают систему со своего рода пропорциональным налогом на все, что выходит за пределы необходимого для удовлетворения базовых потребностей. Некоторые считают, что это не принуждает никого работать сверхурочно, поскольку обязательное количество дополнительных рабочих часов не зафиксировано и человек сможет вообще избежать этого налога, если будет зарабатывать только на свои базовые нужды. Это совершенно нехарактерное понимание принуждения для тех, кто *также* полагает, что люди делают что-то по принуждению во всех случаях, когда другие предоставляемые альтернативы существенно хуже. Однако *обе* точки зрения неверны. То, что другие намеренно вмешиваются — в нарушение жесткого ограничения на агрессию — и, угрожая насилием, сокращают возможности выбора, в данном случае до выбора «уплатить налоги или жить в нищете (что, предположительно, еще хуже)», делает эту налоговую систему разновидностью принудительного труда и отличает ее от других вариантов, в которых ограничение выбора не является следствием принуждения¹⁰.

* Не стоит придавать значения тому факту, что здесь и в других местах я неопределенно говорю о *нуждах*, поскольку я неизменно тут же отвергаю использующий это понятие критерий справедливости. Если, однако, что-то действительно зависит от этого понятия, можно исследовать его более детально. Скептический взгляд выражен в книге: Kenneth Minogue, *The Liberal Mind* (New York: Random House, 1963), pp. 103–112.

¹⁰ Подробнее о том, что должно включать данное утверждение, см. мою статью: Nozick, "Coercion," in *Philosophy, Science, and Method*, ed. S. Morgenbesser, P. Suppes, and M. White (New York: St. Martin, 1969).

Человек, предпочитающий работать дольше, чтобы заработать больше, чем нужно для удовлетворения базовых потребностей, предпочитает некие дополнительные блага или услуги досугу и тем занятиям, в которых он мог бы проводить нерабочие часы; в то же время человек, предпочитающий отказаться от дополнительной работы, делает выбор в пользу досуга и отказывается от тех дополнительных благ и услуг, которые он мог бы приобрести, если бы работал больше. С учетом этого, если бы для налоговой системы было неправомерным изымать у человека часть его свободного времени (принудительный труд) ради того, чтобы служить нуждающимся, то как могла бы быть правомерна налоговая система, которая с этой целью отбирала бы у человека его блага? Почему мы должны обращаться с человеком, которому для счастья нужны определенные материальные блага или услуги, иначе, чем с тем, чьи желания и предпочтения делают такого рода блага ненужными для его счастья? Почему человек, который предпочитает смотреть кино (и должен зарабатывать на билеты), должен откликнуться на требование помочь нуждающимся, а тот, кто предпочитает любоваться закатами (и потому не нуждается в дополнительных деньгах), не должен? В самом деле, разве не поразительно, что перераспределители предпочли не заметить человека, который может получать удовольствие без дополнительного труда, и возлагают дополнительное бремя на бедолагу, который должен зарабатывать на свои удовольствия? Вообще говоря, от перераспределителей следовало бы ожидать обратного. Почему человеку, не имеющему потребительских или материальных желаний, позволено беспрепятственно наслаждаться лучшим из доступных ему вариантов, тогда как другой, который нуждается в материальных благах для удовлетворения своих желаний и должен зарабатывать дополнительные деньги (тем самым оказывая услуги всем тем, кто находит его деятельность полезной и готов ее оплачивать), подвергается ограничению в его действиях? Может быть, здесь нет никакой разницы в принципе? И может быть, как считают некоторые, дело просто в удобстве администрирования? (Эти вопросы и темы не беспокоят тех, кто считает приемлемым принудительный труд на благо нуждающихся или с целью достижения какого-нибудь предпочтительного паттерна конечного результата.) В более обстоятельной дискуссии мы должны были бы (и хотели бы) распространить нашу аргументацию на проценты, предпринимательскую прибыль и т.п. Сомневающиеся в том, что это возможно, и склонные остановиться на налогообложении заработной платы должны будут выработать довольно сложные исторические принципы распределительной справедливости, поскольку принципы, основанные на конечном состоянии, никак не различают источников дохода. Но пока этого достаточно, чтобы расстаться с принципами конечного состояния

и прояснить вопрос о том, каким образом различные принципы, основанные на конечном состоянии, зависят от конкретных представлений об источниках, или о нелегитимности, или о меньшей легитимности процентов, прибыли и т.п.; каковые конкретные идеи вполне могут быть ошибочными.

Какого рода право в отношении других дает человеку институционализированный законом паттерн конечного состояния? Суть понятия о праве собственности [property right] на X , по отношению к которой следует объяснять другие части этого понятия, составляет право определять, что следует делать с X ; право выбирать, какой из ограниченного набора вариантов распоряжения X будет реализован или в отношении какого из вариантов будет предпринята попытка его реализовать¹¹. Ограничения устанавливаются другими действующими в обществе принципами или законами; в нашей теории — локковскими правами, которыми обладают люди в минимальном государстве. Мое право собственности на мой нож позволяет мне оставить его где мне угодно, но не в вашей груди. Я могу выбрать, какая из приемлемых возможностей распорядиться ножом будет реализована. Такое понятие о собственности помогает нам понять, почему в прошлом теоретики говорили о том, что люди обладают правом собственности в отношении самих себя и своего труда. Они рассматривали каждого как человека, который имеет право решать, что с ним станет и что он будет делать, а также имеет право пожинать плоды своих действий.

Право выбирать из ограниченного набора возможностей ту, которая будет реализована, может принадлежать *индивиду* или *группе*, использующей какую-нибудь процедуру для выработки совместного решения; либо это право может переходить от одного человека к другому, например, в этом году я решаю, что делать с X , а на следующий год — вы (тогда вариант разрушить X , пожалуй, придется исключить). Или же в течение того же периода времени решения одного типа относительно X могу принимать я, а решения другого типа — вы. И так далее. У нас нет адекватного, продуктивного аналитического аппарата для классификации *типов* ограничений набора возможностей, из которых производится выбор, и *типов* методов, которыми можно оперировать с правом принимать решения: владеть, делить и объединять. Теория собственности должна была бы, кроме всего прочего, содержать такую классификацию ограничений и способов принятия решений, чтобы из небольшого числа принципов следовало бы множество интересных утверждений о *последствиях* и влиянии определенных комбинаций ограничений и способов принятия решений.

¹¹ Относительно тем этого и следующего абзацев см. работы Армена Алчяна.

Когда принципы распределительной справедливости, основанные на конечном результате, встроены в правовую структуру какого-либо общества, они (как и почти все калиброванные принципы) дают каждому гражданину право на какую-то часть совокупного общественного продукта, обеспеченное аппаратом принуждения, т.е. право на какую-то часть всей суммы индивидуально и совместно произведенных продуктов. Этот совокупный продукт произведен людьми, которые работают, используя средства производства, созданные благодаря бережливости других, людьми, которые организуют производство или создают средства для производства новых вещей или производства вещей новыми методами. Калиброванные по паттерну принципы распределения дают каждому человеку гарантированное право на порцию от этой суммы индивидуальных деятельностей. Каждый имеет право требовать свою порцию того, что делают и производят другие люди, независимо от того, находится ли он с этими другими в каких-либо особых отношениях, дающих основание для таких притязаний, и от того, берут ли они на себя соответствующие обязательства добровольно, в виде благотворительности или в порядке обмена.

Делается ли это посредством налога на заработную плату или на заработную плату, превышающую определенный уровень, или через конфискацию прибыли, или с помощью большого *общественного котла*, так что в результате неясно, откуда что приходит и куда уходит, калиброванные по паттерну принципы распределительной справедливости подразумевают присвоение деятельности других людей. Присвоить результаты чьего-либо труда эквивалентно тому, чтобы присвоить его время и принудить его выполнять различные действия. Если люди принуждают вас делать определенную работу или работать безвозмездно в течение определенного времени, то они, а не вы, решают, что вы должны делать и каким целям должна служить ваша работа. Этот процесс, в ходе которого они отбирают у вас право принимать решения, превращает их в *частичных владельцев* вас как индивида; это дает им право собственности на вас. Точно так же иметь право на такой частичный контроль и принятие решений в отношении какого-либо животного или неодушевленного объекта означало бы обладать правом собственности на них.

Принципы, основанные на конечном состоянии, и большинство калиброванных принципов распределительной справедливости устанавливают (частичную) собственность на людей, на их деятельность и их труд, права на которую принадлежат другим. Эти принципы включают переход от классической либеральной идеи права собственности на самого себя к идее (частичных) прав собственности на *других* людей.

В силу подобных соображений концепции распределительной справедливости, основанные на конечном состоянии, и калибровка распределения по паттерну вызывают следующий вопрос — не являются ли сами по себе действия, необходимые для реализации выбранного паттерна, нарушением жестких моральных ограничений. Любой подход, исходящий из того, что существуют жесткие моральные ограничения действий, что не все моральные факторы можно встроить непосредственно в те конечные состояния, которые являются целью того или иного процесса (см. выше, главу 3, с. 51—54), должен принять в качестве возможности то, что некоторых целей нельзя достичь, используя только морально допустимые средства. В обществе, которое отходит от принципов справедливости при порождении конкретного распределения имущества, сторонник теории, основанной на титулах собственности, столкнется с такими конфликтами тогда и только тогда, когда все доступные действия, с помощью которых можно реализовать эти принципы, сами нарушают какие-нибудь моральные ограничения. Поскольку отступление от первых двух принципов справедливости (присвоения и перехода титулов собственности) будет связано с прямым и агрессивным вмешательством других людей, нарушающим права, и поскольку моральные ограничения в таких случаях не будут исключать действий по защите и возмездно, проблемы у сторонника теории титулов собственности будут возникать довольно редко. Любые трудности, с которыми он столкнется, применяя принцип исправления к людям, которые сами не нарушали двух первых принципов, — это трудности, которые связаны с поиском баланса между конфликтующими соображениями, необходимого для того, чтобы корректно сформулировать сам сложный принцип исправления; он не нарушит жестких моральных ограничений в ходе применения принципа. А вот сторонники концепций справедливости, опирающихся на паттерн, часто будут иметь дело с лобовыми столкновениями (очень мучительными, если им дороги обе стороны конфликта) между жесткими моральными ограничениями на то, как можно обращаться с индивидами, и своей основанной на паттерне концепцией справедливости, которая диктует конечное состояние или другой паттерн, который должен быть реализован.

Имеет ли человек право эмигрировать из страны, которая сделала основой своей правовой системы тот или иной принцип, основанный на конечном состоянии, или калиброванный по паттерну принцип распределения? С точки зрения некоторых принципов (например, принципа, предложенного Хайеком), эмиграция не представляет теоретических проблем. Но для других подходов с этим связаны большие сложности. Возьмите страну, где имеется принудительная схема минимального социального

обеспечения в целях помощи беднейшим (или схема, организованная таким образом, чтобы максимально улучшить положение наименее обеспеченной группы); никто не имеет права отказаться от участия в ней. (Никто не имеет права сказать: «Не заставляйте меня делать взносы в пользу других и не помогайте мне в случае нужды с помощью этого принудительного механизма».) Каждый человек с доходом, превышающим определенный уровень, обязан делать взносы на помощь нуждающимся. Но если бы эмиграция была разрешена, то любой человек мог бы перебраться в другую страну, которая не имела бы принудительного социального обеспечения, но во всем остальном (насколько это возможно) была бы точно такой же. В этом случае *единственным* мотивом для эмиграции было бы стремление индивида избежать участия в принудительной схеме социального обеспечения. Но если он уедет, нуждающиеся в той стране, откуда он выехал, лишатся его (вынужденной) помощи. Как можно логически обосновать ситуацию, в которой этому человеку будет разрешено эмигрировать, но запрещено выходить из принудительной схемы социального обеспечения, оставаясь в стране? Если самое важное — это помощь нуждающимся, то недопустимо разрешать выход из системы живущим в стране, но точно так же нельзя разрешать эмиграцию. (Могло бы это в определенной степени служить обоснованием того, чтобы похищать людей, которые живут там, где нет принудительного социального обеспечения, с целью принудить их участвовать в помощи нуждающимся членам вашего сообщества?) Возможно, ключевым компонентом позиции, которая разрешает человеку, не желающему участвовать в некоторой схеме, эмигрировать исключительно по этой причине, но не разрешает никому из граждан отказаться участвовать в этой схеме, является забота о чувстве братского единения внутри страны. «Нам не нужны здесь те, кто не вносит свой вклад, кто недостаточно заботится о других, чтобы вносить свой вклад». В таком случае эта забота должна быть тесно связана с мнением, что принудительная помощь способствует братским чувствам между теми, кому помогают, и теми, кто помогает (или с мнением, что знание того, что тот или иной человек отказывается добровольно помогать другим, вызывает небратские чувства.)

Теория присвоения Локка

Перед тем как обратиться к детальному рассмотрению других теорий справедливости, необходимо еще немного усложнить структуру теории, основанной на титулах собственности. С этой целью лучше всего рассмотреть попытку Локка сформулировать принцип

справедливости присвоения. Локк считает, что право собственности на никому не принадлежащий объект возникает, когда кто-то смешивает с таким объектом свой труд. В связи с этим возникает много вопросов. Каковы границы того, с чем смешивается труд? Если астронавт, совершающий экспедицию как частное лицо, расчистил участок на поверхности Марса, то смешал ли этот человек свой труд со всей планетой (став, таким образом, ее собственником), со всей необитаемой Вселенной или только с конкретным участком? Какой именно участок переходит в собственность индивида в результате его действий? Та минимальная (возможно, топологически несвязная) часть пространства, в которой, и только в которой, его действия уменьшили энтропию? Может ли нетронутая земля (которую в экологических целях исследует высоко летящий самолет) перейти в собственность в результате процесса по Локку? А постройка забора вокруг территории, вероятно, превратила бы его строителя в собственника забора (и земли непосредственно под ним)?

Почему, смешивая свой труд с объектом, человек превращается в его владельца? Возможно, потому что индивид владеет своим трудом, и поэтому он приобретает собственность на вещь, до тех пор никому не принадлежавшую, «пропитав» ее тем, чем он владеет. Собственность впитывается во все остальное. Но почему я, смешивая то, что мне принадлежит, с тем, что мне не принадлежит, не теряю то, что мне принадлежит, а приобретаю то, что мне не принадлежит? Если мне принадлежит банка томатного сока и я вылью его в море, так чтобы молекулы сока (радиоактивно помеченные, чтобы я мог это проверить) равномерно смешались с водами моря, стану ли я в результате владельцем моря или просто по-дурацки израсходую свой томатный сок? Возможно, идея все-таки заключается в том, что, работая с вещью, мы улучшаем ее и делаем вещь более ценной, а потому любой человек имеет право владеть вещью, которой он придал ценность. (Эту идею, возможно, подкрепляет мнение, что работа — дело малоприятное. Если бы некоторые люди производили вещи так же легко, как герои мультфильма «Желтая подводная лодка», оставившие за собой след из цветов, разве у них было бы меньше прав на эти продукты, изготовление которых им ничего не стоило?) Оставим в стороне то, что иногда труд делает вещь менее ценной (например, в случае, если вы покроете розовой эмалью кусок плавника, выброшенный на берег прибором). Почему принадлежащий индивиду титул собственности должен распространяться на весь объект, а не исключительно на произведенную его трудом *добавленную ценность*? (Ссылка на ценность также могла бы служить для очерчивания пределов собственности; например, замените слова «уменьшили энтропию» на «увеличили ценность»

в приведенном выше критерии, использующем понятие энтропии.) Никакой работоспособной или логически последовательной схемы образования прав собственности, использующей понятие добавленной ценности, пока не разработано, и, вероятно, никакая схема такого рода не выдержала бы возражений вроде тех, которые разрушили теорию Генри Джорджа.

Если запас никому не принадлежащих объектов, которые можно улучшить, ограничен, то мнение, что улучшение объекта обеспечивает полную собственность на него, будет неубедительным. Ведь когда объект становится собственностью какого-нибудь индивида, это изменяет ситуацию для всех остальных. Если до того они обладали свободой (в смысле Хохфельда) использовать этот объект, то теперь уже нет. Это изменение ситуации остальных (в результате того, что они лишились свободы работать с ранее никому не принадлежавшим объектом) не обязательно означает ухудшение их положения. Если я завладею одной песчинкой с Кони-Айленда, то после этого никто другой не сможет ничего делать с *этой* песчинкой. Но на острове останется множество других песчинок, с которыми они могут делать все, что пожелают. А если не песчинок, то каких-то других объектов. С другой стороны, то, что я делаю с песчинкой, которой я завладел, может улучшить положение остальных, и это компенсирует им утрату свободы использовать эту песчинку. Главный вопрос — ухудшает ли положение других людей акт присвоения никому ранее не принадлежавшего объекта.

Оговорка Локка, что «достаточное количество и того же самого качества [предмета труда должно] остаться для всех остальных» (II, 27) введена для того, чтобы гарантировать, что положение других не ухудшится. (Если это условие выполняется, есть ли хоть какая-то мотивация для его следующего условия о нерасточительности?) Часто утверждается, что это условие когда-то выполнялось, но больше не выполняется. Однако, по-видимому, существует аргумент, доказывающий, что если эта оговорка больше не выполняется, то она никогда и не могла выполняться так, чтобы обеспечить постоянные и наследуемые права собственности. Рассмотрим первого индивида Z, которому для присвоения не осталось достаточного количества [данного блага] того же самого качества. Последний индивид Y, который присвоил некий объект, лишил Z его прежней свободы предпринимать действия по отношению к объекту и тем самым ухудшил положение Z. Поэтому, согласно оговорке Локка, Y не имел права присвоить этот объект. Таким образом, предпоследний индивид X, который присвоил некий объект, ухудшил положение Y, потому что его действие стало последним разрешенным актом присвоения. В силу этого акт присвоения, осуществленный X, был недопустимым. Но тогда предпредпоследний присвоивший некий объект индивид W

совершил последний разрешенный акт присвоения и, поскольку он ухудшил этим положение X, его действие было неразрешенным. И так далее вплоть до первого индивида A, который присвоил постоянное право собственности.

Этот аргумент, однако, слишком поспешен. Акт присвоения собственности может ухудшить положение другого человека двумя способами: во-первых, он может потерять возможность улучшить свое положение с помощью конкретного акта присвоения (или любого другого); и, во-вторых, он может потерять возможность свободно использовать (не присваивая) то, что раньше мог использовать. Введение *строого* требования, чтобы акт присвоения не приводил к ухудшению положения другого, исключило бы первый способ — если что-нибудь другое не компенсировало бы уменьшения возможностей, — а также второй. Введение более *слабого* требования исключило бы второй способ, но не первый. В случае более слабого требования мы не можем мгновенно отменить всю цепочку актов от A до Z *так*, как это описано выше, потому что, хотя индивид Z больше не может *присвоить*, у него, как и прежде, может оставаться возможность кое-что *использовать*. В этом случае осуществленное Y присвоение не нарушало бы более слабой оговорки Локка. (Когда остается все меньше того, что люди вольны использовать, пользователи могут столкнуться с растущими неудобствами, теснотой и т.п.; таким образом, положение других могло бы ухудшиться, если только процесс присвоения не был бы остановлен задолго до этого.) Можно утверждать, что никто не может выдвигать легитимные жалобы в том случае, если выполняется более слабое условие. Однако, поскольку здесь нет такой ясности, как в случае строгой оговорки, Локк мог подразумевать сохранение строгой оговорки «достаточное количество и того же самого качества» и, возможно, для того и ввел условие нерасточительности, чтобы отдалить конечную точку, из которой приведенное рассуждение быстро проходит обратный путь к началу цепочки.

Ухудшает ли положение людей, не имеющих возможности совершить акт присвоения (поскольку доступных и полезных неприсвоенных объектов больше нет), система, которая разрешает акты присвоения и постоянную собственность? Здесь вступают в игру различные знакомые нам доводы в защиту частной собственности, основанные на общественной пользе: она увеличивает общественный продукт, передавая средства производства в руки тех, кто может использовать их с наибольшей эффективностью (прибыльно); она стимулирует экспериментирование, потому что когда ресурсы контролируются разными людьми, нет одного человека или небольшой группы, которых человек, желающий воплотить новую идею, должен был бы обязательно убедить;

частная собственность позволяет людям выбирать, какого рода риски (и какого рода структуру рисков) они желают нести, что ведет к специализации в распределении разных типов рисков; частная собственность защищает будущих индивидов, побуждая некоторых людей изымать ресурсы из текущего потребления для рынков в будущем; она предоставляет дополнительные источники занятости для непопулярных людей, которым не приходится убеждать одного человека или небольшую группу нанять их на работу, и т.д. Эти соображения входят составной частью в теорию Локка не в качестве утилитаристского оправдания собственности, а для поддержки утверждения о том, что присвоение частной собственности удовлетворяет цели, ради которой была введена оговорка «достаточное количество и того же самого качества». Они опровергают утверждение, что, когда это условие нарушено, не может возникнуть никакого естественного права частной собственности в результате локковского процесса. Трудность, возникающая при попытке с помощью такого аргумента показать, что условие удовлетворено, состоит в том, чтобы выбрать подходящую базу для сравнения. Присвоение по Локку не ухудшает положения людей по сравнению с *чем?*¹² Вопрос о фиксации уровня отсчета требует более детального исследования, чем возможно представить на этих страницах. Чтобы понять, насколько широкий диапазон имеется для различных теорий присвоения и для установления уровня отсчета, было бы желательно иметь оценку общей экономической значимости первоначального присвоения. Возможно, эту значимость можно было бы измерить процентной долей в совокупном доходе тех доходов, которые основаны на переработанном сырье и присвоенных ресурсах (а не на человеческой деятельности), — включающей главным образом рентный доход, представляющий ценность неулучшенной земли и цену сырья *in situ*†, — а также долей существующего в данный момент богатства, представляющей подобные доходы, полученные в прошлом*.

¹² Ср.: Robert Paul Wolff, "A Refutation of Rawls' Theorem on Justice," *Journal of Philosophy*, March 31, 1966, sect. 2. Критика Вольфа не применима к концепции Ролза, согласно с которой база фиксируется в соответствии с принципом различия.

† В месте нахождения (*лат.*). — *Прим. науч. ред.*

* Мне не встречалось точной оценки. Дэвид Фридмен (David Friedman, *The Machinery of Freedom* [N.Y.: Harper & Row, 1973], pp. xiv, xv) обсуждает этот вопрос и предлагает цифру в 5% национального дохода США в качестве оценки сверху первых двух упомянутых факторов. Однако он не пытается оценить долю существующего богатства, которая основана на таком доходе, полученном в прошлом. (Туманный термин «основан на» просто означает, что вопрос нуждается в исследовании.)

Следует отметить, что теория легитимного происхождения прав собственности нужна не только тем людям, кто поддерживает частную собственность. Сторонники коллективной собственности, например те, кто считает, что группа людей, живущих в какой-то местности, совместно владеет этой территорией или ее минеральными ресурсами, также должны иметь теоретическое обоснование того, как возникли такие права собственности; они должны доказать, почему люди, живущие на земле, имеют право определять, что делать с этой землей и этими ресурсами, тогда как люди, живущие в другом месте, такого права не имеют (по отношению к той же земле и ресурсам).

Оговорка

Вне зависимости от того, можно или нет сформулировать теорию Локка о присвоении таким образом, чтобы справиться с возникающими при этом многочисленными трудностями, я предполагаю, что любая адекватная теория справедливости присвоения будет содержать оговорку, похожую на более слабое условие из тех, которые мы приписали Локку. Процесс, обычно ведущий к возникновению постоянных, могущих быть завещанными прав собственности на никому ранее не принадлежавшую вещь, не даст такого результата в случае, если при этом положение других людей ухудшится из-за того, что они лишились возможности свободно использовать эту вещь. Важно точно определить именно этот вид ухудшения положения других людей, потому что оговорка относится только к нему. Она не распространяется на ухудшение, которое состоит в ограничении возможностей присвоения (первый из приведенных выше способов, соответствовавший более строгому условию), и не относится к случаю, когда я «ухудшаю» положение продавца, приобретая материалы для производства некоторых из товаров, продаваемых им, чтобы затем составить ему конкуренцию. Тот, кто мог бы нарушить оговорку актом присвоения, все-таки имеет право совершить акт присвоения, если он обеспечит другим компенсацию, чтобы их положение не ухудшилось; пока он не обеспечил компенсации, его акт присвоения будет нарушать условие принципа справедливости присвоения и будет неправомерным*. Теория присвоения, включающая эту оговорку

* Фурье полагал, что, поскольку процесс возникновения цивилизации лишил членов общества определенных свобод (заниматься собирательством, пастушеством, охотиться), было бы оправданно компенсировать эту потерю каждого гарантируемыми обществом минимальными выплатами (Alexander Gray, *The Socialist Tradition*

Локка, сможет корректно интерпретировать примеры (возражения против теории, не имеющей этой оговорки), в которых некто присваивает все источники чего-то жизненно необходимого*.

Теория, включающая эту оговорку в свой принцип справедливости присвоения, должна содержать также более сложный принцип справедливости перехода собственности. Оговорка, относящаяся к присвоению, отражается в ограничениях на дальнейшие действия. Если то, что я полностью присвоил какое-то имеющееся в природе вещество, нарушает оговорку Локка, то мои действия нарушают ее и в том случае, если я присвоил часть вещества и одновременно приобрел все остальное у других людей, которые получили его без нарушения оговорки Локка. Если оговорка не разрешает ни одному человеку присвоить всю питьевую воду в мире, то она не разрешает и ее полную скупку. (В более слабом и запутанном варианте она может запретить ему назначить некоторые цены на часть его запасов.) Эта оговорка (почти?) никогда

[New York: Harper & Row, 1968], p. 188). Но это слишком строгое требование. Такая компенсация была бы положена тем — если такие люди есть, — для кого процесс возникновения цивилизации обернулся *чистым убытком*, для кого блага цивилизации не уравновешивают исчезновение этих конкретных свобод.

* Например, описанная Рэшделом ситуация, в которой некто, опережаящий остальных на несколько миль, находит единственный источник воды в пустыне, который другие через некоторое время также бы нашли, и присваивает ее всю. Hastings Rashdall, "The Philosophical Theory of Property," in *Property, its Duties and Rights* (London: MacMillan, 1915).

Необходимо упомянуть теорию прав собственности Айн Рэнд (Ayn Rand, "Man's Rights" in *The Virtue of Selfishness* (New York: New American Library, 1964), p. 94), в которой они вытекают из права на жизнь, поскольку люди нуждаются в материальных вещах, чтобы жить. Но право на жизнь не является правом на все, что только может потребоваться для жизни; другие люди могут иметь права по отношению к этим другим вещам (см. выше, главу 3). В лучшем случае, право на жизнь было бы правом иметь или стремиться к тому, что человеку нужно для жизни, при условии, что это не нарушает ничьих прав. Что касается материальных благ, вопрос состоит в том, нарушает ли владение ими чьи-либо права. (Было бы таким нарушением присвоение всех никому не принадлежащих вещей? Было бы нарушением присвоение источника воды в примере Рэшдела?) Поскольку особые соображения (вроде оговорки Локка) могут относиться к материальной собственности, то теория прав собственности должна быть сформулирована *до того*, как появится возможность применять предполагаемое право на жизнь (с поправками на то, что сказано выше). Поэтому право на жизнь не может быть основанием теории прав собственности.

не будет действовать; чем большую часть редкого и ценного вещества человек приобретает, тем выше будет цена на оставшееся, и тем труднее ему будет приобрести все остальное. Тем не менее можно представить себе по крайней мере следующий вариант развития событий: некто одновременно делает тайное предложение о покупке отдельным владельцам вещества, каждый из которых соглашается продать, рассчитывая, что сможет легко купить его у других владельцев; или же природная катастрофа уничтожает все запасы чего-то за исключением того, что принадлежит одному человеку. Первоначально один человек не может легитимно присвоить все запасы чего-либо. То, что он приобрел их потом, не доказывает, что исходное присвоение произошло с нарушением оговорки Локка (даже путем аргумента, действующего в обратном направлении, вроде того, с помощью которого мы выше свернули в обратном порядке цепочку присвоений от *Z* к *A*). Именно сочетание первоначального присвоения со всеми *последующими* переходами собственности и другими действиями нарушает оговорку Локка.

Титул каждого владельца на его имущество включает историческую тень оговорки Локка относительно присвоения. Это запрещает ему передавать права собственности в пул, нарушающий оговорку Локка, а также запрещает использовать имущество — независимо или по согласованию с другими — в нарушение этого условия, т.е. ухудшая положение других по сравнению с их базовым положением. Как только становится известно, что чьи-то права собственности нарушают оговорку Локка, возникают жесткие ограничения на то, что он имеет право делать со «своей собственностью» (которую уже трудно продолжать так называть без оговорок). Так, человек не имеет права присвоить единственный источник воды в пустыне и устанавливать любую цену на воду. Он также не имеет права назначать любую цену по своему усмотрению, если он владеет одним источником, но, к несчастью, случилось так, что все остальные пересохли. Эти прискорбные обстоятельства, в которых нет никакой его вины, приводят в действие оговорку Локка и ограничивают его права собственности*. Сходным образом право собственности на единственный остров в океане не позволяет владельцу выкидывать оттуда потерпевших кораблекрушение за посягательство на его собственность, потому что такое поведение нарушило бы оговорку Локка.

* Ситуация была бы иной, если бы его водяная скважина не пересохла только потому, что он предпринял для этого специальные меры. Сравните нашу интерпретацию с анализом Хайека: Hayek, *Constitution of Liberty*, p. 135; а также с: Ronald Hamowy, "Hayek's Concept of Freedom; A Critique," *New Individualist Review*, April 1961, pp. 28–31.

Заметьте, что теория не утверждает того, что владельцы действительно имеют эти права, но они аннулируются во избежание некоей катастрофы. (Аннулированные права не исчезают; они оставляют своего рода след, который в рассматриваемых случаях отсутствует¹³.) Здесь нет никакого внешнего (и *ad hoc*?) аннулирования прав. Соображения, внутренние по отношению к самой теории собственности, к содержащейся в ней теории присвоения и перехода прав, предоставляют средство для урегулирования таких ситуаций. Результаты, однако, могут совпадать с некоторым условием, относящимся к случаю катастрофы, поскольку база для сравнения находится настолько низко по сравнению с производительностью общества с частным присвоением, что вопрос о нарушении оговорки Локка возникает только в случае катастрофы (или необитаемого острова).

То, что кто-либо владеет всеми запасами чего-либо жизненно необходимого для других, *не* означает, что присвоение (им или кем-то еще) этого вещества ухудшает положение некоторых людей (немедленно или позднее) по сравнению с исходной ситуацией. Биохимик, синтезировавший новое вещество, которое эффективно лечит определенную болезнь, не ухудшает положения других людей, лишая их того, что он присвоил, если он соглашается продавать свое изобретение только на своих условиях. Другие могут с легкостью купить те же самые исходные материалы, которые приобрел он; присвоение или покупка биохимиком определенных химикатов не привели к исчерпанию их запаса, которое нарушило бы оговорку Локка. Ее также не нарушил бы тот, кто купил бы у биохимика весь запас синтезированного им вещества. То, что биохимик использует общедоступные вещества для синтеза лекарства, нарушает оговорку Локка не в большей степени, чем то, что единственный хирург, способный сделать конкретную операцию, питается общедоступными продуктами, чтобы не умереть от голода и иметь достаточно сил для работы. Это показывает, что оговорка Локка не является «принципом, основанным на конечном состоянии»; она относится к тому, каким образом акты присвоения влияют на других людей, а не к структуре возникающей в результате ситуации¹⁴.

¹³ Я рассматриваю аннулирование и соответствующие моральные последствия в статье: Nozick, "Moral Complications and Moral Structures", *Natural Law Forum*, 1968, pp. 1–50.

† Здесь: на основании, специально подобранном к данному случаю (*лат.*). — *Прим науч. ред.*

¹⁴ Вводит ли принцип компенсации (глава 4) элемент калибровки по паттерну? Хотя он требует компенсации за неблагоприятные условия, создаваемые теми, кто стремится избавиться от риска, он не яв-

Промежуточное положение между тем, кто забирает весь находящийся в распоряжении общества ресурс, и тем, кто производит весь ресурс из легкодоступных веществ, занимает тот, кто присваивает весь ресурс чего-нибудь таким способом, который не лишает этого ресурса остальных. Например, кто-нибудь находит новое вещество в труднодоступном месте. Он выясняет, что оно успешно лечит определенную болезнь, и присваивает себе весь запас. Он не ухудшает положения остальных; если бы он не наткнулся на это вещество, этого бы не сделал никто другой и все остальные остались бы без него. С течением времени, однако, повышается вероятность того, что другие тоже обнаружили бы это вещество; на этом факте могли бы быть основаны ограничения прав собственности первооткрывателя вещества, чтобы другие не ухудшили своего базового положения; например, могло бы быть ограничено право завещать это вещество. Исследование ситуации, когда некто ухудшает положение другого человека, лишая его того, что он в противном случае имел бы, помогает прояснить вопрос о патентах. Патент изобретателя не лишает других объекта, которого не существовало бы, не будь изобретателя. Но патенты могут привести именно к этому результату для других людей, самостоятельно сделавших то же самое изобретение. В силу этого независимым изобретателям, на которых может лечь бремя доказательства того, что их изобретения получены независимо, не следует запрещать использовать их изобретения (в том числе продавать их другим). Более того, наличие известного изобретателя радикально снижает вероятность независимого изобретения. Дело в том, что люди, которым уже известно об изобретении, обычно не станут пытаться «изобрести» его еще раз, так как сама претензия на независимое открытие в этом случае вызвала бы подозрения. Однако можно допустить, что в отсутствие исходного изобретения когда-нибудь позже кто-нибудь другой его придумал бы. Это подсказывает идею ограничения срока действия патента в качестве простого практического правила, приблизительно соответствующего тому, сколько времени потребовалось бы на независимое открытие в отсутствие информации о том, что изобретение уже сделано.

ляется калиброванным принципом. Дело в том, что целью является компенсация не всех вообще неблагоприятных условий, а только тех, которые возникают у людей, потенциально представляющих риск для других вследствие наложенных на них запретов. Он определяет обязательства тех, кто вводит запрет, возникающие в результате их собственных конкретных действий, с целью предотвратить возможные претензии по отношению к авторам запрета со стороны тех, кто под него подпал.

Я убежден, что свободное функционирование рыночной системы не приведет на практике к конфликту с оговоркой Локка. (Вспомните, что в части I охранное агентство становится доминирующим и монопольным *de facto* главным образом благодаря тому, что в конфликтах с другими агентствами оно применяет силу, а не просто конкурирует с ними. Этого нельзя сказать о других видах бизнеса.) Если это верно, оговорка Локка не будет играть важной роли в деятельности охранных агентств и не будет создавать существенных возможностей для деятельности будущего государства. На самом деле, если бы не последствия *нелегитимных* действий государства в прошлом, люди не считали бы возможность нарушения этой оговорки представляющей какой-либо особый интерес по сравнению с остальными логическими возможностями. (Здесь я делаю ссылку на эмпирические исторические обстоятельства; и так же поступает всякий, кто в этом со мной не согласен.) На этом кончается наш анализ влияния оговорки Локка на теорию справедливости, основанную на титулах собственности.

Раздел II

Теория Ролза

Мы можем заострить наш анализ распределительной справедливости, если более детально обсудим недавний вклад в эту тему Джона Ролза. Его «Теория справедливости» (*Theory of Justice*)¹⁵ — это яркая, глубокая, проницательная, систематическая, всесторонняя работа по политической и моральной философии, которую можно сравнить разве что с трудами Джона Стюарта Милля. Это фонтан замечательных идей, которые образуют единое гармоничное целое. Отныне политические философы обязаны либо работать в рамках теории Ролза, либо объяснять, почему они этого не делают. Наши понятия и аргументы становятся яснее на фоне противоположной концепции, блестяще изложенной Ролзом, и, в свою очередь, помогают лучше понять теорию Ролза. Даже те, кого не переубедит систематическое изложение Ролзом своих взглядов, извлекут много полезного из изучения его теории. Я имею в виду не только возможность, по Миллю, выковать свои взгляды в ходе борьбы с тем, что вы считаете ошибочным. Невозможно прочитать книгу Ролза и не воспринять, возможно, в переработанном виде, многих его

¹⁵ John Rawls, *Theory of Justice* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971) [русск. пер.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. Цитаты из книги Ролза, как правило, приводятся по этому изданию. — Прим. науч. ред.].

открытий. Невозможно дочитать ее до конца и не обрести нового вдохновляющего видения возможностей целостной теории морали не ощутить того, насколько *красивой* она может быть. Я позволю себе сосредоточиться здесь на разногласиях с Ролзом только потому, что уверен: мои читатели сами откроют для себя многочисленные достоинства его теории.

Общественное сотрудничество

«Я начну с рассмотрения роли принципов справедливости. Давайте предположим, дабы была понята идея, что общество — это более или менее самодостаточная совокупность людей, которые в своих взаимоотношениях осознают определенные обязывающие их правила поведения и которые по большей части поступают согласно этим правилам. Предположим далее, что эти правила устанавливают систему кооперации, предназначенную обеспечить благо тем, кто следует правилам. Но хотя общество и представляет общественное предприятие во имя взаимной выгоды, для него характерны конфликты интересов, как, впрочем, и их совпадение. Совпадение интересов заключается в том, что социальная кооперация делает возможной для всех лучшую жизнь по сравнению с тем, чем она была бы, если бы каждый жил за счет собственных усилий. Конфликт интересов выражается в том, что людям безразлично, как большие выгоды, полученные из сотрудничества, распределяются между ними, поскольку в преследовании собственных целей они предпочитают получить больше сами и уменьшить долю, которую нужно разделить с другими. Требуется определенное множество принципов для того, чтобы сделать выбор среди различных социальных устройств, которые определяют разделение выгод, и чтобы прийти к соглашению о распределении долей. Эти принципы являются принципами социальной справедливости: они обеспечивают способ соблюдения прав и обязанностей основными институтами общества. Они же определяют подходящее распределение выгод и тягот социальной кооперации»¹⁶.

Представим n индивидов, которые не сотрудничают между собой и полагаются каждый только на свои собственные усилия. Каждый индивид i получает вознаграждение, прибыль, доход и т.п. в размере S_i ; сумма всего того, что получает каждый из них, равна

$$S = \sum_{i=1}^n S_i.$$

¹⁶ Rawls, *Theory of Justice*, p. 4 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 20].

Сотрудничая, они могут получить большую общую сумму T . Проблема распределительной социальной справедливости, согласно Ролзу, заключается в том, как правильно распределить выгоду от сотрудничества. Существует два подхода к этой проблеме: как распределить общую сумму T или как распределить прирост, созданный общественным сотрудничеством, т. е. выгоду от общественного сотрудничества, равную $T-S$. Последняя формулировка предполагает, что каждый индивид i получает из промежуточной суммы S свою долю S_i . Эти два подхода различаются. В сочетании с некооперативным распределением S (каждый i получает S_i), «выглядящее честным» с точки зрения второго варианта распределение $T-S$ может не привести к «выглядящему честным» распределению T (первый вариант). И наоборот, выглядящее честным распределение T может дать какому-то индивиду i меньше, чем его доля S_i . (Такую возможность исключило бы ограничение для первого варианта $T_i \geq S_i$, где T_i — доля i -го индивида.) Ролз, не проводящий различия между этими двумя вариантами, рассуждает так, как будто его интересует только первый, т. е. как распределить общую сумму T . Можно было бы сказать, что внимание сосредоточено на первом варианте потому, что благодаря огромным выгодам общественного сотрудничества некооперативные доли S_i настолько малы по сравнению с любыми кооперативными долями T_i , что при решении проблемы социальной справедливости ими можно пренебречь. В связи с этим необходимо заметить, что люди, вступающие в сотрудничество друг с другом, определенно не согласились бы с таким пониманием проблемы распределения выгод от сотрудничества.

Почему общественное сотрудничество *создает* проблему распределительной справедливости? Можно ли предположить, что если бы никакого общественного сотрудничества не было и каждый человек добывал свою долю исключительно личными усилиями, то не существовало бы ни проблемы справедливости, ни потребности в теории справедливости? Если предположить, как, по-видимому, делает Ролз, что в этой ситуации вопросов о распределительной справедливости *не* возникает, то в силу каких свойств общественного сотрудничества эти вопросы появляются? Что именно в общественном сотрудничестве порождает проблему справедливости? Нельзя сказать, что конфликты возможны только в условиях общественного сотрудничества, а индивиды, которые производят независимо друг от друга и (первоначально) защищают себя самостоятельно, не будут предъявлять друг другу требования, основанные на справедливости. Если бы существовало десять Робинзонов Крузо, в течение двух лет работавших каждый на своем острове, и они обнаружили бы друг друга с помощью забытых на островах радиопередатчиков, разве смогли бы они обойтись без взаимных претензий в связи с распределением, при условии, что перемеще-

ние благ с одного острова на другой было бы возможно?¹⁷ Разве не потребовал бы кто-нибудь помощи на том основании, что он нуждается, что его остров — самый бедный из всех или что он в силу своих природных свойств менее остальных способен позаботиться о себе? Разве он не мог бы сказать, что по справедливости другие должны давать ему больше, поскольку нечестно, что он получает настолько меньше других и постоянно нуждается и, возможно, даже голодает? Еще он мог бы сказать, что различие некооперативных долей происходит от различия в природных богатствах, которые не являются заслуженными, и что задача справедливости — исправить это неравенство и произвол. Дело не в том, что в отсутствие общественного сотрудничества ни у кого *не будет* претензий, а в том, что такие претензии были бы заведомо необоснованными. Почему они были бы заведомо необоснованными? Можно было бы сказать, что в ситуации отсутствия общественной кооперации каждый заслужил именно то, что он получил за счет собственных усилий, без посторонней помощи; вернее, никто не имеет права на основании требований *справедливости* притязать на то, что принадлежит другому. В этой ситуации кристально ясно, кто и на что имеет титул собственности, и никакой теории справедливости не требуется. С этой точки зрения общественное сотрудничество запутывает дело, так что теряется ясность в вопросе о том, кто на что имеет титул собственности. И вместо того чтобы говорить, что при отсутствии общественного сотрудничества никакая теория справедливости неприменима (разве не было бы несправедливо, если бы кто-нибудь обокрал другого в некооперативной ситуации?), я бы сказал, что это чистый случай применения корректной теории справедливости: теории, основанной на титулах собственности.

Каким образом общественное сотрудничество изменяет все таким образом, что те же самые принципы, основанные на титулах собственности, которые применяются в некооперативных ситуациях, становятся неприменимыми или неверными в кооперативных ситуациях? Можно было бы сказать, что в случае сотрудничества невозможно выделить вклад отдельных людей — все является совместным продуктом. Каждый может с равной убедительностью предъявлять притязания на этот совместный продукт или на любую его порцию; все требования в равной степени обоснованы или, во всяком случае, ни одно из них не является более обоснованным, чем любое другое. Следует (в развитие той же мысли) каким-то образом решить, как разделить

¹⁷ См.: Milton Freedman, *Capitalism and Freedom* (Chicago: University of Chicago Press, 1962), p. 165 [русск. пер.: Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 191].

этот общий продукт совместного общественного сотрудничества (к которому неприменимы дифференцированные индивидуальные титулы собственности) — в чем и заключается проблема распределительной справедливости.

Не применимы ли индивидуальные титулы собственности к частям совместно произведенного продукта? Во-первых, предположим, что общественное сотрудничество опирается на разделение труда, специализацию, сравнительные преимущества и обмен; каждый индивид работает отдельно, обрабатывая некий исходный материал, который он получает, и заключает контракты с другими, которые занимаются дальнейшей переработкой или транспортировкой его продукта, пока тот не попадает к конечному потребителю. Люди сотрудничают в производстве вещей, но работают по отдельности; каждый человек — это миниатюрная фирма¹⁸. Продукция каждого легко идентифицируема, а акты обмена происходят на открытых рынках, где цены устанавливаются конкурентно с учетом информационных ограничений и т.д. В чем задача теории справедливости в такой системе общественного сотрудничества? Можно было бы сказать, что результирующие распределения имущества будут зависеть от пропорций обмена или цен, а потому задача теории справедливости состоит в том, чтобы установить критерии «честных цен». Вряд ли в этой книге есть место для исследования хитросплетений различных теорий справедливой цены. Непонятно даже, каким образом такие вопросы могут здесь возникнуть. Люди выбирают, с кем и как им обмениваться и кому передавать титулы собственности в условиях полной свободы заключения сделок с любой другой стороной в соответствии с любыми взаимно приемлемыми пропорциями обмена¹⁹. Почему вытекающее из этого общественное сотрудничество, состоя-

¹⁸ О том, почему в экономике есть фирмы (более чем с одним сотрудником) и почему каждый индивид не заключает индивидуальных контрактов с другими, см.: Ronald Coase, "The Nature of the Firm," in *Readings in the Price Theory*, ed. George Stigler and Kenneth Boulding (Homewood, Ill.: Irwin, 1952) [русск. пер.: Коуз Р. Природа фирмы // Коуз Р. Фирма, рынок, право. М.: Дело, 1993. С. 33—53]; Armen Alchian and Harold Demsetz, "Production, Information Costs and Economic Organization," *American Economic Review*, 1972, pp. 777—795.

¹⁹ Однако ни здесь, ни где-либо еще мы не предполагаем выполнения условий придуманной экономистами искусственной модели так называемой совершенной конкуренции. Корректный анализ представлен в работе: Israel M. Kirzner, *Market Theory and the Price System* (Princeton, N. J.: Van Nostrand, 1963); см. также: *Ibid.*, *Competition and Entrepreneurship* (Chicago: University of Chicago Press, 1973) [русск. пер.: Кирцнер И. М. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2008].

щее из цепочек добровольных обменов между людьми, приводит к возникновению каких-то проблем, связанных с распределением имущества? Почему правильным (не неправильным) набором имущественных владений не является набор, *реально возникающий* в процессе осуществленных по взаимному согласию обменов, в ходе которых люди отдают другим то, чем они имеют право владеть и что имеют право отдавать?

Теперь отбросим наше предположение о том, что люди работают независимо и сотрудничают только в рамках последовательности добровольных обменов, а вместо этого рассмотрим пример людей, которые совместно работают над производством чего-то. Возможно ли в этом случае разделить вклады отдельных людей? Вопрос не в том, дает ли теория предельной производительности удовлетворительное объяснение честной, или справедливой, доли, а в том, содержит ли она некое связанное понятие об идентифицируемом предельном продукте. Кажется маловероятным, чтобы теория Ролза опиралась на сильное утверждение о том, что такого работоспособного понятия не существует. Как бы то ни было, мы опять имеем ситуацию множества двусторонних обменов: собственники ресурсов заключают отдельные соглашения об использовании ресурсов с предпринимателями; предприниматели заключают соглашения с отдельными работниками или группами работников, которые сначала вырабатывают некое соглашение между собой, а потом предъявляют его предпринимателю, и т.д. Люди передают другим свой труд или имущество на свободных рынках, на которых пропорции обмена (цены) устанавливаются обычным образом. Если теория предельной производительности более или менее адекватна, то в результате таких добровольных обменов люди будут получать примерный эквивалент их предельного продукта*.

* Следует отметить, что это не то же самое, что получить эквивалент того, что индивид *создает* или *производит*. Предельный продукт единицы F_1 по отношению к факторам F_2, \dots, F_n — понятие *инотетическое*; это разница между общим продуктом F_1, \dots, F_n , используемым с наибольшей эффективностью (насколько это позволяют наши знания и с учетом разумной осторожности в отношении издержек, связанных с нахождением самого эффективного использования факторов), и общим продуктом самого эффективного использования F_2, \dots, F_n с уменьшенным на единицу F_1 . Но эти два разных наиболее эффективных варианта использования F_2, \dots, F_n с уменьшенным на единицу F_1 (в одном случае с дополнительной единицей F_1 , в другом случае — без нее) будут использовать их по-разному. И предельный продукт F_1 (по отношению к другим факторам) — то, что каждый был бы согласен заплатить за дополнительную единицу F_1 , — будет представлять собой не то, что он *создает* (он *создает*) в сочетании с F_2, \dots, F_n и другими единицами F_1 , а ту разницу, которую он создает,

Но если бы понятие предельного продукта было настолько неэффективным, что наниматели или покупатели факторов производства были бы не в состоянии определить предельные продукты факторов в реальной ситуации совместного производства, то результирующее распределение по факторам не было бы калибровано по предельному продукту. Тот, кто считал бы теорию предельной производительности (для тех случаев, к которым эта теория применима) калиброванной *теорией справедливости*, мог бы полагать, что ситуации совместного производства и неопределенного предельного продукта дают возможность использовать для определения правильных пропорций обмена какую-нибудь теорию справедливости. Но для сторонника теории, основанной на титулах собственности, было бы приемлемо любое распределение, возникшее в результате добровольных обменов*. Вопрос о работоспособности теории предельной производительности весьма сложен²⁰. Поэтому здесь мы просто отметим, что сильные личные стимулы побуждают владельцев ресурсов стремиться к предельному продукту, а сильное рыночное давление, как правило, обеспечивает этот результат. Не все те, кто использует производственные факторы, — тупицы, которые не ведают, что творят, передавая другим ценное для них имущество на основании иррациональных и произвольных соображений. Более того, позиция Ролза в отношении неравенства требует, чтобы отдельные взносы в совместный про-

разницу с тем, что было бы в отсутствие этой единицы F_1 при условии наиболее эффективной организации использования остальных факторов с учетом отсутствия этой единицы. Таким образом, теорию предельной производительности лучше представлять себе не как теорию действительно произведенного продукта, тех вещей, причины происхождения которых включают единицу этого фактора, а как теорию разницы (определяемой гипотетически), которую создает присутствие данного фактора. Если бы такой подход был связан со справедливостью, он, по-видимому, наилучшим образом соответствовал бы концепции, основанной на титулах собственности.

* Читатели, считающие, что данный Марксом анализ отношений обмена между владельцами капитала и работниками подрывает представление о легитимности распределения, которое возникает в результате добровольного обмена, или считающие, что такие обмены нельзя называть «добровольными», найдут в главе 7 ряд существенных соображений по этому поводу.

²⁰ См.: Mark Blaug, *Economic Theory in Retrospect* (Homewood, Ill.: Irwin, 1968), chap. 11 [русск. пер.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. Гл. 11] и цитируемые там источники. Новейший обзор вопросов, относящихся к теории предельной производительности капитала, см. в: G. C. Harcourt, "Some Cambridge Controversies in the Theory of Capital," *Journal of Economic Literature*, 7, no. 2 (June 1969), pp. 369—405.

дукт были различимы, хотя бы до известной степени. Ролз изо всех сил пытается доказать, что неравенство оправдано, если служит улучшению положения самых бедных групп общества, в том смысле, что без неравенства положение этих групп было бы еще хуже. Полезное неравенство проистекает, хотя бы отчасти, из необходимости создать стимулы для определенных людей, чтобы они занимались разнообразными видами деятельности и брали бы на себя те роли, с которыми не все могут справиться одинаково хорошо. (Ролз не считает, что неравенство нужно, чтобы заполнить те позиции, где все справляются одинаково хорошо, или что самые рутинные виды деятельности, требующие наименьших навыков, должны будут приносить наибольший доход.) Но кому должны предоставляться стимулирующие выплаты? Каким исполнителям и за какую деятельность? Когда для некоторых людей необходимы стимулы, чтобы они занимались производительным трудом, не может быть речи о невозможности установить личный вклад отдельных людей в совместный общественный продукт. Если бы продукт был абсолютно совместным, то нельзя было бы знать, что дополнительные поощрения достаются ключевым участникам и что дополнительный продукт, произведенный сверх обычного простимулированными людьми, превышает расходы на стимулирующие выплаты. Таким образом, нельзя было бы узнать, эффективны были стимулы или нет и что они принесли: чистый доход или чистый убыток. Однако, рассуждая об оправданном неравенстве, Ролз исходит из того, что вся эта информация доступна. И, следовательно, наше предположение о неразложимой, неделимой природе совместного продукта растаяло у нас на глазах, отчего основания, по которым можно было бы считать, что общественное сотрудничество создает особые, отсутствующие в иных обстоятельствах проблемы распределительной справедливости, стали туманными и даже таинственными.

Условия сотрудничества и принцип различия

Другая попытка подступиться к вопросу о связи между общественным сотрудничеством и распределением долей заставляет нас вплотную приблизиться к ключевым тезисам теории Ролза. Ролз представляет себе рациональных, непредубежденных по отношению друг к другу индивидов, которые встречаются в определенной ситуации, т.е. индивидов, рассматриваемых в отрыве от всех их характеристик, которые не связаны непосредственно с этой ситуацией. В этой гипотетической ситуации выбора, которую Ролз называет «исходным положением», они выбирают первичные принципы концепции справедливости, которые будут регулировать всю последующую критику общественных институтов и их реформирование. Принимая это

решение, ни один из них не знает своего места в обществе, своего классового положения или социального статуса, своих врожденных талантов и способностей, своей силы, уровня интеллекта и пр.

«Принципы справедливости выбираются за занавесом неведения. Это гарантирует, что никто не выиграет и не проиграет при выборе принципов в результате естественных или социальных случайных обстоятельств. Так как все имеют одинаковое положение и никто не способен изобрести принципы для улучшения своих конкретных условий, принципы справедливости становятся результатом честного соглашения или торга»²¹.

О чем достигли бы соглашения индивиды в исходном состоянии?

«Лица в исходном положении выберут два весьма различных принципа: первый требует равенства в приписывании основных прав и обязанностей, а второй утверждает, что социальное и экономическое неравенство, например в богатстве и власти, справедливо, если только оно приводит к компенсирующим преимуществам для каждого человека, и, в частности, для менее преуспевающих членов общества. Эти принципы исключают обоснование институтов теми соображениями, что трудности для некоторых людей компенсируются большими благами общества в целом. То, что некоторые должны иметь меньше, чтобы остальные процветали, может быть, и рационально, но не справедливо. Но нет никакой несправедливости в больших преимуществах, заработанных немногими, при условии, что менее удачливые тем самым улучшают свое положение. Интуитивная идея здесь заключается в следующем: так как благосостояние каждого зависит от схемы сотрудничества, без которого никто бы не мог иметь удовлетворительной жизни, разделение преимуществ должно быть таким, чтобы вызвать желание к сотрудничеству у каждого, включая тех, чье положение ниже. Два упомянутых принципа кажутся честным соглашением, на основании которого лучше обеспечить или более удачливые в смысле социального положения, ни о ком из которых мы не можем сказать, что они того заслуживают, могли бы ожидать сотрудничества со стороны других, если некоторая работающая схема является необходимым условием благосостояния всех»²².

Второй принцип, который Ролз называет принципом различия, устанавливает, что институциональная структура должна быть

сконструирована таким образом, чтобы в рамках нее группа наименее обеспеченных находилась по крайней мере не в худшем положении, чем группа наименее обеспеченных (не обязательно та же самая группа) в условиях любой другой институциональной структуры. Если люди в исходном положении, совершая столь важный выбор базовых принципов справедливости, будут следовать минимаксному критерию, то, по утверждению Ролза, они выберут принцип различия. В данном случае нас интересует не то, действительно ли индивиды в описанном Ролзом положении выбрали бы минимаксный критерий и действительно ли они выбрали бы те конкретные принципы, которые формулирует Ролз. Тем не менее следует задаться вопросом, почему индивиды в исходном положении выбрали бы принцип, фокусирующийся на группах, а не на индивидах. Не приведет ли применение минимаксного принципа в исходном положении к тому, что каждый индивид решит максимизировать положение наилучшим образом обеспеченного индивида? Строго говоря, этот принцип свел бы оценку общественных институтов к вопросу о том, каких результатов достигают в их рамках самые неблагополучные и депрессивные индивиды. Но перенесение акцента на группы (или репрезентативных индивидов), чтобы избежать этого, представляется решением *ad hoc*, которое к тому же является недостаточно мотивированным с позиции отдельного индивида²³. Нет ясности и в том, какие группы следует учитывать: есть ли основания исключать группы страдающих депрессией, алкоголиков или репрезентативных паралитиков?

Если некая институциональная структура J не удовлетворяет принципу различия, значит, при J положение некоей группы G хуже, чем оно было бы при другой институциональной структуре I , удовлетворяющей принципу. Если другой группе F лучше в структуре J , чем было бы в структуре I , предпочтительной с точки зрения принципа различия, достаточно ли этого, чтобы сказать, что при J «некоторые... имеют меньше, чтобы другие могли процветать»? (Здесь нужно иметь в виду, что группа G имеет меньше, чтобы группа F могла процветать. Можно ли сделать то же утверждение применительно к I ? Имеет ли F в условиях I меньше, чтобы G могла процветать?) Предположим, что в некоем обществе имеет место следующая ситуация.

1. Группа G имеет сумму A , а группа F имеет сумму B , причем B больше A . При этом можно было бы устроить так, чтобы G имела больше, чем A , а F имела меньше, чем B .

²¹ Rawls, *Theory of Justice*, p. 12 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 26].

²² Rawls, *Theory of Justice*, pp. 14–15 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 28–29].

²³ Rawls, *Theory of Justice*, sect. 16, esp. p. 98. [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. §16, особ. с. 94]

(Последний вариант мог бы быть связан с каким-то механизмом перехода части имущества от F к G .)

Достаточно ли этого, чтобы утверждать, что

2. G бедствует, потому что F процветает; G бедствует, чтобы F процветала; процветание F вызывает бедственное положение G ; G бедствует из-за того, что F процветает; положение G не улучшается по причине того, что положение F столь хорошо.

Если да, зависит ли истинность утверждения 2 от того, что G находится в худшем положении, чем F ? Возможна еще одна институциональная структура K , которая передает имущество от наименее обеспеченной группы G к группе F , еще больше ухудшая положение G . Делает ли возможность K истинным утверждение, что в условиях J положение F не улучшается по причине того, что положение G столь хорошо?

Обычно мы не считаем, что истинности гипотетического высказывания (как в 1) достаточно, чтобы сделать истинным некий индикативный причинно-следственный вывод (как в 2). Если бы вы решили стать моим преданным рабом, моя жизнь во многих отношениях улучшилась бы, при условии, что я смог бы преодолеть первоначальный дискомфорт. Является ли причиной моего нынешнего положения то, что вы не стали моим рабом? Если бы вы пошли в рабство к более бедному человеку, его положение улучшилось бы, а ваше ухудшилось бы, но следует ли из этого то, что этот бедный человек бедствует из-за того, что вы процветаете; имеет ли он меньше ради того, чтобы вы могли процветать? Из утверждения

3. если бы P совершил A , то Q не был бы в ситуации S ,

мы сделаем вывод:

4. то, что P не делает A , является причиной того, что Q находится в ситуации S ; то, что P не делает A , вызывает то, что Q пребывает в S ,

только в том случае, если мы считаем *также*, что

5. P должен совершить A , или долг P — совершить A , или на P лежит обязательство сделать A и т.д.²⁴

²⁴ В данном случае мы упрощаем содержание 5, но не в ущерб нашему анализу. Кроме того, конечно, и другие мнения, не только 5, в сочетании с 3 сделали бы оправданным вывод 4; например, вера в истинность материальной импликации «если 3, то 4». Однако для нашего анализа релевантными являются высказывания типа 5.

Таким образом, вывод 4 из 3 *предполагает* 5. Нельзя перейти от 3 к 4, чтобы после этого перейти к 5. Утверждение, что в конкретной ситуации некоторые имеют меньше, чтобы другие могли процветать, часто опирается как раз на ту оценку ситуации или институциональной структуры, для получения которой оно вводится. Поскольку эта оценка *не* следует из гипотетического суждения как такового (например, 1 или 3), то для ее получения должен быть введен *независимый* аргумент*.

Как мы видели, Ролз утверждает, что «так как благосостояние каждого зависит от схемы сотрудничества, без которого никто бы не мог иметь удовлетворительной жизни, разделение преимуществ должно быть таким, чтобы вызвать желание к сотрудничеству у каждого, включая тех, чье положение ниже. Два упомянутых принципа кажутся честным соглашением, на основании которого лучше обеспеченные или более удачливые в смысле социального положения... могли бы ожидать сотрудничества со стороны других, если некоторая работающая схема является необходимым условием благосостояния... всех»²⁵.

Нет сомнений, что принцип различия представляет условия, на которых менее обеспеченные согласились бы сотрудничать. (Какие *лучшие* условия для себя они сами могли бы предложить?) Но является ли это честным соглашением, на основе которого *менее* обеспеченные могли бы рассчитывать на *добровольное* сотрудничество остальных? В отношении выгод от общественного сотрудничества ситуация симметрична. Более обеспеченные выигрывают от сотрудничества с менее обеспеченными, но *и* менее обеспеченные выигрывают от сотрудничества с более обеспеченными. Однако принцип различия не нейтрален по отношению к более обеспеченным и менее обеспеченным. Откуда берется эта асимметрия?

Возможно, симметрия исчезает, если задать вопрос, *сколько* каждый выигрывает от общественного сотрудничества. Этот вопрос можно было бы понять двояко. Сколько люди выигрывают от общественного сотрудничества по сравнению с тем, что они имеют в своем владении в рамках некооперативной схемы? Иначе говоря, какова величина $T_i - S_i$ для каждого индивида i ?

* Хотя Ролз не проводит ясного различия между 2 и 1 и между 4 и 3, я не утверждаю, что он делает незаконный переход от гипотетического утверждения во втором случае к индикативному в первом. Но все равно на эту ошибку стоит указать, потому что ее легко совершить, и она может показаться обоснованием позиции, которую мы опровергаем.

²⁵ Rawls, *Theory of Justice*, p. 15 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 28–29].

Другой вариант: сколько каждый индивид выигрывает от широкого общественного сотрудничества по сравнению не с *полным* его отсутствием, а с более ограниченным сотрудничеством? В отношении широкого общественного сотрудничества последний вопрос более уместен. Ведь если не удастся достичь общего соглашения о принципах распределения выгод от общественного сотрудничества всех со всеми, не каждый предпочтет полное отсутствие сотрудничества, если возможен другой взаимовыгодный договор о сотрудничестве, с условиями которого *могут* согласиться некоторые люди, хотя и не все. Эти люди будут участвовать в таком более узком соглашении о сотрудничестве. Чтобы сосредоточиться на выгодах сотрудничества между более и менее обеспеченными, нужно попытаться представить себе менее глобальные системы распределенного общественного сотрудничества, в которых более обеспеченные сотрудничают только между собой и менее обеспеченные — только между собой, без какого-либо перекрестного сотрудничества. Члены обеих групп выигрывают от внутреннего сотрудничества в рамках своих групп, и доля каждого оказывается большей, чем она была бы, если бы общественного сотрудничества вообще не было. Индивид выигрывает от более широкой системы сотрудничества между более и менее обеспеченными в той степени, в какой нарастает его выигрыш от более широкого сотрудничества, а именно — на ту сумму, на которую его доля в условиях общего сотрудничества больше, чем она была бы в условиях какой-либо схемы внутригруппового (но не межгруппового) сотрудничества. *Общее* сотрудничество принесет больше выгод более обеспеченным или менее обеспеченным, если (возьмем простой критерий) средний дополнительный выигрыш от общего сотрудничества (по сравнению с ограниченным внутригрупповым) будет больше для одной группы, чем для другой.

Можно было бы поразмышлять о том, есть ли неравенство между средним приростом дохода каждой из групп и если есть, то в чью пользу. Если в составе более обеспеченной группы есть те, кто сумел сделать нечто, несущее большой экономический выигрыш для других, — скажем, новые изобретения, новые идеи и способы производства и т.п. *, — трудно избежать вывода, что от сис-

* Им не обязательно быть *более обеспеченными* от рождения. В используемом Ролзом контексте «более обеспеченный» означает исключительно следующее: производит больше того, что имеет экономическую ценность, способен делать это, имеет высокий предельный продукт и т.п. (Роль непредсказуемых факторов мешает представить себе априорное разделение двух групп.) Наш текст следует Ролзу в разделии людей на «более» и «менее» обеспеченных исключительно в целях критического анализа аргументов, которые он выво-

темы всеобщего сотрудничества *менее* обеспеченные выигрывают *больше*, чем более обеспеченные. Что следует из этого вывода? Я *не* хочу сказать, что более обеспеченные должны получить даже больше, чем они получают в системе глобального общественного сотрудничества, построенной на основе титулов собственности*.

дит из этого разделения для обоснования своей теории. Теория, основанная на титулах собственности, не опирается на представление о том, что такого типа классификация важна, или даже о том, что она возможна, — она вообще не опирается на какие бы то ни было элитистские предпосылки.

Поскольку сторонник теории, основанной на титулах собственности, не принимает калиброванный принцип «каждому по его природным способностям», он может легко допустить, что то, что человек с развитыми природными способностями приносит на рынок, зависит от способностей других и от того, как они решат их использовать, от желаний покупателей, которые проявляются на рынке, от наличия на рынке других предложений и от того, чем другие могут заменить то, что он предлагает, а также от других обстоятельств, являющихся итогом несметного числа решений и действий других людей. Точно так же мы видели ранее, что похожие соображения, которые Ролз приводит по поводу социальных факторов, от которых зависит предельный продукт труда (Rawls, *Theory of Justice*, p. 308 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 275]), не могут выбить из колеи сторонника теории, основанной на титулах собственности, хотя они и способны подкосить обоснования, которые выдвигают сторонники принципа калибровки распределения в соответствии с предельным продуктом.

* При условии, что они в состоянии идентифицировать друг друга, они могут попытаться потребовать увеличения своей доли, сплотившись в группу и совместно предъявив свои условия другим. С учетом большого количества участников и заинтересованности некоторых из более обеспеченных в том, чтобы отколоться от группы и заключить сепаратный договор с менее обеспеченными, коалиция более обеспеченных непременно исчезнет, если не сможет наложить санкции на перебежчиков. Те, кто остался в коалиции более обеспеченных, могут использовать в качестве «санкции» бойкот и отказаться от сотрудничества с изменником. Чтобы расколоть коалицию, менее обеспеченные должны были бы (при условии, что у них есть такая возможность) предложить кому-то из более обеспеченных стимул, достаточный для того, чтобы компенсировать ему потери, которые возникают для него из-за невозможности сотрудничать с другими более обеспеченными. Возможно, кому-то было бы выгодно покинуть коалицию только в составе достаточно большой группы перебежчиков, которую исходная коалиция могла бы стремиться уменьшить, делая особые предложения ее членам и склоняя их изменить *этой* группе, и т.д. Это сложная проблема, и ее делает еще более сложной тот очевидный факт (вопреки тому, что мы используем классификационную терминологию Ролза), что не существует достаточно резкой границы между менее и более обеспеченными, чтобы определить, какие группы возникнут.

Но из этого вывода *следуют* глубокие подозрения в отношении введения ограничений на добровольное общественное сотрудничество (и возникающее из него распределение имущества) во имя честной игры, в результате чего те, кто и так больше всего выигрывает от этого общего сотрудничества, выигрывали еще больше!

Ролз призвал бы нас представить себе, как менее обеспеченные индивиды говорят примерно следующее: «Слушайте, более обеспеченные: вы выигрываете от сотрудничества с нами. Если вы хотите сотрудничать с нами, вы должны согласиться на наши разумные условия. Мы будем сотрудничать с вами, только если будем получать *максимум возможного*. Это значит, что наше сотрудничество должно приносить нам такую долю, что любая попытка ее увеличить принесет нам меньше». Насколько щедрты эти условия, можно оценить, представив себе, что более обеспеченные отвечают почти симметричным предложением: «Слушайте, менее обеспеченные: вы выигрываете от сотрудничества с нами. Если вы хотите сотрудничать с нами, вы должны согласиться на наши разумные условия. Мы предлагаем следующие условия: мы будем сотрудничать с вами до тех пор, пока *мы* будем получать максимум возможного. Это значит, что наше сотрудничество должно приносить нам такую долю, что любая попытка ее увеличить принесет нам меньше». Если эти условия вполне обоснованно кажутся возмутительными, почему не кажутся возмутительными условия, предложенные менее обеспеченными? Почему бы более обеспеченным не проигнорировать первое предложение, если предположить, что кто-нибудь осмелится сформулировать его явным образом?

Ролз очень подробно объясняет, почему менее обеспеченные не должны жаловаться на то, что получают меньше. Его объяснение сводится, попросту говоря, к тому, что менее обеспеченный индивид не должен жаловаться, потому что неравенство идет ему на пользу, от неравенства он получает *больше*, чем получал бы в условиях равенства. (Хотя он мог бы получать еще больше в другой системе, основанной на неравенстве, которая поместила бы кого-нибудь ниже, чем его.) Но Ролз обсуждает вопрос о том, сочтут ли *более* обеспеченные (или должны ли они счесть) удовлетворительными условия соглашения, *только* в следующем отрывке, где *A* и *B* обозначают двух репрезентативных индивидов, причем *A* более успешен: «Трудность в том, чтобы показать, что у *A* нет оснований для недовольства. Возможно, от него требуют согласиться на меньшее, чем он мог бы иметь, потому что если он будет иметь больше, то меньше достанется *B*. Что же можно сказать более успешному человеку? Начнем с бесспорного: благополучие каждого зависит от модели общественного сотрудничества, без которого ни у кого не будет хорошей жизни. Во-вто-

рых, только на приемлемых условиях мы можем просить каждого о добровольном сотрудничестве. Принцип различия, таким образом, представляется хорошей основой и дает более обеспеченным или попавшим в более благоприятные условия основания рассчитывать, что остальные будут сотрудничать с ними, если наличие разумной общей договоренности будет необходимым условием блага для всех»²⁶.

То, что Ролз представляет себе в качестве доводов, приводимых более обеспеченным людям, *не* доказывает, что у них нет оснований для недовольства, и совсем не уменьшает весомости их возможных жалоб. Довод о том, что благополучие всех зависит от общественного сотрудничества, без которого ни у кого не будет сносной жизни, мог бы быть приведен и менее обеспеченным, если бы кто-нибудь предложил какой-либо другой принцип, в том числе принцип максимизации выгод более обеспеченных. То же самое касается утверждения о том, что требовать от всех добровольного сотрудничества можно только на разумных условиях. Возникает вопрос: какие условия *были бы* разумными? Те слова, которые в воображении Ролза будут сказаны индивиду *A* в качестве довода, являются просто постановкой проблемы, они не позволяют отличить предложенный им принцип различия от почти симметричного контрпредложения, которое в нашей версии делают более обеспеченные, или от любого другого предложения. Таким образом, когда Ролз продолжает: «Принцип различия, таким образом, представляется хорошей основой и дает более обеспеченным или попавшим в более благоприятные условия основания рассчитывать, что остальные будут сотрудничать с ними, если наличие разумной общей договоренности будет необходимым условием блага для всех», присутствие в этой фразе выражения «таким образом» озадачивает. Поскольку предшествующие фразы являются нейтральными по отношению к его предложению или к любому другому предложению, вывод о том, что принцип различия представляет собой хорошую основу для сотрудничества, из них следовать не может. Ролз просто повторяет, что он кажется разумным; вряд ли такой ответ может убедить того, кому он не кажется разумным*. Ролз не доказал, что более обеспеченный человек *A* не имеет оснований для недовольства

²⁶ Rawls, *Theory of Justice*, p. 103.

* Я рассматриваю анализ Ролза как относящийся к более обеспеченным и менее обеспеченным людям, которые осознают, к какой из групп они принадлежат. Можно представить себе, что *эту* ситуацию обдумывает кто-то, пребывающий в исходном положении («Если я окажусь более обеспеченным, то ...; если я окажусь менее обеспеченным, то...»). Но этого недостаточно. Зачем Ролз

утруждает себя высказыванием: «Два упомянутых принципа кажутся честным соглашением, на основании которого лучше обеспеченные или более удачливые... могут ожидать сотрудничества со стороны других» (Rawls, *Theory of Justice*, p. 15 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 29]). Кто и когда ожидает? Как это перевести в гипотетические суждения, в терминах которых рассуждает индивид, пребывающий в исходном положении? Аналогичные вопросы возникают и относительно следующего высказывания Ролза: «Трудность в том, чтобы показать, что у *A* нет оснований для недовольства. Возможно, от него требуют согласиться на меньшее, потому что если он будет иметь больше, то меньше достанется *B*. Что же можно сказать более обеспеченному человеку? ... Принцип различия, таким образом, представляется хорошей основой и дает более обеспеченным ... основания рассчитывать, что остальные будут сотрудничать с ними...» (*Theory of Justice*, p. 103, курсив мой. — Р. Н.). Следует ли понимать это так: некто в исходном положении размышляет, что ему сказать себе в этот момент, если он обдумывает возможность того, что он окажется одним из более обеспеченных? И значит ли то, что он в этот момент говорит себе, что принцип различия в этот момент кажется ему честной основой для сотрудничества, несмотря на то что (в то время, как) он обдумывает возможность того, что он является более обеспеченным? Или он говорит, что даже потом, если и когда подтвердится, что он относится к более обеспеченным, принцип различия будет казаться ему честным в этот более поздний момент времени? А когда же, по нашему мнению, он будет проявлять недовольство (жаловаться) [complain]? Не тогда, когда он находится в исходном положении, потому что тогда он соглашается с принципом различия. И когда он находится в процессе принятия решения, пребывая в исходном положении, его не тревожит то, что позже он будет жаловаться. Дело в том, что он знает, что у него не будет причин для недовольства какими-либо последствиями того принципа, который он сам, пребывая в первоначальном состоянии, вскоре рационально выберет. Должны ли мы представлять себе, как он жалуется на самого себя? Разве не являются универсальным ответом на любые последующие жалобы слова: «Ты сам согласился (или ты бы согласился, если бы находился в таком исходном положении)»? Какая «трудность» беспокоит здесь Ролза? Попытка втиснуть «трудность» в исходное положение запутывает ситуацию окончательно. И, кроме того, что делают здесь размышления о «честном договоре» (§3) и «честном основании» (p. 103 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 97]), в то время как индивид в исходном положении, не обладающий еще конкретными моральными представлениями и уж точно не способный их использовать, занят рациональными эгоистическими выкладками?

Я не вижу подходящего способа включить то, что Ролз говорит об условиях сотрудничества между более и менее обеспечен-

тем, что от него требуют обойтись меньшим, чтобы *B* мог иметь больше, чем он имел бы в другом случае. Ролз не может доказать этого, потому что у *A* действительно есть основания для недовольства. Не так ли?

Исходное положение и принципы, основанные на конечном результате

Можно ли сконструировать такую ситуацию, в которой условия, предложенные менее обеспеченными, являются честными? Для этого представьте себе общественный пирог, устроенный следующим оригинальным образом: никто не имеет никакого права ни на какую порцию пирога, и ни один индивид не имеет больших прав, чем любой другой; но тем не менее должно существовать единодушное согласие по поводу того, как его разделить. Несомненно, если оставить в стороне возможность использования угроз и блефа в ходе торга, возникло бы предложение разделить его поровну, и оно было бы принято в качестве разумного решения. (По Шеллингу, это решение образует фокальную точку.) Если допустить, что размер пирога может меняться, и

ными, в структуру исходного положения и в представление о нем. Поэтому я исхожу из того, что Ролз здесь обращается к людям, находящимся *вне* исходного положения — либо к более обеспеченным, либо к своим читателям, — чтобы убедить их, что принцип различия, извлеченный Ролзом из исходного положения, является честным. Поучительно сравнить с этим то, как Ролз представляет себе оправдание допускающего неравенство социального строя, предназначенное для человека из группы менее обеспеченных. Ролз хочет сказать этому человеку, что неравенство работает в его пользу. Тому, кто знает, к какой группе он относится, говорится следующее: «Социальный строй может быть оправдан для каждого, в особенности для тех, кто находится в наименее благоприятных условиях» (p. 103). Ролз не хочет сказать: «Тебе пришлось сделать ставку, и ты проиграл» или что-нибудь в этом роде, хотя бы: «Ты выбрал это тогда, в исходном положении»; и он не хочет просто обратиться к кому-то, пребывающему в исходном положении. Ему нужен довод, не связанный с исходным положением, который убедит того, кто знает о своем неблагоприятном положении в обществе, в котором есть неравенство. Слова «ты имеешь меньше, чтобы я мог процветать» не убедили бы того, кто знает о своем худшем положении, и Ролз делает правильно, что так не говорит, даже если бы аналог этого утверждения, сформулированный в сослагательном наклонении и высказанный индивиду в исходном положении (при условии, что мы смогли представить себе это), звучал бы довольно убедительно.

люди осознали бы, что при делении на равные доли пирог в целом почему-то оказывается меньше, чем при других вариантах раздела, они могли бы согласиться на неравное распределение, которое увеличивает размер самой маленькой доли. Но в некоторой реальной ситуации разве такое осознание не сообщало бы кое-что о дифференцированных претензиях на части пирога? Кто они — те, кто мог бы сделать пирог больше и сделал бы это, если бы им дали большую долю, но не сделал бы этого, если бы им дали равную долю? Кого следует стимулировать, чтобы получить этот большой вклад? (Здесь не идет речи о неделимом совместном продукте; известно, кому следует предложить стимулы или, по крайней мере, выплатить премию задним числом.) Почему этот легко идентифицируемый дифференциальный вклад не ведет к какой-либо дифференциации титулов на часть общего пирога?

Если бы блага падали с неба, как манна, и ни у кого не было бы особых прав ни на какую их порцию, и никакой манны не падало бы, пока все не договорятся о каком-нибудь варианте ее распределения, и количество манны каким-то образом зависело бы от распределения, тогда было бы вполне вероятно, что люди, не имея возможности использовать угрозы или вытребовать увеличенную долю, согласились бы использовать принцип различия в качестве правила распределения. Но является ли этот пример *подходящей моделью* для рассуждений о том, как следует распределять то, что люди производят? Откуда может возникнуть мысль о том, что результаты будут одинаковы для ситуаций, в которых существуют дифференцированные титулы, и для ситуаций, в которых этой дифференциации нет?

Процедура, которая основывает принципы распределительной справедливости на том, на чем сошлись бы рациональные индивиды, ничего не знающие ни о себе, ни о своей жизни, *гарантирует, что в качестве фундаментальных будут приняты принципы справедливости, основанные на конечном состоянии.* Возможно, некоторые исторические принципы справедливости могут быть выведены из принципов, основанных на конечном состоянии, так же как утилитарист пытается вывести индивидуальные права, запрет на наказание невиновного и т.п. из *своего* принципа, основанного на конечном состоянии; возможно, такие рассуждения можно сконструировать даже для принципа, основанного на титулах собственности. Но, как представляется, индивиды в исходном положении по Ролзу не могут остановиться на каком-либо из исторических принципов. Дело в том, что индивиды, которые встречаются за занавесом невведения для того, чтобы решить, кто что получает, не зная ничего о том, что люди могут иметь какие-либо особые титулы собст-

венности, будут относиться к тому, что они распределяют, как к манне небесной*.

Представьте себе группу студентов, которые проучились год, сдали экзамены, получили оценки от 0 до 100, но еще не знают, кто сколько получил. Вот их собрали вместе и предложили распределить оценки между собой так, чтобы в итоге получилась заданная сумма (эта сумма равна сумме баллов, которые они в совокупности действительно получили). Для начала предположим, что им нужно договориться о конкретном распределении оценок; они должны проставить конкретную оценку каждому из участников собрания. В этом случае при условии, что их возможности угрожать друг другу будут резко ограничены, они, вероятно, согласились бы на то, чтобы все индивиды получили одинаковую оценку, чтобы оценка каждого индивида равнялась сумме баллов, разделенной на число участников собрания. Безусловно, они не имели бы никаких шансов воспроизвести те оценки, которые они в действительности уже получили. Далее предположим, что в зале, где проходит собрание, на доске объявлений вывесили список под заголовком «ТИТУЛЫ СОБСТВЕННОСТИ», в котором против имени каждого студента проставлена оценка, совпадающая с оценкой экзаменатора. На это конкретное распределение не согласятся те, кто получил плохие оценки. Даже если они знают, что означает «титулы собственности» (пожалуй, чтобы абстрагироваться от моральных факторов, как в исходном положении Ролза, следует предположить, что они этого не понимают), почему они должны соглашаться на распределение, предложенное преподавателем? Какую причину для согласия, основанную на личном интересе, они могли бы иметь?

Теперь предположим, что они должны единогласно договориться не о *конкретном* распределении оценок, а об общих принципах их распределения. Какой принцип был бы выбран? Прекрасные шансы были бы у принципа равенства, при котором все получают одинаковые оценки. Но если оказалось бы, что сумма оценок меняется в зависимости от того, как они поделили баллы, т.е. в зависимости от того, кто из них какую оценку получил, и более высокий балл был бы более желательным, хотя они и не

* Возникают ли у людей в исходном положении какие-либо сомнения в своем праве решать, как все следует поделить? Возможно, они думают, что, раз они решают этот вопрос, следует полагать, что у них есть титульные правомочия на это; и, таким образом, конкретные люди не могут иметь конкретных титулов собственности на имущество (иначе у них не было бы права совместно решать, как должно быть поделено все имущество); и в силу этого все может легитимным образом рассматриваться как манна небесная.

конкурировали бы между собой (например, каждый из них стремился бы занять более высокую позицию среди членов какой-то другой группы, и для каждого эти группы были бы различны), тогда принцип распределения баллов, который максимизирует самые низкие оценки, мог бы показаться привлекательным вариантом. Согласились ли бы эти люди на *исторический*, не ориентированный на конечное состояние принцип распределения: дать каждому ту оценку, которую ему выставил квалифицированный и беспристрастный экзаменатор? * Если бы все те, кто участвует в принятии решения, знали, какое конкретное распределение будет получено в результате применения этого исторического принципа, они бы не согласились на него. Дело в том, что такая ситуация была бы эквивалентна предыдущей, в которой они принимали решение о конкретном распределении и, как мы уже видели, не согласились бы на распределение в соответствии с титулами собственности. Теперь предположим, что людям неизвестно конкретное распределение, которое получится в результате следования данному историческому принципу. При выборе этого исторического принципа они не могут руководствоваться тем, что он выглядит справедливым или честным, — в исходном положении использование таких понятий не разрешается. (Потому что в противном случае люди бы и там, как и здесь, спорили бы о том, чего требует справедливость.) Каждый индивид занимается расчетами, чтобы решить, в его ли интересах будет согласиться на этот исторический принцип распределения. В условиях действия исторического принципа оценки зависят от природных и развившихся способностей, от упорной работы, случайностей и других факторов, о которых люди в исходном положении почти ничего не знают. (Любому человеку было бы рискованно считать, что если он так хорошо рассуждает о принципах, значит, он принадлежит к числу интеллектуально более одаренных. Кто знает, какие блестящие аргументы крутятся в голове у других, которые по стратегическим соображениям никак себя не проявляют?)

* Я не имею в виду, что все преподаватели беспристрастны и даже что в университетах нужно выставлять оценки. Мне нужен только пример титульного права, детали которого более или менее общеизвестны, для того чтобы проанализировать процесс принятия решений в исходном положении. Экзаменационные оценки — это простой пример, хотя и не безупречный, поскольку эта практика связана с конечными общественными целями, которым она служит. Этим осложнением можно пренебречь, потому что, если бы они выбрали исторический принцип на том основании, что он эффективно служит этим целям, это только проиллюстрировало бы наш тезис о том, что их фундаментальные задачи и фундаментальные принципы ориентированы на конечное состояние.

В исходном состоянии каждый индивид будет делать что-нибудь вроде приписывания вероятностных распределений своей позиции по каждому из этих показателей. Представляется маловероятным, чтобы вероятностные вычисления каждого индивида привели к предпочтению исторического принципа титулов собственности (титульных прав) по сравнению с любым другим принципом. Рассмотрим принцип, который мы можем назвать обратным принципом титулов собственности. В соответствии с ним следует составить упорядоченный по величине список исторически сложившихся титулов собственности и дать максимальный титул индивиду, который имеет право на минимальный титул; следующий за максимальным титул — индивиду с наименьшим титулом, не считая минимального, и т.д.²⁷ Любые вероятностные вычисления эгоистических индивидов в исходном положении по Ролзу или любые вероятностные вычисления студентов из нашего примера приведут их к равной оценке принципа, основанного на титулах собственности, и обратного ему принципа с точки зрения соответствия их личным интересам! (На основании каких вычислений они могли бы сделать вывод, что один из принципов лучше другого?) Их расчеты не приведут их к выбору принципа, основанного на титулах собственности.

Природа проблемы, с которой сталкиваются люди, принимающие решение относительно принципов за завесой неведения в исходном состоянии, ограничивает их выбор принципами распределения, ориентированными на конечное состояние. Действующий в собственных интересах индивид оценивает любой принцип, не ориентированный на конечное состояние, с точки зрения того, подходит ли он ему лично; его расчеты применительно к любому принципу будут касаться его собственного конечного состояния в условиях действия принципа. (Эти расчеты включают труд, который ему еще предстоит, что не учитывается в примере с экзаменационными оценками, если не считать усилий, уже затраченных на учебу.) Таким образом, в случае с любым принципом индивид в исходном положении будет интересоваться распределением благ D , которое вытекает из этого принципа, или вероятностным распределением на множестве распределений D_1, \dots, D_n , к которым он может привести, а также тем, с какой вероятностью он сам займет каждую из позиций в каждом профиле распределения D_i , если этот профиль реализуется. Суть не изменится, если он не станет вычислять относящиеся лично

²⁷ Вспомним, однако, причины, по которым использование количественного измерения титулов собственности не может точно описать принцип, основанный на титулах собственности (см. в этой главе прим. на с. 202).

к нему вероятности, а воспользуется другими правилами принятия решений того рода, о которых говорят специалисты по теории принятия решений. В этих расчетах принцип исполняет лишь одну роль — он генерирует какое-то распределение благ (или что-либо еще, значимое для принимающих решения) или какое-то вероятностное распределение на множестве распределений благ. При сопоставлении разных принципов сравниваются только альтернативные распределения, которые они генерируют. В результате принципы выпадают из общей картины, и каждый индивид, исходящий из своих личных интересов, выбирает между разными распределениями в конечном состоянии. Индивиды в исходном положении либо прямо соглашаются с каким-либо распределением, соответствующим конечному состоянию, либо соглашаются на какой-то принцип; если они соглашаются на тот или иной принцип, то их выбор основан исключительно на оценке распределений, получающихся в конечном состоянии. Выбранные ими *фундаментальные* принципы — те, на которых все они могут согласиться, — *должны быть* принципами, основанными на конечном состоянии.

Конструкция Ролза не способна привести к исторической концепции распределительной справедливости или к концепции, основанной на титулах собственности. Исходя из принципов справедливости, основанных на конечном состоянии, которые получаются с помощью его процедуры, можно попытаться, добавив фактическую информацию, *вывести* исторические принципы, основанные на титулах, — в качестве производных принципов, подпадающих под нетитульную концепцию справедливости²⁸. Трудно понять, каким образом подобные попытки могут вывести и объяснить *конкретные* детали исторических титульных принципов. Всякий раз, когда из принципов, основанных на конечном состоянии, будет выводиться нечто приблизительно похожее на принципы присвоения, перехода и исправления, результаты будут поражать сходством с акробатическими упражнениями утилитаристов, с помощью которых они пытаются вывести из своей теории обычные нормы справедливости (или что-то, близкое к ним); такие попытки не приводят к желаемому результату и всегда порождают неверные обоснования

²⁸ Несколько лет назад Хайек доказал (*The Constitution of Liberty*, chap. 3), что свободное капиталистическое общество с течением времени улучшает положение наименее обеспеченных в большей степени, чем любая другая институциональная структура; если использовать нашу терминологию, он доказал, что *оно* лучше удовлетворяет ориентированному на конечное состояние принципу справедливости, сформулированному в виде принципа различия.

того результата, который хотелось бы получить. Если исторические титульные принципы являются фундаментальными, то конструкция Ролза может дать, в лучшем случае, их приблизительные версии; при этом она породит неверные типы обоснований для них, а полученные с ее помощью результаты периодически будут вступать в конфликт с точно сформулированными принципами. Сама процедура, в рамках которой индивиды выбирают принципы, находясь в исходном положении по Ролзу, исходит из предпосылки, что ни одна историческая титульная концепция справедливости не является верной.

На наш довод можно было бы возразить, что процедура Ролза разработана, чтобы *установить* все факты, относящиеся к справедливости; не существует никакого независимого понятия титула собственности, не выводимого в рамках его теории, с позиций которого эту теорию можно было бы критиковать. Но нам не требуется никакой *конкретной* развитой теории исторического типа, основанной на титулах собственности, в качестве базы для того, чтобы критиковать конструкцию Ролза. Если хотя бы один фундаментальный подход исторического типа, основанный на титулах собственности, верен, то теория Ролза неверна. Таким образом, у нас есть возможность дать структурную критику того типа теории, который представляет Ролз, и того типа принципов, которые должны из нее вытекать, без того чтобы сначала формулировать в качестве альтернативы конкретную теорию исторического типа, основанную на титулах собственности. Было бы неблагоприятно принять теорию Ролза и его трактовку проблемы, в соответствии с которой принципы справедливости выбирают рациональные, действующие в собственных интересах индивиды за занавесом неведения, пока мы не убедились, что не существует адекватной теории исторического типа, основанной на титулах собственности.

Поскольку конструкция Ролза не ведет к исторической или титульной концепции справедливости, у нее должна быть какая-то особенность (особенности), вследствие которой этого не происходит. Разве мы не сделали именно это — не указали ее конкретные особенности и не пришли в результате к мнению, что конструкция Ролза в принципе не способна привести к титульной или исторической концепции справедливости? Такая критика ничего не дала бы, потому что при таком подходе мы должны были бы сказать, что эта конструкция в принципе не способна привести к каким-либо концепциям, кроме той единственной, к которой она на деле приводит. Нет сомнений, что наша критика глубже (и я надеюсь, что читателю это ясно), но трудно сформулировать необходимый критерий глубины. Чтобы это не показалось неубедительным, добавим, что Ролз объясняет необходимость занавеса

неведения, той главной особенности, которая исключает возможность выбора концепции, основанной на титулах собственности, тем, что это должно помешать индивиду подобрать выгодные ему принципы, разработать принципы, благоприятные для его конкретных условий. Но занавес неведения обеспечивает не только это; он гарантирует, что ни тени соображений относительно титулов собственности не появится в рациональных расчетах находящихся в неведении, неморальных индивидов, вынужденных принимать решение в ситуации, отражающей некоторые формальные условия морали*. Возможно, в какой-нибудь конструкции, *похожей* на конструкцию Ролза, можно было бы обойтись условиями более слабыми, чем занавес неведения, чтобы исключить специальную подгонку индивидами принципов под себя, или, скажем, можно было бы сформулировать какую-нибудь другую характеристику «структурного типа», относящуюся к ситуации выбора, чтобы она отображала соображения, связанные с титулами собственности. Но в нынешнем виде конструкции Ролза соображения, связанные с титулами собственности, никак не отражаются на ситуации индивидов в исходном положении; соображения титульных прав не упоминаются даже для того, чтобы быть опровергнутыми, признанными несущественными или отвергнутыми иным образом. Поскольку в структуре ситуации индивидов в исходном положении нет ни малейшего отблеска принципов, основанных на титулах собственности, эти принципы никоим образом не могут быть выбраны; и конструкция Ролза в принципе не способна к ним привести. Это не значит, конечно, что принцип, основанный на титулах собственности (или «принцип естественной свободы»), не мог бы быть *включен* в список принципов, которые рассматривают индивиды в исходном положении. Но Ролз не делает даже этого, возможно, в силу предельной ясности того, что не было бы никакого смысла рассматривать тот принцип в *таких* условиях.

* Кто-то может подумать, что принципы титулов собственности должны рассматриваться как специально сконструированные морально недопустимым образом, и на этом основании он мог бы отвергнуть мое утверждение, что занавес неведения достигает большего, чем заявляет Ролз. Поскольку специально сконструировать принципы означает сконструировать их *нечестно ради получения личного преимущества*, и поскольку проблема состоит как раз в честности принципа, основанного на титулах собственности, сложно сказать, что не требует доказательств: моя критика непроницаемости занавеса неведения или защита от этой критики, которую я предложил в этом примечании.

Макро и микро

Выше мы упоминали возражение, ставящее под сомнение существование независимого понятия титулов собственности. Это связано с настойчивым утверждением Ролза, что сформулированные им принципы должны действовать только на уровне фундаментальной макроструктуры общества в целом, и что никакие контрпримеры на микроуровне их не опровергают. Принцип различия на первый взгляд является *нечестным* (хотя это не будет волновать того, кто принимает решение в исходном положении), и в доказательство этого можно привести массу простых и понятных примеров, относящихся к житейским ситуациям, в которых легко разобраться и с которыми нетрудно справиться. Но Ролз и *не* утверждает, что принцип различия применим во всех случаях, — только к базовым структурам общества. Как нам решить, применим ли он в том случае? Поскольку у нас может быть мало оснований доверять своей интуиции и суждениям о справедливости общественной структуры в целом, можно попробовать помочь нашей способности суждения, обратившись к микроситуациям, которые мы хорошо понимаем. Для многих из нас важной частью процесса достижения того, что Ролз называет «рефлексивным равновесием», являются мысленные эксперименты, когда мы испытываем принципы на гипотетических микроситуациях. Если после нашего тщательного рассмотрения принципы окажутся неприменимы к ним, то они не универсальны. И мы можем считать, что, поскольку правильные принципы справедливости *имеют* универсальную применимость, те принципы, что не выдерживают проверки микроситуациями, не могут быть правильными. Такова наша традиция, по меньшей мере со времен Платона: принципы можно проверять и на большом, и на малом. Платон полагал, что принципы легче разглядеть в большом масштабе, другие могут придерживаться противоположного мнения.

Ролз, однако, рассуждает так, как будто в макро- и в микроконтекстах, к базовым структурам общества и к ситуациям, которые мы можем оценить и понять, применимы разные принципы. Действительно ли фундаментальные принципы справедливости таковы, что их можно применять только по отношению к самой крупной общественной структуре, но не к ее частям? Пожалуй, можно представить себе возможность того, что социальная структура в целом является справедливой, хотя ни одна из ее частей справедливой не является, потому что несправедливость в каждой части каким-то образом уравнивает или нейтрализует другую, так что в результате суммарная несправедливость уравнивается или обнуляется. Но может ли какая-то часть удовлетворять наиболее фундаментальному принципу справедливости, но при этом все равно

быть несомненно несправедливой, независимо от того, насколько неудачно она справляется с предполагаемой задачей уравнивания другой существующей несправедливости? Может быть и так, если та часть относится к некоей особой сфере. Но, несомненно, если обычная, нормальная, повседневная часть социальной структуры, не имеющая никаких крайне необычных особенностей, удовлетворяет фундаментальным принципам справедливости, то она должна оказаться справедливой; в противном случае требуются отдельные объяснения. Нельзя просто сказать, что речь идет о принципах, применимых только к фундаментальной структуре, и контрпримеры на микроуровне не имеют значения. В силу каких характеристик базовой структуры, отсутствующих на микроуровне, к ней применимы особые моральные принципы, которые были бы неприемлемы во всех остальных случаях?

Есть особые неудобства в том, чтобы рассуждать, опираясь только на интуитивную справедливость описанных сложных целостностей. Сложные целостности трудно описать; мы не можем с легкостью отслеживать все, что в них является значимым. Справедливость общества в целом может зависеть от того, удовлетворяет ли оно некоторому количеству отдельных принципов. Взятые по отдельности, эти принципы могут быть неоспоримы (о чем свидетельствует их применение в широком диапазоне отдельных микроситуаций), но в сочетании они могут давать поразительные результаты. То есть может вызвать удивление то, какие именно институциональные формы (и только они) удовлетворяют всем принципам вместе взятым. (Сравните с удивлением от открытия, что именно (и только это) удовлетворяет некоторому количеству различных и по отдельности неоспоримых условий адекватности; и насколько поучительны такие открытия.) Или, возможно, это один простой принцип, который надо рассматривать применительно к большому объекту, — и то, как в этом случае все выглядит, на первых порах кажется поразительным. Я утверждаю не то, что с увеличением масштаба возникают новые *принципы*, а то, что способ, которым старые микропринципы удовлетворяются в большом, может вызвать удивление. Если это так, то отпадает необходимость зависеть от суждений о целом как от единственного или хотя бы даже главного источника данных, на которых можно проверить наши принципы. Один из главных путей к изменению наших интуитивных суждений о некоем сложном целом идет через анализ крупномасштабных и часто поразительных следствий из принципов, имеющих убедительное обоснование на микроуровне. Сходным образом признание ошибочности или ложности собственных суждений, несомненно, часто будет включать опровержение их путем последовательного применения принципов, проверенных на микроуровне. По этим причинам

попытка защитить принципы путем отказа от проверки на микроуровне нежелательна.

Единственное основание, которое я смог придумать для отказа учитывать результаты проверки фундаментальных принципов на микроуровне, заключается в том, что микроситуации могут включать в себя конкретные титулы собственности. Данный ход мысли продолжается следующим образом: разумеется, рассматриваемые фундаментальные принципы окажутся в конфликте с этими титулами, потому что принципы должны действовать на более глубоком уровне, чем такого рода титулы. Поскольку они должны действовать на уровне, лежащем в основе таких титулов собственности, ни одна микроситуация, которая включает титулы собственности, не может служить примером, на котором проверяются эти фундаментальные принципы. Заметим, что в этом рассуждении предполагается, что процедура Ролза исходит из того, что любой фундаментальный подход с позиций титулов собственности неверен и что существует некий настолько глубокий уровень, что никакие титулы на нем не действуют.

Можно ли отнести все титулы собственности к относительно поверхностным уровням? Например, титулы собственности людей на части собственного тела? Применение принципа максимизации положения наименее обеспеченных вполне могло бы включать принудительное перераспределение человеческих органов («вы были зрячим все эти годы, что ж, теперь один или даже оба ваших глаза должны быть пересажены другим») или убийство некоторых людей для того, чтобы использовать их органы для пересадки тем, кто в противном случае умер бы молодым²⁹. Приведение таких примеров выглядит слегка истерично. Но, анализируя запрет Ролза на использование микроуровневых контрпримеров, мы вынуждены обращаться к крайним примерам. То, что не все титулы собственности на микроуровне можно убедительно интерпретировать как поверхностные, а следовательно, как материал, который нельзя правомерно использовать для проверки наших предполагаемых принципов, становится особенно ясным в случае, когда мы обращаемся к тем титулам собственности и правам, которые очевидно не имеют социальной или институциональной основы. На основании чего такие случаи, подробное описание которых я оставляю на усмотрение читателей с извращенным вкусом, объявляются недопустимыми? На основании чего можно утверждать, что фундаментальные принципы справедливости должны применяться только к фундаментальной институциональной структуре

²⁹ Это особенно серьезно в свете слабости оснований Ролза (§82) для помещения принципа свободы перед принципом различия в лексикографическом упорядочении.

общества? (Разве мы не могли бы вписать практику перераспределения человеческих органов или принудительного прекращения человеческой жизни в фундаментальную структуру общества?)

Есть некая ирония в том, что мы критикуем теорию Ролза за ее фундаментальную несовместимость с концепциями справедливости исторического типа, основанными на титулах собственности. Ведь сама по себе теория Ролза описывает (понимаемый абстрактно) процесс, имеющий результат. Он не приводит прямых аргументов, дедуктивно выводящих два его принципа справедливости из других утверждений, которые их подразумевают. Любая дедуктивная формулировка аргументации Ролза содержала бы метаутверждения, т.е. утверждения относительно принципов, например: любые принципы, о которых договорились индивиды в некоторой ситуации, верны. В сочетании с аргументом, доказывающим, что люди в определенной ситуации пришли бы к согласию относительно принципов *P*, можно сделать вывод, что *P* верны, а затем логически вывести эти *P*. Иногда по ходу аргументации «*P*» появляется в кавычках, чтобы отличать этот аргумент от прямых дедуктивных аргументов в пользу истинности *P*. Вместо того чтобы дать прямой дедуктивный вывод, описываются ситуация и процесс, и считается, что *любые* принципы, которые возникли бы из этой ситуации и этого процесса, представляют собой принципы справедливости. (Здесь я не учитываю сложную взаимосвязь между тем, какие принципы справедливости хочется получить, и тем, как описывается исходная ситуация.) Подобно тому, как для сторонника теории, основанной на титулах собственности, любой набор отношений владения имуществом, возникающий в результате легитимного процесса (соответствующего принципу перехода) является справедливым, для Ролза любой набор принципов, возникающий из исходного положения в результате вынужденного процесса достижения единодушного согласия, является набором (правильных) принципов справедливости. Каждая теория устанавливает точку отсчета и процесс преобразования, и каждая принимает получающийся результат. Согласно каждой из теорий, какой бы результат ни был получен, его следует принять в силу его происхождения, его истории. Любая теория, которая включает некий процесс, должна начинать с чего-то, что *само по себе* не является результатом данного процесса и не имеет соответствующего обоснования (в противном случае ей следует начать еще раньше), а именно либо с общих утверждений, доказывающих фундаментальную первичность процесса, либо с самого процесса. И теория, основанная на титулах собственности, и теория Ролза имеют дело с процессом. Теория, основанная на титулах собственности, описывает процесс, генерирующий наборы отношений владения имуществом. Три принципа справедливости (присвоения, перехода и исправления), которые

лежат в основе этого процесса, имея этот процесс в качестве своего объекта, сами являются принципами распределительной справедливости, основанными на процессе, а не принципами, основанными на конечном состоянии. Они определяют протекающий процесс, *не* фиксируя, чем он должен завершиться, и *не* устанавливая обязательного внешнего калиброванного критерия для его результата. Теория Ролза, чтобы сгенерировать принципы справедливости, вводит процесс *P*. В этом процессе *P* участвуют люди, которые, находясь в исходном положении и за занавесом неведения, достигают согласия по поводу принципов справедливости. Согласно Ролзу, любые принципы, возникшие в результате такого процесса *P*, будут принципами справедливости. Но этот процесс *P*, генерирующий принципы справедливости, не может, как мы уже убедились, сам сгенерировать принципы, основанные на процессе, в качестве фундаментальных принципов справедливости. *P* неизбежно генерирует принципы, основанные на конечном состоянии или конечном результате. Несмотря на то что принцип различия, согласно теории Ролза, должен применяться к идущему и продолжающемуся институциональному процессу (который включает производные титульные права, основанные на институциональных ожиданиях в рамках этого принципа, а также производные элементы чистой процедурной справедливости и т.п.), он является принципом, основанным на конечном результате (но не принципом, основанным на *текущем* временном срезе). Принцип различия устанавливает, к чему должен привести идущий процесс, и предлагает внешний калиброванный критерий, которому должен отвечать результат; любой процесс, не соответствующий этому критерию, отвергается. То, что принцип регулирует непрерывный институциональный процесс, не делает его принципом, основанным на процессе. В противном случае принцип утилитаризма также был бы принципом, основанным на процессе, а не принципом, основанным на конечном результате, каковым он является.

Таким образом, структура теории Ролза создает дилемму. Если процессы столь замечательны, то теория Ролза дефектна, потому что она не способна вывести принципы справедливости, основанные на процессе. Если же процессы не столь замечательны, то принципы, полученные Ролзом с помощью процесса *P* для генерирования принципов, получают недостаточную поддержку. Контрактные аргументы содержат положение, утверждающее, что все, что возникает из некоторого процесса, справедливо. На этом фундаментальном положении основана сила контрактного аргумента. В таком случае несомненно, что ни один контрактный аргумент не должен быть структурирован таким образом, чтобы заранее исключать принципы, основанные на процессе, из числа тех фундаментальных принципов распределительной справедливости,

по которым оцениваются общественные институты; ни один контрактный аргумент не должен быть структурирован так, чтобы исключать ситуацию, в которой его результаты будут того же рода, что и предпосылки, на которые он опирается³⁰. Если процессы достаточно хороши, чтобы лежать в основе теории, то они достаточно хороши и для того, чтобы быть возможным результатом этой теории. И по-другому никак нельзя.

Необходимо заметить, что принцип различия — это особенно сильная разновидность калиброванного по паттерну принципа, основанного на конечном состоянии. Будем говорить, что принцип распределения является *органическим*, если несправедливое в соответствии с этим принципом распределение может быть получено из справедливого в соответствии с ним распределения путем удаления (мысленно) некоторых людей и долей, доставшихся этим людям в результате распределения. Органические принципы делают упор на особенности, зависящие от общего паттерна. Напротив, калиброванные принципы вида «каждому в соответствии с его баллами по конкретной естественной шкале *D*» не являются органическими принципами. Если какое-то распределение соответствует такому принципу, оно будет соответствовать ему и после того, как некоторые люди и их имущество будут удалены, потому что их удаление не затронет соотношений между долями оставшихся и соотношений между их баллами по шкале *D*. Эти неизменившиеся соотношения будут такими же, как прежде, и будут по-прежнему соответствовать принципу.

Принцип различия является *органическим*. Если удалить из ситуации наименее благополучную группу и ее имущество, нет гарантии, что результирующая ситуация и результирующее распределение максимизируют положение новой наименее благополучной группы. Возможно, что новая «нижняя» группа могла бы иметь больше, если бы «верхняя» группа получила еще меньше (хотя передать имущество от «верхней» группы прежней «нижней» группе было невозможно)*.

³⁰ «Идея исходного положения заключается в установлении честной процедуры, в результате которой любые принципы, ставшие итогом соглашения, будут справедливы. Цель состоит в использовании понятия чисто процедурной справедливости в качестве основания теории». Rawls, *Theory of Justice*, p. 136 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 127].

* Таким образом, принцип различия создает два конфликта интересов: между теми, кто внизу, и теми, кто наверху; и между теми, кто в середине, и теми, кто внизу, потому что если убрать «нижних», то принцип различия мог бы улучшить положение средних, поскольку они стали бы новой нижней группой, положение которой должно быть максимизировано.

Органическим принципам свойственна неспособность удовлетворить условию удаления (т.е. чтобы после удаления людей и их имущества распределение оставалось справедливым). Рассмотрим также условие объединения, которое состоит в том, что если два распределения (для разных групп индивидов) справедливы, то справедливым является и распределение, представляющее собой комбинацию этих двух справедливых распределений. (Если распределение на Земле справедливо и распределение на какой-то планете в системе одной из удаленных звезд справедливо, то и сумма этих двух распределений справедлива.) Принципы распределения типа «каждому в соответствии с его баллами по конкретной естественной шкале» нарушают это условие, и поэтому (будем говорить, что) они *неагрегирующие*. Ведь хотя внутри каждой группы все соотношения долей в распределении соответствуют соотношению баллов на шкале *D*, это соответствие *между* индивидами из разных групп не обязательно имеет место*. Принцип справедливости владения имуществом, основанный на титулах собственности, удовлетворяет и условию ликвидации, и условию объединения; т.е. принцип, основанный на титулах собственности, является неорганическим и агрегирующим.

Нельзя оставить тему свойств принципа различия, не упомянув любопытного, но, как я полагаю, ошибочного предположения Томаса Скенлона о том, что «не существует убедительного принципа, который был бы отличен от принципа различия и занимал бы промежуточное положение между ним и абсолютным равенством»³¹. Как так может быть, чтобы не было ни одного убедительного принципа равенства, за исключением абсолютного равенства, который исключал бы большое неравенство ради *незначительной* выгоды репрезентативного индивида из числа беднейших? Для эгалитариста неравенство является издержками, «фактором со знаком минус». Последовательный эгалитарист не допускает вообще никакого неравенства, т.е. считает издержки неравенства бесконечно большими. Принцип различия допускает *любую* величину этих издержек, если есть хотя бы *какая-нибудь*,

* Пусть во второй группе есть индивиды, чьи баллы по шкале *D* в два раза меньше, а доля — в два раза больше, чем у соответствующих индивидов из первой группы, тогда как в первой группе соотношения между долями двух любых индивидов и их баллами по шкале *D* одинаковы. Отсюда следует, что *внутри* второй группы соотношение между долями двух любых индивидов будет таким же, как соотношение между их баллами. Но между группами такой идентичности соотношений *не* будет.

³¹ Thomas Scanlon, Jr., "Rawls' Theory of Justice," *University of Pennsylvania Law Review*, 121, No. 5, May 1973, p. 1064.

сколь угодно малая выгода (для самой обездоленной группы). Он не считает издержки от неравенства существенными. Я сформулировал свой комментарий так, чтобы на ум сразу приходил следующий принцип, который мы назовем Универсальный Эгалитарный Принцип №1: неравенство оправдано, только если выгода от него больше, чем связанные с ним издержки. Следуя Ролзу, предположим, что выгоды от неравенства — это выгоды только наименее обеспеченной группы. Как измерить издержки (да еще таким образом, чтобы они были сопоставимы с выгодами)? Издержки должны представлять всю сумму существующего в обществе неравенства, которое можно было бы трактовать по-разному. Давайте считать мерой неравенства (и соответственно его издержек) в конкретной системе разницу между положением типичного представителя самых благополучных и типичного представителя наименее благополучных. Пусть X_W — доля типичного представителя наименее благополучных в системе X , а X_B — доля типичного представителя самых благополучных в той же системе. Пусть E — действенная система, основанная на равенстве (в которой доля каждого не меньше, чем в любой другой эгалитарной системе). $E_B = E_W$. Таким образом, мы получаем следующее Первое Определение Универсального Эгалитарного Принципа №1. (Другие определения будут использовать другие меры неравенства.) Система неравенства U неоправдана, если $U_B - U_W > U_W - E_W$. (Или должно быть \geq ?) Неравенство оправдано, только если его выгода для наименее благополучных $U_W - E_W$ больше (или равна?) издержкам неравенства, которые составляют $U_B - U_W$. (Заметьте, что все эти рассуждения включают измерение на интервальной шкале и межличностные сравнения.) Эгалитарист может найти привлекательной эту промежуточную позицию, а данный принцип является более сильным эгалитарным принципом, чем принцип различия.

Существует еще более строгий эгалитарный принцип, не являющийся чистым эгалитаризмом, который основан на соображениях, сходных с теми, которые ведут к отказу от простого принципа сопоставления издержек и выгод в контексте моральных проблем³². Это дало бы нам Универсальный Эгалитарный Принцип №2: система неравенства U оправдана, только если а) выгоды от нее превышают издержки, и б) не существует другой системы неравенства S с меньшим неравенством, так чтобы дополнительные выгоды U по отношению к S не перевешивали бы дополнительные издержки U по отношению к S . Как и в предыдущем случае, рассматривая $X_B - X_W$ как издержки от неравенства

³² См.: Nozick, "Moral Complications and Moral Structures," *Natural Law Forum*, 13, 1968, pp. 11–21.

в системе X , мы получаем следующее Первое Определение Универсального Эгалитарного Принципа №2: система неравенства U оправдана, только если

$$а) \quad U_W - E_W > U_B - U_W$$

и

б) не существует системы S , такой, что

$$S_B - S_W < U_B - U_W$$

и

$$U_W - S_W \leq (U_B - U_W) - (S_B - S_W).$$

(Утверждение (б) означает: не существует системы S с меньшим неравенством, чем U , такой, чтобы дополнительные выгоды U по отношению к S были меньше или равны дополнительным издержкам.)

В порядке возрастания строгости эгалитаризма мы имеем: принцип различия, первое определение Универсального Эгалитарного Принципа №1, первое определение Универсального Эгалитарного Принципа №2 и принцип строгого равенства (выбери E). Нет сомнений, что для эгалитариста два средних варианта были бы более привлекательны, чем принцип различия. (Эгалитариста могло бы заинтересовать, какие изменения в структуре Исходного Положения или в природе оказавшихся в нем индивидов обеспечили бы выбор одного из этих эгалитарных принципов.) Лично я, разумеется, не считаю эти эгалитарные принципы верными. Но их рассмотрение помогает точно оценить, насколько эгалитарен принцип различия, и опровергает утверждение, что это самый эгалитарный из возможных принципов, за исключением абсолютного равенства. (Возможно, впрочем, Скенлон имеет в виду, что любой более строгий эгалитарный принцип должен был бы оценить абсолютные издержки неравенства, в то время как теоретические обоснования, которые позволяли бы точно приписать значение таким издержкам, отсутствуют.)

Следует упомянуть один способ, с помощью которого можно получить из исходного положения по Ролзу еще более эгалитарные принципы. Ролз представил себе рациональных, преследующих собственные интересы индивидов, которые за занавесом неведения выбирают принципы для регулирования своих институтов. Далее, в третьей части книги, он представляет себе, что у людей, которые выросли в обществе, воплощающем эти принципы, разовьется чувство справедливости и особая психология (отношение к другим и т. п.). Назовем это Фазой I рассуждения. Фаза II рассуждения предполагала бы, что эти люди, которые являются результатом

Фазы I и деятельности общества, организованного по принципам Фазы I, помещаются в исходное положение. Исходное положение в Фазе II содержит индивидов, психология и чувство справедливости которых являются продуктом Фазы I, а не (просто) рациональных и преследующих собственные интересы. Теперь эти люди выбирают принципы регулирования общества, в котором они должны жить. Будут ли принципы, которые они выбирают в Фазе II, теми же принципами, которые выбрали другие индивиды в Фазе I? Если нет, представим себе людей, выросших в обществе, воплощающем принципы Фазы II, определим их психологию, а затем поместим этих индивидов, являющихся продуктом Фазы II, в исходное положение Фазы III, и продолжим этот итеративный процесс. Будем говорить, что итеративное повторение исходного положения приводит к конкретным принципам P , если 1) существует Фаза n , в исходном положении которой выбирается P , и P также выбирается в исходном положении Фазы $n+1$, или 2) если новые принципы выбираются в каждой новой фазе исходного положения, то эти принципы в пределе сходятся в P . В противном случае итерации исходного положения не приводят к конкретным принципам, например, последовательные исходные положения фаз колеблются между двумя наборами принципов.

Являются ли два принципа Ролза результатом итеративного повторения исходного положения, т.е. выберут ли люди, чью психологию Ролз считает результатом действия двух его принципов, те же самые принципы в Фазе II исходного положения? Если да, то это усилило бы результат Ролза. В противном случае возникает вопрос — порождает ли исходное положение какие-либо принципы, на каком этапе они возникают (или только в пределе) и что конкретно представляют собой эти принципы. Представляется, что это была бы интересная тема исследований для тех умов, которые, несмотря на мои аргументы, предпочтут работать в рамках подхода Ролза.

Естественные преимущества и произвольность

Ближе всего к рассмотрению системы титулов собственности Ролз подходит при обсуждении того, что он именует системой естественной свободы.

«Система естественной свободы выбирает эффективное распределение примерно следующим образом. Из экономической теории мы знаем, что при некоторых стандартных предположениях о конкурентном экономическом рынке доходы и богатство распределяются эффективным путем, конкрет-

ное эффективное распределение, которое действует в некоторый период времени, определяется исходным распределением достояния (т.е. исходным распределением доходов и богатства, естественных талантов и способностей). Каждое исходное распределение дает свой эффективный результат. Таким образом, оказывается, что, если мы хотим признать результат справедливым, а не просто эффективным, мы должны принять базис, на котором в течение времени устанавливается исходное распределение достояния.

В системе естественной свободы исходное распределение регулируется механизмами, в неявном виде входящими в концепцию карьер, открытых талантам (согласно предыдущим определениям). Эти механизмы предполагают в качестве сопутствующих обстоятельств равные свободы (как это специфицируется первым принципом) и свободную рыночную экономику. Они требуют формального равенства возможностей в том, что все имеют, по крайней мере, одни и те же законные права доступа ко всем выгодным социальным положениям. Но так как равенство, или одинаковость, социальных условий не сохраняется и поддерживается лишь в той мере, какая требуется для сохранения требуемых сопутствующих институтов, исходное распределение достояния некоторое время находится под сильным влиянием естественных и социальных случайностей. Существующее распределение, скажем, доходов и богатства, есть кумулятивный эффект предшествующих распределений естественных достояний — т.е. естественных талантов и способностей: были ли они реализованы или остались невостребованными, и поощрялось или осложнялось ли их использование в какое-то время социальными обстоятельствами и такими случайностями, как шанс и удача. Интуитивно, наиболее явная несправедливость системы естественной свободы выражается в том, что распределение находится под влиянием совершенно неподходящих факторов, столь произвольных с моральной точки зрения»³³.

³³ Rawls, *Theory of Justice*, p. 72 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 74–75]. Далее Ролз переходит к обсуждению того, что он называет либеральной интерпретацией двух его принципов справедливости, которая предназначена для устранения влияния социальных случайностей, но которой «интуитивно присущи некоторые недостатки. ...она все еще позволяет распределение богатства и доходов в зависимости от естественного распределения способностей и талантов. ...долевое распределение является результатом естественной лотереи, и этот результат произволен с моральной точки зрения. Нет больше причин позволять распределению доходов и богатства быть зависимым от распределения природных дарований в большей степени, чем от исторического и социального везения» [русск. пер.: Там же. С. 76].

Здесь перед нами причина, по которой Ролз отвергает систему естественной свободы: она «разрешает» ненадлежащую зависимость распределенных долей от факторов, столь произвольных с моральной точки зрения. Эти факторы — «предшествующие распределения естественных талантов и способностей» — были ли они реализованы или остались невостребованными, и поощрялось или осложнялось ли их использование в какое-то время социальными обстоятельствами и такими случайностями, как шанс и удача». Заметьте, что здесь вообще нет упоминания о том, как люди сами развивали свои естественные, полученные от природы дарования. Почему это просто исчезло из рассмотрения? Возможно, потому что такие решения также рассматриваются как результат факторов, находящихся вне контроля индивида, а потому «произвольных с моральной точки зрения». «То, что мы заслужили более сильный характер, который позволяет нам культивировать наши способности, равно проблематично, потому что обладание таким характером весьма сильно зависит от удачных семейных и социальных обстоятельств в ранний период жизни, которые мы не можем поставить себе в заслугу»³⁴. (Какое понимание характера и его отношения к действию предполагается здесь?) «Изначальное наделение природными задатками и случайности их развития и культивирования в раннем возрасте с моральной точки зрения произвольны... усилия, которые готов предпринять человек, зависят от его природных способностей и умения и от открытых для него альтернатив. Более талантливые скорее (при прочих равных условиях) будут предпринимать добросовестные усилия...»³⁵ Эта линия аргументации может успешно блокировать необходимость введения фактора независимого выбора и действий индивида (и их результатов), только если все, что в конкретном человеке заслуживает внимания, будет полностью отнесено на счет тех или иных «внешних» факторов. Такое принижение автономности человека и его ответственности за свои действия — это рискованный ход для теории, которая в других отношениях желает укрепить достоинство и самоуважение независимых индивидов; особенно для теории, в которой столь многое (в том числе теория добра) основано на выборе индивидов. Есть сомнения в том, что приземленное представление о человеческих существах, из которого исходит теория Ролза и на которое она опирается, можно совместить с идеей достоинства человека, которое, по замыслу, она должна отстаивать и воплощать.

³⁴ Rawls, *Theory of Justice*, p. 104 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 100].

³⁵ Rawls, *Theory of Justice*, p. 311–312 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 274–275].

Прежде чем перейти к исследованию причин, по которым Ролз отвергает систему естественной свободы, необходимо обратить внимание на то, в какой ситуации находятся те, кто пребывает в исходном положении. Система естественной свободы — это одна из *интерпретаций* принципа, который (согласно Ролзу) они *принимают*: все виды социального и экономического неравенства должны быть устроены так, чтобы от них можно было бы разумно ожидать, что они принесут выгоду всем, и они должны быть связаны с позициями и должностями, доступ к которым открыт всем. Остается неясным, действительно ли индивиды в исходном положении явным образом рассматривают все возможные интерпретации этого принципа и делают выбор между ними, хотя это кажется наиболее разумным подходом. (В приведенном Ролзом на с. 124 [русск. пер.: с. 118] перечне концепций справедливости, которые входят в число рассматриваемых в исходном положении, *нет* системы естественной свободы.) Несомненно, что они явным образом рассматривают по крайней мере одну интерпретацию — принцип различия. Ролз не сообщает, почему в исходном положении индивиды, рассмотрев систему естественной свободы, отвергли бы ее. Для них не может быть причиной то, что она ставит итоговое распределение в зависимость от *морально* произвольного распределения естественных преимуществ. Как мы уже убедились, нам следует предположить, что эгоистический расчет индивидов в исходном положении не приводит их (и не может привести) к выбору принципа, основанного на титулах собственности. Однако в наших оценках мы и Ролз исходим из разных соображений.

Ролз в явном виде *сконструировал* исходное положение и соответствующую ситуацию выбора с целью воплотить и реализовать свое негативное рефлексивное отношение к тому, чтобы допустить влияние естественных преимуществ на распределение имущественных долей: «Раз мы решили искать такую концепцию справедливости, в которой предотвращается использование случайностей природных дарований и социальных обстоятельств...»³⁶ (Ролз многократно возвращается в разных местах к теме нейтрализации случайностей природных дарований и социальных обстоятельств.) Эти поиски наложили заметный отпечаток на теорию Ролза и на его конструкцию исходного положения. Дело не в том, что люди, которые *заслужили* свои природные дарования, сделали бы другой выбор, находясь в исходном положении по Ролзу, а в том, что относительно таких индивидов Ролз, вероятно, не настаивал бы на том, что принципы справедливости, регулирующие их взаимоотношения, должны быть определены тем,

³⁶ Rawls, *Theory of Justice*, p. 15 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 29].

что они выбрали бы в исходном положении. Полезно помнить, в какой степени конструкция Ролза опирается на этот фундамент. Например, Ролз доказывает, что некоторые эгалитарные требования мотивированы возмущением против несправедливости, а не завистью, поскольку они соответствуют двум его принципам справедливости³⁷. Этот аргумент можно легко опрокинуть, как прекрасно понимает Ролз³⁸, если соображения, на которые опирается исходное положение (и которые порождают два принципа справедливости), сами включают зависть или основаны на ней. Таким образом, кроме желания понять, на каком основании Ролз отвергает альтернативные концепции и насколько убедительна его критика теории, основанной на титулах собственности, причины, внутренние по отношению к его теории, могут служить мотивами для исследования корней его требования о том, чтобы концепция справедливости была направлена на нейтрализацию различий в социальных обстоятельствах и природных дарованиях (и любых различий в порождаемых ими социальных обстоятельствах).

Почему имущественные владения не должны даже отчасти зависеть от естественных дарований? (Они будут также зависеть и от того, какое развитие получают эти дарования и как они будут использованы.) Ролз отвечает, что естественные дарования и преимущества, будучи незаслуженными, «произвольны с моральной точки зрения». Этот ответ можно понять двояко: он мог бы быть частью аргумента в пользу того, что распределительные эффекты естественных различий должны быть сведены к нулю (я буду называть его положительным аргументом); либо он мог бы быть частью аргумента, направленного против возможного контраргумента, утверждающего, что распределительные эффекты естественных различий не следует сводить к нулю (я буду называть его отрицательным аргументом). Если положительный аргумент пытается доказать, что распределительные эффекты естественных различий должны быть сведены к нулю, то отрицательный, который просто опровергает аргумент, утверждающий, что распределительные эффекты естественных различий не следует сводить к нулю, оставляет открытой возможность, что (по другим причинам) эти различия не следует сводить к нулю. (Отрицательный аргумент также оставляет возможность морального *безразличия*

³⁷ Rawls, *Theory of Justice*, pp. 538–541 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 467–468].

³⁸ «Чтобы показать, что принципы справедливости основаны частично на зависти, нужно было бы установить, что одно или несколько условий исходного положения возникают из этой склонности» (Rawls, *Theory of Justice*, p. 538 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 467]).

по отношению к тому, должны ли распределительные эффекты естественных различий быть сведены к нулю; обратите внимание на разницу между высказыванием вида «это должно быть так» и высказыванием вида «неверно, что это не должно быть так».)

Положительный аргумент

Начнем с положительного аргумента. Каким образом мнение, что различия в природных дарованиях случайны с моральной точки зрения, может служить аргументом в пользу того, что имущественные различия, происходящие из различий в естественных преимуществах, должны быть сведены к нулю? Мы рассмотрим четыре возможных аргумента; первым будет следующий аргумент А.

1. Любой индивид должен морально заслужить свое имущество; не должно быть так, чтобы люди обладали имуществом, которого они не заслуживают.
2. Люди не заслужили морально свои естественные преимущества.
3. Если *X* индивида частично определяет его *Y* и его *X* является незаслуженным, то же самое относится к его *Y*.

Следовательно,

4. Имущество людей не должно частично определяться их естественными преимуществами.

Этот аргумент будет замещать другие, похожие на него, но более сложные³⁹. Однако Ролз недвусмысленно и решительно отвергает распределение в соответствии с моральными заслугами: «Здравый смысл склонен предполагать, что доход, богатство и вообще

³⁹ Например:

1. Различия в имущественных владениях двух любых индивидов должны быть морально заслуженными; морально незаслуженных различий существовать не должно.
2. Различия в естественных преимуществах индивидов являются морально незаслуженными.
3. Различия между людьми, частично определяемые другими, незаслуженными различиями, также являются незаслуженными.

Следовательно,

4. Различия в имущественных владениях людей не должны частично определяться различиями в их естественных преимуществах.

хорошие вещи в жизни должны распределяться в соответствии с моральными заслугами. Справедливость — это счастье в соответствии с добродетелью. Хотя и признается, что этот идеал никогда не может быть полностью реализован, это подходящая концепция справедливости, по крайней мере в качестве *prima facie*[‡] принципа, и общество должно пытаться его реализовать, как только это позволят обстоятельства. Справедливость как честность отвергает эту концепцию. Такой принцип не был бы выбран в исходном положении»⁴⁰.

Таким образом, Ролз не мог бы принять посылку, похожую на первую посылку аргумента А, а потому ни один из вариантов этого аргумента не лежит в основе отвержения им различий в долевом распределении, вытекающих из незаслуженных различий в естественных преимуществах. Ролз не только отвергает посылку 1, его теория ей не коэкстенсивна. Он одобряет стимулирование индивидов, если это улучшает положение наименее обеспеченных, а это зачастую будет иметь место именно из-за их естественных преимуществ, так что в результате они получат большие доли. Ранее мы отметили, что концепция справедливости владения имуществом, основанная на титулах собственности, не являясь концепцией, калиброванной по паттерну, также не приемлет распределения в соответствии с моральными заслугами. Любой индивид имеет право отдать любому другому индивиду любое имущество, на которое он имеет титул собственности, вне зависимости от того, имеет ли получатель достаточные моральные заслуги, чтобы быть получателем. Принцип «каждому в соответствии с легитимными титулами собственности, которые были переданы ему легитимным образом» не является калиброванным по паттерну.

Если аргумент А и его первая посылка отвергнуты, не совсем понятно, как построить положительный аргумент. Рассмотрим следующий аргумент В.

1. Имущество должно распределяться в соответствии с паттерном, не являющимся произвольным с точки зрения морали.
2. То, что люди имеют разные естественные преимущества, произвольно с моральной точки зрения.

[‡] Принимаемый в отсутствие доказательств в пользу противного (лат.). — Прим. науч. ред.

⁴⁰ Rawls, *Theory of Justice*, p. 310 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 273]. И до конца этого раздела Ролз продолжает критиковать концепцию распределения в соответствии с моральными заслугами.

Следовательно,

3. Имущество не должно распределяться в соответствии с естественными преимуществами.

Но различия в естественных преимуществах могут *коррелироваться* с другими различиями, которые не являются произвольными с моральной точки зрения и которые явно могут иметь моральное значение для вопросов распределения. Например, Хайек доказал, что в условиях капитализма распределение обычно соответствует воспринимаемой полезности для других. Поскольку различия в естественных преимуществах породят различия в способности приносить пользу другим, между различиями в распределении и различиями в естественных преимуществах будет иметь место определенная корреляция. Принципом системы *не* является распределение в соответствии с естественными преимуществами; но в системе, принцип которой состоит в распределении в соответствии с воспринимаемой полезностью для других, различия в естественных преимуществах приведут к различию во владении имуществом. Если вывод 3 вышеприведенного рассуждения следует толковать расширительно, то, чтобы исключить такую возможность, он должен постулировать это явным образом. Но добавление посылки, согласно которой любой паттерн, который имеет более или менее коэкстенсивное описание, произвольное с моральной точки зрения, сам является произвольным с моральной точки зрения, будет чересчур сильным ходом, поскольку в результате *каждый* паттерн станет произвольным с моральной точки зрения. Возможно, главное, чего следовало бы избегать, — это не просто коэкстенсивность, но, скорее, некие морально произвольные черты, *порождающие* различия в долях распределения. Соответственно рассмотрим аргумент С.

1. Имущество должно распределяться в соответствии с паттерном, который с моральной точки зрения не является произвольным.
2. То, что люди имеют разные естественные преимущества, произвольно с моральной точки зрения.
3. Если частью объяснения того, почему паттерн содержит имущественные различия, является то, что иные различия между индивидами порождают эти имущественные различия, и если эти иные различия произвольны с моральной точки зрения, то паттерн также является произвольным с моральной точки зрения.

Следовательно,

4. Различия в естественных преимуществах не должны порождать различий в имуществе индивидов.

Согласно послышке 3 этого аргумента, наличие любой моральной произвольности в основании паттерна заражает этот паттерн и делает его слишком произвольным с моральной точки зрения. Но любой паттерн будет содержать какие-нибудь морально произвольные факты в качестве части объяснения того, как он возникает, и в том числе паттерн, предложенный Ролзом. Принцип различия действует таким образом, что некоторые люди получают бóльшие доли распределения, чем другие; то, какие люди получают эти бóльшие доли, будет зависеть, по крайней мере частично, от различий между этими людьми и другими, различий, которые являются произвольными с моральной точки зрения, поскольку некоторым индивидам с особыми естественными преимуществами будут предложены бóльшие доли в качестве стимула, чтобы они использовали эти преимущества определенным образом. Вероятно, можно сформулировать послышку, похожую на послышку 3, так, чтобы она исключала все, что хочет исключить Ролз, но не исключала его *собственного* подхода. В любом случае, результирующий аргумент исходил бы из того, что набор имущественных владений индивидов должен следовать какому-нибудь паттерну.

Почему набор имущественных владений должен быть калиброванным по паттерну? Калибровка не является неотъемлемым свойством теорий справедливости, как мы убедились в ходе описания теории, основанной на титулах собственности: теории, которая фокусируется на базовых принципах, генерирующих наборы имущественных владений, а не на паттерне, реализацией которого является такой набор. Если отвергнуть идею, что теория этих базовых принципов является самостоятельной теорией распределительной справедливости, а не просто набором разнообразных соображений из других областей, то данный вопрос превращается в следующий: *существует ли* какой-либо отдельный предмет «распределительная справедливость», который требует отдельной теории.

В случае описанной ранее модели манны небесной могло бы существовать более убедительное основание для поиска паттерна. Но поскольку вещи уже возникают как чье-то имущество (или при наличии договоренностей о том, кто ими будет владеть), нет необходимости искать паттерн для никому не принадлежащего имущества; и поскольку процесс, в результате которого отношения владения имуществом действительно возникают или приобретают форму, не нуждается в каком-либо конкретном паттерне, нет оснований ожидать, что в результате появится какой-нибудь паттерн. Ситуация не та, чтобы задаваться вопросом: «В конце

концов, что должно произойти с этими вещами, что мы должны с ними сделать?» В мире, где нет манны небесной, где вещи должны быть сделаны, произведены или изменены людьми, не существует отдельного процесса распределения, теорией которого могла бы быть теория расщепления. Читатель вспомнит наше предшествующее рассуждение, демонстрирующее, что (грубо говоря) любой набор имущественных владений, реализующий конкретный паттерн, посредством добровольных обменов, подарков и других действий, которые совершают люди, владеющие этим имуществом в соответствии с данным паттерном, может быть преобразован в *другой* набор отношений владения имуществом, который не соответствует исходному паттерну. Мнение, что распределение имущества *должно* быть калиброванным, возможно, покажется менее убедительным, если осознать, что оно имеет следствием то, что люди не будут иметь права совершать действия, нарушающие калибровку, даже с вещами, которыми они правомерно владеют.

Следует, пожалуй, упомянуть еще один путь к концепции справедливости, основанной на паттернах. Предположим, что у каждого морально легитимного факта есть «единое» объяснение, показывающее, что он является морально легитимным, и что *конъюнкции* попадают в область фактов, для которых должны существовать такие объяснения. Если p и q являются в отдельности морально легитимными фактами с соответствующими объяснениями P и Q их как морально легитимных, то если $p \wedge q$ также должно объясняться как морально легитимный факт и если $P \wedge Q$ не образует «единого» объяснения (а является простой конъюнкцией разных объяснений), то потребуются какое-то другое объяснение. Применяя это к владению имуществом, предположим, что существуют разные объяснения отношений владения, показывающие, что я законно владею своим имуществом, а вы — своим, и задан следующий вопрос: «Почему легитимно то, что я имею то, что я имею, и вы имеете то, что вы имеете; почему этот совокупный факт и *все отношения, которые в нем содержатся*, являются легитимными?» Если конъюнкция двух отдельных объяснений не признается единообразным объяснением легитимности совокупного факта (легитимность которого не считается образованной легитимностью составляющих его частей), то на первый взгляд возникает необходимость в каких-нибудь калиброванных принципах распределения, чтобы показать его легитимность и легитимизировать любой неединичный [nonunit] набор отношений владения имуществом.

‡ Знаком \wedge обозначена логическая связка «и», или конъюнкция. Подробнее см., напр.: Символическая логика. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2005. С. 11–12. — *Прим. науч. ред.*

В случае научного объяснения конкретных фактов обычная практика состоит в том, чтобы рассматривать конъюнкции фактов, имеющих объяснение, как не требующие отдельного объяснения, как имеющие объяснение в виде конъюнкции объяснений членов конъюнкции. (Если E_1 объясняет e_1 и E_2 объясняет e_2 , то $E_1 \wedge E_2$ объясняет $e_1 \wedge e_2$.) Если бы мы потребовали, чтобы любые два члена конъюнкции и любая n -местная конъюнкция обязательно имели некоторым образом единое объяснение, а не объяснялись просто конъюнкцией отдельных и несопоставимых объяснений, то мы должны были бы отвергнуть большинство обычных объяснений и заняться поисками лежащего в основе паттерна, который единым образом объяснял бы то, что выглядит как отдельные факты. (Ученые, конечно, нередко и предлагают единое объяснение разрозненных фактов.) Стоило бы исследовать интересные следствия, вытекающие из отказа рассматривать любые два факта, даже в первом приближении, как факты, которые можно правомерно разделить, как факты, имеющие раздельные объяснения, конъюнкция которых и есть их объяснение. Как выглядели бы наши теории внешнего мира, если бы мы ввели требование единого объяснения *всех* конъюнкций? Возможно, они представляли бы собой экстраполяцию того, каким внешний мир представляется параноикам. Или, чтобы не выражаться пренебрежительно, мир, каким он представляется людям во время определенного рода наркотических состояний. (Например, таким, каким он иногда кажется мне после выкуривания сигареты с марихуаной.) Такое видение мира фундаментально отличается от того, как мы его видим обычно; сначала кажется удивительным, что к этому приводит простое условие адекватности объяснений конъюнкций, пока мы не начинаем понимать, что такого рода условие адекватности должно приводить к восприятию мира как глубоко и полностью подчиненного паттернам.

Похожее условие адекватности объяснений применительно к моральной легитимности конъюнкций отдельных морально легитимных фактов приводило бы к требованию, чтобы наборы отношений владения имуществом демонстрировали универсальный паттерн. Представляется маловероятным, что найдутся убедительные аргументы в пользу установления такого принципа адекватности. Некоторые могут считать такой единообразный подход убедительным только в том случае, если он применяется в какой-либо одной области, например, в области моральных объяснений владения имуществом, но не в области обычных неморальных объяснений, или наоборот. В случае объяснения неморальных фактов разработка такой единой теории стала бы серьезным вызовом. Если бы была создана такая теория, которая вводила бы новые аргументы, но не объясняла никаких *новых*

фактов (за исключением конъюнкций старых фактов), принятие решения о том, приемлема ли она, могло бы оказаться трудным делом и зависело бы преимущественно от того, насколько удовлетворителен в объяснительном аспекте был бы новый способ понимания старых фактов. В случае моральных объяснений и истолкований, которые показывают моральную легитимность различных фактов, ситуация несколько иная. Во-первых, в данном случае, на мой взгляд, еще меньше оснований предполагать, что единое объяснение уместно и необходимо. Здесь меньше потребность в *более высокой* степени объяснительного единства, чем та, которая имеет место, когда одни и те же базовые принципы генерирования отношений владения имуществом возникают в объяснениях разных фактов. (Теория Ролза, содержащая элементы того, что он называет чистой процедурной справедливостью, не удовлетворяет сильному условию адекватности для объяснения конъюнкций и влечет за собой то, что такое условие не может быть удовлетворено.) Во-вторых, здесь существует большая, чем в случае естественных наук, опасность того, что требование единого объяснения будет формировать подлежащие объяснению «моральные факты». («Невозможно, чтобы каждое из этих двух *было* фактом, потому что нет единого калиброванного по паттерну объяснения, из которого вытекали бы они оба».) В силу этого успешное открытие единого объяснения для таких «нагруженных» фактов оставит неясным, насколько хорошо обоснована объяснительная теория.

Теперь я перехожу к нашему последнему положительному аргументу, который направлен на логический вывод заключения о том, что доли в распределении не должны зависеть от естественных преимуществ, из утверждения, что распределение естественных преимуществ является морально произвольным. Этот аргумент делает акцент на понятии равенства. Поскольку значительная часть рассуждения Ролза служит тому, чтобы оправдать или доказать приемлемость конкретного отклонения от равенства долей (некоторые могут иметь больше, если благодаря этому улучшается положение наименее обеспеченных), возможно, что реконструкция его базового аргумента, который помещает равенство в центр всей конструкции, будет поучительной. Различия между людьми (такова логика Ролза) произвольны с моральной точки зрения, если отсутствует моральное основание для заключения, что эти различия должны существовать. Не все подобные различия будут вызывать возражения с моральной точки зрения. То, что такого морального аргумента нет, будет представляться важным только для тех различий, которые, по нашему мнению, не должны иметь места до тех пор, пока нет морального основания, которое устанавливает, что они должны

существовать. Налицо, так сказать, предубеждение против определенных различий, которое может быть преодолено (а нельзя его просто нейтрализовать?) с помощью моральных доводов; в отсутствие достаточно веских моральных доводов такого рода должно существовать равенство. Таким образом, мы получаем аргумент D.

1. Имуущественные владения должны быть равными, если нет (серьезного) морального обоснования того, почему они должны быть неравными.
2. Люди не заслуживают того, что отличает их от других людей; не существует морального обоснования того, почему люди должны различаться в отношении естественных преимуществ.
3. Если не существует морального обоснования того, почему люди различаются по некоторым характеристикам, то тот факт, что они действительно различаются по этим характеристикам, не является моральным обоснованием (и не приводит к нему) того, что они должны различаться по другим характеристикам (например, в отношении имущественных владений).

Следовательно,

4. Различие естественных преимуществ людей не является основанием для того, чтобы их имущественные владения были неравны.
5. Имуущественные владения людей должны быть равными, если нет какого-либо иного морального обоснования (такого как, например, улучшение положения наименее обеспеченных) того, почему они должны быть неравными.

К утверждениям, сходным с третьей посылкой, мы обратимся чуть ниже. А сейчас сосредоточимся на первой посылке — посылке равенства. Почему в отсутствие особого морального основания для того, чтобы отклониться от равенства, имущественные владения людей должны быть равными? (Почему следует считать, что *должен* быть какой-нибудь конкретный паттерн распределения имущества?) Почему равенство является положением покоя (или прямолинейного движения) системы, отклонение от которого может быть вызвано только моральными силами? Многие «аргументы» в пользу равенства просто *утверждают*, что различия между людьми произвольны и нуждаются в оправдании. Авторы часто высказываются в поддержку равенства примерно в такой форме: «Различия в обращении с людьми должны быть

оправданы»⁴¹. Для демонстрации этой предпосылки излюбленной является ситуация, в которой один человек (или группа) имеет дело со всеми, и при этом *не имеет* прав или правомочий на то, чтобы обращаться с кем-то особым образом в зависимости от своего желания или прихоти. Но если я иду в один кино-театр, а не в соседний с ним, нужно ли мне как-то обосновывать то, что я тем самым по-разному обращаюсь с владельцами этих кинотеатров? Не достаточно ли того, что мне захотелось пойти в один из них? Это требование — чтобы различия в обращении были оправданы — действительно *уместно* в отношении современных *правительств*. В этом случае имеет место централизованный процесс, затрагивающий каждого, и отсутствуют правомочия на то, чтобы обходиться с людьми в соответствии с прихотью. Но в свободном обществе основная часть распределения происходит не в результате действий правительства, а то, что результаты локализованных частных обменов не переигрываются, не является результатом «действий государства». Когда *нет* того субъекта, на которого возложено обращение с остальными, и все имеют титулы собственности, позволяющие распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению, то непонятно, почему максимум «различия в обращении должны

⁴¹ «Не нужно никак оправдывать... равное распределение благ, потому что это “естественно” — самоочевидно правильно и справедливо, — и не нуждается в оправдании, поскольку в некотором смысле это воспринимается как нечто, что содержит в себе собственное оправдание [self-justified]. ...Презумпция заключается в том, что равенство, в отличие от неравенства, не нуждается в обосновании; что единообразие, регулярность, сходство, симметричность... не нуждаются в особом объяснении, а вот различия, бессистемное поведение, изменения в поведении требуют объяснения и, как правило, оправдания. Если у меня есть пирог и есть десять человек, среди которых я хочу его разделить, то если я дам каждому ровно десятую часть, это не потребует, во всяком случае, автоматического оправдания; а вот если я отойду от принципа равного распределения, от меня будут ожидать специального обоснования. Именно это чувство, сколь угодно скрытое, превращает равенство в идею, которая никогда не казалась сама по себе аномальной...» (Isaiah Berlin, “Equality,” цит. по: Frederick A. Olafson, ed. *Justice and Social Policy* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1961), p. 131). Развивая аналогию с механическим движением, отметим, что это — субстантивная теоретическая позиция, определяющая конкретное состояние или ситуацию как не нуждающиеся в объяснении, тогда как отклонения должны иметь объяснения в терминах внешних сил. См. обсуждение попытки Даламбера дать *априорное* доказательство первого закона Ньютона в: Ernest Nagel, *The Structure of Science* (New York: Harcourt, Brace, and World, 1961), pp. 175–177.

быть оправданы» следует применять расширительно. Почему различия между людьми должны быть оправданы? На чем основано мнение, что мы обязаны изменить, исправить или компенсировать любое неравенство, которое может быть изменено, исправлено или компенсировано? Возможно, именно здесь в дело вступает общественное сотрудничество: хотя нет презумпции равенства между всеми (в отношении, скажем, первичных благ или того, о чем люди заботятся), возможно, она есть среди тех, кто сотрудничает между собой. Но доказательства этого найти трудно; разумеется, не все, кто участвует в сотрудничестве, явным образом согласны с этой презумпцией как одним из условий их взаимного сотрудничества. А ее принятие стало бы для обеспеченных индивидов стимулом к отказу от сотрудничества или к запрету для любого индивида из этой группы вступать в сотрудничество с географически удаленными людьми, которые обеспечены хуже, чем любой из них. Ведь согласие на такое общественное сотрудничество, выгодное для тех, кто менее обеспечен, серьезно ухудшило бы положение хорошо обеспеченной группы, создав отношения требуемого презумпцией равенства между ними и менее благополучной группой. В следующей главе будет рассмотрен самый главный из относительно недавних аргументов в защиту равенства, который тоже оказывается неудачным. Здесь нам достаточно отметить, что связь, установленная аргументом D между незаслуженностью естественных преимуществ и неким заключением относительно долей в распределении имущества, *предполагает* равенство в качестве нормы (от которой можно отойти только по моральным основаниям); а потому сам аргумент D не может быть использован для получения каких-либо выводов такого рода относительно равенства.

Отрицательный аргумент

Потерпев неудачу в поисках убедительного положительного аргумента, который связал бы утверждение, что люди не заслужили свои естественные преимущества, с заключением, что естественные различия не должны быть основаны на различиях в естественных преимуществах, обратимся к тому, что мы назвали отрицательным аргументом: использованию утверждения, что люди не заслужили свои естественные преимущества, для опровержения возможного контраргумента, направленного против взглядов Ролза. (Если бы аргумент D в пользу равенства был приемлемым, то отрицательная задача опровержения возможных доказательств обратного была бы частью положительной задачи, состоящей в том, чтобы показать, что презумпцию равенства в данном

случае нельзя опровергнуть.) Рассмотрим следующий возможный по отношению к позиции Ролза контраргумент E.

1. Люди заслуживают свои естественные преимущества.
2. Если люди заслуживают X, они заслуживают любое Y, которое вытекает из X.
3. Имущественные владения людей вытекают из их естественных преимуществ.

Следовательно,

4. Люди заслуживают принадлежащее им имущество.
5. Если люди заслуживают нечто, то они должны это иметь (и это отменяет любую презумпцию равенства, которая возможна относительно этой вещи).

Ролз отвел бы этот контраргумент, отвергнув его первую посылку. И, таким образом, мы видим *некоторую* связь между утверждением, что распределение естественных преимуществ произвольно, и утверждением, что распределительные доли не должны зависеть от естественных преимуществ. Но *эту* связь не стоит переоценивать. Дело в том, что есть и другие, похожие контраргументы; например аргумент F, который начинается так:

1. Если люди имеют X и обладание этим X (заслуживают они его или нет) *не* нарушает ничьих (в понимании Локка) прав или титула собственности на X, а Y вытекает (возникает и т.п.) из X в результате процесса, который сам по себе не нарушает ничьих (в понимании Локка) прав или титулов собственности*, то индивид имеет титул собственности на Y,

* Можно усилить эту посылку, добавив, что это процесс того рода, который создал бы титул собственности на Y, если бы индивид имел титул собственности на X. Я использую термины «локковские» права» и «титул собственности для обозначения прав (описанными в части I) на защиту от насилия, обмана и т.п. которые должны быть признаны в минимальном государстве. Поскольку я считаю, что это единственные права и титулы собственности, которыми обладают люди (кроме тех, которые они специально приобретают), я мог бы не уточнять, что речь идет о «локковских» правах. Тот, кто верит, что некоторые люди имеют право на плоды чужого труда, не согласится с истинностью первой посылки в том виде, как она сформулирована. Без ссылки на то, что имеются в виду права в локковском понимании, он мог бы признать истинность первой посылки, но отрицать истинность второй посылки и следующих за ней шагов.

2. То, что люди имеют естественные преимущества, которые они имеют, не нарушает ничьих прав (в понимании Локка) или титулов собственности,

— и продолжается доказательством того, что люди имеют титулы собственности на то, что они делают, на продукты своего труда, на то, что другие дают им просто так или в обмен на что-то. Неверно, например, что человек заработал *Y* (право владеть картиной, которую он написал, похвалы по адресу своей книги «Теория справедливости» и т.п.), только если он заработал (или как-то заслужил) все, что он использовал (включая естественные преимущества) в процессе зарабатывания *Y*. Некоторые вещи из тех, которые он использует, он просто может *иметь*, без всякого нарушения легитимности. Необязательно, чтобы основания для его заслуг были сами плодом заслуг, *начиная с исходной точки*.

По меньшей мере можно провести параллель между утверждениями о заслугах и утверждениями о титулах собственности. И если мы скажем, что люди имеют титулы собственности в отношении своих естественных преимуществ (что будет совершенно правильно) даже в тех случаях, когда нельзя утверждать, что они их заслужили, то, заменив «заслуживают» на «имеют титулы собственности», мы получим аргумент, аналогичный *E*. Это дает нам приемлемый аргумент *G*.

1. Люди имеют титулы собственности на свои естественные преимущества.
2. Если люди имеют титулы собственности на что-то, они имеют титулы собственности на все, что вытекает из этого (посредством процессов установленного типа).
3. Имущество людей вытекает из их естественных преимуществ.

Следовательно,

4. Люди имеют титулы собственности на свое имущество.
5. Если люди имеют титулы собственности на нечто, то они должны это иметь (и это отменяет любую презумпцию равенства, которая возможна относительно этой вещи).

Вне зависимости от того, произвольны естественные преимущества людей с точки зрения морали или нет, они имеют титулы собственности на них и на то, что из них вытекает*.

* Если ничто морально значимое не могло бы произойти из того, что является произвольным, это означает, что существование ни одного конкретного человека не может быть морально значимым, поскольку

Признание титулов собственности людей на их естественные преимущества (первая посылка аргумента *G*) может быть необходимо, чтобы избежать строгого применения принципа различия, которое могло бы привести, как мы уже видели, даже к более сильным правам собственности на других людей, чем в обычных перераспределительных теориях. Ролзу кажется, что ему удалось этого избежать⁴², поскольку люди в его исходном положении отдадут принципу свободы приоритет перед принципом различия в рамках лексикографического упорядочения, причем применительно не только к экономическому благополучию, но и к здоровью, продолжительности жизни и т.п. (Однако см. выше, прим. 29).

Мы не нашли убедительных аргументов в пользу того, что имущественные различия, вытекающие из разницы естественных преимуществ, должны быть устранены или минимизированы. Можно ли иначе использовать идею, что естественные преимущества людей с точки зрения морали произвольны, например чтобы оправдать придание исходному положению определенной *формы*? Нет сомнения, что если эта форма сконструирована так, чтобы аннулировать имущественные различия, вытекающие из различий в естественных преимуществах, то нам нужно обоснование для этой цели, и мы опять возвращаемся к безуспешному поиску пути к достижению вывода о том, что имущественные различия такого рода должны быть устранены. Вместо этого можно было бы сформировать исходную ситуацию так, чтобы ее участники ничего не знали о своих естественных преимуществах. Таким образом, тот факт, что природные способности являются произвольными с точки зрения морали, помог бы ввести и оправдать занавес неведения. Но каким образом это получается; почему фактор природных дарований должен быть исключен из исходного положения? Предположительно принцип, на котором основывается это требование, заключался бы в том, что если какие-либо конкретные свойства произвольны с точки зрения

какой именно из множества сперматозоидов сумеет оплодотворить яйцеклетку, (насколько нам известно) является произвольным с моральной точки зрения. Из этого следует другое, более неопределенное, замечание, относящееся скорее не к букве, а к духу позиции Ролза. Каждый существующий индивид является продуктом процесса, в котором один достигший цели сперматозоид имеет не больше заслуг, чем миллионы других, которым это не удалось. Следует ли нам желать того, чтобы процесс был более «честным», по стандартам Ролза, так чтобы в его рамках всякое «неравенство» было устранено? Мы должны были бы побояться любого принципа, который морально порицал бы тот самый процесс, благодаря которому мы существуем, принципа, который подрывал бы легитимность самого нашего существования.

⁴² Однако см. также ниже разбор взглядов Ролза на природные способности как коллективное преимущество.

морали, то индивиды в исходном положении не должны знать о том, что они ими обладают. Но это значило бы исключить *любую* информацию о себе самом, потому что каждая из характеристик участников (включая рациональность, способность делать выбор, продолжительность жизни более трех дней, наличие памяти и способности общаться с себе подобными) будет основана на том, что породившие их сперматозоид и яйцеклетка содержали конкретный генетический материал. Тот физический факт, что эти конкретные гаметы содержали определенным образом организованные химические вещества (гены людей, а не ондатр или деревьев), является произвольным *с точки зрения морали*; это с точки зрения морали случайность. Однако люди в исходном положении должны знать о некоторых своих свойствах.

Возможно, мы слишком поспешно исключили знание о рациональности и т.д. только на том основании, что эти свойства возникают из морально произвольных фактов. Ведь эти свойства обладают моральной значимостью; иными словами, от них зависят или из них возникают моральные факты. Здесь мы наблюдаем некую неясность в утверждении, что факт является произвольным с моральной точки зрения. Это могло бы означать, что не существует морального основания для того, чтобы факт был именно таким, либо что то, что факты именно таковы, не является морально значимым и не имеет моральных последствий. Рациональность, способность делать выбор и т.п. не являются морально произвольными во втором смысле. Но если эти факты не исключаются на этом основании, то возникает проблема: естественные преимущества, знания о которых Ролз хочет исключить из исходного положения, тоже не являются морально произвольными в этом смысле. Во всяком случае, теперь центральным вопросом становится утверждение теории, основанной на титульных правах, о том, что морально приемлемы титулы собственности могут иметь источником такие факты или отчасти основываться на них. Таким образом, в отсутствие доказательства того, что имущественные различия, вытекающие из разницы в естественных преимуществах, должны быть устранены, непонятно, каким образом что-либо относящееся к исходному положению может основываться на (сомнительном) утверждении, согласно которому различия в естественных преимуществах произвольны с моральной точки зрения.

Коллективные преимущества

Ролз, по-видимому, считает, что у каждого индивида есть некое титульное право или правомерные притязания на всю совокупность естественных преимуществ (рассматриваемых как общий

котел), и эти притязания не дифференцированы. Распределение природных дарований рассматривается как «коллективное преимущество», или «общее достояние» [collective asset]⁴³. «Принцип различия представляет, в сущности, соглашение считать распределение естественных талантов в некоторых отношениях общим достоянием и разделять большие социальные и экономические выгоды, ставшие возможными за счет взаимно дополняющих аспектов этого распределения. Те, которые одарены от природы, кем бы они ни были, могут пользоваться этим только на тех условиях, что улучшат ситуацию тех, кому не сопутствовала удача. ...Никто не заслуживает ни больших по сравнению с другими природных способностей, ни привилегий в получении более предпочтительного стартового места в обществе. Но, конечно, это не причина для того, чтобы игнорировать и уж тем более устранять все эти различия. Вместо этого базисная структура может быть устроена так, что эти случайности будут работать во благо наименее преуспевших»⁴⁴.

Люди будут по-разному относиться к тому, что природные дарования — это общее достояние. Некоторые будут недовольны, повторяя обвинения Ролза в адрес утилитаризма, который «не принимает всерьез различий между людьми»⁴⁵, и они задумаются, адекватна ли такая реконструкция позиции Канта, которая позволяет относиться к способностям и талантам людей как к ресурсам для других. «Два принципа справедливости... исключают даже стремление рассматривать людей как средства для благополучия друг друга»⁴⁶. Только если *очень* настаивать на разграничении людей, с одной стороны, и их талантов, преимуществ, способностей и особенностей — с другой. Сохраняется ли какая-либо связанная концепция личности, когда эти разграничения так сильно подчеркиваются, это открытый вопрос. Неясно и то, почему мы, обладающие многочисленными особенностями, должны радоваться тому, что (только) очищенный таким образом человек внутри нас не рассматривается как средство.

Для свободного сообщества таланты и способности людей являются преимуществом; другим членам сообщества выгодно их наличие, и они выигрывают от того, что эти таланты находятся рядом с ними, а не где-то в другом месте или вообще нигде.

⁴³ Rawls, *Theory of Justice*, p. 179 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 97].

⁴⁴ Rawls, *Theory of Justice*, p. 102 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 98].

⁴⁵ Rawls, *Theory of Justice*, p. 27 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 46].

⁴⁶ Rawls, *Theory of Justice*, p. 183.

(В противном случае они не стали бы иметь с ними дело.) Жизнь, протекающая во времени, не является игрой с постоянной суммой, где, если кто-то благодаря настойчивости и таланту получает больше, остальные остаются в проигрыше. В свободном обществе таланты людей действительно приносят пользу другим, а не только их обладателям. Оправдано ли отношение к дарованиям людей как к коллективному ресурсу тем, что с их помощью извлекается еще больше выгод? Что оправдывает такое извлечение?

«Никто не заслуживает ни больших по сравнению с другими природных способностей, ни привилегий в получении более предпочтительного стартового места в обществе. Но, конечно, это не причина для того, чтобы игнорировать и уж тем более устранять все эти различия. Есть и другой способ ими распорядиться. Вместо этого базисная структура может быть устроена так, что эти случайности будут работать во благо наименее преуспевших»⁴⁷.

А если бы «другого способа распорядиться ими» не было? Это означало бы, что различия следует устранить? Что конкретно предполагалось бы сделать с природными преимуществами? Если преимущества и таланты людей *было бы невозможно использовать для обслуживания других, то было ли бы что-нибудь сделано, чтобы устранить эти исключительные преимущества и таланты или запретить их использование к выгоде самих талантов, а также к выгоде тех, кого они выберут, даже если это ограничение не улучшило бы абсолютное положение тех, кто почему-либо был бы не в состоянии использовать таланты и способности других людей для собственной выгоды? Разве так уж неубедительно утверждение, что основанием и составной частью центральной идеи такой концепции справедливости является зависть?**

⁴⁷ Rawls, *Theory of Justice*, p. 102 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. С. 98].

* Помешает ли лексикографический приоритет, который Ролз в исходном положении отдал свободе, требованию со стороны принципа различия установить подушный налог на преимущества и способности? На возможную легитимность такого подушного налога намекает то, что Ролз говорит о «коллективных преимуществах» и «общем достоянии». Те, кто не в полной мере использует свои преимущества и способности, неправильно используют общественное имущество. (Растрачивают общественную собственность?) Возможно, Ролз не предполагал, что из его терминологии будут сделаны столь сильные выводы, но мы бы хотели больше услышать про то, почему индивиды в исходном положении не выберут сильную интерпретацию. Идея свободы нуждается в уточнении, чтобы исключить подушный налог, но при этом сохранить возможность других схем налогообложения. Обладателей особых преимуществ и способностей можно

Мы применили нашу концепцию имущественной справедливости, основанную на титулах собственности, для проверки теории Ролза и стали глубже понимать смысл и основания концепции, основанной на титулах собственности, в результате ее сравнения с другой, глубокой и изящной, концепцией распределительной справедливости. Кроме этого, как мне представляется, мы нащупали заложенные в основании теории Ролза дефекты. Я все время держу в голове постоянно повторяемую Ролзом мысль, что теорию нельзя оценивать по одной из ее особенностей или по одной из ее частей, что теорию надо оценивать в целом (читатель не сможет узнать, что представляет собой теория в целом, пока он не прочитает всю книгу Ролза) и что не надо ожидать от нее совершенства. Однако мы исследовали важную часть теории Ролза и ключевые предпосылки, на которых она строится. Я не хуже любого другого отдаю себе отчет в том, насколько отрывочным было мое рассмотрение концепции имущественной справедливости, основанной на титулах собственности. Но я считаю, что мы не больше нуждались в полностью сформулированной альтернативной теории для того, чтобы отвергнуть несомненный прогресс Ролза по сравнению с утилитаризмом, чем сам Ролз нуждался в завершенной альтернативной теории, чтобы отвергнуть утилитаризм. Что еще нужно (и возможно) для того, чтобы начать движение к более

припрячь и без подушного налога, причем аналогия с упряжкой здесь вполне уместна, как было бы уместно это слово в случае с лошадей, запряженной в телегу; лошадь вроде бы и не *должна* никуда двигаться, но если уж она тронется с места, то потянет телегу за собой.

Что касается зависти, то принцип различия, если его приложить к выбору между «А имеет десять, а В — пять», и «А имеет восемь, а В — пять», отдаст предпочтение второму варианту. Таким образом, несмотря на взгляды самого Ролза (pp. 79–80 [русск. пер.: с. 79]), принцип различия неэффективен, так как иногда он будет предпочитать статус-кво по сравнению с улучшенным по Парето, но и более неравным распределением. Неэффективность можно было бы устранить, перейдя от простого принципа различия к ступенчатому принципу различия, который рекомендует максимизировать положение наименее обеспеченной группы и, *при условии этого ограничения*, максимизировать положение следующей наименее благополучной группы; этот момент отмечен А. Сенем (A. K. Sen, *Collective Choice and Social Welfare*, p. 138, note) и признается самим Ролзом (p. 83 [русск. пер.: с. 81–83]). Но такой ступенчатый принцип не содержит презумпции в пользу равенства вроде той, которую использует Ролз. Как тогда Ролз сможет оправдать в глазах члена наименее обеспеченной группы неравенство, *характерное* для ступенчатого принципа? Возможно, именно из-за этого возникает неясность (p. 83 [русск. пер.: с. 81–83]) относительно того, принимает Ролз ступенчатый принцип или нет.

совершенной теории, кроме эскиза убедительного альтернативного подхода, который в совершенно новом свете представляет недостатки лучшей из существующих подробно проработанных теорий? Здесь, как и во многом другом, мы учимся у Ролза.

Мы начали предпринятое в этой главе исследование распределительной справедливости, чтобы оценить истинность утверждения, что государство с более обширными полномочиями, чем минимальное, могло бы быть оправдано на том основании, что оно было бы необходимым или наиболее подходящим инструментом для достижения распределительной справедливости. Согласно представленной нами концепции, основанной на титулах собственности, два первых принципа распределительной справедливости, принципы присвоения и перехода, не предоставляют аргументов в пользу большего государства. Если набор имущественных отношений сгенерирован правильно, то из идеи распределительной справедливости не имеется никаких доводов в пользу государства с более обширными полномочиями⁴⁸. (Оговорка Локка, как мы показали, также не дает оснований для более масштабного государства.) Если, однако, эти принципы нарушены, в игру вступает принцип исправления. Возможно, лучше всего рассматривать некоторые калиброванные принципы распределительной справедливости как грубые методы приблизительной оценки общих результатов применения принципа исправления несправедливости. Например, при отсутствии большей части исторической информации и при выполнении условий: 1) что жертвы несправедливости обычно живут хуже, чем они могли бы жить в отсутствие несправедливости; 2) что представители самой бедной группы в обществе с наибольшей вероятностью являются жертвами (потомками жертв) самой большой несправедливости, которым полагается компенсация со стороны тех, кто получил выгоду от несправедливости (предположим, что это те, кто богаче, хотя иногда несправедливость исходит от других бедных), — в этом случае *грубый* метод исправления несправедливостей мог бы представляться следующим образом: организуйте общество так, чтобы максимизировать положение любой группы, которая оказывается наименее благополучной. Данный пример может показаться неубедительным, но для всякого общества важен следующий вопрос: какое практическое правило, с учетом его конкретной истории, дает наилучшее приближение к результатам детального применения принципа исправления в данном

⁴⁸ «Но разве не следует смягчать справедливость состраданием?» Не с помощью государственных штыков. Когда частные лица решают передать ресурсы в помощь другим, это полностью соответствует концепции справедливости, основанной на титулах собственности.

обществе? Эти вопросы очень сложны, и лучше всего оставить их до того случая, когда будет проведено полное рассмотрение принципа исправления. В отсутствие такого рассмотрения принципа исправления применительно к конкретному обществу нельзя использовать представленные здесь теорию и анализ для осуждения какой бы то ни было конкретной схемы перераспределительных выплат, если только не является совершенно ясным то, что эту схему не могут оправдать никакие соображения, связанные с исправлением несправедливостей. Хотя установить социализм в наказание за наши грехи и означало бы зайти слишком далеко, но прошлые несправедливости могут быть настолько велики, что для их исправления может быть необходимо кратковременное расширение государства.

Глава 8 РАВЕНСТВО, ЗАВИСТЬ, ЭКСПЛУАТАЦИЯ И Т. Д.

Равенство

Хотя легитимность изменения социальных институтов для достижения большего равенства материальных условий часто предполагается, она редко обосновывается. Авторы, пишущие на эту тему, отмечают, что в данной стране самые богатые $n\%$ населения имеют больше, чем $n\%$ богатства, а самые бедные $n\%$ имеют меньше, чем $n\%$ богатства; что богатству верхних $n\%$ соответствует то, чем владеют нижние $p\%$ (где p намного больше, чем n), и т. п. Затем они немедленно переходят к обсуждению того, как это можно изменить. С позиций концепции справедливости, основанной на титулах собственности, просто взглянув на профиль распределения или на факты вроде только что приведенных, нельзя прийти к решению о том, должно ли государство что-то сделать для изменения ситуации. Все зависит от того, как возникло такое распределение. Некоторые процессы, приведшие к этим результатам, вероятно, были легитимными, и различные стороны, вероятно, имеют титулы собственности на свое имущество. Если факты, относящиеся к этому распределению, действительно возникли в результате легитимного процесса, то они и сами по себе легитимны. Это конечно же не означает, что их нельзя изменить, при условии, что это можно сделать без нарушения титулов собственности людей. Все те, кому нравится конкретный паттерн итогового распределения, имеют право передать другим людям часть своего имущества или имущество целиком, так чтобы приблизиться (по крайней мере временно) к реализации этого паттерна.

Концепция справедливости в имущественных отношениях, основанная на титулах собственности, не делает никаких презумпций в пользу равенства, какого-либо другого паттерна или другого конечного состояния. Нельзя просто *принять в качестве предпосылки*, что равенство должно быть частью любой теории справедливости. Существует поразительная нехватка таких аргументов в пользу равенства, которые учитывали бы соображения,

лежащие в основе неглобальной и некалиброванной концепции справедливости имущественных отношений¹. (Хотя в бездоказательных утверждениях о презумпции равенства недостатка нет.) Я рассмотрю аргумент, который в последние годы привлек наибольшее внимание философов; его предложил Бернард Уильямс в известном эссе «Идея равенства»². (Многие читатели, несомненно, почувствуют, что его рассуждения держатся на каком-то другом аргументе; я очень хотел бы увидеть этот аргумент в точном и детальном изложении.)

«Если оставить в стороне профилактическую медицину, правомерным основанием для предоставления медицинских услуг является болезнь — это непререкаемая истина. В очень многих условиях болезнь может быть необходимым, но не достаточным условием для получения лечения, потому что лечение стоит денег, а деньги есть не у всех больных; в силу этого наличие достаточной суммы денег фактически обращается в дополнительное необходимое условие реального доступа к медицинским услугам... Когда мы сталкиваемся с ситуацией, в которой, например, богатство является дополнительным необходимым условием для получения доступа к медицине, мы можем вновь обратиться к понятиям равенства и неравенства; но теперь не в связи с неравенством между здоровыми и больными, а в связи с неравенством между богатыми больными и бедными больными, потому что здесь мы непосредственно сталкиваемся с ситуацией, в которой люди с одинаковыми нуждами не получают одинакового лечения, хотя основанием для лечения являются нужды. Это положение дел иррационально... это ситуация, в которой оснований оказывается недостаточно для действий; это ситуация, вышедшая из-под контроля разумных оснований — и, следовательно, из-под контроля разума»³.

Похоже, что Уильямс пытается доказать, что если среди различных описаний какой-либо деятельности есть одно, которое содержит «внутреннюю цель» этой деятельности, тогда (и это необходимая истина) единственно правомерные основания для соответствующего действия или предоставления соответствующей

¹ Полезный обзор разнообразных аргументов в пользу равенства, не относящихся к наиболее фундаментальному уровню, см. в: Walter J. Blum and Harry Kalven, Jr., *The Uneasy Case for Progressive Taxation*, 2nd ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1963).

² Bernard Williams, "The Idea of Equality," in *Philosophy, Politics, and Society*, 2nd ser., ed. Peter Laslett and W. R. Runciman (Oxford: Blackwell, 1962), pp. 110–131; reprinted in Joel Feinberg, ed. *Moral Concepts* (New York: Oxford University Press, 1969).

³ Williams, "The Idea of Equality," pp. 121–122.

услуги в том случае, если это редкий ресурс, связаны с эффективным достижением внутренней цели. Если деятельность направлена на других, то единственный правомерный критерий для ее распределения — это их нужды, если таковые имеются. Таким образом, Уильямс говорит (это необходимая истина), что единственный правомерный критерий распределения медицинских услуг — это наличие нужды в них. Соответственно можно предположить, что единственным правомерным критерием распределения парикмахерских услуг является нужда в парикмахерских услугах. Но почему внутренняя цель какой-либо деятельности должна быть важнее, чем, например, конкретная цель индивида, который осуществляет эту деятельность? (Мы оставляем в стороне вопрос о том, может ли одна и та же деятельность иметь два разных описания и соответственно две разных внутренних цели.) Если кто-то стал парикмахером, потому что ему нравится болтать с множеством разных людей, будет ли с его стороны несправедливо стричь только тех, с кем ему больше всего нравится разговаривать? Или, если он работает парикмахером, чтобы заработать деньги на оплату высшего образования, имеет ли он право стричь только тех, кто хорошо платит или оставляет щедрые чаевые? Почему парикмахер не может использовать те же самые критерии предоставления услуг, которыми руководствуется тот, чья деятельность не имеет внутренней цели, связанной с другими людьми? Должен ли садовник предоставлять свои услуги тем газонам, которые в этом больше всего нуждаются?

Чем отличается от этих примеров положение врача? Почему он должен распределять свои услуги в соответствии с внутренней целью врачевания? (Если бы «дефицита» не существовало, мог ли бы он *тогда* распределять их в соответствии с другими критериями?) Вроде бы очевидно, что он не обязан делать это; почему только из-за того, что он владеет врачебным искусством, он должен нести издержки, связанные с желательным распределением, почему он имеет меньше правомочий, чем все остальные, преследовать собственные цели в конкретных обстоятельствах своей профессии? Таким образом, общество должно каким-то образом устроить все так, чтобы врач мог, преследуя свои личные цели, распределять услуги в соответствии с потребностями; пусть, например, общество платит ему за это. Но почему общество должно это делать? (Должно ли оно платить и парикмахеру тоже?) Вероятно, потому что медицинская помощь важна, люди в ней очень нуждаются. Это верно и в отношении пищи, однако у сельского хозяйства *нет* такой внутренней цели, которая была бы направлена на других людей таким же образом, как внутренняя цель медицины. Если с аргумента Уильямса слой за слоем снять шелуху, мы обнаружим требование, чтобы

общество (т.е. каждый из нас, действующий совместно с другими каким-нибудь организованным образом) обеспечивало важные нужды всех своих членов. Это требование, разумеется, неоднократно выдвигалось и прежде. Вопреки видимости Уильямс не предьявляет доказательств в его пользу*. Уильямса, как и других, интересуют только вопросы распределения. Его не интересует, откуда берется все то (вещи и услуги), что потом подлежит распределению и раздаче. Соответственно он не рассматривает вопрос о том, не связаны ли эти вещи непосредственно с момента появления с людьми, которые имеют титул собственности на эти вещи (а это безусловно так в случае услуг, которые суть *действия* людей) и, следовательно, имеют право сами решать, кому и на каком основании они их отдадут.

Равенство возможностей

Многим из тех, кто писал на эту тему, равенство возможностей представлялось минимальной целью эгалитаризма, в которой сомнения может вызвать только слабость вытекающих из нее требований. (Многие из них также понимали, что существование семьи мешает полному достижению этой цели.) Есть два способа возможного обеспечения подобного равенства: непосредственно ухудшить положение тех, кто обладает наибольшими возможностями, или улучшить положение тех, у кого меньше возможностей. В последнем случае нужно задействовать какие-то ресурсы, следовательно, этот метод тоже связан с ухудшением положения некоторых людей — тех, у кого отбирают принадлежащее им, чтобы улучшить положение других. Но имущество, по отношению к которому у этих людей есть титулы собственности, не может быть отобрано — даже для того, чтобы обеспечить другим людям равенство возможностей. В отсутствие волшебной палочки оста-

* Мы обсудили позицию Уильямса, не обращаясь к эссенциалистскому представлению, согласно которому некоторые занятия с необходимостью подразумевают определенные цели. Вместо этого мы связали цели с *описаниями* деятельности. Эссенциалистский подход только затуманивает ситуацию, при этом оставляет открытым вопрос, почему единственно правильным основанием для предоставления каких-либо услуг является их сущностная цель. Мотивом для выдвижения такого рода эссенциалистских утверждений может быть желание избежать ситуации, когда кто-нибудь скажет: пусть «шмоктор» по определению занимается той же деятельностью, что и доктор, за тем лишь исключением, что делает это ради денег. Представил ли Уильямс хоть какой-нибудь довод в пользу того, что услуги *шмоктора* должны распределяться в соответствии с нуждами?

ется единственный путь к равенству возможностей — убедить людей в том, что каждый должен добровольно пожертвовать часть своего состояния для достижения этой цели.

При обсуждении равенства возможностей часто используется образ соревнования бегунов. Забег, в котором кто-нибудь стартовал бы ближе к финишу, чем другие, был бы нечестным, так же как забег, в котором некоторых участников заставили бы бежать с грузом на плечах или с камешками в кроссовках. Но жизнь — не забег, в котором мы все соревнуемся за установленный кем-то приз; нет общей стартовой черты, нет судьбы, который оценивает скорость. Вместо этого есть разные люди, которые независимо друг от друга дают другим людям разные вещи. Те, кто дает (каждый из нас делает это время от времени), обычно не интересуются ни заслугами, ни препятствиями, возникающими в ходе работы; их интересует то, что они на самом деле получают. Не существует такого централизованного процесса, который бы оценивал, как люди используют имеющиеся у них возможности; процессы общественного сотрудничества и обмена существуют *не для* этого.

Есть причина, по которой неравенство возможностей порой могло бы показаться *нечестным*, а не просто прискорбным в том смысле, что не у каждого есть все возможности (это было бы верно, даже если бы ни у кого не было большего преимущества). Часто у человека, имеющего титульное право передать некоторое имущество, нет особого желания передавать его конкретному индивиду, в отличие от завещания в пользу детей или дара конкретному человеку. Он решает передать его кому-то, кто соответствует определенному требованию (например, может обеспечить его определенным благом или услугой, выполнять определенную работу, выплачивать определенную зарплату), и он с равной готовностью передал бы его любому другому, кто соответствовал бы этому требованию. Честно ли, что имущество получает одна сторона, а не другая, у которой было меньше возможностей удовлетворить требование владельца имущества? Поскольку владельцу все равно, кому он передает имущество, при условии, что получатель соответствует определенному общему требованию, в таких обстоятельствах равенство возможности быть получателем не нарушило бы никаких титулов собственности, имеющихся у владельца. Не нарушило бы оно и титулов собственности индивида, чьи возможности больше; имея титулы собственности на то, что он имеет, он не имеет титульных прав на то, чтобы иметь больше, чем имеет другой. Не было ли бы *лучше*, если бы человек с меньшими возможностями имел равные возможности? Если бы кто-то мог обеспечить ему такое равенство, не нарушая при этом ничьих титулов собственности (с помощью волшебной палочки?), не следовало ли бы

ему это сделать? Не было ли бы это честнее? Если бы это было честнее, может ли подобная честность также стать оправданием аннулирования титулов собственности некоторых людей ради приобретения ресурсов, которые продвинут людей с меньшими возможностями в более конкурентную позицию?

Этот процесс является конкурентным в следующем отношении. Если бы индивида с большими возможностями не существовало, владелец имущества мог бы вступить в отношения с индивидом, имеющим меньшие возможности, который в этих обстоятельствах был бы наиболее подходящим лицом для сделки. Это отличается от ситуации, в которой не связанные друг с другом, но похожие существа, живущие на разных планетах, сталкиваются с разными трудностями и имеют разные возможности для реализации своих разнообразных целей. В ней положение одного не влияет на положение другого; хотя было бы лучше, если бы худшая планета была более обеспеченной, чем она есть (было бы также лучше, если бы лучшая планета была более обеспеченной, чем она есть), но это не было бы *честнее*. Это также отличается от ситуации, в которой человек не *улучшает* положения другого, хотя и мог бы. В обсуждаемой нами ситуации индивид с меньшими возможностями было бы лучше, если бы какой-то конкретный индивид с большими возможностями не существовал. Индивид с большими возможностями можно рассматривать не просто как кого-то более богатого или кого-то, кто предпочитает не помогать, но и как того, кто *мешает* или *препятствует* индивиду с меньшими возможностями улучшить свое положение⁴. Создавать помеху другому своей большей привлекательностью в качестве партнера по обмену — это отнюдь не то же самое, что напрямую *ухудшать* положение другого, скажем обокрасть его. Но, тем не менее, не может ли индивид с меньшими возможностями оправданно жаловаться на то, что ему мешает кто-то другой, чьи большие возможности в отношении определенных требований совершенно незаслуженны? (Пренебрежем всевозможными похожими жалобами, которые могут быть у кого-то другого в отношении *него*.)

Ощущая огромную важность вопросов, сформулированных в двух предыдущих абзацах (я сам их и сформулировал), я не считаю, что они опровергают последовательную концепцию, основанную на титулах собственности. Если женщина, ставшая моей женой, отвергла ради меня другого поклонника (за которого она

⁴ Возможно, нам следует рассматривать сосредоточенность Ролза на общественном сотрудничестве в связи с этой триадой — когда один человек вступает в отношения со вторым и этим препятствует третьему вступить в отношения со вторым.

в противном случае вышла бы замуж) отчасти из-за моего острого ума и привлекательной внешности (не говоря об обаянии), качеств, совершенно мной не заслуженных, то были ли у отвергнутого менее умного и привлекательного поклонника основания для законной жалобы на нечестность? Да, я помешал другому претенденту завоевать руку прекрасной дамы, но достаточное ли это основание отобрать у других ресурсы и потратить их на косметическую операцию и какие-нибудь курсы развития интеллекта для него или оплатить развитие в нем какого-нибудь блестящего достоинства, которого у меня нет, чтобы уравнивать наши шансы быть избранными? (Я исхожу из неприемлемости достижения равенства возможностей путем ухудшения положения того, кто имеет больше возможностей; например, в данном случае это варианты, связанные с тем, чтобы покалечить поклонника, помешать ему в полной мере использовать свои интеллектуальные способности с помощью инъекции наркотика или отупляющего шума⁵.) *Таких последствий не возникает.* (К кому мог бы подать иск отвергнутый вздыхатель? По поводу чего?) То же самое происходит и в том случае, если различие возможностей возникает из накопленных последствий того, что люди что-то делают или по своему выбору передают свои титулы собственности. Еще проще ситуация с потребительскими благами, относительно которых невозможно утверждение, что они обладают каким-либо эффектом «треугольника». *Является ли нечестным то, что у семьи одного ребенка есть бассейн, в котором он ежедневно купается, хотя он заслуживает этого не больше, чем другой ребенок, у которого нет бассейна? Следует ли это запретить? Откуда же тогда возражения против передачи бассейна по завещанию взрослому человеку?*

Главное возражение против разговоров о праве каждого на различные вещи, как то: равенство возможностей, жизнь и т.п., и принудительное обеспечение этих прав, заключается в том, что эти «права» требуют фундамента в виде вещей, материальных средств и действий; а право распоряжаться всем этим может принадлежать *другим* людям. Ни у кого нет права на то, реализация чего требует использования вещей и деятельности, права и титулы на которые принадлежат другим людям⁶. Титулы и права других людей на *конкретные вещи* (этот карандаш, их тела и т.п.) и то, как они считают нужным ими распоряжаться, определяют внешнее окружение любого данного индивида и те средства,

⁵ См. рассказ Курта Воннегута «Гаррисон Бержерон» (Сборник научной фантастики. Вып. 27. М.: Знание, 1983. С. 164—170).

⁶ Об этом см.: Judith Jarvis Thomson, "A Defense of Abortion," *Philosophy & Public Affairs*, 1, no. 1 (Fall 1971), 55—56.

которые будут для него доступны. Если его цель требует использования средств, права на которые принадлежат другим, он должен заручиться их добровольным сотрудничеством. Даже для *реализации* своего права определять то, как должно быть использовано что-либо, чем он владеет, ему могут потребоваться другие вещи, право на использование которых он должен приобрести: например, пищу для поддержания собственной жизни; он должен собрать — с помощью других — необходимый для практической реализации «пакет».

Существуют конкретные права по отношению к конкретным вещам, принадлежащим конкретным индивидам, и конкретные права на заключение соглашений с другими, *если* вы и они совместно можете приобрести средства для заключения соглашения. (Никто не обязан снабдить вас телефоном, чтобы вы могли заключить соглашение с кем-то третьим.) Никакие права не могут существовать в конфликте с этим фундаментом из конкретных прав. Поскольку никакое четко очерченное право на достижение цели не сможет избежать несовместимости с этим фундаментом, то таких прав не существует. Конкретные права на вещи заполняют все пространство прав, не оставляя места для общих прав на то, чтобы находиться в определенных материальных условиях. Противоположная теория поместила бы на фундаментальный уровень только универсальные общие «права на» достижение целей или на то, чтобы находиться в определенных материальных условиях, так чтобы они определяли все остальные права; насколько я знаю, серьезных попыток сформулировать эту «противоположную» теорию не было.

Самоуважение и зависть

Связь равенства с самоуважением убедительна⁷. Если завистливый человек не может (также) иметь вещь (талант и т.п.), которые есть у кого-то другого, он предпочитает, чтобы и другой этого

⁷ «Люди в значительной мере суть то, как они себя воспринимают, и они думают о себе так, как о них думают другие люди. Прогресс в области развития чувства собственного достоинства и учтивости, вызванный смягчением самых варварских форм царившего в прошлом неравенства, это столь же реальный вклад в цивилизацию, как и улучшение материальных условий» (Р. Н. Тьюне, *Equality* [New York: Barnes & Noble, 1964], p. 171). Для той немного иной связи между равенством и чувством собственного достоинства, которую я намечу, оценка со стороны других людей не является столь важным компонентом.

лишился. Завистливому человеку лучше, чтобы ни у кого не было, чем если у другого есть, а у него нет*.

* В отношении вас, другого человека и какого-нибудь объекта или свойства существуют четыре возможности:

	Он	Вы
1	Имеет это	Имеете это
2	Имеет это	Не имеете этого
3	Не имеет этого	Имеете это
4	Не имеет этого	Не имеете этого

Вы *завидуете* [*envious*] (ему и этому объекту или свойству; в дальнейшем я опускаю релятивизацию), если вы предпочитаете 4 по сравнению с 2 и в то же время 3 по сравнению с 4. («и в то же время» есть «логическое «и»».) Вы *ревнуете* [*jealous*], если вы предпочитаете 1 по сравнению с 2 и в то же время безразличны при выборе из 3 и 4. Ключевая идея: вы ревнуете, если вы хотите этого потому, что это есть у него. Сформулированное условие состоит в том, что вы хотите этого только потому, что это есть у него. Более слабая формулировка звучала бы так: вы ревнуете, если хотите этого сильнее, потому что это есть у него, т.е. если вы предпочитаете 1 относительно 2 в большей степени, чем 3 относительно 4. Аналогично можно сформулировать более слабое условие для зависти. Очень завистливый человек предпочитает, чтобы другой не имел чего-то, если этого нет у него самого. Отчасти завистливый человек может быть согласен на то, чтобы у другого была вещь, даже если сам он не может ее иметь, но он предпочитает это в меньшей степени, чем вариант, когда другой имеет это, если это есть и у него самого. Иными словами, он предпочитает 2 по сравнению с 4 в меньшей степени, чем он предпочитает 1 по сравнению с 3. Вы *недовольны* [*begrudging*], если вы предпочитаете 3 по сравнению с 1 и в то же время предпочитаете 3 по сравнению с 4. Вы *озлоблены* [*spiteful*], если вы предпочитаете 4 по сравнению с 1 и в то же время предпочитаете 3 по сравнению с 4. Вы *испытываете чувство соперничества* [*competitive*], если вы предпочитаете 3 по сравнению с 4 и в то же время вы равнодушны к выбору из 1 и 4.

Индивид, испытывающий чувство соперничества, недоволен. Озлобленный индивид недоволен. Бывают люди завистливые, но не ревнивые (в смысле более слабого условия). То, что большинство ревнивых людей завистливы, хоть и не теорема, но вполне правдоподобная психологическая гипотеза. И бесспорный психологический закон — то, что озлобленные люди завистливы.

Сравните с похожей, хотя и с некоторыми отличиями, классификацией Ролза (Rawls, *Theory of Justice*, sect. 80 [русск. пер.: Ролз. Теория справедливости. §80]). У Ролза определение зависти сильнее, чем у нас. Достаточно близкий эквивалент можно сформулировать таким образом: пусть $i(X)$ — это i -я строка в вышеприведенной

Люди часто утверждают, что в основе эгалитаризма лежит зависть. Другие на это возражают: поскольку принципы эгалитаризма оправданы сами по себе, нам не стоит приписывать стороннику эгалитаризма постыдные психологические качества; он просто хочет, чтобы были реализованы правильные принципы. В свете изумительной находчивости, с какой люди изобретают принципы для рационализации своих эмоций, и с учетом того, насколько трудно найти *аргументы* в пользу того, что равенство является ценностью как таковое, этот ответ, мягко говоря, бездоказателен. (То, что, приняв принципы эгалитаризма, люди могут поддерживать ухудшение собственного положения в качестве приложения этих общих принципов, доказательством не является.)

Здесь я предпочту сосредоточиться на *странности* зависти как эмоции. Почему некоторые люди *предпочитают*, чтобы другие не получали своих лучших результатов по какой-либо шкале, вместо того чтобы радоваться их удаче или благополучию; почему они, в крайнем случае, не могут просто отмахнуться от этого? Одна ситуация представляет особый интерес: индивид, имеющий результат по какой-то шкале, который предпочитает, чтобы другой индивид, с более высоким баллом *H* по той же шкале, достиг бы худшего результата, чем *H*, даже если это не повысит его собственный результат, в тех случаях, когда более высокие достижения другого индивида ослабляют его уважение к себе, подрывают его самооценку и заставляют его испытывать комплекс неполноценности по отношению к другому. Каким образом свойства или действия одного индивида могут влиять на самоуважение другого? Разве не должны мое чувство собственного достоинства, самооценка и т.п. зависеть только от фактов, относящихся ко мне? Если я оцениваю самого себя, то как в этом *могут* играть роль факты, относящиеся к другим людям? Ответ, конечно, заключается в том, что мы оцениваем, насколько *хорошо* мы делаем что-либо, сравнивая наши достижения с достижениями других, с тем, что они умеют делать. Человек, живущий в глухой дере-

таблице для некоего предмета X ; а $i(Y)$ — это i -я строка для некоего Y . Вы завидуете, в строгом смысле Ролза, если вы предпочитаете $4(X)$ и $4(Y)$ по сравнению с $2(X)$ и $1(Y)$; иными словами, если вы предпочитаете, чтобы ни у одного из вас не было ни X , ни Y , тому, чтобы у него были X и Y , а у вас только Y . Вы готовы чего-то лишиться, лишь бы устранить разницу. Для обозначения нашего «недовольства» Ролз использует «ревность» и «недовольство», но у него нет аналога нашей «ревности». Наше определение «озлобленности» сильнее, чем у него, и у него нет аналога, соответствующего нашему «чувству соперничества».

вушке в горах, забрасывает мяч в баскетбольное кольцо 15 раз из 150 попыток. Все остальные в этой деревне попадают только 1 раз из 150 попыток. Он (как и остальные) думает, что он очень хорошо умеет это делать. Но в один прекрасный день в деревушку приезжает один из наиболее выдающихся игроков в профессиональном баскетболе Джерри Вест. Или, например, какой-то математик *очень* упорно работает, и время от времени ему в голову приходит интересная гипотеза, изящное доказательство теоремы и так далее. А потом он знакомится с целой группой математиков высокого класса. Он придумывает гипотезу, а они быстро доказывают или опровергают ее (не во всех возможных случаях, из-за теоремы Черча[‡]), приводя очень элегантные доказательства; они сами придумывают очень глубокие теоремы и т.п.

В каждом из этих случаев индивид придет к выводу, что он, оказывается, был *не таким уж хорошим* специалистом или экспертом. Не существует такого стандарта того, как делать что-либо хорошо, который бы не зависел от того, как это что-то делают или могут делать другие. В конце своей книги «Литература и революция», описывая то, каким станет (в конце концов) человек коммунистического общества, Лев Троцкий пишет: «Человек станет неизмеримо сильнее, мудрее и пронзительнее; его тело станет более гармоничным, движения более ритмичными, голос более мелодичным. Формы жизни обретут динамику драмы. Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гёте, Маркса. И над этим краем будут подниматься новые вершины»^{‡‡}.

Если бы такое могло случиться, то средний человек, достигший уровня *всего лишь* Аристотеля, Гёте или Маркса, не считал бы, что он — специалист, хорошо справляющийся со своим делом. У него были бы проблемы с самооценкой! Кто-нибудь из попавших в ситуацию, в которой оказались упомянутые выше баскетболист или математик, мог бы предпочесть, чтобы другие были не так талантливы, чтобы они перестали постоянно демонстрировать свои достижения, по крайней мере в его присутствии; тогда его самооценка перестанет страдать и может повыситься.

Таково может быть *одно* возможное объяснением того, почему определенное неравенство — в доходе, в профессиональном авторитете или в положении предпринимателя по сравнению с его служащими — так *мучительно*; не из-за ощущения, что это превосходство незаслуженно, а из-за ощущения, что оно заслужено

[‡] О неразрешимости исчисления предикатов первого порядка. См., напр.: Клини С. К. Введение в метаматематику. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 382 и сл. — *Прим. науч. ред.*

^{‡‡} Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991. С. 197. — *Прим. науч. ред.*

и *честно* заработано. Знание о ком-либо, кто достиг большего или поднялся выше, может повредить самооценке индивида и вызвать у него чувство личной ущербности. Рабочий нового завода, который принадлежит бывшему рабочему, будут постоянно *посещать* такие мысли: почему не я, почему я остался внизу? В то же время человеку намного легче игнорировать то, что кто-то где-то добился большего, если ему не приходится ежедневно сталкиваться с этим человеком. Хотя укол и острее, если другой заслужил свой более высокий результат, само его наличие не зависит от того, заработал ли он свое превосходство. То, что другой человек хорошо танцует, повлияет на вашу оценку того, как умеете танцевать вы, даже если вы считаете, что изящество движений в значительной степени зависит от незаслуженных природных данных.

В качестве рамки обсуждения, учитывающей приведенные соображения (а не в качестве вклада в психологическую науку), рассмотрим следующую *простую* модель. Существует некоторое количество измерений, показателей свойств, которые люди ценят и по которым они различаются, D_1, \dots, D_n . Люди могут различаться по тому, какие координаты они считают ценными, и по тому, какой вес (отличный от нуля) они приписывают измерениям, которые они договорились считать ценными. Для каждого индивида будет существовать *фактический профиль*, представляющий его объективную позицию в каждом измерении; например, для измерения «броски в баскетбольное кольцо» можно было бы взять показатель «регулярное число попаданий с расстояния 5 метров из 100 попыток», и оценка индивида могла бы быть 20, 34 или 67.

Для простоты предположим, что представления индивида о своем фактическом профиле достаточно точны. Имеется также *оценочный профиль*, фиксирующий то, как индивид оценивает свои баллы, входящие в фактический профиль. В нем представлены оценочные классификации (например: отлично, хорошо, удовлетворительно, плохо, ужасно), показывающие, как он оценивает себя по каждому измерению. Эти личные оценки и то, как он получает их из фактических результатов, будут зависеть от его фактических представлений о фактических профилях других подобных ему существ (от «референтной группы»), от целей, которые перед ним ставили в детстве, и т.п. Все это откладывает отпечаток на его уровень притязаний, который будет со временем меняться предсказуемым в общих чертах образом. Каждый индивид будет осуществлять общую оценку самого себя; в простейшем случае она будет зависеть исключительно от его оценочного профиля и от того, какие веса он приписывает разным измерениям. Как именно она будет зависеть, может меняться от индивида к индивиду. Некоторые могут взять взвешенную сумму своих

результатов по всем измерениям; другие могут оценивать себя «на пять», если у них высокий результат по какому-нибудь одному достаточно важному измерению; а третьи могут считать, что если они провалялись хотя бы по одному важному измерению, то они полное дерьмо.

В обществе, где люди, в общем, согласны, что некоторые измерения очень важны, результаты людей по этим измерениям различаются, а некоторые институты публично группируют людей по их результатам, люди с низкими результатами могут чувствовать себя неполноценными по сравнению с теми, чьи результаты выше; они могут чувствовать себя неполноценными личностями. (Таким образом, *бедные* люди могли бы прийти к мысли, что они *ущербные* люди.) Можно было бы попытаться избежать чувства неполноценности, изменив общество: чтобы либо измерения, которые служили для деления людей на группы, потеряли свое значение, либо чтобы люди не имели возможности публично проявлять свои способности в этих измерениях или узнавать результаты других*.

Может показаться очевидным, что если люди чувствуют свою ущербность из-за низких достижений по каким-то измерениям, то в случае, если эти измерения теряют свою важность или результаты по ним уравниваются, люди больше не будут испытывать чувство неполноценности. («Еще бы!») Ведь причина, по которой они чувствовали свою ущербность, устранена. Но вполне возможно, что другие измерения займут место устраненных с тем же самым эффектом (для других людей). Если после обесценивания или выравнивания некоего измерения, скажем богатства, общество в целом признает, что важнее всего какое-нибудь *другое* измерение, например эстетическая восприимчивость, внешняя привлекательность, ум, физическое развитие, изящество движений, степень сострадания к другим или способность к оргазму, то все вернется на круги своя⁸.

* Если существует консенсус по поводу того, что самое важное для общества измерение «не поддается наблюдению» в том смысле, что нельзя непосредственно определить, каково значение этой координаты для конкретного индивида, люди будут считать, что результат индивида по этому измерению коррелирует с его результатом по другому измерению, по которому они могут установить относительное положение разных индивидов (гало-эффект или эффект ореола). Таким образом, люди, для которых самое важное измерение — присутствие божественной благодати, придут к вере, что о ее присутствии свидетельствуют другие факты, явленные в реальности; например успех в делах.

⁸ Ср. с романом Л. Хартли: L. B. Hartley, *Facial Justice*; а также с: Blum and Kalven, *The Uneasy Case for Progressive Taxation*, p. 74:

Обычно люди оценивают себя по тому, какую они занимают позицию по самым важным из тех измерений, по которым они *отличаются* от других. Люди не повышают свою самооценку, сравнивая себя в плане обычных человеческих качеств с животными, у которых они отсутствуют. («Со мной все в порядке — у меня противостоящий большой палец и я умею членораздельно говорить».) На самоуважение людей никак не влияет и то, что они имеют право голосовать за политических лидеров, хотя, когда право голоса не было общедоступным, дела могли обстоять иначе. Так же жители современных США не могут считать основанием для гордости умение читать и писать, хотя это было так во многих других обществах в истории. Когда каждый или почти каждый имеет какую-то вещь или качество, это не может служить основой для самоуважения. Самоуважение основано на *дифференцирующих характеристиках*, потому оно и является *само-уважением*. И, как любят подчеркивать социологи, изучающие референтные группы, представления о том, кто такие *другие*, меняются. Первокурсники престижных университетов могут испытывать чувство самоуважения просто оттого, что они туда поступили. Это чувство бывает особенно острым в последние два месяца учебы в средней школе. Но когда все, с кем они общаются, находятся в сходном положении, сам факт учебы в этих университетах перестает служить основой для самоуважения — разве что когда они приезжают домой на каникулы или (мысленно) сравнивают себя с теми, *кто туда не поступил*.

Рассмотрим теперь, как бы вы подошли к задаче по повышению самооценки индивида, который, возможно, за счет ограниченных способностей, получил самый низкий результат по сравнению с остальными людьми по всем измерениям, которые другие считают важными (и не получил относительно хороших результатов ни по одному измерению, которое можно было бы не без оснований рассматривать как важное или ценное). Вы могли бы сказать ему, что, хотя его абсолютные результаты были низкими, он (с учетом ограниченных возможностей) молодец. Он реализовал свои способности в большей степени, чем большинство, и в большей мере, чем другие, раскрыл свой потенциал; если принять во внимание, с чего он начал и сколь малы были его возможности, он достиг очень многого. Эта отсылка к другому важному (мета)измерению, по которому он многого

«Опыт подтверждает мрачную догадку, что зависть найдет другое, вероятно, еще менее привлекательное место, чтобы пустить корни». См. также: Helmut Schoeck, *Envy*, trans. M. Glenny and B. Ross (New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1972) [русск. пер.: Шёк Г. Зависть. М.: ИРИСЭН, 2008].

добился по сравнению с остальными, вновь вводила бы сравнительную оценку*.

Эти соображения внушают *определённый* скептицизм по отношению к шансам выровнять самооценку [разных людей] и уменьшить зависть за счет выравнивания позиций по тому измерению, на котором в значительной мере базируется (так уж получилось) самоуважение. Подумайте о разнообразных атрибутах других людей, которым можно *завидовать*, и вы поймете, насколько огромны возможности для самоуважения, основанные на дифференциации. Вспомните умозрительные построения Троцкого о том, что при коммунизме каждый достигнет уровня Аристотеля, Гёте или Маркса, и над этим кряжем будут подниматься новые вершины. Осознание индивидом того, что он — часть этого кряжа, не в большей степени было бы основой для высокой самооценки и чувства собственной значимости, чем способность членораздельно говорить и иметь руки, способные удерживать предметы. Некоторые простые и естественные предпосылки могли бы даже привести к принципу сохранения зависти. Можно было бы даже заподозрить, что *если* число измерений не является неограниченным и если будут сделаны гигантские шаги для

* Существует ли какое-нибудь важное измерение, по которому неуместно сравнивать себя с другими? Возьмем следующее высказывание Тимоти Лири: «Моя цель — стать самым праведным, самым мудрым и самым добрым из всех ныне живущих на Земле. Наверно, это может показаться мегаломанией, но я не понимаю почему. Я не понимаю, почему... у каждого на этой планете не должно быть такого стремления. Кем еще следует стремиться стать? Председателем совета директоров, начальником или владельцем того и сего?» (Timothy Leary, *The Politics of Ecstasy* [New York: Colledge Notes and Texts, Inc., 1968], p. 218). Разумеется, против желания стать настолько праведным, мудрым и добрым, насколько это возможно, не может быть никаких возражений, но заявленная цель — стать самым праведным, самым мудрым и самым добрым из ныне живущих — довольно причудлива. Аналогично кто-то может желать стать возможно более просветленным (в смысле восточных традиций), но было бы странно стремиться к тому, чтобы стать самым просветленным из ныне живущих или более просветленным, чем кто-либо другой. То, как человек оценивает свою степень просветленности, не зависит от того, в каком положении находятся другие. Это указывает на то, что самые важные в абсолютном отношении вещи не поддаются сравнительной оценке; если это так, то представленная в тексте компаративная теория не универсальна. Впрочем, учитывая природу исключений, этот факт представляется ограниченным интересом для социологии (хотя очень важен в личном плане). К тому же те, кто не сравнивает себя с другими, не будут нуждаться в уравнивании результатов по каким-то измерениям для повышения своей самооценки.

устранения различий, что по мере сокращения числа дифференцирующих параметров зависть будет даже усиливаться. Ведь при небольшом числе дифференцирующих измерений многие люди обнаружат, что им не светит успех *ни по одному* из них. Хотя взвешенная сумма некоторого количества независимых нормальных распределений сама по себе будет нормальной, если каждый индивид (знающий свой результат по каждому параметру) взвешивает параметры иначе, чем другие, общая сумма всех различным образом взвешенных комбинаций всех индивидов не обязательно будет нормальным распределением даже при условии, что оценки по каждому измерению распределены нормально. Каждый мог бы считать себя находящимся в верхней части распределения (даже нормального распределения), поскольку каждый рассматривает распределение в перспективе конкретных весов, которые он сам назначил. Чем меньше измерений, тем меньше у индивида возможностей успешно использовать в качестве основы для высокой самооценки стратегию неоднородного взвешивания, дающую больший вес тому измерению, по которому он получает высокий результат. (Отсюда следует, что зависть можно снизить только решительным уничтожением всех различий.)

Даже если зависть более управляема, чем следует из наших рассуждений, было бы нежелательно вмешиваться с целью ухудшить положение индивида для того, чтобы уменьшить зависть и досаду, которые ощущают другие люди, зная о его положении. Такую практику можно сравнить с запретом каких-либо действий (например, с запретом для расово смешанных пар гулять под ручку) из-за того, что другие огорчаются, зная, что такое поведение имеет место (см. главу 10). Обе ситуации связаны с внешними эффектами *одного и того же типа*. Самый перспективный способ для какого-либо общества избежать значительных различий в самооценке заключался бы в том, чтобы не иметь общего набора весов для каждого измерения; вместо этого в таком обществе имелось бы множество разнообразных списков измерений и взвешиваний. Это улучшило бы шансы каждого индивида найти те измерения, которые *некоторые* другие люди тоже считают важными и по которым он имеет достаточно высокие результаты, чтобы выработать лестную оценку своих достижений, не носящую идиосинкразического характера. Такая фрагментация общего социального взвешивания не должна достигаться за счет централизованных усилий, направленных на устранение значимости тех или иных параметров. Чем более централизованными будут такие усилия и чем шире будет их массовая поддержка, тем в большей степени вклад в эту деятельность станет общепринятым измерением, на котором будет основываться самооценка людей.

Осмысленная работа

Часто утверждается, что подчиненное положение на работе негативно влияет на самооценку в соответствии с неким социально-психологическим законом или фундаментальным обобщением примерно следующего вида: длительная необходимость выполнять приказы других людей, которых вы не выбирали, и подчиняться им понижает вашу самооценку и вызывает у вас чувство неполноценности; но этого не происходит, если вы можете влиять на происходящее, демократически выбирая руководителей, а также участвуя в постоянном процессе проведения консультаций с ними, голосований по их решениям и т.п.

Однако музыканты симфонического оркестра постоянно находятся под управлением своего дирижера (нередко капризного, деспотичного и подверженного вспышкам гнева), и тот не советуется с ними по поводу того, что и как исполнять. При этом они сохраняют высокую самооценку и не чувствуют себя низшими существами. Призывникам в армии постоянно отдают приказы, диктуют форму одежды, содержимое тумбочки и т.п., однако они не чувствуют себя ущербными. Социалистические руководители на предприятиях точно так же получали приказы и подчинялись начальству, как и все остальные, но не теряли самоуважения. На пути к высшим ступенькам карьерной лестницы люди тратят много времени на выполнение приказов и не чувствуют себя из-за этого ущербными. В связи с таким обилием исключений из правила, согласно которому «выполнение приказов в качестве подчиненного порождает низкий уровень самоуважения», необходимо рассмотреть возможность того, что подчиненные с низким уровнем самооценки либо с самого начала были такими, либо их положение заставило их посмотреть в глаза фактам своего бытия и задать себе вопрос о том, на чем основана их оценка собственной значимости и ценности как уникальной личности, на который не нашлось простого ответа. Они будут особенно настоятельно нуждаться в ответе, если они считают, что другие люди, отдающие им приказы, имеют на это право, которое может быть основано только на некоем *личном* превосходстве. Из теории, основанной на титулах собственности, разумеется, ничего подобного не следует. Люди могут иметь титул на право принимать решения относительно определенных ресурсов, условий, на которых другие могут их использовать, и т.п., не обладая никакими выдающимися достоинствами; они могли получить титулы собственности на них в результате передачи. Возможно, читатели, озабоченные проблемой разницы в самооценке, помогут распространению теории, основанной на титулах собственности, и тем самым устроят одно из оснований для низкой самооценки. Разумеется, это

не устранил всех оснований. Иногда несомненным источником титулов собственности, принадлежащих человеку, будут являться его личные достоинства и прошлая деятельность, и тогда сравнение окажется малоприятным.

Вопрос об осмысленной и приносящей удовлетворение работе часто смешивается с разговорами о самооценке. Считается, что осмысленная и приносящая удовлетворение работа предполагает: 1) возможность реализовать свои таланты и способности, необходимость находить решения и выходы из ситуаций, требующие самостоятельности и инициативы (т.е. это работа не скучная и не однообразная); 2) участие в деятельности, которую тот, кто выполняет работу, считает полезной; 3) понимание своей роли в достижении неких общих целей; 4) чтобы иногда, принимая решение о своих действиях, индивид должен был учитывать нечто, относящееся к более широкому процессу, внутри которого он действует. Считается, что такой индивид может гордиться тем, что он делает, и тем, что он делает это хорошо, он может чувствовать, что он достойный человек и вносит ценный вклад. Кроме того, считается, что если вынести за скобки внутреннюю целесообразность таких видов работы и производительной деятельности, то выполнение иных видов работы подавляет индивидуальность и приводит к тому, что люди меньше реализуют себя во *всех* сферах жизни.

Нормативная социология — изучение того, каковы *должны* быть причины проблем — чрезвычайно увлекательна для нас всех. Если *X* — нечто плохое, а *Y* (тоже нечто плохое) может быть правдоподобным образом увязано с *X*, то очень трудно противиться выводу, что одно есть причина другого. Мы *хотим*, чтобы одна плохая вещь была следствием другой. Если люди *должны* выполнять осмысленную работу, если это то, чего мы хотим от людей⁹, и если с помощью какого-нибудь рассказа мы можем связать отсутствие такой работы (что плохо) с другой плохой вещью (отсутствием инициативы как таковым, пассивными видами досуга и т.п.), то мы можем радостно *перескочить* к выводу, что первое зло есть *причина* второго. Эти плохие вещи, конечно, могут существовать и *по иным причинам*; и в самом деле, учитывая избирательность при приеме на определенного рода работу, причиной корреляции может быть то, что именно люди, не отличающиеся инициативностью, с наибольшей готовностью соглашаются поступать и продолжать трудиться на таких работах, которые не предоставляют особых возможностей для расцвета инициативы.

⁹ Разве некоторые не могли бы благоденствовать, вовсе не работая, а другие — занимаясь монотонной работой, которая не требует постоянного внимания и создает массу возможностей для мечтаний?

Часто отмечалось, что фрагментация задач, механические действия и подробная регламентация операций, не оставляющие места для проявления самостоятельности и инициативы, не являются проблемой, свойственной капиталистическим способам производства; это, вероятно, вообще специфика индустриального общества. Каким образом капитализм мог бы ответить и отвечает на стремление рабочих к более осмысленной работе? Если производительность труда заводских рабочих *растет* тогда, когда сегментация операций делает работу более осмысленной, то стремящиеся к прибыли собственники перестроят производственный процесс именно таким образом. Если при таком осмысленном разделении труда производительность *остаётся такой же*, то фирмы изменят внутреннюю организацию производства в ходе конкуренции за рабочую силу.

Поэтому единственно интересным для рассмотрения остаётся тот случай, когда фрагментация производственного процесса на осмысленные сегменты, ротация задач и прочее в том же роде оказывается *менее эффективным* (с точки зрения рыночных критериев), чем менее осмысленное разделение труда. Это снижение эффективности может быть преодолено тремя способами (или их сочетанием). Прежде всего, сами заводские рабочие могут стремиться к осмысленному труду. У такого труда есть все достоинства, которые ему приписывают его теоретики, рабочие это понимают и готовы поступиться чем-то (частью зарплаты) ради того, чтобы выполнять осмысленным образом сегментированную работу. Они работают за меньшую заработную плату, но считают такой вариант (меньше денег плюс удовлетворение от более осмысленной работы) более привлекательным, чем менее осмысленную работу при более высоком заработке. Они обменивают часть дохода на более осмысленную работу, рост самооценки и прочее. Многие люди именно так и поступают: выбирая род занятий, они ориентируются не только на дисконтированную величину будущих денежных доходов. Они учитывают возможности общения, перспективы личного развития, увлекательность работы, гарантированные рабочие места, уютность, наличие свободного времени и т.п. (Многие преподаватели колледжей могли бы больше зарабатывать в промышленности. Секретари в университетах отказались от более высокого заработка в промышленности ради более спокойного и, с их точки зрения, более интересного окружения. Можно привести массу других примеров.) Не все хотят одного и того же; по крайней мере не все хотят одинаково сильно. Люди выбирают работу на основании всей суммы выгод, которые она предоставляет. Точно так же рабочие, для которых важно, как именно организован труд, могли бы поступиться частью денег, чтобы получить желаемое; и нет

сомнений, что те, для кого это *особенно* важно, так и поступают, выбирая работу из доступных им вариантов. Ритм жизни фермера не такой, как у рабочих на конвейере (которые составляют менее 5% работников физического труда в США), чьи доходы и жизнь, в свою очередь, отличаются от доходов и жизни продавца в магазине и т.д.

Но предположим, что осмысленность работы значит для рабочего не так уж много; он не согласится на более низкую зарплату ради этого. (В *какой* период его жизни такой обмен для него непривлекателен? Если в самом начале, то его шкала ценностей *не* является продуктом занятий неосмысленным трудом, и мы должны поостеречься с объяснением его будущего характера трудовым опытом.)

Не мог бы кто-либо *другой* взять на себя денежные издержки пониженной эффективности? Эти «другие» могли бы поступить так потому, что считают это важным делом, хотя и не настолько важным для отдельного рабочего, чтобы он добровольно взял на себя *денежные* издержки. Итак, второй вариант: потребители могут взять издержки на себя, *платя больше* за то, что они покупают. Некоторые из нас могут объединиться в потребительский кооператив и покупать продукцию только тех заводов, где труд сегментирован осмысленным образом; мы можем также делать это по отдельности друг от друга. Как много мы сделаем таким образом, будет зависеть от того, насколько поддержка таких производств важна *для нас* по сравнению с возможностью купить больше других товаров или купить все то же самое дешевле у тех производителей, у которых труд сегментирован без учета осмысленности, а сэкономленные деньги пустить на поддержку других благих начинаний, например на медицинские исследования, помощь нуждающимся художникам или жертвам войн в других странах.

Но что если осмысленная сегментация труда не обладает достаточной ценностью ни для отдельных рабочих, ни для отдельных потребителей (включая членов социал-демократических движений)? Какие варианты остаются? Третий вариант заключается в том, чтобы запретить рабочим работать на заводах, на которых труд фрагментирован без учета его осмысленности, или запретить потребителям покупать продукцию таких заводов. (Каждый из запретов поодиночке в отсутствие черного рынка приведет к реализации другого *de facto*.) Можно еще было бы взять деньги для поддержки осмысленно сегментированных производств из предпринимательской прибыли. Последнее — это отдельная большая тема, и ее мне придется оставить до другого случая. Но заметим, что проблемы с организацией рабочих мест будут даже в отсутствие частных собственников в гипотетической ситуации, когда все заводы принадлежат их рабочим. Организуя

производство, некоторые компании совместно решили бы поделить выросшую денежную прибыль. Другие компании должны были бы либо последовать их примеру, либо понизить годовую заработную плату рабочим, либо уговорить потребителей платить дороже за их продукцию. Возможно, в такой ситуации социалистическое правительство действительно *запретило бы* неосмысленную работу; но даже если оставить в стороне проблему с формулировкой закона, возникает вопрос: на каком основании оно могло бы *навязать* свои взгляды всем тем рабочим, которые предпочли бы другие цели?

Рабочий контроль

В капиталистической системе фирмы могли бы предоставить осмысленную работу тем, кто хочет этого достаточно сильно. Могли бы ли они таким же образом предоставить и демократичную структуру внутреннего управления? До известной степени, несомненно. Но если спрос на демократическое принятие решений распространяется и на права собственности, то нет. Конечно, в качестве альтернативы люди могут создать свои собственные демократически управляемые *кооперативные* фирмы. Любой богатый радикал или группа рабочих могут купить завод или создать новый и реализовать симпатичную им схему управления, например идею демократически управляемых, контролируемых рабочими компаний. Завод может продавать свою продукцию на рынке. Здесь возникают варианты, похожие на те, что мы уже обсуждали. Возможно, что внутренние процедуры на таком заводе не уменьшат эффективности производства с точки зрения рыночных критериев. Ведь хотя люди будут проводить меньше времени собственно за работой (довольно много времени уйдет на деятельность, связанную с процессом демократического принятия решений), возможно, что в это время рабочие будут работать на собственном заводе над проектами, к выбору и разработке которых они имели отношение, настолько усердно и эффективно, что результаты по рыночным критериям окажутся выше, чем у их ортодоксальных конкурентов (см. взгляды Луи Блана). В этом случае трудностей в создании финансово успешных производств такого типа не возникло бы. Я пренебрегаю здесь известными сложностями, связанными с тем, как должна действовать система такого рабочего контроля. Если решения будут приниматься голосованием рабочих, это приведет к недоинвестированию долгосрочных проектов, прибыль от которых поступит тогда, когда многие участники голосования не смогут ею воспользоваться в достаточной мере, чтобы это перевесило изъятие инвестируемых средств

из текущего распределения между работниками — потому ли, что они больше не будут работать на этом заводе, или потому, что будут уже стары. Такого недоинвестирования (и, как следствие, ухудшения положения будущих рабочих) можно избежать, если каждый рабочий владеет долей в предприятии, которую он может продать или завещать, потому что тогда ожидание будущих прибылей будет увеличивать текущую ценность его доли совладельца. (Но тогда...) Если каждый новый рабочий приобретает право на равный процент чистой годовой прибыли (или равную долю собственности), это повлияет на коллективные решения о приеме новых рабочих. Те, кто уже работает, а значит, и весь завод, будут иметь сильный стимул для максимизации *средней* (в расчете на одного рабочего), а не *совокупной* прибыли, и потому на заводе будет работать меньше людей, чем там, где нанимают каждого, кого можно использовать с прибылью*. Как будет приобретаться дополнительный капитал для расширения производства? Будет ли существовать дифференциация доходов внутри коллектива? (Чем будут определяться различия?) И тому подобное. Поскольку система синдикалистских предприятий была бы связана со значительным неравенством доходов рабочих разных заводов (в силу различной величины капитала на одного занятого и различной прибыльности), трудно понять, почему люди, которым нравятся эгалитарные паттерны конечного состояния, думают, что это подходящий способ реализации их мечты.

Если организованный таким образом, контролируемый рабочими завод будет менее эффективным по рыночным критериям и поэтому не сможет продавать свою продукцию так же дешево, как завод, который ориентирован главным образом на удешевление производства (а другие ценности его владельцев волнуют мало или вовсе отсутствуют), с этой трудностью, как и в предыдущем случае, легко справиться с помощью одного из двух методов (или их комбинации). Во-первых, завод, контролируемый рабочими, может платить каждому рабочему меньше; иными словами, используя свой механизм коллективного принятия решений, они могут платить себе меньше, чем получают рабочие на более ортодоксальных предприятиях, и это даст им возможность продавать свою продукцию по конкурентным ценам. Если, однако, рабочие откажутся получать на заводах, контролируемых рабочими, меньше, чем они могли бы зарабатывать в другом месте, иными словами, *если неденежные выгоды такого рода занятости для*

* Поскольку рабочие, действующие в личных интересах, помешали бы эффективной деятельности заводов, находящихся под контролем рабочих, возможно, массовые революционные движения должны попытаться укомплектовать такие заводы своими «неэгоистичными» членами.

них менее важны, чем возможности более высокого заработка в другом месте, тогда контролируемый рабочими завод может опробовать второй вариант — платить рабочим конкурентную зарплату и взимать более высокую цену за свою продукцию. Вероятно, он попросит покупателей платить больше, чем за продукцию более ортодоксальных конкурентов, объяснив им, что, поступая так, они будут поддерживать контролируемый рабочими завод и содействовать делу социальной справедливости. И опять, можно предположить, что некоторые потребители согласятся понести дополнительные расходы, в то время как другие решат, что вместо того, чтобы заниматься благотворительностью в пользу завода, контролируемого рабочими, они лучше купят более дешевые товары, а сэкономленные деньги используют на другие цели, в том числе на другие благотворительные проекты. Если не найдется достаточно большого количества тех, кто поддержит завод, то (без учета крупных частных субсидий, не связанных с потреблением) он разорится. Он добьется успеха, если достаточное количество рабочих и/или потребителей будет согласно в какой-то степени использовать неденежные критерии и поддерживать производство. Здесь важно подчеркнуть то, что *существуют* возможности реализовать модель рабочего контроля на основе добровольных действий людей в свободном обществе*.

Можно было бы предположить, что в обществе с преимущественно частными предприятиями заводы, контролируемые рабочими, не могли бы возникнуть, даже если бы они были эффективны. Но если бы их считали эффективными, они могли бы получить некоторую поддержку в рыночной экономике. Ведь подобные фирмы, или коммуны, или иные экспериментальные начинания, как бы их ни называть, добившись процветания (в существенном числе случаев), смогли бы вернуть все первоначальные инвестиции, даже если бы *им* был не по душе принцип частного инвестирования. И не говорите, что поддержка предприятий, успех которых привел бы к сокращению или полному исчезновению *инвестиций* как системы, противоречит классовым интересам инвесторов. Инвесторы не настолько альтруистичны. Они руководствуются личными, а не классовыми интересами. С другой стороны, вопрос о том, каким образом в государственной системе можно было бы собрать достаточные ресурсы для создания частного предприятия при условии, что там были бы люди, согласные быть рабочими и потребителями, куда более труден.

* Опять-таки, если и это не получится, есть еще один метод: принудить людей (рабочих и потребителей) сотрудничать во имя реализации схемы рабочего контроля и отказаться от дополнительных благ или более высокого заработка, которые они могли бы иметь при другом варианте.

Даже если найти внешние инвестиции было бы сложнее, чем описано в предыдущем абзаце, в казне профсоюзов в настоящее время достаточно денег для создания множества контролируемых рабочими фирм, которые могли бы гасить займы с процентами, как поступают частные собственники с банковскими ссудами и даже со ссудами, полученными от профсоюзов. Почему же профсоюзы или группы рабочих не начинают *собственный* бизнес? Ведь это так *просто* — дать рабочим доступ к средствам производства: купи машины, возьми в аренду производственные площади и т. д., так же как делают частные предприниматели. Полезно выяснить, почему профсоюзы не создают новых предприятий и почему рабочие не объединяют для этого имеющиеся у них средства.

Эксплуатация по Марксу

Этот вопрос важен для того, что осталось от марксистской экономической теории. С крахом трудовой теории ценности исчезает и основа марксистской теории эксплуатации. Обаяние и простота *определения* эксплуатации в этой теории пропадают вслед за осознанием того, что согласно этому определению эксплуатация будет существовать в *любом* обществе, в котором осуществляются инвестиции ради увеличения будущего продукта (возможно, вследствие роста населения), а также того, что в *любом* обществе, в котором люди, неспособные к труду или к производительному труду, *сублидируются* за счет труда остальных. Но в конечном итоге марксистская теория объясняет феномен эксплуатации тем, что рабочие не имеют доступа к средствам производства. Рабочие вынуждены продавать свой труд (способность к труду) капиталистам, потому что они должны использовать средства производства и без них не способны заниматься производством. Рабочий или группа рабочих не могут арендовать средства производства и потом несколько месяцев ждать, когда продукция будет реализована; им не хватает денежных запасов, чтобы получить доступ к оборудованию или подождать до того момента, когда будет получен доход от будущих продаж продукции, которая производится в данное время. Ведь в промежутке рабочим нужно что-то есть*. В силу

* Откуда взялись средства производства? Кто ранее ограничивал текущее потребление, чтобы их приобрести или произвести? Кто сегодня ограничивает текущее потребление, расходуя деньги на заработную плату и покупку факторов производства, чтобы получить доход только после того, как конечная продукция будет продана? Чьи предпринимательская активность и чутье привели в движение эти процессы?

этого (делается вывод) рабочий вынужден иметь дело с капиталистом. (А резервная армия безработных избавляет капиталистов от необходимости конкурировать за рабочую силу и поднимать цену труда.)

Отметьте, что когда остальная часть теории справедливо отброшена, то единственным обоснованием эксплуатации остается невозможность доступа к средствам производства, из чего *следует*, что в обществе, где рабочие не обязательно *вынуждены* иметь дела с капиталистом, эксплуатация трудящихся будет отсутствовать. (Мы обходим вопрос о том, вынуждены ли рабочие вступать в отношения с другой, менее децентрализованной группой.) Таким образом, если имеется сектор принадлежащих обществу или контролируемых обществом (как хотите) средств производства, который способен расширяться так, чтобы в нем могли работать все желающие, этого достаточно, чтобы ликвидировать эксплуатацию трудящихся. В частности, если кроме общественного сектора есть и сектор, в котором средства производства принадлежат частным лицам и в котором работают те, кто *предпочел* работать в этом секторе, то и эти рабочие *не* подвергаются эксплуатации. (Возможно, они предпочли работать там, несмотря на попытки убедить их поступить по-другому, оттого что в этом секторе больше заработная плата или доход.) Ведь их никто не принуждает вступать в отношения с частными собственниками средств производства.

Остановимся на этом примере подробнее. Предположим, что частный сектор расширялся бы, а общественный становился бы слабее и слабее. Предположим, что все больше рабочих предпочитали бы работу в частном секторе. Зарплата в частном секторе выше, чем в общественном, и постоянно растет. Теперь представим себе, что со временем этот слабый государственный сектор становится совершенно незначительным, возможно, даже совсем исчезает. Произойдут ли какие-либо сопутствующие изменения в частном секторе? Поскольку предполагается, что государственный сектор уже был незначителен, приток новых работников в частный сектор не окажет значительного воздействия на заработную плату. Теория эксплуатации считает своим долгом заявить, что такие изменения должны быть велики; это утверждение *крайне* неубедительно. (Убедительные теоретические аргументы в пользу этого тезиса отсутствуют.) Если в уровне или в темпе повышения уровня заработной платы в частном секторе не произошло изменений, можно ли было говорить, что работники частного сектора, которые до тех пор не были эксплуатируемыми, стали эксплуатируемыми? Если они даже не знают, что государственный сектор исчез, потому что не обратили на это внимания, то *принуждены ли они* с этого момента работать

в частном секторе, обращаться к частным капиталистам за работой и вследствие этого, *ipso facto*[‡] подвергаться эксплуатации? Представляется, что именно это теория была бы вынуждена утверждать.

Какой бы ни была некогда ситуация с отсутствием доступа к средствам производства, в нашем обществе большие сегменты рабочей силы владеют достаточными денежными резервами и, кроме того, значительные денежные резервы принадлежат пенсионным фондам профсоюзов. Эти рабочие имеют возможность ждать, и они в состоянии инвестировать. Возникает вопрос, почему эти деньги не используются для создания производств, находящихся под контролем рабочих. Почему радикалы и социал-демократы не настаивали на этом?

Возможно, у рабочих нет свойственной предпринимателям способности определять перспективные возможности для прибыльной деятельности и организовывать фирмы для реализации этих возможностей. В таком случае рабочие могут попробовать нанять предпринимателей и менеджеров, чтобы те создали для них фирму, а через год передали бы управление рабочим (собственникам). (Хотя, как подчеркивает Кирицнер, предпринимательская хватка понадобилась бы и для того, чтобы решить, кого нанять.) Различные группы рабочих конкурировали бы на рынке найма талантливых предпринимателей, поднимая цену таких услуг, в то время как имеющие капитал предприниматели пытались бы нанять рабочих на условиях традиционных отношений собственности. Оставим в стороне вопрос, как выглядело бы равновесие на этом рынке, и задумаемся над тем, почему в наши дни группы рабочих так не делают.

Создание новой фирмы — дело *рискованное*. Непросто обнаружить новый предпринимательский талант, также многое зависит от оценок будущего спроса, доступности ресурсов, от непредвиденных препятствий, везения и т.п. Специализированные инвестиционные институты и фонды венчурного капитала возникают именно для того, чтобы брать на себя эти риски. Некоторые люди не хотят брать на себя риск инвестирования, финансовой поддержки или создания новых проектов. Капиталистическое общество позволяет отделить функцию принятия этих рисков от других видов деятельности. Рабочие завода *Edsel*, филиала *Ford Motor Company*, не брали на себя риски предприятия, и когда компания понесла убытки, они не возвращали ей часть своей заработной платы. В социалистическом обществе либо индивид *должен* брать на себя часть рисков предприятия, на котором он работает, либо каждый индивид берет на себя риски по инвестиционным реше-

[‡] В силу самого факта (лат.). — Прим. науч. ред.

ниям центральной власти. Невозможно *снять с себя* эти риски или нести только некоторые из них (приобретя специальные знания в каких-то областях), как это можно сделать в капиталистическом обществе.

Часто люди, не желающие принимать на себя риски, чувствуют себя вправе получать вознаграждение от тех, кто рискует и побеждает; но при этом они не чувствуют себя обязанными помочь покрыть убытки тем, кто рискнул и проиграл. Например, крупные в казино ожидают больших чаевых от тех, кто выиграл крупную сумму, но они не ожидают, чтобы их попросили покрыть часть убытков проигравших. Доводы в пользу такого асимметричного распределения еще слабее применительно к компаниям, успех которых не является случайностью. Почему некоторые полагают, что могут держаться в стороне, выжидая, когда чье-то начинание приведет к успеху (чтобы *задним числом* определить, кто выжил и ведет дело с прибылью), а потом потребовать долю в успехе? При этом они не считают, что они должны нести убытки, если предприятие окажется неудачным, и не считают, что, если они хотят участвовать в распределении прибыли или в управлении предприятием, им следует вкладывать в него и рисковать вложенными средствами.

Прежде чем сравнить нашу точку зрения с тем, как эти риски трактует марксистская теория, мы должны совершить краткий экскурс в эту теорию. Теория Маркса представляет собой одну из форм ресурсной теории ценностей [productive resources theory of value]. Теория такого рода утверждает, что ценность V вещи X равна общей сумме всех производительных ресурсов общества, которые содержатся в X . В более практической формулировке: отношение ценности двух вещей $V(X)/V(Y)$ равно отношению содержащихся в них производительных ресурсов M (ресурсы в X) / M (ресурсы в Y), где M — показатель, измеряющий количество ресурсов. Такая теория требует наличия измерителя M , значение которого определяется независимо от подлежащих объяснению пропорций V . Если соединить ресурсную теорию ценности с трудовой теорией производительных ресурсов, согласно которой труд является единственным производительным ресурсом, то мы получим трудовую теорию ценности. Многие возражения, выдвинутые против трудовой теории ценности, относятся к любой теории производительных ресурсов.

Теория, альтернативная ресурсной теории ценности, могла бы утверждать, что *ценность* производительных ресурсов определяется ценностью конечных продуктов, которые из них возникают (могут быть произведены), где ценность конечной продукции определяется не через ценность использованных для этого ресурсов, а каким-то *другим* способом. Если одна машина может быть

использована для производства X (и ни для чего иного), другая — для производства Y , если каждая из машин использует для производства единицы продукции равное количество одинакового сырья и X оказывается ценнее, чем Y , то первая машина ценнее второй, даже если на производство обеих машин потрачено равное количество сырья и времени. Первая машина, производящая более ценный конечный продукт, будет стоить дороже, чем вторая. Это может породить иллюзию, что получаемая с ее помощью продукция имеет более высокую ценность в силу того, что сама машина имеет более высокую ценность. Но все обстоит в точности наоборот. Машина является более ценной, потому что ее продукция ценится выше.

Однако ресурсная теория ценности говорит не о ценности производительных ресурсов, а только об их количестве. Если бы имелся только один фактор производства и он был бы однородным, можно было бы по крайней мере сформулировать ресурсную теорию, избежав порочного круга. Но когда факторов больше одного или когда *единственный фактор может быть неоднородным*, возникает проблема определения показателя M таким образом, чтобы не получилось порочного круга. Для этого необходимо определить, какое количество одного фактора производства должно считаться эквивалентным данному количеству другого. Одна процедура сводилась бы к тому, чтобы взять за основу *ценность* конечных продуктов и вывести значение нужного показателя из пропорций. Но эта процедура определяла бы показатель количества ресурсов на основании информации о ценности конечной продукции, а потому не могла бы использоваться для того, чтобы *объяснить* ценность конечной продукции на базе информации о количестве используемых ресурсов*. Другая процедура заключалась бы в том, чтобы найти какую-нибудь общую вещь, которую можно произвести в различных количествах и с помощью X , и с помощью Y , а затем использовать соотношение *количества* конечной продукции для определения *количества* исходного материала. Таким образом удастся избежать порочного круга, возникающего в случае, когда исходной является ценность конечной продукции; в данном случае исходным является *количество* конечной продукции, и на основе этой информации определяется количество исходных материалов (чтобы дать определение измерителю M). Но даже если общий вид продукции суще-

* Однако если взять информацию о ценности *некоторых* конечных товаров (все равно каких), то можно, решив систему пропорций, определить показатель M и уже с его помощью вычислять ценности для других видов конечной продукции — тогда у теории было бы какое-то содержание.

ствует, он может быть не тем, для производства которого данные факторы подходят наилучшим образом, а потому использование его для сравнения может дать ошибочные коэффициенты. Факторы следует сравнивать в их наилучшем (для каждого отдельного фактора) применении. Кроме того, если каждый из ресурсов можно использовать для изготовления двух разных *вещей* и количественные пропорции для этих случаев *различны*, возникнет проблема, какой коэффициент выбрать в качестве коэффициента пропорциональности между ресурсами.

Для иллюстрации этих трудностей можно взять предложенный Полом Суизи анализ концепции простого, недифференцированного трудового времени¹⁰. Суизи рассматривает, как можно уравнивать труд квалифицированный и неквалифицированный, и приводит к выводу, что если бы мы исходили из ценности конечной продукции, то попали бы в порочный *круг*, потому что именно ее и нужно объяснить. Затем Суизи отмечает, что квалификация зависит от двух факторов: от образования и от врожденных различий. Суизи предлагает приравнять образование к числу потраченных на него *часов*, не учитывая при этом мастерство учителя, даже измеренное с помощью таких грубых показателей, как продолжительность обучения в часах самого учителя (и того, сколько часов затратил на обучение *его* учитель?). Для измерения врожденных различий Суизи предлагает дать двум индивидам делать одно и то же, а потом сравнить количество произведенной продукции и вычислить уравнивающий их коэффициент. Но поскольку квалифицированный труд лучше рассматривать не как более быстрый способ произвести то же, что производит неквалифицированный труд, а как способ производства *более качественной* продукции, то этот метод определения показателя M не будет работать. (Если сравнивать живописное мастерство мое и Рембрандта, то ключевое различие состоит не в том, что он пишет картины *быстрее* меня.) Было бы утомительно перечислять все стандартные примеры, доказывающие неадекватность трудовой теории ценности: найденные природные объекты (ценность которых намного превышает труд, потраченный на то, чтобы их найти); редкие блага (письма Наполеона), которые невозможно произвести в неограниченном количестве; различия в ценности одинаковых объектов в разных местах; различия, связанные с квалификацией; изменения, связанные с колебаниями спроса и предложения; предметы, созревающие

¹⁰ Paul Sweezy, *The Theory of Capitalist Development* (New York: Monthly Review Press, 1956). См. также: R. L. Meek, *Studies in the Labor Theory of Value* (London: Lawrence & Wishart, 1958), pp. 168–173.

с течением времени, на производство которых требуется много времени (старые вина), и т.п.¹¹

До сих пор речь шла о природе простого недифференцированного трудового времени, которое должно предоставить *единицу* измерения всего остального. Теперь мы должны ввести дополнительные уточнения. Дело в том, что марксистская теория *не* утверждает, что ценность объекта пропорциональна количеству часов простого недифференцированного труда, потребовавшихся для его производства; она говорит, что ценность объекта пропорциональна количеству часов простого недифференцированного общественно необходимого труда, потребовавшихся для его производства*. Откуда берется дополнительное требование о том, что рабочие часы должны быть общественно необходимы? Разберем этот вопрос без спешки.

Требование, чтобы объект был полезным, является необходимым компонентом трудовой теории стоимости, если эта тео-

¹¹ См.: Eugene von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest*, vol. I (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959), chap. 12 [русск. пер.: Бэм-Баверк Е. фон. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб., 1909. Гл. XII; Бём-Баверк О. Теория эксплуатации // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. М., Челябинск: Социум, 2002. С. 137–281]; Ibid., *Karl Marx and the Close of His System* (Clifton, N. J.: Augustus M. Kelley, 1949) [русск. пер.: Бём-Баверк О. К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. М., Челябинск: Социум, 2002. С. 3–135].

* «Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно-нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда» (Karl Marx, *Capital*, vol. I (New York: Modern Library, n.d.), p. 46 [русск. пер.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 47]) Заметим, что мы хотим также объяснить, почему нормальные условия производства таковы, каковы они есть, и почему для производства *данной* продукции используют труд определенной квалификации и интенсивности. Дело в том, что имеет значение не средний уровень квалификации, характерный для данного общества. Большинство индивидов могут уметь производить данную продукцию лучше, но они могут быть заняты чем-то еще более важным, так что для данной работы останутся только те, чья квалификация в данном деле ниже средней. По-настоящему важна была бы квалификация тех, кто на самом деле производит эту продукцию. Хотелось бы также, чтобы теория объясняла, что определяет, какие именно из индивидов с различной квалификацией заняты в производстве конкретной продукции. Я упоминаю эти вопросы, конечно, потому что на них *может* ответить другая теория.

рия хочет избежать некоторых возражений. Представим себе, что человек работает над чем-то совершенно бесполезным и никому не нужным. Например, он часами тренируется в завязывании большого узла; никто не может сделать это быстрее его. Будет ли ценность этого объекта измеряться часами затраченного на него труда? Теория не должна приводить к таким результатам. Маркс обходит это возражение следующим образом: «Вещь не может быть стоимостью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и затраченный на нее труд бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой стоимости»¹². Не есть ли это ограничение *ad hoc*? Учитывая всю остальную теорию, кто применяет его? Почему не *весь* успешно завершённый труд создает ценность? А если упоминание о том, что этот труд полезен людям и на самом деле *нужен им* (он мог бы быть полезен, но никому не нужен) является обязательным, то, вероятно, получить *завершённую* теорию ценности можно, исходя исключительно из потребностей, *которые в любом случае должны быть учтены*.

Даже при наличии *ad hoc* ограничения, устанавливающего, что объект должен приносить какую-то пользу, проблемы остаются. Представим себе, что некто 563 часа работает над производством чего-то, имеющего очень *небольшую* полезность (и невозможно сделать то же самое более эффективно). Это нечто удовлетворяет необходимому условию полезности объекта. Определяется ли его ценность *количеством* вложенного труда, вследствие чего оно оказывается невероятно дорогим? Нет. «Потому что затраченный на них труд идет в счет лишь постольку, поскольку он затрачен в форме, полезной для других»¹³. Маркс продолжает: «Но является ли труд действительно полезным для других, удовлетворяет ли его продукт какой-либо чужой потребности — это может доказать лишь обмен». Если мы истолкуем Маркса в том смысле, что полезность *не* является необходимым условием и (при выполнении этого условия) не количество труда определяет ценность, а, напротив, *степень* полезности определяет, сколько (полезного)

¹² Marx, *Capital*, part I, chap. I, sect. I, p. 48. [русск. пер.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 49]

* В данном издании для цитирования используются стандартные советские переводы работ К. Маркса, где вместо адекватного перевода немецкого слова «Wert» как «ценность» использован ошибочный перевод «стоимость». Вне цитат из этих источников английский эквивалент «value» в настоящем издании переведен как «ценность». — Прим. науч. ред.

¹³ Marx, *Capital*, vol. I, chap. 2, pp. 97–98 [русск. пер.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 95]

труда было потрачено на объект, то мы получим теорию, весьма отличающуюся от трудовой теории ценности.

Можно подойти к этому вопросу с другой стороны. Предположим, что полезные вещи произведены с предельно возможной эффективностью, но их произведено слишком много, чтобы их можно было продать по определенной цене. Цена, при которой весь товар будет распродан, ниже, чем трудовая ценность продуктов; на то, чтобы их произвести, было потрачено большее количество эффективно использованных рабочих часов, чем люди готовы оплатить (при определенной цене часа труда). Следует ли из этого, что количество средних часов, вложенных в производство объекта значительной полезности, не определяет его ценность? Маркс отвечает, что если имеет место такое перепроизводство, что товары не удастся распродать по определенной цене, значит, труд был использован неэффективно (нужно было произвести меньше), хотя сам труд не был неэффективным. Таким образом, не все эти трудовые часы составили общественно необходимое время труда. Ценность объекта не меньше, чем потраченное на его производство количество общественно необходимых трудовых часов, потому что на его производство было потрачено меньше часов общественно необходимого труда, чем кажется на первый взгляд.

«Допустим, наконец, что каждый имеющийся на рынке кусок холста заключает в себе лишь общественно необходимое рабочее время. Тем не менее общая сумма этих кусков может заключать в себе избыточно затраченное рабочее время. Если чрево рынка не в состоянии поглотить всего количества холста по нормальной цене 2 шилл. за аршин, то это доказывает, что слишком большая часть всего рабочего времени общества затрачена в форме тканей холста. Результат получается тот же, как если бы каждый отдельный ткач затратил на свой индивидуальный продукт более, чем общественно необходимое рабочее время»¹⁴.

Таким образом, Маркс утверждает, что не весь этот труд является общественно необходимым. А какой общественно необходим и сколько его общественно необходимо, будет определяться тем, что происходит на рынке!¹⁵ Это уже не трудовая теория ценности;

¹⁴ Marx, *Capital*, vol. I, p. 120 [русск. пер.: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 117].

¹⁵ Ср.: Ernest Mandel, *Marxist Economic Theory*, vol. I (New York: Monthly Review Press, 1969), p. 161. «Именно через конкуренцию выясняется, является ли количество труда, воплощенное в товаре, общественно необходимым количеством или нет. ...Когда предложение конкретного товара превосходит спрос на него, это означает, что на производство этого товара было израсходовано больше труда, чем было общественно необходимым в данный период. ...Когда

центральное понятие общественно необходимого времени труда *само определено* в терминах процессов и пропорций обмена на конкурентном рынке!¹⁶

Мы вернулись к прежней теме, к вопросу о рисках инвестирования и производства, который, как видим, преобразовал трудовую теорию ценности в теорию, использующую критерии конкурентных рынков. Рассмотрим теперь систему оплаты в соответствии с количеством часов отработанного простого, недифференцированного общественно необходимого труда. При такой системе риски, связанные с процессом производства, ложатся на каждого рабочего, участвующего в процессе. Как бы много часов и с какой бы степенью эффективности он ни отработал, о количестве отработанных им часов труда, которые были общественно необходимы, он не узнает до тех пор, пока не выяснится, сколько людей готовы покупать продукцию и по каким ценам. В условиях системы оплаты в соответствии с количеством часов отработанного общественно необходимого труда некоторые усердные рабочие не получили бы почти ничего (те, кто занимался производством хулахупов, когда мода на них прошла, или те, кто работал на заводе *Edsel* компании *Ford Motor*), а другие получили бы очень мало. (Учитывая огромную и неслучайную некомпетентность инвестиционных и производственных решений в социалистическом обществе, было бы чрезвычайно удивительно, если бы правители такого общества осмелились платить своим рабочим в строгом соответствии с количеством отработанного ими «общественно необходимого» труда!) Такая система заставила бы каждого индивида пытаться предвидеть будущий спрос на производимый им товар; это оказалось бы совершенно неэффективно и подвигло бы тех, кто сомневается в будущем успехе своей продукции, бросить работу, с которой они хорошо справляются, даже если другие верят в успех настолько, что готовы рискнуть. Система, которая позволяет людям переключаться на других риски, которые им не хочется брать на себя, и при любом исходе рискованного процесса получать фиксированную оплату, имеет несомненные преимущества*. Есть большие преимущества в существовании возможностей для

предложение меньше спроса, это означает, что на производство данного товара было потрачено меньше труда, чем было общественно необходимым».

¹⁶ Ср. с обсуждением этого вопроса в: Meek, *Studies in the Labour Theory of Value*, pp. 178–179.

* Невозможно застраховать подобные риски для каждого проекта. Оценки этих рисков будут различны; а когда все риски застрахованы, то уменьшается стимул сделать все возможное для достижения успеха. Поэтому страховщику пришлось бы тщательно следить за действиями

специализации на принятии рисков; эти возможности приводят к типичному набору капиталистических институтов.

Маркс попытался ответить на следующий кантианский вопрос: как возможна прибыль?¹⁷ Как может возникнуть прибыль, если все оплачивается в соответствии с полной ценностью, если нет никакого *жульничества*? Согласно Марксу, ответ заключается в уникальной особенности рабочей силы: ее ценность равна издержкам на ее воспроизводство (труду, вложенному в нее), но при этом она способна производить большую ценность, чем она имеет. (Это верно и относительно машин.) Вложение определенного количества труда L в производство человеческого существа создает нечто, способное израсходовать количество труда, превышающее L . Поскольку индивидам не хватает ресурсов, чтобы дожидаться дохода от продажи продуктов их труда (см. выше), они не в состоянии получить выгоду от своих способностей и вынуждены обращаться к капиталистам. В свете трудностей, с которыми столкнулась марксистская экономическая теория, можно было бы предположить, что марксисты займутся тщательным изучением других теорий существования прибыли, включая те, что были сформулированы «буржуазными» экономистами. Хотя здесь я сконцентрировался на вопросах риска и неопределенности, я должен также упомянуть об инновациях (Шумпетер) и, что очень важно, о предпринимательской бдительности [*alertness*] в отношении новых возможностей для арбитражных операций (в широком понимании), которых еще не заметили другие¹⁸. Если другая объясняющая теория окажется адекватной, то марксистская экономическая теория, как можно предположить, лишится значительной части научности; может даже возникнуть представление, что эксплуатация по Марксу — это эксплуатация экономического невежества публики.

застрахованного, чтобы избежать того, что называют «моральным риском». См.: Kenneth Arrow, *Essays in the Theory of Risk-Bearing* (Chicago: Markham, 1971). Алчян и Демсец (Alchian and Demsetz, *American Economic Review* [1972], pp. 777–795) обсуждают деятельность по управлению рисками; к рассмотрению этого предмета их привело изучение проблемы оценки предельного продукта в совместной деятельности с помощью мониторинга *вклада*, а не анализ риска и страхования.

¹⁷ Детальное рассмотрение его теории см. в: Mark Blaug, *Economic Theory in Retrospect* (Homewood, Ill.: Irwin, 1962), pp. 207–271 [русск. пер.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. С. 207–274].

¹⁸ См.: Israel Kirzner, *Competition and Entrepreneurship* (Chicago: University of Chicago Press, 1973) [русск. пер.: Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2008].

Некоторые читатели не одобряют того, что я часто говорю о добровольных обменах, на том основании, что некоторые действия (например, когда люди соглашаются работать по найму) на самом деле не добровольны, потому что у одной из сторон резко ограничен выбор вариантов, и все они намного хуже того, который она выбирает. Являются ли действия индивида добровольными, зависит от того, что ограничивает доступные ему варианты. Если ограничителями являются законы природы, действия добровольны. (Я могу добровольно пойти пешком туда, куда я предпочел бы долететь без посторонней помощи.) Действия других людей ограничивают доступные нам возможности. Становится ли результирующее действие добровольным, зависит от того, имели ли эти другие право на свои действия.

Рассмотрим следующий пример. Представим себе, что есть двадцать шесть женщин и двадцать шесть мужчин, каждый из которых хочет вступить в брак. Так получилось, что в каждой половой группе все индивиды одного пола одинаковым образом упорядочивают особей противоположного пола по степени привлекательности в качестве брачных партнеров: в убывающем порядке от A до Z и соответственно от A' до Z' . A и A' добровольно принимают решение вступить в брак, и каждый предпочитает другого остальным возможным партнерам. B больше всего хотел бы вступить в брак с A' , а B' — с A , но A и A' своим выбором устранили такие возможности. Когда B и B' вступают в брак, их выбор не является недобровольным просто из-за того, что каждый из них предпочел бы другой вариант. Этот другой, наиболее предпочтительный вариант требует сотрудничества других людей, которые предпочли не сотрудничать, что является их правом. У B и B' возможности выбора меньше, чем были у A и A' . Такое сокращение круга возможностей продолжается в алфавитном порядке вплоть до Z и Z' , у каждого из которых есть выбор: либо вступить в брак друг с другом, либо не вступать в брак вовсе. Каждый из них предпочитает любого из двадцати пяти других партнеров, которые в результате своего выбора стали недоступными для Z и Z' . Z и Z' решили вступить в брак добровольно. То, что единственный доступный им вариант (на их взгляд) намного хуже, и то, что другие, решив реализовать свои права определенным образом, сформировали тем самым конфигурацию вариантов, из которых выбирают Z и Z' , не означает, что они поженились не по доброй воле.

Похожие соображения применимы к рыночным обменам между рабочими и владельцами капитала. Z должен выбрать между трудом и голодной смертью; решения и действия всех остальных

не оставили для Z никаких других вариантов. (У него могли бы быть разные варианты трудоустройства.) Является ли решение Z наняться на работу добровольным? (А решение человека, находящегося на необитаемом острове, который должен работать, чтобы выжить?) Выбор Z действительно добровольно, если все остальные индивиды, от A до Y, действовали добровольно и в рамках своих прав. Тогда мы должны выяснить, так ли это в отношении них. Мы задаем эти вопросы, двигаясь вверх, пока не дойдем до A или до A и B, решение которых действовать определенным образом сформировало ситуацию, в которой выбор делает C. Мы возвращаемся вниз по цепочке, в которой добровольные акты выбора индивидов от A до C повлияли на возможность выбора D, акты выбора индивидов от A до D повлияли на возможность выбора E и так далее обратно к Z. Когда человеку приходится делать выбор из вариантов разной степени отвратительности, нельзя считать его действия недобровольными на основании того, что другие добровольно совершали свой выбор и действовали в рамках своих прав таким образом, что не оставили ему более привлекательных вариантов.

Следует отметить любопытную особенность структуры права вступать в отношения с другими людьми, в том числе в отношении добровольного обмена*. Право вступать в определенные отношения — это не право вступать в них с кем угодно и даже не право вступать в них с теми, кто хочет этого или выбрал бы это; это право вступать в такие отношения с любым, у кого есть право вступать в такие отношения (с кем-то, у кого есть право вступать в такие отношения...). У права вступать в отношения или заключать сделки есть «крючки», которые должны прикрепиться к соответствующему «крючку» прав другого человека, который тот протягивает им навстречу. Моего права на свободу слова не нарушает то, что некий узник заключен в одиночку, откуда он не может услышать меня, и мое право на получение информации не нарушено, если этому узнику мешают общаться со мной. Права журналистов не нарушены, если «человеку без страны» Эдварда Эверетта Хейла‡ не разрешают читать некоторые их статьи, и права читателей также не были нарушены, когда Йозефа Геббельса повесили, тем

* Поскольку у меня нет уверенности в этом пункте, я предлагаю этот абзац вниманию читателя в экспериментальном порядке, как интересную гипотезу.

‡ Эдвард Эверетт Хейл — унитарийский священник, автор научно-фантастических рассказов; героя его рассказа «Человек без страны» за предательство приговаривают к изгнанию, которое он должен провести на кораблях ВМС США; ему запрещено получать какие-либо сведения о стране, которую он предал, и даже слышать ее название. — *Прим. перев.*

самым помешав ему снабдить их дополнительными текстами для чтения. В каждом из этих случаев под правом имеется в виду право на отношения с кем-то, у кого также есть право быть стороной в подобных отношениях. Как правило, у взрослых людей есть право на отношения с любым другим взрослым, который согласен на них и имеет такое право, но это право *может быть* отнято в наказание за неправильные действия. Это усложнение «крючков» на правах *не* будет иметь значения применительно к рассматриваемым нами случаям. Но у него есть свои следствия; например, оно затрудняет автоматическое осуждение принудительного прекращения выступлений ораторов в *общественном* месте только на том основании, что это нарушает права других людей на *выслушивание* мнений, которые они желают выслушать. Если право вступать в отношения — это только половина права, то эти другие люди имеют право выслушивать любые мнения, какие они пожелают, но только мнения индивидов, которые имеют право их сообщать. Права слушателей не нарушены, *если* у оратора нет «крючка», чтобы соединиться с их «крючками». (У оратора может не быть «крючка» на правах только потому, что он что-то совершил, но не из-за *содержания* того, что он хочет сказать.) Мои размышления не направлены на оправдание запрета публичных выступлений, я просто хочу предостеречь читателя от поспешного осуждения подобных запретов на слишком простых основаниях, которые я раньше был склонен использовать и сам.

Филантропия

Я уже указывал, каким образом индивиды могли бы по своему выбору поддерживать виды деятельности, институты или ситуации, которые им симпатичны, например контролируемые рабочими заводы, расширение возможностей для других, сокращение бедности, гуманизацию рабочих мест. Но захотят ли даже те люди, которые симпатизируют этим идеям, делать благотворительные взносы в пользу других, даже если вывести их из-под налогообложения? Разве они не хотят *уничтожения* или *ликвидации* бедности или не приносящего удовлетворения труда, и разве их взносы не являются всего лишь каплей в море? И не будут ли они чувствовать себя наивными простаками, если они будут давать, а другие — нет? Не может ли быть так, что *все* они предпочитают принудительное перераспределение, даже несмотря на то, что они не стали бы заниматься частной благотворительностью, если бы принуждения не существовало?

Представим ситуацию, в которой существует одобряемое всеми принудительное перераспределение, которое передает средства

от богатых индивидов бедным индивидам. Теперь предположим, что правительство, возможно, для снижения трансфертных издержек, управляет обязательной системой, принуждая каждого богатого индивида ежемесячно посылать чек на предписанную сумму на почтовый адрес какого-то получателя, имени которого он не знает и который не знает его имени¹⁹. Общая величина трансферта равна сумме этих индивидуальных переводов. И в соответствии с гипотезой каждый, кто платит, поддерживает принудительную систему.

Теперь представим, что принуждения нет. Продолжат ли индивиды делать переводы добровольно? Прежде отдельный взнос помогал определенному индивиду. Он будет продолжать поддерживать этого индивида вне зависимости от того, будут ли другие продолжать делать переводы. Почему чье-либо желание делать их должно иссякнуть? Есть два типа причин, достойных рассмотрения: во-первых, взнос отдельного человека оказывает меньше влияния на проблему, чем при наличии принудительной схемы; во-вторых, то, что он делает взнос, связано для него с большей жертвой, чем при принудительной схеме. Результат, к которому приводит его взнос в принудительной схеме, оправдывает в его глазах этот платеж. Он перестает платить при добровольной схеме либо оттого, что этот взнос приносит ему меньше, либо оттого, что он стоит ему больше.

Почему его взнос мог бы оказывать меньшее влияние в отсутствие некоторых или всех остальных взносов? Почему он мог бы приносить ему меньше? Во-первых, ликвидация и искоренение бедности (неинтересного труда, подчиненного положения людей и т. п.) может быть для человека самостоятельной ценностью, превышающей задачу преодоления бедности каждого конкретного индивида²⁰. Реализация идеала *отсутствия* бедности и т. п. име-

¹⁹ Или он посылает n разных чеков на адреса n различных получателей; или n богатых людей отсылают каждый определенную сумму некому одному получателю. Поскольку в наших рассуждениях это ничего не меняет, мы будем исходить из упрощенного предположения о равном количестве бедных и богатых индивидов.

²⁰ При наличии n бедняков, для этого человека полезность полной ликвидации бедности превышает

$$\sum_{i=1}^n u_i \times \left(\begin{array}{l} \text{индивидуум } i \text{ не беден, при условии,} \\ \text{что остальные остаются в бедности} \end{array} \right).$$

Это утверждение использует понятие условной полезности, о которой см. мою неопубликованную докторскую диссертацию: *The Normative Theory of Individual Choice* (Princeton University, 1963, chap. 4, sect. 4); R. Duncan Luce and David Krantz, "Conditional Expected Utility," *Econometrica*, March 1971, pp. 253–271.

ет для него самостоятельную ценность*. (Учитывая социальную неэффективность, этого никогда не произойдет.) Но поскольку он будет продолжать перечислять взносы до тех пор, пока это делают остальные (и будет рассматривать свой вклад как очень важный, при условии что остальные тоже делают взносы), это не может быть мотивацией, способной привести кого бы то ни было к отказу от взносов. Возможно, потребуется какое-то средство напоминания о том, почему человек хочет уничтожить различные общественные пороки, где будут перечислены причины, по которым нежелательным является каждое проявление общественного порока независимо от того, имеются ли где-то еще подобные случаи. Сокращение случаев проявления общественных пороков с двух до одного не менее важно, чем их сокращение с одного до нуля. Отрицание этого — характерный признак идеолога. Те, кто склонен прилагать усилия для расширения принудительной благотворительности из-за того, что они окружены такими идеологами, потратили бы время с большим толком, если бы попытались вырвать своих ближних из плена абстракций и вернуть их с неба на землю. Или, по крайней мере, им следует предпочесть такую принудительную систему, сеть которой охватывает *только* идеологов такого рода (сторонников принудительной системы).

Второй и более почтенной причиной того, почему добровольные взносы могут приносить индивиду, который их делает, меньшее удовлетворение, чем недобровольные, причиной, по которой кто-либо мог бы прекратить делать взносы в добровольной системе, оставаясь сторонником принудительной системы, могла бы быть вера в то, что подлежащее искоренению явление содержит внутренние усиливающие взаимодействия. Результат от воздействия на конкретный компонент можно получить только в том случае, если одновременно воздействовать на все компоненты явления. Такое воздействие одновременно помогает данному компоненту и снижает ухудшение состояния других компонентов; но это снижение внешнего ухудшения для каждого отдельного индивида может быть само по себе почти пренебрежимо малым или находиться ниже определенного порога. В такой ситуации то, что вы даете одному индивиду n долларов, в то время как многие другие люди дают каждый по n долларов каждому или большинству из тех индивидов, кто взаимодействует с получателем вашего взноса,

* В самом деле, иногда сталкиваешься с людьми, для которых *повсеместное* искоренение чего-либо имеет огромную ценность, а искоренение того же самого в конкретных случаях не имеет почти никакой ценности; с людьми, которые заботятся об абстрактном человечестве в целом, но при этом их забота не распространяется ни на одного конкретного человека.

может оказать на «вашего» получателя существенное воздействие, которое в ваших глазах стоит ваших *n* долларов; а если только вы будете давать реципиенту ваши *n* долларов, то воздействие на него будет не таким существенным. Поскольку результирующее воздействие в этом случае, с вашей точки зрения, не будет стоить *n* долларов, вы не будете участвовать в добровольной системе. Но опять-таки это не причина, по которой дающие перестали бы это делать; однако это достаточная причина, чтобы дающие перестали давать, если откажутся давать остальные, а следовательно, это может служить причиной того, почему было бы трудно запустить всеобщую благотворительность такого рода. Люди, работающие над созданием принудительной схемы, могли сосредоточить свои усилия на обеспечении согласованного старта. Эту задачу облегчает то, что люди хотят не только уменьшения или искоренения некоего общественного порока; они также хотят участвовать в этом и быть частью того, что ведет к смягчению проблемы. Это желание уменьшает проблему «безбилетника».

Теперь обратимся к вопросу о том, почему взнос индивида (та же сумма денег, что и в условиях принудительной системы) мог бы «стоять» ему больше. Он мог бы считать, что только «простаки» и «лузеры» идут на особые жертвы в то время, когда другие этого не делают и им это «сходит с рук»; его могло бы раздражать ухудшение его положения относительно положения тех, кто не делает взносы; ухудшение относительного положения могло бы поместить его в худшую конкурентную позицию (по сравнению с этими другими индивидами) в том, что касается получения чего-нибудь, чего он хочет. Каждый индивид в группе мог бы так считать применительно к себе и остальным, и таким образом каждый индивид из группы мог бы предпочесть добровольной системе систему, в которой всех заставляют делать взносы*. (Эти чувства могли бы сочетаться с двумя описанными выше причинами.)

Так или иначе, если все предпочитают давать при условии, что так поступают и все остальные, то все совместно могут договориться

* Хотя каждый индивид мог бы предпочитать какую-нибудь принудительную схему добровольной схеме, это не означает, что существует единая принудительная схема, которую предпочитает каждый, и даже такая, которую каждый предпочитает по сравнению с добровольной. Средства можно собрать с помощью пропорционального налога или с помощью любого количества разных прогрессивных налогов. Поэтому непонятно, каким образом должно возникнуть предполагаемое всеобщее согласие по поводу одной конкретной схемы. (Это сообщение я позаимствовал в статье "Coercion", опубликованной в: S. Morgenbesser, P. Suppes, and M. White, eds., *Philosophy, Science, and Method* (N. Y.: St. Martins Press, 1969), pp. 440—472, n. 47).

давать при условии, что остальные тоже так делают. Предположение, что некоторые могли бы предпочесть не давать при условии, что остальные дают, неправдоподобно. Дело в том, что система, в которой средства напрямую идут получателям (получатель платежа выбирается случайным образом из потенциальных претендентов), минимизирует мотивацию «безбилетничества», поскольку взнос каждого индивида будет иметь отдельный эффект. Даже если у кого-то была бы такая мотивация, то в случае, если бы остальные составляли достаточно значительную группу, так что выход некоторых членов не был бы серьезным ударом и не подтолкнул бы других к отказу от участия, они могут (еще раз) совместно договориться давать при условии, что дают остальные (те, кто остался). Осталось еще рассмотреть случай, когда некоторые индивиды с определенным уровнем дохода отказываются давать *независимо* от того, дают или нет остальные. Они не хотят быть безбилетниками; они просто не собираются ехать на этом трамвае. Но возможно, что другие готовы давать только в том случае, если дают *все*, кто может себе это позволить. Те, кто отказывается, не соглашались на то, чтобы *всех* принудили к участию, и в результате вопреки нашей гипотезе перераспределение не будет более оптимальным по Парето²¹. Поскольку принуждение людей, которые имеют титулы собственности на свое имущество, делать взносы против их воли было бы нарушением моральных ограничений, сторонникам такого принуждения следует попытаться убедить людей игнорировать тех сравнительно немногих индивидов, которые отказываются от участия в добровольной благотворительности. Или сравнительно *многих*, которых те, кто не хочет чувствовать себя «простаками», должны будут принудить к участию вопреки их воле?

Право влиять на то, что вас касается

Еще одна точка зрения, которая могла бы привести к поддержке более масштабного (по сравнению с минимальным) государства, состоит в том, что у людей есть право влиять на решения,

²¹ Как можно было бы полагать в предыдущих случаях. См.: H. M. Hockman and James d. Rodgers, "Pareto Optimum Redistribution," *American Economic Review*, September 1969, pp. 542—556. См. также: Robert Goldfarb, "Pareto Optimum Redistribution: Comment," *American Economic Review*, December 1970, pp. 994—996, аргумент которого в пользу того, что при некоторых обстоятельствах принудительное перераспределение более эффективно, становится более сложным в случае нашей гипотетической схемы прямых трансфертов от человека к человеку.

которые существенно затрагивают их жизнь²². (Далее можно было бы доказывать, что правительство с более широким набором функций необходимо для реализации этого права и является одной из институциональных форм, через которые это право должно быть реализовано.) Концепция, основанная на титулах собственности, обратилась бы к анализу средств, которые оказывают серьезное воздействие на жизнь людей. Некоторые виды серьезного воздействия на жизнь людей нарушают их права (права того рода, который признал бы Локк), а потому морально запретны, например убить человека, отрубить ему руку. Другие способы серьезного воздействия на жизнь других находятся в пределах прав того, кто осуществляет воздействие. Если четверо мужчин делают предложение одной и той же женщине, ее решение, за кого из них выйти замуж (или отказать всем), серьезно влияет на жизнь этих четверых, на ее жизнь, а также на жизнь всех желающих выйти замуж за каждого из этих четверых и т. д. Возможно ли, чтобы кто-нибудь предложил, даже ограничив состав группы только непосредственными участниками, чтобы эти пятеро решили голосованием, за кого ей выйти замуж? У нее есть право решить, что делать, и не существует права, по которому остальные четверо могут поучаствовать в ее решениях, оказывающих серьезное влияние на их жизнь, которое бы в данном случае игнорировалось. У них нет права голоса относительно *этого решения*. Представим, что Артуро Тосканини, перестав быть дирижером Нью-Йоркского симфонического оркестра, стал дирижером Симфонического оркестра Нью-Йоркского радио. То, что финансовое положение оркестра было блестящим, определялось тем, что у него был такой дирижер. В случае его ухода остальным музыкантам пришлось бы искать другую работу, и большинство из них, вероятно, вынуждены были бы согласиться на куда менее привлекательные условия. Поскольку решение Тосканини уйти оказало бы столь разрушительное влияние на их жизнь, было ли у всех музыкантов этого оркестра право повлиять на его решение? Должен ли Тидвик, Лось С Большим Сердцем[‡], подчиниться зверькам, живущим на его рогах, которые проголо-

²² Почему заодно не на те, которые затрагивают их незначительно, с использованием какой-нибудь системы взвешенного голосования (число голосов не обязательно будет пропорционально степени воздействия)? См. мою заметку "Weighted-Voting and 'One Man One-Vote'" in *Representation*, ed. J. R. Pennock and John Chapman (New York: Atherton Press, 1969).

[‡] Тидвик — персонаж американского писателя Доктора Сьюза; добрый лось, который разрешил поселиться у себя на рогах многим лесным обитателям. — *Прим. перев.*

совали за то, чтобы он не уходил на другой берег озера, где растет гораздо больше вкусной травы?²³

Представьте себе, что у вас есть фургон или автобус и вы, уезжая на год из страны, одолжили его группе людей. За год эти люди привыкли к вашей машине, она стала частью их жизни. Когда через год вы, как и собирались, возвращаетесь и просите вернуть автобус, они говорят вам, что ваше решение снова пользоваться автобусом серьезно влияет на их жизнь, а потому у них есть право участвовать в решении вопроса, что будет с автобусом. Это конечно же необоснованные претензии. Автобус ваш, то, что они пользовались им в течение года, улучшило их положение, и вследствие это они приспособили свой образ жизни к наличию автобуса и стали зависеть от него. Если они ремонтировали его и поддерживали в хорошем состоянии, это ничего не меняет. Если бы этот вопрос возник раньше, если бы ситуация выглядела так, что у них могло бы в принципе быть право на участие в принятии решений, то вы договорились бы с ними, что одалживаете им автобус при условии, что через год решение о его дальнейшей судьбе будет принадлежать исключительно вам. И дело обстоит точно так же, если вы одолжили им на год типографский станок, который они использовали для того, чтобы существенно улучшить свое материальное положение по сравнению с ситуацией, в которой бы у них не было этого станка. У других нет права голоса в решениях, существенным образом влияющих на их жизнь, если право на принятие этих решений принадлежит другим (женщине, Тосканини, Тидвику, владельцу автобуса, владельцу типографского станка). (Это *не* означает, что, когда кто-либо принимает решение, на которое он имеет право, ему не следует учитывать, как оно повлияет на других*.) После того как мы исключили из рассмотрения решения, на принятие которых имеют право другие, и действия, которые были бы агрессией по отношению ко мне, такие как воровство и т. п., и тем самым нарушали бы *мои* права (по Локку), не совсем понятно, остаются ли еще *какие-то* затрагивающие меня решения, относительно которых можно было бы хотя бы поставить вопрос о моем праве на участие в принятии тех из них, которые серьезно влияют

²³ Dr. Seuss, *Thidwick, the Big-hearted Moose* (New York: Random House, 1948).

* Аналогичным образом если кто-то строит частный «город» на земле, которую он приобрел, не нарушая оговорки Локка, то те люди, которые захотят поселиться и жить в нем, не будут иметь *права* влиять на управление городом, если только оно не гарантировано процедурами принятия решений относительно «города», которые выработал его владелец.

на меня. Безусловно, *если* здесь и есть о чем говорить, это не настолько значимо, чтобы быть обоснованием для существования особого типа государства.

Пример с одолженным автобусом помогает опровергнуть еще один принцип, который время от времени выдвигается: пользование, использование и аренда чего-то в течение длительного периода времени может быть основанием для возникновения у индивида титула собственности. Вероятно, именно такой принцип лежит в основе законов о регулировании арендной платы, которые дают кому-то, кто уже живет в квартире, право продолжать жить в ней, платя (приблизительно) какую-то конкретную сумму, несмотря на то что рыночная цена жилья сильно возросла. Из чистой любезности я мог бы указать сторонникам регулирования арендной платы еще более эффективный вариант с использованием рыночных механизмов. Недостатком законов о регулировании арендной платы является их неэффективность; в частности, они способствуют нерациональному использованию жилья. Предположим, я в течение какого-то времени живу в квартире и плачу за аренду 100 долларов в месяц, в то время как рыночная цена поднимается до 200 долларов. При наличии закона о регулировании арендной платы я буду продолжать там жить и платить 100 долларов в месяц. Но возможно, что вы согласны платить за эту квартиру 200 долларов в месяц; более того, возможно также, что я предпочел бы съехать оттуда, если бы мог получить за нее 200 долларов в месяц. Я предпочел бы сдать вам эту квартиру в субаренду, получить от вас за нее 2400 долларов в год, отдавать владельцу 1200 долларов в год, и при этом я смог бы снять другую квартиру, скажем, за 150 долларов в месяц. Это принесло бы мне дополнительный доход в 50 долларов в месяц, которые я мог бы потратить на что угодно. Проживание в квартире (при арендной плате 100 долларов в месяц) не стоит *для меня* разницы между ее рыночной ценностью и регулируемой арендной платой. Если бы я мог получить эту разницу, я бы отказался от квартиры.

Это очень легко организовать, если мне разрешается сдавать квартиру в субаренду по рыночной цене на любой срок по моему желанию. Такой вариант мне выгоднее, чем закон о регулировании арендной платы без права субаренды. Он дает мне дополнительную возможность, хотя не обязывает меня ее использовать. И для вас это выгоднее, потому что вы сможете получить квартиру по устраивающей вас цене 200 долларов, в то время как вы не получили бы ее, если бы закон о регулировании арендной платы не разрешал субаренду. (Возможно, в течение срока вашего договора аренды вы также имеете право сдать ее в субаренду.) Владельцу здания от этого не хуже, потому что он и так

и так получает свои 1200 долларов в год. Законы о регулировании арендной платы, предусматривающие субаренду, позволяют людям улучшить свое положение с помощью добровольного обмена; они лучше законов о регулировании арендной платы, не предусматривающих субаренды, и если последние лучше, чем отсутствие регулирования арендной платы, то законы о регулировании арендной платы, разрешающие субаренду, *a fortiori*[‡] лучше. Почему же люди считают систему, разрешающую субаренду, неприемлемой? * Ее недостаток в том, что она делает явной частичную экспроприацию собственности. Почему не владелец здания, а арендатор квартиры должен получать дополнительный доход от субаренды? Вопрос, почему он, а не владелец здания, должен получать субсидию, предоставляемую ему законом о регулировании арендной платы, игнорировать легче.

Не-нейтральное государство

Поскольку неравенство в экономическом положении часто вело к неравенству доступа к политической власти, не является ли большее экономическое равенство (и государство, выходящее за рамки минимального, как инструмент достижения этого) нужным и оправданным инструментом для того, чтобы избежать политического неравенства, с которым часто коррелирует неравенство экономическое? В не-минимальном государстве экономически благополучные граждане стремятся к большей политической власти, потому что могут ее использовать для предоставления самим себе различных экономических привилегий. Неудивительно, что там, где средоточие такой власти существует, люди пытаются использовать его в своих целях. Нелегитимное использование государства экономическими группами интересов в своих собственных целях основано на предшествующем нелегитимном полномочии государства обогащать одних за счет других. Ликвидируйте *это* нелегитимное полномочие раздавать различные экономические привилегии, и вы ликвидируете или резко ограничите мотивы стремления к политическому влиянию. Конечно, некоторые индивиды все равно будут жаждать политической власти, находя подлинное удовлетворение в доминировании над другими. Минимальное государство, особенно в сочетании с разумной

‡ Тем более (лат.). — Прим. науч. ред.

* Есть шансы, что жилец рано или поздно съехал бы, и тогда следующий арендатор платил бы меньше, чем в случае субаренды. Поэтому предположим, что право сдавать жилье в субаренду могло бы предоставляться только тем, кто в противном случае остался бы в квартире.

бдительностью граждан, наилучшим образом снижает вероятность такого захвата государства или манипулирования им со стороны тех, кто стремится к власти или к экономическим привилегиям, поскольку оно представляет собой минимально привлекательную цель для подобных захватов или манипуляций. Выигрыш от них невелик, а в случае успеха издержки для граждан минимальны. Усиление государства и расширение его функций ради того, чтобы предотвратить его использование какой-то частью населения, делает его более ценным призом и более соблазнительной целью, и коррумпирует его может любой, кто способен предложить чиновнику нечто желанное; это, мягко говоря, плохая стратегия.

Можно было бы предположить, что минимальное государство также не является нейтральным по отношению к своим гражданам. В конце концов, оно обеспечивает соблюдение договоров, запрет на агрессию, на воровство и т. п., и в конечном итоге этого процесса экономическое положение людей различается. Между тем в отсутствие такого (или иного) государственного правоприменения результирующее распределение могло бы быть иным и положение каких-нибудь индивидов могло бы быть прямо противоположным. Представьте себе, что в интересах некоторых людей был бы захват или завладение собственностью других, ее экспроприация. Используя для предотвращения этого силу или угрозу ее применения, не теряет ли минимальное государство свою нейтральность?

Не всякий запрет, обеспеченный санкцией, который по-разному затрагивает людей, лишает государство нейтральности. Предположим, что некоторые мужчины являются потенциальными насильниками по отношению к женщинам, тогда как ни одна женщина не является потенциальным насильником по отношению к мужчине или другой женщине. Нейтральным или нет был бы запрет изнасилования? От него, как можно предположить, люди выиграли бы в разной степени; но жалоба потенциального насильника на то, что запрет не нейтрален по половому признаку, а следовательно, является сексистским, была бы совершенно абсурдна. Существует *независимая* причина для запрета изнасилования: (причина, по которой) человек имеет право контролировать свое тело, выбирать сексуальных партнеров и быть в безопасности от применения физической силы или угрозы насилия. То, что запрет, оправданный по независимой причине, по-разному затрагивает разных людей, не дает оснований осуждать его за отсутствие нейтральности при условии, что он был установлен или сохраняется по серьезным причинам (или чему-то вроде них), а не для того чтобы приносить дифференцированные выгоды. (Как следовало бы относиться к нему, если бы он имел независимое обоснование, но поддерживался бы и сохранялся

ради дифференцированных выгод?) Утверждение, что запрет или закон не является нейтральным, по умолчанию *предполагает*, что он несправедлив.

Аналогично обстоит дело с запретами и принуждением, осуществляемыми минимальным государством. Того, что такое государство сохраняет и защищает процесс, в результате которого люди имеют разные имущественные права, было бы достаточно для осуждения его как лишеного нейтральности *только в том случае*, если бы не существовало независимого оправдания тех правил и запретов, которые государство обеспечивает санкцией. Но такое оправдание есть. Или, по крайней мере, тот, кто утверждает, что минимальное государство не является нейтральным, не может обойти вопрос о том, существует ли независимое оправдание для его структуры и содержания его правил*.

В этой и в предыдущей главах мы обсудили важнейшие соображения, которые могли бы служить оправданием государства с более широкими полномочиями, чем минимальное. При тщательном

* Возможно, мнение о том, что государство и его законы не являются нейтральными, опирается на представление, согласно которому государство является частью надстройки, возникшей на основе фундаментальных отношений собственности и производства. В соответствии с этим представлением независимая переменная (базис) должна быть определена без привлечения зависимой переменной (надстройки). Но, как часто отмечалось, «способ производства» включает то, как организуется и направляется производство и в силу этого включает понятия собственности, имущества, права контролировать ресурсы и т. п. Правовой порядок, который считался принадлежностью надстройки, объяснявшейся с помощью базиса, сам частично является базисом. *Возможно*, способ производства можно определить без привлечения юридических понятий, используя вместо них такие понятия (политической науки), как «контроль». В любом случае, если бы марксисты сосредоточились на том, кто на самом деле контролирует ресурсы, они могли бы избежать идеи, что «общественная *собственность*» на средства производства могла бы обеспечить возникновение бесклассового общества.

Даже если бы теория, утверждающая, что существует базис, однозначно определяющий надстройку, была верна, отсюда не следует, что части надстройки не имеют независимого оправдания. (В противном случае возникают известные парадоксы в отношении самой этой теории.) Тогда можно было бы размышлять над тем, какую надстройку можно считать оправданной, а потом работать над созданием такого базиса, который бы соответствовал этой надстройке. (Примерно так же, как в случае с возбудителями болезни, мы могли бы сначала решить, как нам хочется себя чувствовать, а потом работать над модификацией базиса, являющегося причиной самочувствия.)

рассмотрении выясняется, что ни одно из этих соображений (или их сочетание) не является убедительным; минимальное государство остается самым большим государством, существование которого может быть оправдано.

Как действует перераспределение

Задача, которую мы поставили перед собой в этих двух главах, выполнена, но, пожалуй, следует сказать несколько слов о том, как на самом деле работают программы перераспределения. Часто отмечалось — как сторонниками капитализма *laissez faire*[‡], так и радикалами, — что в США государственные программы и государственное вмешательство в экономику по совокупности не приносят бедным чистой выгоды. Значительная часть государственного регулирования экономики была создана и осуществляется ради защиты уже существующих компаний от конкуренции, и многие программы приносят наибольшую выгоду среднему классу. Критики (справа и слева) этих государственных программ, насколько мне известно, не предложили объяснения, почему именно средний класс является крупнейшим нетто-бенефициаром.

С программами перераспределения связана еще одна загадка: почему 51% менее обеспеченных избирателей не голосует за программу перераспределения, которая бы резко улучшила их положение за счет более состоятельных 49%? Это, несомненно, противоречило бы их собственным долгосрочным интересам, но такое объяснение их электорального поведения звучит фальшиво. Не годятся и объяснения, ссылающиеся на недостаток у менее обеспеченного большинства организованности, навыков политической борьбы и т.п. Так почему же избиратели до сих пор не проголосовали за такое масштабное перераспределение? Это останется загадкой до тех пор, пока мы не обратим внимание на то, что 51% наименее обеспеченных — это не единственное возможное (устойчивое) электоральное большинство; есть еще, например, 51% наиболее обеспеченных избирателей. Какое именно большинство сложится, зависит от голосования средних 2%. В интересах верхних 49% будет разрабатывать и поддерживать программы, способные привлечь к ним в союзники средние 2%. Более состоятельным 49% дешевле купить поддержку средних 2%, чем быть (частично) экспроприированными в слу-

[‡] Дословно: «позволяйте делать» (франц.) — общее название экономических доктрин, согласно которым вмешательство государства в экономику должно быть минимальным. — *Прим. науч. ред.*

чае победы 51% менее обеспеченных. Менее обеспеченные 49% не могут предложить больше, чем более обеспеченные 49%, чтобы заполучить средние 2% в союзники. Ведь то, что предлагают им менее обеспеченные 49%, будет взято (после того как будут введены в действие соответствующие программы) у более обеспеченных 49%; к тому же менее обеспеченные 49% возьмут у более обеспеченных 49% кое-что и для себя. Более обеспеченные 49% всегда могут сэкономить, предложив средним 2% чуть больше, чем предложила бы бедная группа, потому что тем самым они заодно избегают необходимости платить остальным членам возможной коалиции 51% наименее обеспеченных, а именно наименее обеспеченным 49%. Верхняя группа всегда сможет купить поддержку колеблющихся средних 2%, чтобы не допустить мер, которые нарушили бы ее права более существенно.

Средние 2% — это, разумеется, всего лишь образ; люди не знают точно, к какой группе по уровню доходов они относятся, а программу трудно сформулировать так, чтобы она была нацелена именно на 2% где-то посередине. Поэтому можно было бы ожидать, что выгоду от электоральной коалиции наиболее обеспеченных получит средняя группа, существенно превосходящая 2%*. Избирательная коалиция наименее обеспеченных не будет сформирована, потому что верхней группе дешевле купить колеблющуюся среднюю группу, чем дать сформироваться коалиции. Решая одну загадку, мы нашли возможное объяснение другого факта, который часто отмечают: того, что программы перераспределения выгодны преимущественно среднему классу. Если это верно, тогда наше объяснение предполагает, что обществу, в котором политический курс является результатом демократических выборов, трудно избежать того, чтобы его программы перераспределения приносили наибольшую выгоду среднему классу**.

* Если другие рассчитывают на то, что менее обеспеченная группа участвует в голосовании в относительно меньшей степени, это изменит относительное положение средней колеблющейся группы. В интересах тех, кто расположен сразу под группой нынешних бенефициаров, было бы поддержать усилия по мобилизации избирателей из менее обеспеченной группы, чтобы самим войти в ключевую среднюю группу.

** Мы можем еще усилить наш аргумент. Почему не может сформироваться коалиция из средних 51% (верхние 75,5% за вычетом верхних 24,5%)? Ресурсы на оплату всей группы будут взяты у верхних 24,5%, которым придется намного хуже, если они допустят формирование этой коалиции, чем если они купят следующие 26,5%, чтобы создать коалицию верхних 51%. У тех, кто входит в верхние 2%, но не в верхний 1%, ситуация другая. Они не будут пытаться войти в коалицию со следующими 50%, но будут работать с верхним 1%, чтобы предотвратить формирование коалиции, которая исключит их всех.

Глава 9 ДЕМОКТЕЗИС

Мы нашли оправдание для существования минимального государства, преодолев возражения анархистов-индивидуалистов, и доказали необоснованность всех основных моральных аргументов в пользу более масштабного или более могущественного государства. Несмотря на это, некоторые читатели по-прежнему будут считать минимальное государство слабым и хрупким¹. Прочность, с их точки зрения, обеспечивалась бы некоторой асимметричностью прав между государством (индивидами, в совокупности его составляющими) и индивидом, находящимся в естественном состоянии по отношению к нему (и к ним). Более того, прочное государство должно было бы иметь больше полномочий и более широкую легитимную сферу действий, чем обеспечение функции защиты. Легитимного способа прийти к асимметрии прав *не* существует. Существует ли какой-то способ *продолжить* наш рассказ о возникновении (минимального) государства из естественного состояния так, чтобы прийти — с помощью исключительно легитимных шагов, не нарушающих ничьих прав, — к чему-нибудь более похожему на современное государство?² Если бы такое продолжение оказалось возможным, нам бы удалось прояснить существенные аспекты функционирования тех не-минимальных

Если соединить модель распределения дохода и богатства с теорией формирования коалиций, можно точно предсказывать итоговое распределение дохода в системе с правлением большинства. Предсказание будет менее точным, если учесть тот усложняющий ситуацию факт, что люди не знают точно, к какой группе они относятся, а реальные инструменты перераспределения действуют достаточно грубо. Насколько близки к реальности окажутся предсказания, полученные с учетом этих дополнительных соображений?

¹ «Сведя задачу государства к обеспечению внешней и внутренней безопасности или к реализации системы правового порядка, суверенное сообщество в конечном итоге было сведено к уровню страхового общества, обеспечивающего свободу и собственность индивидов». Otto Gierke, *Natural Law and the Theory of Society 1500–1800*, vol. I (New York: Cambridge University Press, 1934), p. 113. Гирке мог бы с еще большим основанием осудить за то же самое (другие сочли бы его осуждение комплиментом) доминирующую на какой-либо территории защитную ассоциацию.

² Относительно альтернативного *нелегитимного* пути к расширению минимального государства см.: Franz Oppenheimer, *The State* (New York: Vanguard, 1926). Несмотря на то что в рамках данного исследования было бы уместно дать критический анализ предложенного Локком пути к более могущественному государству, это было бы утомительно; к тому же нечто похожее уже сделали другие.

государств, под властью которых сегодня живут люди повсюду, раскрыть их природу. Я хотел бы предложить вам результат моих скромных усилий в этом направлении.

Последовательность и параллельные примеры

Сначала следует упомянуть о том, как трудно убедить другого человека изменить свою оценку какой-либо ситуации, приведя аналогичный пример. Предположим, что вы пытаетесь таким способом убедить меня изменить мою оценку какой-либо ситуации. Если ваш пример является не очень близкой аналогией, я могу согласиться с вашей оценкой примера, но при этом сохранить свою первоначальную оценку рассматриваемой ситуации. Чем ближе аналогия, тем в большей степени я буду склонен рассматривать ее через фильтр моей первоначальной оценки. («Это, в конце концов, не так уж и плохо, потому что очень похоже на...») Похожие трудности возникают с дедуктивными аргументами, потому что там, чтобы не соглашаться с нежелательным выводом, индивид может отвергнуть одну из посылок, с которой он до того соглашался; но в этом случае трудности зачастую менее серьезны. Дело в том, что длинная цепочка дедуктивных рассуждений позволяет начать очень издали, с посылок, в которых индивид уверен и которые он не будет воспринимать через фильтр своего отрицания выводов. В то время как пример, чтобы быть убедительной аналогией, должен быть очень близким. (Разумеется, чем длиннее цепочка рассуждений, тем больше вероятность того, что индивид будет сомневаться в том, что вывод действительно следует из посылок; а выяснив, что именно следует из посылок, человек может пересмотреть свое отношение к ним.)

Вы могли бы попытаться изолировать мое суждение или оценку, относящиеся к исходному пункту ваших рассуждений, от моего суждения или оценки, относящихся к вашему конечному выводу (достигая таким образом того же эффекта, что и длинная цепочка рассуждений) с помощью *цепочки* аналогий. Вы начинаете с очень далекого примера и постепенно приходите к аналогии, структурно очень близкой к той ситуации, которая является предметом обсуждения. Теперь моя очередь, и я должен объяснить, в какой момент и почему в этой последовательности парных аналогий я меняю свое суждение, поскольку я согласился с вами относительно первоначального далекого примера (который, в силу своей удаленности от обсуждавшейся ситуации, я не рассматривал в ее перспективе). Но такие предложения провести границу редко кого-либо убеждают. («Я признаю, что провести границу сложно, но, где бы она ни была проведена, она

будет отделять мое суждение о данном случае от первой удаленной аналогии».)

Самым сильным вашим аргументом был бы в точности параллельный пример, сам по себе безупречно ясный до такой степени, что мое первоначальное суждение о нем не могло бы измениться или быть отвергнуто из-за того, как я оцениваю ситуацию, которая является предметом обсуждения. Найти столь превосходные примеры безумно трудно. Даже имея такой пример, вы все равно должны были бы объяснить, чем он отличается от параллельного (обсуждаемого), чтобы я вынес одно суждение о нем и другое — о параллельном примере, а также объяснить, что *это* различие с точки зрения целей обсуждения не разрушает параллель между примерами³.

Есть еще более общий парадокс, касающийся логической последовательности аргументов, тесно связанный с вопросом: «Как вы отличаете эту ситуацию от той?» Философы науки часто утверждают, что для любой конкретной совокупности данных существует бесконечное число возможных объяснений; для объяснительного отношения E и любой совокупности данных d бесконечное число возможных потенциальных объяснений находится в отношении E к d . Мы не будем долго задерживаться на том, почему так утверждается. (*Действительно ли* достаточно просто сослаться на то, что через любое конечное число точек можно провести бесконечное число различных кривых?) Насколько мне известно, пока еще не было доказано, что для каждой совокупности данных существует хотя бы *одно* объяснение, а что уж говорить о бесконечном числе! Трудно судить об истинности этого утверждения (хотелось бы, чтобы оно было доказано, как теорема) в отсутствие адекватного описания отношения E . Если все, что у нас пока что есть, — это необходимые условия для E , то, возможно, ввод дополнительных условий для достижения достаточности так ограничит E , что бесконечного количества вещей, находящихся в отношении E к d , не будет. (Хотя, возможно, существует общее рассуждение, которое демонстрирует, каким образом можно всегда получать новые вещи, находящиеся в отношении E к d , из старых, находящихся в таком отношении, без повторов, для *любого* правдоподобного истолкования E .)

Обычно к объяснению предъявляется требование, чтобы по существу то, что находится в отношении E к d , содержало некое теоретическое или имеющее форму закона утверждение. Приме-

³ Относительно последних соображений см. мою статью: "Newcomb's Problem and Two Principles of Choice," in *Essays in Honor of C. G. Hempel*, ed. Nicholas Rescher et al. (Holland: Riedel, 1969), esp. pp. 135—140.

нительно к моральной ситуации утверждениям, имеющим форму закона, соответствуют моральные принципы. Не будет ли равно убедительным (или неубедительным) предположение, что *любой* конкретный набор конкретных моральных суждений может быть объяснен бесконечным числом возможных моральных принципов (не все из них будут верны)? Обычное требование, чтобы моральные принципы не содержали имен собственных, индексальных выражений и т. п., соответствует требованию философа науки, чтобы фундаментальные утверждения, имеющие форму законов, не содержали позиционных предикатов⁴. Надежда использовать условия генерализации, чтобы получить в результате утверждение о том, что есть только один общий моральный принцип, совместимый с большим количеством конкретных моральных суждений, представляется сродни предположению, что есть только одно фундаментальное утверждение, имеющее форму закона, которое могло бы служить объяснением конкретной совокупности данных. А надежда подтолкнуть кого-либо к отказу от его морального суждения, предложив ему провести различие между ним и другим моральным суждением, которое он отказывается сделать, т. е. примирить первое суждение с противоположным суждением, которое он делает, представляется сродни предположению, что для некоей логически непротиворечивой совокупности данных *не* существует объясняющего ее фундаментального утверждения, имеющего форму закона, или набора таких утверждений.

Это очень сильные предположения, далеко превосходящие все, что кому-либо удавалось доказать. Что в таком случае можно надеяться доказать в сфере этики с помощью аргументов генерализации? Представление о том, что никакое фундаментальное моральное утверждение (удовлетворяющее условиям генерализации) не объясняет оба суждения, которые выносит индивид, менее правдоподобно, чем представление о том, что на это не способно никакое фундаментальное моральное утверждение, если оно использует только понятия, доступные *этому* человеку. И можно счесть разумным требование к человеку, чтобы он сам *придумал* фундаментальное моральное утверждение, объясняющее его суждения, либо, по крайней мере, чтобы такое утверждение *существовало* в его моральной вселенной; имеется в виду такое утверждение, которое использует только *его* моральные понятия.

⁴ См.: C. G. Hempel, *Aspects of Scientific Explanations* (New York: Free Press, 1965), pp. 266—270. Я использую здесь слово «фундаментальный» в том же смысле, что и Гемпель, а не как в главе 1 этой книги. Требование исключить из формулировки моральных принципов индексальные выражения («я», «мое») не имеет адекватного оправдания.

Нет гарантии, что именно так и будет; и можно было бы утверждать, что он не может просто отмахнуться: «Ну, какой-нибудь гений этики мог бы придумать новые этические понятия и теоретические термины, которые нам и во сне не снились, и в этих терминах дать объяснение всем моим моральным суждениям исключительно через фундаментальные принципы». Понадобились бы анализ и исследование причин, по которым индивид не может просто удовлетвориться представлением о том, что некий фундаментальный моральный закон или законы (использующие те или иные понятия) объясняют (ют) все его суждения. Это представляется реалистичной задачей.

Отмеченные выше трудности с параллельными примерами относятся и к нашей последовательности рассуждений. В тщетной, быть может, надежде, что можно как-то бороться с «загрязняющим» эффектом, который возникает тогда, когда одна ситуация воспринимается через призму установившегося мнения о другой, я прошу читателя следить за собой и останавливаться в тот момент, когда он ловит себя на мысли: «Но это не так уж плохо, потому что это похоже на...» Итак, сейчас мы будем выводить из минимального государства — менее минимальное.

Как получить государство, выходящее за рамки минимального

Предположим, что в естественном состоянии собственность первоначально присваивается в соответствии с принципом справедливости присвоения, а после этого — в соответствии с принципом справедливости перехода собственности, т. е. посредством обмена легитимной собственности на легитимную собственность, услуги или обязательства, а также в результате дарения. Возможно, точный контур пучка прав собственности определяется с учетом того, как можно с наибольшей эффективностью интернализировать внешние эффекты (с минимальными издержками и т. п.)⁵. Эта идея заслуживает дальнейшего исследования. Права собственности других людей интернализируют негативные внешние эффекты ваших действий в той степени, в какой вы обязаны компенсировать этим другим людям влияние ваших действий на их собственность; ваши права собственности интернализируют позитивные внешние эффекты ваших действий в той степени, в какой ваши действия увеличивают ценность объектов, права собственности на которые вы можете приобрести до этого. При

⁵ См.: Harold Demsetz, "Toward a Theory of Property Rights," *American Economic Review*, 1967, pp. 347—359.

наличии заданных границ мы можем представить, абстрактно и в общих чертах, как будет выглядеть система, которая интернализирует все негативные внешние эффекты. Однако что предполагала бы полная интернализация всех *позитивных* внешних эффектов? В сильной форме она предполагала бы, что вы (и каждый человек) получаете полностью все выгоды для других от ваших (его) действий. Поскольку выгоды создать трудно, представим себе, что это подразумевает передачу выгод вам от других людей, в результате которой они возвращаются на ту же кривую безразличия, которую они занимали бы в отсутствие действий с вашей стороны. (В отсутствие полезности, которую можно передавать без ограничений между субъектами, нет гарантии того, что в результате такой интернализации действующий агент получит то же количество выгоды, которое имел бы получатель выгод без этой интернализации.) Сначала возникает мысль, что настолько сильная интернализация уничтожила бы *все* выгоды от жизни в обществе с другими людьми, потому что каждая выгода, которую вы получили от других людей, немедленно изымается (насколько возможно) и возвращается этим другим. Но поскольку люди будут стремиться получать данный возвратный платеж за принесенные выгоды, в свободном обществе будет существовать конкуренция за предоставление выгод другим. Результирующая рыночная цена за предоставление этих выгод будет ниже, чем самая высокая цена, которую реципиент был бы готов заплатить; этот потребительский излишек и составил бы выгоду жизни в обществе с другими людьми. Даже если бы общество не было свободным и не допускало ценовой конкуренции среди потенциальных поставщиков какой-либо выгоды (а использовало бы какой-нибудь другой механизм выбора того, кто принесет конкретную выгоду), все равно жить в обществе с другими людьми было бы выгодно. В каждой ситуации, когда имеет место полный возврат полученных выгод, происходит также поступление полной платы за выгоды, предоставленные другим людям. Так что преимущества от жизни в обществе с такой системой состояли бы не столько в выгодах, которые предоставляют вам другие, сколько в получении от них возвратного платежа за те выгоды, которые предоставили им вы.

Однако при переходе на другой уровень эта схема становится нелегитимной. Вам выгодно жить в обществе, где другие люди возвращают вам плату за выгоды, которые вы им предоставляете. Но должна ли *эта* выгода, которую обеспечивает вам присутствие других людей, тоже быть интернализирована так, чтобы вы полностью возвращали плату за нее? Должны ли вы, например, возвращать тот возврат, который вы ожидаете от других? Очевидно, что этот вопрос можно повторять до бесконечности, а поскольку

получение возврата выгод представляет собой выгоду от сосуществования с другими, интернализация *всех* позитивных экстерналий не может дать стабильного результата. Учет того, что вызывает действия, привел бы к системе, в которой индивид *X* возвращает деньги индивиду *Y* за «обыкновенные» выгоды, полученные от *Y*, вместо такой системы, в которой *Y* возвращает *X* деньги за выгоды, полученные *Y* от *X* вследствие того, что *X* существует и платит *Y* при «обычной» системе. Дело в том, что во второй системе никто не стал бы предоставлять первоначальные выгоды. Кроме того, поскольку эта система «прицеплена» к «обычной», она не может ее *заменить*. В отсутствие «обычной» системы и связанных с ней выгод от возвратных платежей, нет ничего, на что могла бы опираться вторая система.

В дискуссиях экономистов об интернализации позитивных внешних эффектов *сильный* принцип полного возврата выгод остается вне сферы внимания. Их интересует скорее то, чтобы существовал возвратный платеж, позволяющий с лихвой покрыть издержки агентов, осуществляющих деятельность с позитивными внешними эффектами, — чтобы такая деятельность существовала. Именно эта *слабая* форма возврата, которой достаточно для экономической эффективности, является темой экономической литературы об интернализации (позитивных) внешних эффектов.

Возвращаясь к происхождению государства, выходящего за пределы минимального: люди воспринимают собственность не как обладание вещью, а как обладание правами (возможно, связанными с вещью), которые являются теоретически разделимыми. Права собственности на нечто рассматриваются как права определять, какой из возможных допустимых вариантов распоряжения этим нечто будет реализован. Допустимыми являются те варианты, которые не нарушают моральных границ другого индивида; возвращаясь к старому примеру, право собственности на нож не включает права воткнуть его между ребер другого человека без его позволения (если это не правомерное наказание за преступление, не самозащита и т. д.). Один индивид может иметь одно право на вещь, другой — другое право на ту же вещь. Люди, живущие в непосредственном соседстве с домом, могут купить право определять то, как он будет покрашен снаружи, в то время как индивид, живущий в доме, имеет право определять, что (из допустимого) будет происходить внутри. Более того, несколько человек могут совместно владеть одним и тем же правом, используя какую-либо процедуру принятия решений для определения того, как им распорядиться. Что касается экономического положения людей, то свободный рынок, добровольные объединения некоторых людей (кибуцы и пр.), частная благотворительность и т. п. резко сокращают нищету частных лиц. Но можно

предположить, что либо она ликвидирована не полностью, либо некоторые люди страстно желают еще большего количества благ и услуг. Как в этих условиях могло бы возникнуть государство с более широкими полномочиями, чем минимальное?

Некоторым из тех людей, которым хочется иметь больше денег, может прийти в голову идея акционировать себя, привлечь деньги, продав акции на владение собой. Они разделят права, которые до этого момента каждый индивид имел по отношению к себе, на длинный перечень дискретных прав: например, право решать, какой профессией данный индивид должен пытаться зарабатывать на жизнь, право определять, во что он будет одеваться, право выбирать, с кем из согласных вступить с ним в брак он соединится, право устанавливать, где он будет жить, право определять, будет ли он курить марихуану, право решать, какие книги из тех, которые другие пожелали написать и опубликовать, он будет читать и т.п. Часть из этого массива прав эти люди продолжают сохранять за собой, как и раньше. Другие права они выставляют на рынок, продавая отдельные доли собственности в этих конкретных правах на самих себя.

Сначала люди будут платить деньги за частичную собственность на такие права просто в шутку или оттого, что это модная новинка. Становится модным дарить другим такие дурацкие акции, свои или третьих лиц. Но еще до того, как мода пройдет, другие люди увидят в этом более серьезные возможности. Они выставят на продажу такие права на себя, которые могли бы быть действительно полезны или выгодны другим: право решать, у кого они могут покупать конкретные услуги (которое они назовут правом лицензирования профессиональной деятельности); право устанавливать, товары каких стран они будут покупать (права на регулирование импорта); право выбирать, будут они или нет употреблять ЛСД, героин, табак или циклакат кальция (право на наркотики); право определять, какая часть их дохода пойдет на различные цели, независимо от их согласия или несогласия с этими целями (право налогообложения); право ограничивать разрешенные виды и формы сексуальной активности (право на защиту морали); право решать, когда они будут воевать и кого убивать (право призыва); право определять диапазон цен, в котором они могут совершать обмена (право на регулирование цен и заработной платы); право решать, какие основания незаконны при принятии решений о найме, продаже или аренде (антидискриминационные права); право принуждать их к участию в деятельности судебной системы (право вызова в суд); право реквизировать части тела для трансплантации более нуждающимся (право телесного равенства) и т.д., и т.п. По разнообразным личным причинам другие люди хотят владеть этими правами или иметь возможность влиять на их

реализацию, а потому огромное количество акций продается и покупается, иногда за очень значительные суммы.

Возможно, никто не станет продавать себя в рабство целиком, и возможно, что защитные ассоциации не будут обеспечивать санкций выполнение таких договоров. В любом случае, полных рабов будут считанные единицы. Почти каждый, кто продает такие права, продает ровно столько, чтобы в совокупности их было достаточно для возникновения, с некоторыми ограничениями, права собственности. Поскольку *существуют* некоторые ограничения прав собственности на этих людей, они не порабощены полностью. Но во многих случаях продававшиеся многочисленными людьми отдельные права на самих себя были куплены одним индивидом или узкой группой. Таким образом, хотя есть некие пределы титулов собственности владельца, те люди, которые фактически стали чьей-то собственностью, испытывают существенное угнетение, подчиняясь желаниям своего акционерера. Поскольку такое почти полное подчинение одних людей другим возникает в результате последовательности легитимных шагов, через добровольные обмена, из первоначальной ситуации, которая не является несправедливой, оно не является несправедливым. Но хоть оно и не является несправедливым, некоторые находят его нетерпимым.

Индивиды, впервые акционирующие себя, вносят в prospect эмиссии условие, согласно которому акции не могут быть проданы тому, кто уже сконцентрировал в своих руках определенное количество акций этого выпуска. (Поскольку чем строже условия, тем ниже ценность акций, барьер устанавливается не слишком низко.) Со временем многие мелкие компании, первоначально купившие акции индивида, распадаются: либо потому, что собственники распродают свои акции нескоординированно, когда испытывают нужду в средствах, либо потому, что многие люди покупают акции таких компаний, так что на уровне итоговой структуры собственности возникает широко распыленная структура владения акциями индивида. Со временем почти каждый по той или иной причине распродает права на себя, оставляя себе по одной акции на каждое право, так чтобы иметь возможность при желании посещать собрания акционеров. (Учитывая то, что их голос ничего не решает, а их спорадические выступления слушают невнимательно, возможно, они оставляют за собой акции на себя исключительно из сентиментальных побуждений.)

Наличие на рынке огромного количества акций и распыление собственности на эти акции ведет к высокой степени хаоса и неэффективности. Постоянно проводятся многочленные собрания акционеров по принятию решений, которые теперь требуют внешнего участия: одно — о причёске индивида, другое — о его образе

жизни, третье — еще о чьей-то прическе и т. п. У некоторых почти вся жизнь уходит на участие в собраниях акционеров или на оформление доверенностей на голосование. В силу разделения труда возникает особая профессия — представитель акционера, человек, который проводит все свое время на собраниях акционеров. Возникают различные реформистские движения, так называемые «движения за консолидацию», в основном двух типов. Созываются консолидированные собрания акционеров, на которые собираются все, имеющие долю в любом праве на данного человека. Они голосуют по каждому вопросу последовательно, в каждом голосовании участвуют только те, кто имеет право голоса по данному вопросу. (Такая консолидация повышает эффективность, потому что люди, которые имеют какие-нибудь доли в каком-нибудь праве на конкретного индивида, как правило, имеют доли и в других правах на него.) Происходят также консолидированные собрания акционеров, в которых участвуют все, владеющие акциями на конкретное право в ком угодно, например конференция по наркотикам, на которой происходит последовательное голосование по каждому индивиду. (Тут повышение эффективности достигается за счет того, что люди, купившие доли в определенном праве на одного индивида, часто покупают доли в том же праве и на других индивидов.) Но даже со всеми этими консолидациями ситуация немислимо сложна и отнимает чрезмерно много времени. Люди пытаются продать свои акции, оставляя себе только один вид, «чтобы сохранить какое-то влияние». Когда от акций начинают избавляться, цены на акции резко падают, что побуждает некоторых скупать ничего не стоящие акции на права, которых еще нет в их коллекции. (Таковыми акциями торгуют, как бейсбольными карточками, и люди точно так же пытаются собрать полные серии. Детей поощряют собирать такие коллекции, чтобы подготовить их к будущей роли акционера.)

Распыление акций по существу прекращает доминирование *идентифицируемого индивида или малой группы* над конкретным индивидом. Люди больше не находятся под каблуком друг у друга. Вместо этого за них принимают решения почти каждый, а они принимают решения почти за каждого. Объем полномочий других людей по отношению к отдельному индивиду не уменьшился; изменилось то, кому они принадлежат.

В этот момент система все еще слишком громоздка и требует большого расхода времени. Выход — большой консолидационный съезд. От центра до самых окраин все собираются в одном месте, чтобы продавать и перепродавать акции, и спустя три лихорадочных дня (о чудо!) каждый имеет ровно одну акцию на каждое право на каждого человека, в том числе на себя. Теперь оказывается возможным только одно собрание, на котором принимают

ся все решения за каждого, собрание, на котором каждый индивид голосует один раз: либо сам, либо по доверенности. Вместо того чтобы рассматривать каждого индивида по отдельности, принимаются общие решения для всех. Сначала каждый индивид может прийти на проводящееся раз в три года собрание акционеров и проголосовать: за себя и за тех, кто доверил ему свой голос. Но на собрания приходит чересчур много людей, а когда каждый хочет высказаться, то обсуждение получается слишком нудным и затянутым. В конце концов принимается решение, что участвовать в общих собраниях акционеров имеют право только те, кто уполномочен представлять не менее 100 000 голосов.

Важная проблема связана с тем, как учитывать детей. Акция Великой Корпорации — это ценное и дорогое имущество, без которого человек оказывается в изоляции и не имеет полномочий влиять на других. Если бы дети получали акции только по наследству, после смерти родителей, они большую часть своей взрослой жизни не имели бы акций. Да и не в каждой семье ровно двое детей. Просто *раздавать* акции молодым нельзя. Чьи, собственно, акции можно было бы раздать, да и честно ли было бы раздавать Акции Великой Корпорации, если другие люди их покупали? Поэтому для включения молодых людей в гильдию акционеров производится дробление акций. За три года между двумя общими акционерными собраниями m акционеров умерли, а n индивидов достигли совершеннолетия. Акции умерших возвращаются в Совет Директоров и гасятся, а каждая из s оставшихся в обращении акций расщепляется по формуле $(s + n) / s$ к одному, доли соединяются таким образом, чтобы выпустить n новых акций, которые распределяются между юными новичками. Они получают их не даром (это было бы нечестно), а в обмен на то, что они акционируют себя и передают все выпущенные акции корпорации. Отдавая корпорации свои акции, каждый из них получает взамен одну Аксию Великой Корпорации и становится членом гильдии акционеров с правом участия в принятии общих решений корпорации, владельцем части прав на каждого из других людей. Каждая старая акция подлежит расщеплению, потому что приток новых членов в гильдию означает, что каждая акция дает право на паевое участие в большем количестве людей. Таким образом, приток людей и расщепление акций оправдывают друг друга.

Люди рассматривают этот обмен как абсолютно равную сделку. До обмена индивид имел одну полную акцию на себя и ни одной, даже крошечной, акции на какого-нибудь другого человека. При наличии в обществе $s+n-1$ других индивидов каждый индивид выпускает на себя $s+n$ акций, которые он целиком передает Совету Директоров. В обмен на это он получает долю $1/(n+s)$ в каждом из остальных $s+n-1$ индивидов плюс такую же долю

в самом себе. Таким образом, он имеет $s+n$ акций, каждая из которых представляет долю $1/(s+n)$ собственности в каждом из $s+n$ индивидов в обществе. Умножив число принадлежащих ему акций на долю собственности в ком-нибудь из индивидов, которую представляет каждая акция, мы получим $(s+n) \times (1/(s+n))$, что равно 1. То, что он получает в результате обмена, в сумме представляет собой одно полное право собственности, т.е. ровно столько, сколько он передал Совету Директоров. Люди говорят (и верят в это), что, когда каждый владеет каждым, никто не владеет никем⁶. Каждый индивид верит, что каждый другой индивид не тиран, а такой же человек, как он сам, и находится в точно таком же положении. Поскольку все находятся в одной лодке, никто не рассматривает ситуацию как ситуацию доминирования; большое количество пассажиров в этой лодке делает ее более приемлемой, чем гребную шлюпку на одного. Поскольку решения распространяются на всех в равной мере, индивид получает (так считается) правление безличных и свободных от произвола законов, а не правление людей. Считается, что каждый индивид получает выгоду от усилий остальных мудро править всеми, и все равны в этом деле, имея равное право голоса. Так устанавливается система «один акционер — один голос». Возможно, развитию братских чувств способствует осознание людьми того, что все они неразрывно связаны друг с другом, каждый в равной степени акционер и акционерная собственность, каждый сторож брату своему и каждого сторожат братья его.

Время от времени кучка недовольных отказывается получать свои Акции Великой Корпорации и подписывать Свиток Членства гильдии акционеров. Отказываясь от чести быть Джонами Хэнкоками Декларации Взаимозависимости[‡], они утверждают, что не хотят иметь ничего общего с системой, и отказываются предоставить системе какие-либо права на себя. Некоторые из них доходят даже до призывов распустить корпорацию! Горячие головы в Совете Директоров требуют посадить их в тюрьму на основании того, что эти молодые люди не участвуют в корпорации, все выглядит так, что они пока еще не дали Совету явного права на это. Некоторые члены Совета считают, что, поскольку молодые

⁶ «...Каждый, подчиняя себя всем, не подчиняет себя никому в отдельности. И так как нет ни одного члена ассоциации, в отношении которого остальные не приобретали бы тех же прав, которые они уступили ему по отношению к себе, то каждый приобретает эквивалент того, что теряет...» (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. С. 208).

[‡] Джон Хэнкок — один из отцов-основателей США; автор самой красивой подписи под Декларацией независимости. — *Прим. перев.*

люди пользовались выгодами, которые дает жизнь под крылом корпорации, и остались в сфере ее влияния, они уже по умолчанию согласились быть акционерной собственностью и никаких дополнительных действий от них не требуется. Но поскольку все остальные осознают, что молчаливое согласие не стоит бумаги, на которой оно не написано, то это мнение не пользуется широкой поддержкой. Один член Совета говорит, что, раз все дети созданы своими родителями, последние владеют ими, и то, что Совет имеет акции в родителях, дает ему право собственности на детей. Новизна этого аргумента не способствует его использованию в столь деликатный момент.

Здесь мы немного замедлим драматический темп нашей истории, чтобы рассмотреть взгляды Локка на идею о том, что дети принадлежат родителям⁷. Локку приходится подробно обсуждать взгляды Филмера не только для того, чтобы очистить поле от странной альтернативной точки зрения, но и чтобы показать, почему такие взгляды не следуют из отдельных элементов его собственного подхода, *как можно было бы предположить*. Вот почему автор «Двух трактатов» берется за написание «Первого»⁸. Из теории собственности Локка, как представляется, следует, что человек имеет право собственности на то, что им создано. В силу этого для Локка должно было бы стать настоящей проблемой утверждение, что Господь, который создал этот мир и владел им, *отдал* его Адаму в единоличную собственность. Хотя Локк считал и доказывал, что этого не произошло (глава 4), его должны были интересовать последствия, которые имели бы место, если бы это случилось. Он, вероятно, задумывался, следует ли из его взглядов то, что, *если бы это было так*, остальным потребовалось бы разрешение Адама на то, чтобы использовать его собственность для поддержания собственного существования,

⁷ См.: Локк Дж. Первый трактат о правлении. Гл. 6 (где Локк критикует мнение, что дети являются собственностью родителей) и гл. 9 (где он возражает против того, чтобы считать эту собственность (если она существует) транзитивной).

⁸ В своем введении к стандартному изданию Локка (Locke, *Two Treatises of Government*, 2nd ed., New York: Cambridge University Press, 1967) Питер Ласлетт не дает внутреннего объяснения, почему Локк берется за «Первый трактат», и рассматривает это как своего рода чудачество (pp. 48, 59, 61, 71). То, что развитие взглядов Локка на собственность привело его к мысли, что необходимо подробно рассмотреть взгляды Филмера и дистанцироваться от них, может показаться противоречащим утверждению Ласлетта на с. 68, где он говорит о взглядах Локка на собственность, но если внимательно изучить утверждения Ласлетта на с. 34 и 59, то становится ясно, что из того, что он говорит, этого не следует.

и они оказались бы в его власти. (Если так, и если дар может быть завещан, то...) Взгляды, удовлетворительный результат которых (отсутствие господства некоторых людей над другими) зависит от события, которого могло бы и не быть (т.е. от того, что Господь не дарил ничего Адаму), должны были бы смущать того, кто их придерживался. (Я не буду отвечать на контраргумент, состоящий в том, что Господь непременно благ и поэтому то, что он не сделал бы такого подарка, не является случайным. Этическая идея, которая должна избрать *этот* путь, чтобы не быть опрокинутой фактами, которые выглядят случайными, на деле является весьма шаткой.) Таким образом, Локк обсуждает (I, 41, 42) важнейший элемент своей теории, когда говорит о том, что каждый человек имеет «право собственности на такую часть имущества другого, которая охранит его от крайней нужды, если у него нет никаких других средств к существованию», в которой другие не могут ему отказать.

Аналогичным образом Локк вынужден объяснять, почему дети не являются собственностью родителей. Его главный аргумент (I, 52–54), по-видимому, исходит из представления, что человеку принадлежит то, что он создал, только в том случае, если он контролирует и понимает все детали процесса создания этого. По этому критерию люди, высаживающие в свою землю семена и поливающие их, не имели бы права собственности на деревья, выросшие из семян. Бесспорно, большая часть того, что делает большинство из нас, заключается в том, чтобы давать начало процессам или вмешиваться в процессы, механизм действия которых мы плохо понимаем, а результаты не вполне можем предвидеть. (Кто знает *все*, что физики считают существенным для того, чтобы материалы имели те или иные свойства, и для того, чтобы силы действовали так, как они действуют; и кто знает то, чего не знают физики?) Однако во многих таких случаях Локк действительно хочет сказать, что нам принадлежит то, что мы производим.

Локк предлагает второй аргумент: «Даже та власть, которую сам Бог осуществляет над людьми, есть власть по праву отцовства», но все же его отцовство такое, что полностью исключает всякие претензии земных родителей на это право; ибо он царь потому, что он действительно создал всех нас, на что никак не могут претендовать родители в отношении своих детей» (I, 53). В этом трудно разобраться. Если смысл в том, что дети не могут быть собственностью родителей, потому что те сами принадлежат Богу и поэтому не могут иметь своей собственности, то это относилось бы и к собственности на все остальное, что создают родители. Если смысл в том, что Господь является создателем детей в гораздо большей степени, чем их родители, то это относится ко многим другим вещам, которые, с точки зрения Локка, могут быть

собственностью (растения, все животные, кроме человека), и, возможно, это относится вообще ко всему. (*Степень*, в которой это имеет силу, представляется ненадежной основой для построения теории.) Заметьте, что Локк *не* утверждает, что дети в силу чего-то, относящегося к их природе, не могли бы быть собственностью родителей, даже если бы те их создали. Он *не* утверждает, что нечто такое в людях (которые не совершили такой несправедливости, за которую должны поплатиться жизнью [I, 23, 178]) препятствует их Творцу владеть ими, потому что он говорит, что Бог владеет человеком в силу того, что он создал его со всеми его возвышенными природными качествами (I, 6).

Поскольку Локк не утверждает, что (1) нечто внутренне присущее индивидам препятствует тем, кто их создает, владеть ими, то, чтобы избежать вывода о том, что родители владеют своими детьми, он должен доказать, что либо (2) некое условие в теории того, как в производительных процессах возникают права собственности, исключает процесс создания родителями детей из числа процессов, порождающих собственность, либо (3) нечто присущее родителям мешает им находиться в этих конкретных отношениях собственности, либо (4) родители в действительности не создают своих детей. Мы видели проблемы, возникшие в результате попытки Локка работать с вариантами 2, 3 и 4. Поскольку два последних варианта бесперспективны, кто-то из исследователей, близких Локку по взглядам, должен был бы выработать вариант на основе 1 или 2.

Заметьте, что своим решительным отрицанием того, что, давая им жизнь, родители создают детей, Локк разрушает единственное основание для ответственности родителей за детей. Поэтому Локк вынужден заявлять, что родительской заботы требует закон природы (I, 56), видимо, имея в виду, что это простой моральный факт. Но тогда остается непонятным, почему забота требуется *от родителей*, и почему это не просто еще один случай того, как кто-то пользуется «трудами другого, на что он не имел права» (I, 34).

Теперь мы должны досказать нашу историю до конца. Относительно молодых в конце концов решено, что они не обязаны присоединяться к гильдии акционеров. Они могут отказаться от связанных с этим выгод и покинуть территорию корпорации безо всяких обид. (Но поскольку на Марсе ни одно поселение не протянуло больше полугода, есть серьезные причины остаться на Земле и примкнуть к корпорации.) Те, кому предложили смириться или уйти, в ответ заявляют, что поскольку корпорации принадлежит не вся земля, то любой индивид может купить землю на территории корпорации и жить, как ему нравится. Хотя корпорация действительно не скупилась всю землю, считается, что ее устав, одобренный всеми на Великом консолидационном съезде,

запрещает выход земель из-под контроля корпорации⁹. Спрашивается, может ли корпорация допустить, чтобы внутри нее возникла другая корпорация? Может ли она терпеть опасность, которую представляют изолированные, не принадлежащие ей индивиды, одним словом, «анкорпию»?

Некоторые люди предлагают позволить упрямам выйти из корпорации, но остаться на ее территории. Почему нельзя разрешить им остаться на корпоративной территории, поддерживать с корпорацией только такие отношения, которые им подходят, сформулировать собственный кодекс прав и обязанностей (помимо и сверх отказа от агрессии) по отношению к другим индивидам и к корпорации, платить за конкретные вещи, которые они получают, живя независимо?¹⁰

Однако другие отвечают, что это создавало бы слишком большой хаос, а также могло бы подорвать корпоративную систему. Ведь другие люди («легковерные другие», как было сказано) также могли бы поддаваться соблазну и покинуть гильдию акционеров. И кто останется? Только наименее способные позаботиться о себе. А кто позаботится о них? А как те, кто покинет корпорацию, стали бы выживать сами по себе? А были бы братские чувства так же сильны без системы всеобщего взаимовладения и без того, чтобы все индивиды (способные на это) были вынуждены помогать другим? Почти все согласны, что исторический опыт показывает: система, в которой каждый имеет равное право (в *неких* определенных границах) влиять на жизнь всех остальных, — самая лучшая и честная из всех мыслимых. Их социальные теоретики согласны, что такая система *демоктезиса*, где все люди владеют всеми людьми ради блага всех людей, — это высшая форма общественной жизни, и нельзя допустить, чтобы она исчезла с лица земли.

Развивая эту жутковатую историю, мы пришли наконец к тому феномену, в котором можно узнать современное государство с его обширным арсеналом полномочий в отношении его граждан. На самом деле мы пришли к *демократическому* государству. Наше гипотетическое объяснение того, как оно могло бы возникнуть из минимального государства, без каких-либо вопию-

⁹ Сравните с тем, как развивает Локк похожую идею в (I, 116—117); см. также (I, 120), где Локк неправоммерно переходит от того, что некто хочет, чтобы общество охраняло его собственность, к тому, что этот индивид предоставляет обществу полную юрисдикцию над его собственностью.

¹⁰ См.: Herbert Spencer, *Social Statics* (London: Chapman, 1851), chap. 19, "The Right to Ignore the State" [русск. пер.: Спенсер Г. Социальная статика. СПб.: 1906. Гл. XIX «Право игнорировать государство»], главу, которую Спенсер не включил в переработанное издание.

щих нарушений чьих-либо прав, в результате последовательности шагов, по отдельности не вызывающих обоснованных возражений, позволило серьезно осмыслить сущностную природу такого государства и принципиальный для него способ отношений между людьми. Уж какое оно есть.

Можно было рассказать и другие истории, некоторые из них — про возникновение государства из несправедливости. Оцените следующую последовательность событий, которую мы назовем «Историей раба», и представьте себе, что это о вас.

1. Есть раб, полностью зависящий от причуд злого хозяина. Его часто подвергают жестоким побоям, вызывают среди ночи и т. п.
2. Хозяин добрее к своим рабам и бьет их только за зафиксированное нарушение установленных им правил (не выполнена работа и т. п.). Он предоставляет рабам немного свободного времени.
3. У хозяина есть группа рабов, и он на разумных основаниях решает, как должны распределяться вещи между ними, принимая во внимание их потребности, заслуги и т. п.
4. Хозяин предоставляет рабам четыре дня для собственных дел, и требует от них работать на его земле только три дня в неделю. Остальное время принадлежит им.
5. Хозяин позволяет своим рабам покидать имение и за плату работать в городе (или где им заблагорассудится). Он требует лишь, чтобы они отдавали ему $\frac{3}{7}$ заработанного. Он также сохраняет за собой власть вызывать их на плантацию в случаях, когда какая-нибудь чрезвычайная ситуация угрожает его земле, а также повышать или понижать ставку платежей, которые они должны отдавать ему. Он также сохраняет за собой право запрещать рабам заниматься опасными делами, которые создают угрозу для его финансовых поступлений, например, лазать по горам, курить сигареты.
6. Хозяин разрешает всем своим 10 000 рабов, кроме вас, голосовать, и совместные решения принимаются всеми рабами. Между ними существует открытая дискуссия и т. д., и у них есть право определять, как использовать тот процент ваших (и своих) доходов, который они решат забрать; какие виды деятельности можно правоммерно запретить и т. п.

Давайте сделаем паузу, чтобы оценить ситуацию. Если хозяин заключил договор о передаче власти таким образом, что он не может его разорвать, то у вас сменился хозяин. Теперь у вас

10 000 хозяев вместо одного, или же у вас 10 000-головый хозяин. Возможно, 10 000 будут еще добрее, чем благожелательный хозяин из пункта 2. Тем не менее они — ваш хозяин. Однако можно сделать еще больше. Один добрый хозяин (из пункта 2) мог бы позволить своему рабу высказываться и пытаться склонить себя к определенному решению. Хозяин с 10 000 голов тоже может это позволить.

7. Хотя вам еще не разрешили голосовать, вы вольны (и вам дано право) вступать в споры с 10 000, пытаться убедить их принять те или иные программы и обращаться с вами и с собой определенным образом. После дискуссии они удаляются и голосованием принимают решения, относящиеся к их обширным полномочиям.
8. В знак признания вашего вклада в дискуссию 10 000 позволяют вам принимать участие в голосовании в случаях, когда их голоса делятся поровну; они официально утверждают эту процедуру. После дискуссии вы отмечаете свой выбор в бюллетене, а они уходят и голосуют. Если по какому-то вопросу их голоса делятся поровну — 5000 за и 5000 против — они учитывают ваш бюллетень. До сих пор такого не случалось, у них еще не было случая взглянуть в ваш бюллетень. (Один хозяин также мог бы связать себя обязательством и предоставить своему рабу решение любых касающихся его вопросов в случае, когда эти вопросы были бы ему, хозяину, совершенно безразличны.)
9. Они присоединяют ваш бюллетень к своим. Если их голоса разделились поровну, решение зависит от вашего голоса. В противном случае он не оказывает влияния на результат выборов.

Вопрос таков: на каком из пунктов от 1 до 9 история перестала быть историей раба?¹¹

Гипотетические истории

Могло ли «более чем минимальное» государство возникнуть в результате бойкота? Сторонники такого государства могли бы отказаться от сделок, обменов или отношений с теми, кто отказывается связать себя обязательством участвовать в дополнительном

аппарате этого государства (включающем деятельность по бойкоту отказавшихся от участия). Чем больше тех, кто включился в бойкот и дал обязательство бойкотировать противников расширения государственного аппарата, тем более ограничены возможности этих противников. Если бойкот сработает, дело может кончиться тем, что они предпочтут участвовать в дополнительной деятельности «более чем минимального» государства и даже разрешат ему принуждать их делать то, что противоречит их воле.

В условиях получившейся в результате структуры кто-то мог бы отказаться участвовать или мог бы не согласиться на дополнительные процессы и ограничения, если бы был готов противостоять такому эффективному общественному бойкоту, какой только мог бы быть предпринят против него; этим ситуация отличается от той, которая имеет место в «более чем минимальном» государстве, где каждый обязан участвовать. Эта система, которая отражала бы некоторые институциональные черты «более чем минимального» государства, иллюстрирует то, как осознанные и согласованные действия людей могут привести к определенного рода результатам без какого-либо нарушения прав. Очень маловероятно, что в обществе, состоящем из большого числа людей, мог бы быть на самом деле организован успешный бойкот, подобный описанному выше. Там было бы много несогласных с дополнительным аппаратом, которые смогли бы найти себе сторонников, совместно создать охранное агентство и тому подобное, чтобы противостоять бойкоту в независимом анклав (не обязательно географическом); более того, они смогли бы предложить стимулы некоторым участникам бойкота, чтобы их расколоть (возможно, тайно, чтобы избежать реакции сторонников бойкота). Бойкот провалился бы потому, что от его сторонников отходило бы все больше и больше людей, увидевших, какую выгоду получают те, кто отказался от участия в нем. Только в том случае, если почти все индивиды в обществе будут настолько привержены идеалу «более чем минимального» государства, что будут приветствовать налагаемые им дополнительные ограничения и откажутся от личной выгоды ради продолжения бойкота, если им хватит энергии и целеустремленности, чтобы настойчиво формировать все свои отношения так, как необходимо для достижения той цели, аналог «более чем минимального» государства будет создан. Легитимным будет *только* такой аналог «более чем минимального» государства, в котором каждый индивид сохранит возможность выбора — участвовать в нем или нет, и только в том случае, если он возникнет примерно так, как описано.

Каким образом эти гипотетические истории должны влиять на наши оценки институциональной структуры общества? Я отважусь на несколько предварительных замечаний. Если реальная

¹¹ См.: Herbert Spencer, *The Man Versus the State* (Caldwell, Idaho: Saxton Printers), pp. 41–43 [русск. пер. Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007. С. 62–64].

история, которая привела к возникновению реально существующего общества, была справедливой, то и общество является справедливым. Если реальная история какого-нибудь реально существующего общества была несправедливой и если *ни одна* справедливая гипотетическая история не могла бы создать структуру этого общества, то эта структура является несправедливой. Более сложны те случаи, когда реальная история общества была несправедливой, но к его нынешней структуре (хотя, пожалуй, не к данному распределению собственности или позиций в социуме) могла бы привести справедливая гипотетическая история. Если гипотетическая справедливая история «близка» к реальной истории, в которой несправедливости при создании или поддержании институциональной структуры не играли существенной роли, реальная структура будет настолько справедливой, насколько это вообще возможно.

Если гипотетическая справедливая история предполагает согласие каждого индивида на институциональную структуру и на любые вытекающие из нее ограничения его прав (которые определяются жесткими моральными ограничениями поведения других), то, если какой-нибудь реальный человек не согласится с ней, институциональную структуру следует считать несправедливой (если она не считается справедливой в рамках другой гипотетической истории). Аналогично институциональную структуру следует считать несправедливой, если гипотетическая справедливая история предполагает согласие некоторых людей, которые на самом деле ее не одобрили, а сейчас некоторые из людей не согласились бы считать, что эти другие ее тогда одобрили. Если институциональная структура могла бы возникнуть в результате гипотетической справедливой истории, не включающей ничего согласия на эту структуру, то оценка структуры будет зависеть от оценки процесса, который привел к ее возникновению. Если этот процесс рассматривается как более благоприятный (по другим параметрам, чем справедливость, по которой, в соответствии с гипотезой, он наилучший), чем реальная история, то это, вероятно, улучшит оценку структуры. То, что справедливый процесс мог бы привести к институциональной структуре, но только в том случае, если бы в нем участвовали достойные презрения индивиды, не улучшит оценки этой институциональной структуры.

Поскольку структура, которая могла бы возникнуть в результате справедливого процесса, не включающего согласия людей, не будет содержать ни ограничений их прав, ни появления прав, которыми они не обладают, она будет ближе с точки зрения прав к исходному концепту личных прав, определенных жесткими моральными ограничениями; и потому присущая ей структура прав будет считаться справедливой. При неизменной степени

несправедливости реальной истории различных институциональных структур структуры, более близкие к правам, которыми индивиды обладают в силу жестких моральных ограничений, будут более справедливы, чем более далекие. Если институциональная структура, реализующая *только* права индивидов, может возникнуть несправедливо, все равно разумнее придерживаться ее (при условии исправления отдельных несправедливостей в социальном положении и распределении собственности) и позволить ей трансформироваться в любую другую институциональную структуру, которая может из нее возникнуть. С другой стороны, если институциональная структура отклоняется от прав индивидов, воплощенных в жестких моральных ограничениях, следует отказаться от нее, даже если она *могла* возникнуть в результате какой-нибудь справедливой гипотетической истории, ибо существующие в ней ограничения прав серьезно повлияют на то, что из нее возникнет и, возможно, даже с имеющимися ограничениями нельзя будет согласиться. Ситуацию с личными правами тогда нужно будет обустроить заново.

Часть III

УТОПИЯ

Глава 10 РАМКА ДЛЯ УТОПИИ

Существование государства с более обширными полномочиями, чем минимальное, оправдать невозможно. Но, быть может, идее или идеалу минимального государства недостает блеска? В состоянии ли этот идеал зажечь сердца, вдохновить людей на борьбу и жертвы? Пойдет ли кто-нибудь на баррикады под его знаменем?¹ Минимальное государство выглядит бледным и слабым по сравнению (если взять полярный пример) с надеждами и мечтами утопистов. Каковы бы ни были его достоинства, представляется очевидным, что минимальное государство — это не утопия. В силу этого мы могли бы ожидать, что экскурс в теорию утопии будет чрезвычайно полезен для того, чтобы высветить изъяны и недостатки минимального государства в качестве цели политической философии. Кроме того, этот экскурс обещает быть очень интересным сам по себе. Последуем же за теорией утопии туда, куда она ведет.

Модель

Те условия, которые мы хотели бы предписать обществам, претендующим на звание утопии, в сумме не согласуются друг с другом. Невозможно совместить все общественные и политические

¹ «Государство, которое действительно было бы морально нейтральным, которое было бы равнодушно ко всем ценностям, кроме поддержания закона и порядка, не могло бы внушить преданность, необходимую для его выживания. Солдат может пожертвовать жизнью за Королеву и Отечество, но вряд ли — за Минимальное Государство. Полицейский, верящий в Естественное Право и в незыблемость границ между добром и злом, может остановить вооруженного головореза, но не тогда, когда он считает себя служащим Общества Взаимной Защиты и Страхования, созданного на базе продуманных договоренностей предусмотрительных индивидов. Нужны какие-то идеалы, чтобы воодушевить тех, без добровольного сотрудничества которых такое государство не выжило бы» (J. R. Lucas, *The Principles of Politics* (Oxford at the Clarendon Press, 1966), p. 292). Почему Лукас предполагает, что служащие минимального государства не могут быть всей душой преданы правам, которые оно охраняет?

блага и тем более поддерживать такую ситуацию; это достойное сожаления свойство человеческого состояния стоит того, чтобы его исследовать и о нем сокрушаться. Нашим предметом, однако, является лучший из всех возможных миров*. Для кого? То, что будет для меня лучшим из всех возможных миров, не подойдет вам в этом качестве. Мир, лучший из всех, какие я могу вообразить, мир, в котором мне больше всего хотелось бы жить, это не совсем тот мир, который выбрали бы вы. Однако в некоем ограниченном смысле утопия должна быть самым лучшим выбо-

* В понятии лучшего из возможных миров есть неопределенность. Разным критериям принятия решений, обсуждаемым специалистами по теории принятия решений, соответствуют разные принципы институционального проектирования. Разговоры о проектировании таких институтов, чтобы плохие люди в их руководстве не могли принести большого вреда, а также о сдержках и противовесах можно интерпретировать как указание на принцип минимакса или, точнее, на минимаксные соображения, встроенные в менее строгий принцип. [См.: Kenneth Arrow and Leonid Hurwicz, "An Optimality Criterion for Decision-Making Under Ignorance," in *Uncertainty and Expectations in Economics*, ed. C. F. Carter and J. L. Ford (Clifton, N. J.: Augustus M. Kelley, 1972), pp. 1—11.] Все исследователи этой темы согласны, что максимаксный принцип, который выбирает то действие, одно из многих возможных последствий которого лучше, чем любое из возможных последствий любых других доступных действий, является недостаточно благоразумным принципом, который было бы глупо использовать при конструировании институтов. Любое общество, институты которого проникнуты таким необузданным оптимизмом, движется к краху, или, во всяком случае, высокий риск краха делает это общество слишком опасным, чтобы выбрать его для жизни.

Но общество, институты которого построены не в соответствии с максимаксными принципами, не сможет покорить высот, которых способно достичь (если все сложится хорошо) максимаксное общество. Какое общество является наилучшим из возможных? То, которое соответствует «наилучшим» принципам институционального проектирования (предусматривающим встроенные предохранители от пагубных обстоятельств за счет того, что некоторые позитивные возможности становится труднее реализовать быстро), или то из возможных, в котором все получилось наилучшим образом — максимаксное общество, в котором реализована наиболее благоприятная из возможностей? Пожалуй, ни одно из существующих понятий об утопии не является достаточно точным, чтобы подсказать, каков должен быть ответ на этот вопрос. Но, оставая в стороне утопию, вопрос, интересующий нас в данный момент, касается наилучших принципов институционального проектирования. (Пожалуй, чтобы не наводить читателя на мысль о том, что возможно или желательно создание основных институтов *de novo*, нам следует говорить о принципах оценки институтов, а не их конструирования.)

ром для всех нас — самым лучшим воображаемым миром для каждого из нас*. В каком смысле это возможно?

Представьте себе мир, в котором вы хотели бы жить; не обязательно, чтобы он включал всех ныне живущих; кроме того, в нем могут находиться и существа, которых в действительности никогда не существовало. В этом придуманном вами мире каждое разумное** существо будет иметь права на то, чтобы придумать для себя мир (в котором все остальные разумные существа будут иметь право придумать мир для себя и т.д.) так же, как это сделали вы. Остальные обитатели мира, который вы придумали, могут либо остаться в мире, созданном вами для них (для которого были созданы они), либо покинуть его и жить в мире, который они придумали сами. Если они предпочитают оставить ваш мир и жить в другом, в вашем мире их не будет. Вы можете решить покинуть ваш воображаемый мир, в котором уже не будет тех, кто из него мигрировал. Этот процесс продолжается: миры создаются, люди покидают их, создают новые миры и т.д.

Будет ли этот процесс продолжаться бесконечно? Все ли такие миры эфемерны или найдутся стабильные миры, в которых предпочтут остаться все, кем они были населены изначально? Если процесс приведет к возникновению стабильных миров, каким интересным общим условиям каждый из них будет удовлетворять?

* То, что мой и ваш наилучший мир не совпадают, некоторым людям может показаться признаком испорченности и вырождения по крайней мере одного из нас. И это, с их точки зрения, неудивительно, потому что ни я, ни вы не были воспитаны и сформированы утопией. Можно ли ожидать, чтобы мы были ее образцовыми населенниками? Именно поэтому в утопических текстах делается акцент на различных процессах формирования молодежи. Для тех людей то, что они предлагают, будет настоящей утопией. Насколько сильно те люди, воспитанные в утопии, могут отличаться от нас? Вероятно, путь от людей вроде нас к таким, как они, должен быть коротким и приятным. Утопия — это место, где должны жить наши внуки. И расстояние в два поколения должно быть достаточно небольшим, чтобы мы все с радостью осознали, что мы — одна семья. Людей не должны подвергать трансформации. То, как обезьяны описывали бы свою утопию, не начиналось бы с фразы «Сначала мы разовьемся, а потом...» или с фразы «Сначала мы полюбим помидоры и научимся ползать по земле, а потом...».

** Я использую определение «разумный» или выражение «разумное существо» для сокращенного обозначения существ, обладающих особенностями, в силу которых они имеют целиком те же права, что и человеческие существа; я не намерен здесь говорить что-либо о том, в чем состоят эти особенности. Краткие предварительные замечания см. в главе 3.

Если стабильные миры существуют, то каждый из них соответствует одному (вполне ожидаемому, если учитывать способ, которым эти миры были созданы) условию, а именно: *ни один* из его обитателей не может *вообразить* другой мир, в котором он предпочел бы жить и который (по его мнению) продолжил бы существовать и в том случае, если все его разумные обитатели имеют право придумывать миры и эмигрировать туда. Это описание настолько привлекательно, что чрезвычайно интересно посмотреть, какими еще общими чертами будут обладать все стабильные миры. Чтобы нам не надо было каждый раз повторять длинное описание, будем называть мир, который все разумные обитатели имеют право покинуть ради любого другого мира, который они в состоянии вообразить (который все разумные обитатели могут покинуть ради любого другого мира, который они могут вообразить, в котором...), *ассоциацией*; а мир, некоторым разумным обитателям которого не разрешено эмигрировать в некие ассоциации, которые они в состоянии вообразить, *восточным берлингом*. Таким образом, наше исходное привлекательное описание утверждает, что ни один член стабильной ассоциации не может придумать (так он полагает) другую ассоциацию, которая была бы стабильной и в которой он предпочел бы жить.

На что похожи такие стабильные ассоциации? Я могу предложить лишь несколько интуитивных и крайне упрощенных рассуждений. Вы не сможете учредить ассоциацию, в которой вы будете абсолютным монархом, эксплуатирующим всех других разумных обитателей. Ведь тогда им было бы лучше без вас, и они по меньшей мере предпочли бы жить в такой ассоциации, где жили бы все они, кроме вас, а не оставаться в той, которая создана вами. Ассоциация, которую бы все ее обитатели (кроме одного) покинули ради своей собственной, не может быть стабильной; это противоречило бы предположению, что исходная ассоциация была стабильной. Это рассуждение применимо также к двум, трем или n индивидам, без которых каждому в ассоциации было бы лучше. Таким образом, мы имеем следующее условие стабильности ассоциации: если A — это множество индивидов в некоторой стабильной ассоциации, то не существует ни одного собственного подмножества S множества A , для которого было бы верно, что каждому из членов S лучше быть в ассоциации, состоящей только из членов S , чем быть в A . Дело в том, что, если бы такое подмножество S существовало, его члены вышли бы из A и создали бы собственную ассоциацию*.

* В детальном описании мы должны были бы рассмотреть, не могло ли бы быть такого S , которое осталось бы в A из-за того, что члены S не смогли договориться о разделе благ между собой; или не могло ли бы быть многих пересекающихся подмножеств S , сложные взаи-

Предположим, что вы являетесь представителем всех разумных существ (кроме меня) в мире, который я придумал и создал. Принятие решения остаться в моей ассоциации A_1 или создать другую, A'_1 , включающую всех вас, но не меня, это *то же самое*, что *принятие решения* о том, допустить ли меня в качестве нового члена в ассоциацию A'_1 , к которой вы все уже принадлежите (предоставив мне в расширенной ассоциации A'_1 ту же роль, которая была у меня в A_1). В каждом случае решение определяет один и тот же ключевой факт: как вам будет лучше — со мной

модействия которых (к какому именно должен примкнуть индивид?) приводят к тому, что все люди остаются в A .

Сформулированное нами условие связано с понятием ядра игры. Распределение блокируется коалицией индивидов S , если среди членов S существует другое распределение, которое выгоднее каждому из них и которое члены S могут осуществить независимо от других индивидов (независимо от дополнения S). *Ядро* игры состоит из всех тех распределений, которые не блокируются ни одной из коалиций. В экономической системе ядро содержит только такие распределения между потребителями, в которых ни одно подмножество потребителей не может улучшить положение каждого из своих членов, перераспределив собственные активы внутри себя, независимо от других имеющихся в системе потребителей. Тривиальным следствием из этого является, что каждое распределение в ядре является оптимальным по Парето, а интересной теоремой — то, что каждое равновесное распределение на конкурентном рынке принадлежит к ядру. Более того, для каждого распределения, входящего в ядро, существует конкурентный рынок с первоначальным распределением благ, которое приводит к данному распределению в качестве равновесного.

Об этих результатах с небольшими вариациями в условиях, необходимых для доказательства теорем, см.: Gerard Debreu and Herbert Scarf, "A Limit Theorem on the Core of an Economy," *International Economic Review*, 4, no. 3 (1963); Robert Aumann, "Markets with a Continuum of Traders," *Econometrica*, 32 (1964); Herbert Scarf, "The Core of N-Person Game," *Econometrica*, 35 (1967) (последняя статья содержит формулировку достаточных условий для того, чтобы ядро было непустым). Эти статьи положили начало обширной литературе. См.: Kenneth Arrow and Frank Hahn, *General Competitive Analysis* (San Francisco: Holden-Day, 1971). Поскольку исследуемое ими понятие ядра, несомненно, является центральным для нашей ситуации возможных миров, можно было бы ожидать, что в нашем случае будут получены близкие результаты. Краткое изложение других полезных и наводящих на размышления фактов, важных для анализа модели возможных миров, см.: Gerard Debreu, *Theory of Value* (New York: Wiley, 1959). К сожалению, наша модель возможных миров в некоторых отношениях сложнее, чем та, которая является предметом изучения упомянутых исследователей, так что их результаты не могут быть прямо и непосредственно перенесены на нее.

или без меня. Таким образом, чтобы определить, в каких из множества миров A_1, A_2, \dots , которые я могу вообразить, все разумные члены остались бы в ассоциации со мной вместо того, чтобы создать ассоциации A'_1, A'_2, \dots , в которые вошли бы (все) они, но не я, можно рассмотреть все ассоциации A'_1, A'_2, \dots как уже существующие и задаться вопросом, какие из них согласились бы принять меня в качестве нового члена и на каких условиях.

Ни одна ассоциация не примет меня, если я беру у нее больше, чем даю ей: они не захотят нести потери, приняв меня. То, что я беру у ассоциации, это не то же самое, что я получаю от нее; то, что я беру, — это насколько они ценят то, что дают мне в рамках соглашения, а то, что я получаю, — это насколько я ценю свое членство. Предположим на данном шаге, что группа едина и может быть представлена одной функцией полезности (где $U_Y(x)$ — полезность x для Y); тогда ассоциация A'_i примет меня только при условии, что

$$U_{A'_i}(\text{принять меня}) \geq U_{A_i}(\text{исключить меня}),$$

т.е. $U_{A'_i}(\text{быть членом } A_i) \geq U_{A_i}(\text{быть членом } A'_i),$

т.е. (то, что входящие в A'_i выигрывают от моего членства) \geq (то, что они отдают мне, чтобы привлечь меня в ассоциацию).

Ни от одной ассоциации я не смогу получить чего-то, что для нее ценнее, чем ценность моего вклада в нее.

Нужно ли мне принимать меньше, чем это, от какой-нибудь ассоциации? Если одна ассоциация предложит мне меньше, чем она выиграла бы от моего присутствия, другой ассоциации, для которой мое присутствие имеет ту же ценность, будет выгодно предложить мне больше (хотя и меньше, чем она выиграла бы), чтобы залучить меня к себе. Ситуация с третьей ассоциацией по отношению ко второй будет аналогичной и т.д. Ассоциации не могут сговориться между собой, чтобы снизить цену, потому что я могу вообразить любое количество других претендентов на меня на рынке, на котором торгуется мое участие, а потому ассоциации будут предлагать мне все больше.

Похоже, мы получили вариант экономической модели конкурентного рынка. Это замечательно, потому что дает нам немедленный доступ к мощным, тщательно разработанным и современным методам теоретического анализа. Множество ассоциаций, конкурирующих за мое членство, — в структурном плане то же самое, что фирмы, которые конкурируют за то, чтобы взять меня на работу. В каждом случае я получаю свой предельный вклад. Таким образом, как представляется, мы пришли к тому, что в каждой

стабильной ассоциации каждый индивид получает [эквивалент] своего предельного вклада; в каждом мире, разумные члены которого могут придумывать миры и переселяться в них, и в котором ни один разумный индивид не может придумать другого мира, где он предпочел бы жить (в котором каждый индивид имеет одни и те же права на то, чтобы придумывать и переселяться) и который, по его мнению, мог бы быть устойчивым, каждый индивид получает [эквивалент] своего предельного вклада в этот мир.

До сих пор наши доводы были интуитивными; здесь мы не предлагаем формального доказательства. Но мы должны сказать кое-что еще о содержании модели. Модель сконструирована так, чтобы вы могли выбирать то, что вам нравится, с единственным ограничением — другие могут поступать точно так же, как вы, и отказаться остаться в мире, который вы придумали. Но этого ограничения недостаточно, чтобы модель обеспечивала необходимое равенство в реализации прав. Ведь вы придумали и создали некоторых из этих существ, а они вас не придумывали. Вы могли придумать им определенные потребности, в частности, что они больше всего хотят жить в точности в таком мире, как тот, который вы придумали, даже если в этом мире они являются жалкими рабами. В этом случае они не покинут ваш мир ради лучшего, потому что с их точки зрения лучший мир *невозможен*. Никакие другие миры не в состоянии успешно конкурировать за них, а потому их оплата не будет повышаться на конкурентном рынке.

Какие естественные интуитивные ограничения следует ввести на то, какими могут быть придуманные существа, чтобы избежать этого результата? Во избежание сложностей, связанных с попыткой сформулировать «в лоб» характеристики, которым должны удовлетворять воображаемые люди, мы вводим следующее ограничение: нельзя вообразить мир таким, чтобы из этого логически следовало, что (1) его обитатели (или хотя бы один из них) больше всего (или в качестве одного из приоритетов) хотят жить в нем, или что (2) обитатели (или хотя бы один из них) больше всего (или в качестве одного из приоритетов) хотят жить в мире с определенным (определенного типа) индивидом, сделают все, что он скажет, и т.п. Каждый способ создать угрозу для конструкции, как только мы (или кто-то другой) его заметим, мы можем недвусмысленно исключить с помощью специальной оговорки. Этой процедуры будет достаточно для наших целей при условии, что имеется конечное число способов опрокинуть конструкцию. Введение этого ограничения не делает нашу конструкцию тривиальной. Ведь аргумент, доказывающий соответствие платы предельному вкладу, является интересным теоретическим ходом (предоставленным экономической теорией и теорией игр); сфокусированные желания, направленные на конкретных индивидов или на конкретный

возможный мир, заблокировали бы путь от исходной точки к результату; не считая того, что эти сфокусированные желания препятствуют получению этого результата, существует независимое интуитивное основание, чтобы их элиминировать; подробности ограничений, которые налагаются на исходную ситуацию, чтобы избежать таких желаний, вряд ли сами по себе представляют независимый интерес. В таком случае лучше всего просто исключить сфокусированные желания такого рода.

Эпистемология этой ситуации не должна нас тревожить. Никто не может обойти наше ограничение, опираясь на то, что понятие «следует из» не является эффективным. Ведь как только становится известно, что (1) или (2) (или любая добавленная оговорка) в самом деле «следуют из», придуманный мир вычеркивается. Ситуация, когда нечто может следовать причинно, даже если оно не следует логически, более серьезна. Тогда было бы необязательно открыто говорить, что одно из придуманных существ больше всего хочет X . При наличии причинной теории порождения желаний, например какой-нибудь теории оперантного обусловливания, можно было бы вообразить, что кто-то пережил в прошлом именно ту историю, которая в соответствии с его эмпирической теорией имеет своим причинно-следственным результатом то, что желание X для него оказывается сильнее всех других желаний. Опять-таки тут сами собой приходят на ум различные ограничения *ad hoc*, но кажется, что лучше всего просто добавить дополнительное ограничение: придумывающий не имеет права сознательно давать такое описание людей и мира, чтобы из него *причинно-следственным образом* вытекало, что... (далее как после условия «логически следовало»). Мы хотим исключить только те следствия, о которых он знает. Требование, чтобы ничего подобного не могло действительно следовать из его описания, было бы слишком сильным. Если он заранее не знает о чем-то, он не может эксплуатировать этот фактор.

Хотя тот, кто придумывает мир, не может создать других индивидов такими, чтобы они специально предпочитали его собственное положение в мире, он мог бы вообразить, что они разделяют определенные общие принципы. (Эти общие принципы могли бы быть для него благоприятны.) Например, он мог бы вообразить, что каждый в этом мире, в том числе и он сам, разделяет принцип равного распределения произведенной продукции, при котором каждому, кого принимают в мир, достается одинаковая доля. Если население мира единогласно выберет какой-то (другой) общий принцип распределения P , то каждый индивид в этом мире получит не предельный вклад, а долю в соответствии с P . Единогласное решение необходимо, потому что любой диссидент, поддерживающий другой общий принцип распределения P' , переселится в мир,

населенный только приверженцами P' . В мире, где царит принцип предельного вклада, любой индивид, разумеется, имеет право подарить часть своей доли другому, кроме случая (хотя трудно понять, зачем это могло бы понадобиться), когда их общий принцип распределения требует распределения в соответствии с предельным вкладом и содержит оговорку, запрещающую подарки. Таким образом, в любом мире каждый индивид получает свой предельный продукт, часть которого он может передать другим, которые в таком случае получают больше, чем их предельный продукт, либо все единодушно соглашаются с каким-то другим общим принципом распределения. Вероятно, здесь уместно отметить, что не все миры будут одинаково симпатичными; конкретный принцип P , который предпочитают все обитатели придуманного мира, может быть чудовищным. Наша воображаемая конструкция была создана, чтобы сфокусироваться только на *определенных аспектах* отношений между индивидами.

Допускают ли конкретные детали конструкции существование не только бесконечного числа общин, требующих чьего-то присутствия, но и бесконечного числа кандидатов на присоединение к ним? Это было бы некстати, потому что на рынке с бесконечным предложением и бесконечным спросом цена теоретически неопределима². Но в нашей конструкции каждый индивид воображает конечное число других, которые будут жить в одном мире с ним. Если они его покинут, он может придумать много других, но их число также будет конечным. Первые люди, которые ушли, уже не в счет. Они не конкурируют с вновь прибывшими, будучи занятыми конструированием собственных миров. Хотя определенный верхний предел количества лиц, которых человек может напридумывать, отсутствует, ни в одном мире нет актуально бесконечного числа людей, конкурирующих за долю в распределяемом продукте. А если придумать мир, в котором из-за внешних обстоятельств предельный продукт индивида низок, маловероятно, что он там останется.

² Предположение о том, что предложение всегда ограничено, «заведомо выполняется в чистой экономике обмена, потому что запас товаров у каждого индивида ограничен. В экономике, где имеет место производство, все не так однозначно. При произвольно заданном наборе цен производителю может оказаться выгодно создать неограниченное предложение; для реализации таких планов ему, конечно, придется одновременно предъявить неограниченный спрос на некоторые факторы производства. Такие ситуации, конечно, несовместимы с равновесием, но, поскольку существование равновесия здесь само под вопросом, к анализу нужно подходить с осторожностью» (Kenneth Arrow, "Economic Equilibrium," *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 4, p. 381).

Существуют ли вообще стабильные миры? Вместо ассоциации, в которой некий индивид получает свой довольно низкий вклад, этот индивид придумает другую ассоциацию, в которой его вклад будет выше, чем в первой, и покинет первую (сделав ее нестабильной). Рассуждая таким образом, не придумает ли он и не выберет ли для проживания ту ассоциацию, в которой его вклад (а значит, и оплата) будет наибольшим? Не населит ли каждый индивид свою ассоциацию сотоварищами, максимально ценящими друг друга? Существует ли какая-либо группа существ (превышающая одноэлементное множество), которые будут максимально ценить друг друга? Иными словами, некая группа G , такая, что для *каждого* члена x из G остальные, т.е. $G - \{x\}$, ценят присутствие x больше, чем ценила бы присутствие x любая другая возможная группа людей? Даже если такая группа G существует, существует ли такая (или иная) для каждого? Для каждого ли индивида существует какая-нибудь группа, максимально ценящая своих членов, членом которой является он?

К счастью, конкуренция не так уж остра. Нам не обязательно рассматривать группы G , такие, что для каждого члена x из G остальные, т.е. $G - \{x\}$, ценят присутствие x больше, чем ценила бы присутствие x любая другая возможная группа. Нам достаточно рассмотреть группы G , такие, что для каждого члена x из G остальные, т.е. $G - \{x\}$, ценят присутствие x больше, чем ценила бы присутствие x любая другая возможная *стабильная* группа людей. Стабильная группа G — это группа максимальной взаимной оценки, в которой для каждого члена x из G остальные, т.е. $G - \{x\}$, ценят присутствие x больше, чем любая другая из возможных *стабильных* групп. Понятно, что такого тавтологического объяснения «стабильности» недостаточно; а сказать просто «группа, которая сохранится, из которой никто не эмигрирует» означает дать определение, слишком слабо связанное с понятиями теоретического характера, чтобы привести к интересным результатам, например, к доказательству существования стабильных групп. Исследователи в области теории игр столкнулись с похожими проблемами для стабильных коалиций и достигли лишь частичного успеха, а наша проблема теоретически более трудна. (На самом деле мы еще не ввели ограничений, достаточных, чтобы гарантировать существование стабильной конечной группы, потому что со всем, что мы уже сказали, совместимо предположение, что на какой-нибудь шкале измерений, выше некоего n , доход, выраженный в единицах полезности [utility income] сообщества с n членами, $= n^2$. Если сообщество распределяет полезность поровну, расширение будет происходить до бесконечности, при этом из каждого сообщества люди будут уходить в более крупное.)

Перспективы стабильных ассоциаций улучшаются, когда мы понимаем, что предположение о том, что каждый получает только то, что ему дают другие, слишком сильное. Мир может дать индивиду нечто, что будет для него более ценным по сравнению с ценностью для других того, что они дают ему. Для индивида, например, самым важным может быть сосуществование с другими и возможность быть частью нормальной сети общественных отношений. Другие могут дать ему это благо, не жертвуя, по сути дела, ничем. Таким образом, в одном мире индивид может получить нечто более ценное для него, чем плата, которую он получает от стабильной ассоциации, больше всех остальных ценящей его присутствие. Хотя они отдают меньше, он получает больше. Поскольку индивид хочет максимизировать то, что он получает (а не то, что ему дают), ни один индивид не станет придумывать максимально ценящий его мир, населенный низшими существами, которые не могут без него жить. Никто не захочет стать пчелиной маткой.

Стабильная ассоциация не будет также состоять из самолюбивых индивидов, конкурирующих за первенство по одним и тем же показателям. Она скорее будет состоять из разнообразных существ, блистающих разными талантами и дарованиями; каждый будет получать выгоду от жизни с другими, каждый будет источником пользы и радости для других, дополняя их. Каждый индивид предпочитает жить в созвездии равных ему по мастерству и таланту, а не быть единственным светочем в окружении посредственностей. Каждый восхищается чужой индивидуальностью, наслаждаясь полнотой развития в других людях тех возможностей и талантов, которые у него самого остались сравнительно неразвитыми³.

Представляется, что набросанная нами модель заслуживает детального исследования; она внутренне интересна, обещает глубокие результаты, представляет собой естественный подход к изучению темы лучшего из возможных миров, а также предоставляет возможности для применения наиболее развитых из числа теорий, занимающихся проблемами выбора, совершаемого рациональными агентами (а именно: теории принятия решений, теории игр и экономического анализа), инструментарий

³ См.: John Rawls, *A Theory of Justice* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971), chap. 9, sect. 79, "The Idea of Social Union" [русс. пер.: Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. Гл. 9. §79 «Идея социального единения»] и Ayn Rand, *Atlas Shrugged* (New York: Random House, 1957), pt. III, chaps. 1, 2 [русс. пер.: Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3-х т. М.: Альпина бизнес букс, 2007. Т. III. Гл. 1, 2].

которых должен дать существенные результаты в сфере политической философии и этики. Наша модель применяет эти теории, не только используя их результаты в области, для которой они были созданы, но и обсуждая ситуацию, иную по сравнению с той, которую рассматривали теоретики и которая на языке логики называется *моделью* теорий.

Модель, спроецированная на наш мир

В *нашем* реальном мире модели возможных миров соответствует многообразие сообществ, членами которых люди могут стать, если их примут; которые они могут покинуть, если захотят; которым они могут придать форму в соответствии со своими желаниями; общество, в котором можно воплощать утопические эксперименты, можно выбирать стиль жизни, а также можно в одиночку или совместно с кем-то реализовывать разные представления о благе. Детали и некоторые достоинства такого устройства, которое мы будем называть *рамкой* [framework], будут проясняться по мере нашего продвижения. Имеются важные отличия модели от проекции модели на реальный мир. Проблемы с функционированием рамки в реальном мире имеют источником расхождение между нашей приземленной реальной жизнью и рассмотренной выше моделью возможных миров. Возникает вопрос: действительно ли, даже если бы реализация модели было идеалом, *лучшее*, чего мы можем добиться на Земле, — это осуществление ее бледной проекции?

1. В отличие от модели мы не можем создать таких людей, каких пожелаем. Так что даже если бы существовала возможность создания ассоциации индивидов, максимально ценящих друг друга, включающей вас, другие ее члены могут не существовать в реальности; а другие люди, среди которых вы реально живете, не будут образовывать вашего лучшего фан-клуба. Кроме того, вы, возможно, хотели бы жить в сообществе определенного типа, но других людей (которых можно было бы уговорить), готовых присоединиться к вам, недостаточно для создания жизнеспособного сообщества. В отличие от этого в модели для любого из большого ряда неэксплуататорских сообществ всегда существует достаточно индивидов, которые желают в нем жить.
2. В отличие от модели в реальном мире сообщества *конфликтуют* между собой, что создает проблемы в сфере внешних сношений и самообороны и делает необходимым механизм судебного разбирательства и улаживания спо-

ров между сообществами. (В модели столкновение между сообществами может заключаться только в том, что одно уводит у другого часть его членов.)

3. В реальном мире имеют место информационные издержки на выяснение того, какие сообщества существуют и что они собой представляют, а также — в случае перехода из одного сообщества в другое — транспортные издержки и издержки по переселению.
4. Более того, в реальном мире некоторые сообщества, чтобы помешать оттоку членов в другие сообщества, могут попытаться скрыть от части своих членов информацию о природе тех сообществ, к которым они могли бы захотеть присоединиться. Это поднимает проблему институционального обеспечения свободы передвижения в условиях, когда некоторые пожелают ее ограничить.

С учетом гигантской разницы между реальным миром и моделью возможных миров какое значение для реального мира может иметь эта фантазия? Не нужно пренебрегать такого рода фантазиями ни здесь, ни где-либо еще. Они объясняют многое в нашем реальном положении. Невозможно понять, будем ли мы удовлетворены нашими реальными достижениями в рамках имеющихся у нас альтернатив, если мы не знаем, насколько они отличаются от наших фантазий: только учитывая такие мечты и их силу, можно понять усилия людей, направленные на расширение границ доступных им на данный момент возможностей. Детали, в которые погружаются некоторые авторы утопий, показывают, что для них границы между фантазией и реальностью размыты, не говоря уже о сбывшихся предсказаниях; например, Фурье считал, что моря можно было бы превратить в лимонад, ожидал появления ручных антильвов и антитигров и т.п. Даже самые необузданные надежды и предсказания (вроде тех, что мы находим у Троцкого на последних страницах его книги «Литература и революция») отражают терзания и тоску, без которых портрет человечества превращается во всего лишь трехмерный. Я не смею над нашими желаниями, выходящими не только за пределы осуществимого в данный момент и того, что мы считаем осуществимым в будущем, но даже за пределы возможного; и я не хочу чернить фантазию или преуменьшать страдания от тоски по невозможному.

Реализация ситуации возможных миров была бы связана с удовлетворением различных условий; в реальности мы не можем удовлетворить *всем* этим условиям, но вполне способны удовлетворить многим из них. Даже если лучше всего было бы удовлетворить все условия, не очевидно (с учетом того, что все

удовлетворить мы не в силах), что мы должны попытаться удовлетворить каждое из тех, которые мы можем удовлетворить, даже если мы можем удовлетворить им вместе взятым. Возможно, чуть-чуть недотянуть до полной совокупности условий хуже, чем сильно недотянуть; возможно, мы должны намеренно нарушать некоторые условия, которые можно удовлетворить, чтобы компенсировать (неизбежное) нарушение ряда других условий или приспособиться к нему⁴.

В ходе рассмотрения иных аргументов в пользу рамки и обсуждения возражений против нее мы приведем аргументы (но не доказательства) в пользу того, что реализовать рамку было бы лучше, чем другие варианты, которые еще больше, чем она, отличаются от модели возможных миров. Здесь же мы должны отметить, что *некоторые* отличия рамки от модели возможных миров, хотя и делают ее менее привлекательной, чем модель возможных миров, но все же оставляют ее более предпочтительной по сравнению с любой другой схемой, доступной для воплощения. Например, в реально действующей рамке будет ограниченное число сообществ, так что для многих людей не найдется сообщества, которое бы *точно* соответствовало их ценностям и тому, как они их ранжируют. В пределах рамки каждый индивид выбирает жизнь в том реальном сообществе, которое (грубо говоря) ближе всего к реализации того, что для него важнее всего. Но проблема с отсутствием сообщества, точно отвечающего чьим-либо ценностям, возникает только потому, что люди не сходятся в вопросе о ценностях и их относительной важности. (В отсутствие таких разногласий других людей для заселения идеально подходящего сообщества было бы достаточно.) Таким образом, в том случае, если можно удовлетворить только *одному* набору ценностей, будет *невозможно* удовлетворить всем ценностям более чем одного индивида. Но при наличии достаточного разнообразия сообществ больше людей (грубо говоря) смогут ближе подойти к желанному образу жизни, чем если бы существовал только один вид сообществ.

Рамка

Мы были бы обескуражены, если бы нашелся лишь один аргумент или ряд взаимосвязанных доводов в пользу адекватности конкретного описания утопии. Утопия является фокусом столь многих

⁴ См.: Richard Lipsey and Kelvin Lancaster, "The General Theory of Second Best," *Review of Economic Studies*, 24 (December 1956), которая вызвала появление обширной литературы.

и столь разных упований, что к ней должны вести многие теоретические подходы. Обрисуем некоторые из таких поддерживающих друг друга теоретических путей*.

Первый путь начинается с утверждения о том, что люди разные. Они различаются по темпераменту, интересам, умственным способностям, стремлениям, природным склонностям, духовным поискам и по образу жизни, который они хотели бы вести. У них разные ценности, и они придают разный вес общим для них ценностям. (Они хотят жить в разных климатических условиях — в горах, на равнине, в пустыне, на берегу моря, в больших или маленьких городах.) Нет оснований считать, что существует *одно* сообщество, которое будет идеалом для всех людей, и есть много оснований считать, что такового не существует.

Можно провести различие между следующими тезисами:

- I. Для каждого индивида есть такой образ жизни, который объективно является наилучшим для него.
 1. Люди достаточно похожи, поэтому есть один образ жизни, который объективно является наилучшим для каждого.
 2. Люди разные, поэтому не существует одного образа жизни, который был бы наилучшим для каждого.
 - a. Разные образы жизни достаточно похожи, так что *существует* один тип сообщества (отвечающего определенным ограничениям), который объективно является наилучшим для каждого.
 - b. Разные образы жизни настолько различны, что *не* существует одного типа сообщества (отвечающего определенным ограничениям), который объективно является наилучшим для каждого (независимо от того, какой образ жизни ему больше всего подходит).
- II. Для каждого человека, насколько позволяют судить объективные критерии блага (в той мере, в какой они существуют), имеется большая группа очень разных образов жизни, которые подходят ему лучше всего; ни один другой образ жизни объективно не лучше для него, чем любой из этой группы, и ни один образ жизни из группы объективно не лучше любого другого⁵. И не существует одного сообщества, которое

* Чтобы сохранить независимость аргументации в этой части от первых двух частей книги, я не обсуждаю здесь моральных доводов в пользу личной свободы.

⁵ Ср.: John Rawls, *Theory of Justice*, sect. 63, п. 11 [Ролз Дж. Теория справедливости. §63, сн. 11]. Неясно, насколько Ролзу придется переработать текст, чтобы явным образом учесть эту ситуацию.

объективно является наилучшим для жизни каждого множества из семейства множеств жизней, которые не являются низшими по объективным параметрам.

Для наших целей в данный момент подходят I62 или II.

Витгенштейн, Элизабет Тейлор, Бертран Рассел, Томас Мер-тон, Йоги Берра, Аллен Гинзбург, Гарри Вольфсон, Торо, Кейси Стенгел, любовичский ребе, Пикассо, Моисей, Эйнштейн, Хью Хеффнер, Сократ, Генри Форд, Ленни Брюс, Баба Рам Дасс, Ганди, сэр Эдмунд Хиллари, Реймонд Лубиц, Будда, Фрэнк Синатра, Колумб, Тэд Уильямс, Томас Эдисон, Фрейд, Норман Мейлер, Айн Рэнд, барон Ротшильд, Г. Д. Менкен, Томас Джеф-ферсон, Ральф Эллисон, Бобби Фишер, Эмма Goldman, Петр Кропоткин, вы и ваши родители. Действительно ли существует *один* образ жизни, являющийся наилучшим для всех этих людей? Представьте себе, что все они живут в какой-либо утопии из числа тех, с детальным описанием которых вы знакомы. Попытай-тесь описать общество, в котором всем этим людям будет лучше всего жить. Это было бы сельское общество или городское? Как жили бы его члены: роскошно или аскетично, обращая внимание лишь на жизненно важные потребности? Какими были бы в нем отношения между болами? Существовало ли бы там что-то похо-жее на институт брака? Было ли бы это общество моногамным? Воспитывали ли бы родители своих детей сами? Была ли бы в нем частная собственность? Была ли бы в нем спокойная и безопас-ная жизнь или жизнь с приключениями, опасностями, угрозами и возможностью проявить героизм? Была ли бы в нем религия и сколько: одна или много? Насколько значимой она была бы для людей? Что было бы для людей важнее: их личные заботы или общественная деятельность и проблемы, волнующие все обще-ство? Как они относились бы к труду: упорно совершенствова-лись каждый в своей узкой специальности или были бы мастерами на все руки и любителями повеселиться? Или вообще не работа-ли бы и посвятили бы свою жизнь развлечениям? Как воспиты-вались бы дети: в строгости или снисходительно? Что было бы главным в их образовании? Будет ли спорт играть важную роль в их жизни (в качестве зрителей или участников)? А искусство? Что будет доминировать — чувственные удовольствия или интел-лектуальная деятельность? Или что-то другое? Будет ли мода в одежде? Будут ли приноситься жертвы ради внешней красоты? Каким будет отношение к смерти? Будут ли техника и технология играть важную роль в обществе? И т.д., и т.п.

Мне кажется невероятной идея, что существует один наилучший суммарный ответ на все эти вопросы, одно-единственное общество, являющееся наилучшим для *каждого*. (И еще более невероятна

идея о том, что, если такое общество существует, наших нынеш-них знаний достаточно, чтобы описать его.) Не следует браться за описание утопии тому, кто перед этим не перечитал, например, Шекспира, Толстого, Джейн Остин, Рабле и Достоевского, что-бы напомнить себе о том, насколько разными бывают люди. (Это напомнит ему и о том, насколько они сложны; см. ниже третий вариант пути.)

Авторы утопий, каждый из которых был абсолютно уверен в достоинствах своих собственных представлений и в их исклю-чительной правильности, различаются между собой (не меньше, чем вышеперечисленные люди) в том, какие институты и образы жизни они предлагают для подражания. Хотя картина идеаль-ного общества, которую предлагает каждый из них, слишком про-ста (даже для отдельных сообществ-компонентов, о которых мы будем говорить ниже), необходимо отнестись к этим различиям серьезно. Ни один утопист не утверждает, что все индивиды в его обществе ведут абсолютно одинаковую жизнь, посвящают одина-ковое время одним и тем же видам деятельности. *Почему?* Не по тем ли самым причинам, которые не допускают существования только одного вида сообщества?

Вывод состоит в том, что в утопии не будет одного вида сооб-щества и одного для всех образа жизни. Утопия будет состоять из утопий, из множества различных неоднородных сообществ, в которых люди будут вести разный образ жизни в разных ин-ституциональных условиях. Некоторые виды сообществ будут более привлекательными для большинства по сравнению с другими; сообщества будут разрастаться и приходить в упадок. Люди будут менять сообщества или жить всю жизнь в одном и том же. Уто-пия — это рамка для утопий, место, где люди вольны добровольно объединяться, чтобы попытаться реализовать собственный иде-ал хорошей жизни в идеальном сообществе, где, однако, никто не может *навязать* другим собственные представления об уто-пии⁶. Утопическое общество — это общество утопизма. (Некото-рые, конечно, могут быть довольны тем, что у них есть. Не *каж-дый индивид* будет присоединяться к особым экспериментальным сообществам, и многие из тех, кто сначала воздержится, присоеди-нятся к ним позднее, когда станет ясно, что на самом деле полу-чилось из этих сообществ.) Половина той истины, которую я хочу сообщить, заключается в том, что утопия — это метаутопия: это среда, в которой можно проводить утопические эксперименты;

⁶ Некоторые теории, лежащие в основе такого навязывания, обсуж-даются в: J. L. Talmon, *Origins of Totalitarian Democracy* (New York: Norton, 1970); Idem. *Political Messianism* (New York: Praeger, 1961).

среда, в которой люди вольны жить по своему разумению; это среда, которая должна быть в значительной степени создана заранее, чтобы появилась возможность для стабильной реализации более конкретных утопических проектов.

Если, как мы заметили в начале этой главы, не все блага можно создать одновременно, то нужно будет идти на уступки. Второй теоретический путь содержит указание на то, что нет особых оснований считать, что абсолютно всех устроит одна-единственная система компромиссов. Различные сообщества, каждое из которых будет слегка отличаться по составу от других, будут образовывать набор, из которого каждый индивид сможет выбрать то сообщество, которое в наибольшей степени соответствует его балансу конкурирующих ценностей. (Противники будут называть это утопическим шведским столом и сделают выбор в пользу ресторанов с одним фиксированным меню или, скорее, в пользу города с одним рестораном, меню которого состоит из одного блюда.)

Проектирование и фильтрация

Третий теоретический путь, который приводит к рамке для утопии, основан на том, что люди — существа сложные. И сети возможных отношений между ними — тоже. Предположим (что неверно), что предыдущие аргументы ошибочны и что *один* вид общества является наилучшим для всех. Как можно выяснить, на что похоже это общество? На ум сразу приходят два возможных типа методов, которые мы будем называть проектированием и фильтрацией.

Методы проектирования строят нечто (или создают его описание) с помощью какой-либо процедуры, которая по сути не предполагает построения описаний других объектов того же типа. Результатом процесса является один объект. В случае обществ результатом проектирования является описание одного общества, полученное людьми (или одним человеком), которые садятся и начинают придумывать самое лучшее общество. Приняв решение по этому вопросу, они приступают к уточнению всех деталей этой модели.

С учетом огромной сложности человека, разнообразия его желаний, надежд, импульсов, талантов, ошибок, влюбленностей, глупостей, с учетом множества взаимосвязанных и переплетенных уровней его сознания, граней личности, отношений с другими людьми (сравните, насколько более примитивное описание человека дают специалисты по общественным наукам по сравнению с писателями), а также с учетом сложности межличностных институтов и отношений и сложности координации дейст-

вий большого количества людей крайне маловероятно, что, даже если бы идеальная модель общества существовала, к ней можно было бы прийти с помощью этого априорного (относительно нынешнего уровня знаний) метода. И даже если предположить, что какой-нибудь великий гений действительно *разработает* чертеж такого общества, кто может быть уверен, что все хорошо получится на практике? *

Придумывать описание совершенного общества в наши дни, имея за плечами долгую историю человечества, это, конечно, не то же самое, что начинать с нуля. Мы кое-что знаем о результатах применения не только проектирования, но и других методов, в том числе методов фильтрации, о которых речь пойдет ниже. Полезно представить себе, как пещерные люди совместно размышляют, каким во веки веков должно быть лучшее из возможных обществ, а потом приступают к его созданию. Вам не кажется, что за этим занятием смешны не только они, но и мы?

Методы фильтрации подразумевают процесс, который устраняет (отфильтровывает) многие варианты из большого набора. Двумя ключевыми факторами, определяющими конечный(ые) результат(ы), являются конкретная природа процесса фильтрации (и то, какие качества он отбрасывает) и конкретная природа множества вариантов, с которым он работает (и то, как это множество порождается). Процессы фильтрации особенно нужны конструкторам, которые не очень хорошо знают природу того конечного продукта, к которому они стремятся. Эти процессы помогают конструкторам использовать их знания о конкретных условиях, которые не должны нарушаться, путем продуманного создания фильтра для отсева случаев, нарушающих условия. Создание подходящего фильтра может оказаться невозможным, и тогда можно попытаться приспособить для решения задачи конструирования

* Ни один известный мне (или вам) человек или группа не могли бы создать адекватный «чертеж» для общества существ, настолько же сложным на личном и межличностном уровне, как сам автор (ы) (не говоря о том, насколько ему или им можно было бы доверить такую задачу). [«На деле не было ни одного описания утопии, в которой здравый человек согласился бы на каких-либо условиях жить, имея он возможность этого избежать» (Alexander Gray, *The Socialist Tradition* [New York: Harper & Row, 1968], p. 63).] В свете этого группы, желающие тотально переустроить все общество в соответствии с единым замыслом, проявляют стратегическую дальновидность, скрывая от нас детали своего плана и отказываясь говорить о том, как все это будет работать на практике («Никаких чертежей»). Поведение их последователей понять труднее, но, возможно, чем туманней перспектива, тем легче индивиду предположить, что запланировано и будет реализовано *в точности* то, чего хочется ему.

другой фильтрующий процесс. Но в общем случае, как представляется, для создания подходящего фильтра, даже такого, который приводит к получению продукта конкретного типа, потребуется меньше информации (в том числе информации о том, что должно получиться в итоге), чем в случае, когда нужно было бы сконструировать с нуля только продукты (продукт).

Более того, если процесс фильтрации включает адаптивный метод порождения новых кандидатов, так что их качество улучшается по мере того, как повышается качество членов, оставшихся после предыдущих стадий фильтрации, а также содержит переменный фильтр, избирательность которого растёт с повышением качества вариантов (т.е. отфильтровываются некоторые из вариантов, которые ранее успешно прошли через фильтр), т.е. законные основания ожидать, что достоинства того, что прошло через долгий и повторяющийся процесс отбора, будут очень высоки. Мы не должны быть *слишком* высокомерны по отношению к результатам процессов фильтрации, потому что сами — результат такого процесса. С точки зрения соображений, побуждающих нас рекомендовать использование процесса фильтрации для конструирования обществ, эволюция — это процесс фильтрации для создания живых существ, по назначению использованный скромным божеством, которое не знало точно, на что похоже существо, которое оно хочет создать*.

* Ср.: «Этот мир, в котором обитает человек, далеко не первый из созданных Богом. До нашего Он создал еще несколько миров, но Он разрушил их все, потому что ни один не удовлетворил Его до того, как Он создал наш» (Louis Ginsburg, *Legends of the Bible* [New York: Simon & Schuster, 1961], p. 2).

Тема методов фильтрации, детерминистских и стохастических, и различий между фильтрами, предназначенными для решения разных задач, безумно интересна. Насколько я знаю, не существует подробной теории оптимальных фильтров (относительно их задач) и их параметров. Можно было бы ожидать, что работа над математическими моделями эволюции (и сама теория эволюции) стимулировала бы создание общей теории такого рода. См.: R. C. Lewontin, "Evolution and Theory of Games," *Journal of Theoretical Biology*, 1960; Howard Levene, "Genetic Diversity and Diversity of Environments: Mathematical Aspects," in the *Fifth Berkeley Symposium*, vol. 4, и цитируемая там литература; Crow and Kimura, *Introduction to Population Genetics Theory* (N. Y.: Harper and Row, 1970).

Возьмем в качестве другой иллюстрации тему генной инженерии. Многие биологи склонны полагать, что вся проблема в *конструировании*, в том, как определить лучшие типы индивидов, чтобы биологи могли начать их производить. Таким образом, их волнует, какого сорта (сорта) людей нужно делать и кто будет

Процесс фильтрации, подходящий для конструирования общества, который приходит на ум, — это процесс, в ходе которого люди, составляющие план идеального общества, рассматривают много разных видов обществ, некоторые из которых подвергаются критике, некоторые отбрасываются, описание других изменяется — и так до тех пор, пока участники не придут к тому, который, по их мнению, окажется наилучшим. Нет сомнений, что именно так работает любая группа проектировщиков, поэтому не следует считать, что методы проектирования несовместимы с фильтрацией. (Фильтрация также не обязательно исключает проектирование, особенно в процессе генерирования.) Однако нельзя заранее определить, какие люди предложат самые лучшие идеи, и все идеи необходимо опробовать (а не ограничиваться компьютерным моделированием), чтобы посмотреть, как они

контролировать процесс. Они не склонны думать (возможно, потому что это уменьшает их роль в процессе) о системе, в которой они управляли бы «супермаркетом генов», выполняя (в рамках определенных моральных ограничений) индивидуальные заказы будущих родителей. Они также не ставят вопрос о том, на каком ограниченном числе типов личности сошлись бы предпочтения людей, и о том, сойдутся ли такие предпочтения. Большим достоинством системы генного супермаркета является то, что в ней отсутствует централизованный выбор будущих человеческих типов. Если есть опасения, что будут нарушены какие-нибудь важные пропорции, например, между мужчинами и женщинами, правительство могло бы потребовать, чтобы генетические манипуляции проводились так, чтобы определенное соотношение обеспечивалось. Предположим для простоты, что хотелось бы иметь пропорцию 1:1, тогда от большого числа и клиник можно было бы потребовать (как минимум на уровне отчетности), чтобы они подбирали в пару к родителям, желающим ребенка мужского пола, родителей, которые желают ребенка женского пола, до того как начать помогать им осуществить их желания. Если бы большинство родителей желали ребенка определенного пола, они могли бы платить другим родителям за то, чтобы те согласились на ребенка противоположного пола и образовали с ними пару, и тогда возник бы рынок — к экономической выгоде тех, кому безразличен пол будущего ребенка. Сохранение таких макропропорций было бы более трудным делом в чисто либертарианской системе. При ней либо родители могли бы подписываться на информацию о новорожденных, чтобы знать, какой пол в дефиците (и соответственно, на какой пол был бы больше спрос в будущем), и принимать решения в зависимости от этой информации, либо заинтересованные в этом индивиды жертвовали бы деньги в благотворительный фонд, который бы предлагал премии за поддержание пропорций, либо пропорция 1:1 отошла бы в прошлое и возникли бы новые модели семейной и общественной жизни.

будут работать*. А некоторые идеи возникнут только тогда, когда мы (*post facto*) попытаемся описать, какие структуры возникли из спонтанной координации действий многих людей.

Если идеи действительно должны быть испытывать на практике, то должно существовать много сообществ, экспериментирующих с разными моделями. Процесс фильтрации, т.е. ликвидации сообществ, который заложен в нашей рамке, очень простой: люди пробуют жить в разных сообществах и покидают те, которые им не нравятся (которые они считают дефектными), или слегка меняют их. Одни сообщества будут покинуты, другие будут бороться за выживание, некоторые расколются, некоторые расцветут, станут многочисленными и у них найдутся подражатели. Каждое сообщество должно завоевать и удержать добровольную приверженность своих членов. Ни одна модель не будет никому навязываться, и одна модель будет конечным результатом если и только если каждый добровольно решит жить в соответствии именно с этой моделью сообщества⁷.

* Некоторым авторам самые интересные мысли приходят в голову после того, как они решили, что они все тщательно продумали, и приступили непосредственно к работе над текстом. Иногда на этой стадии меняется точка зрения или приходит понимание того, что писать нужно о чем-то другом (о том, что до начала работы над текстом казалось ясным и не очень важным). Насколько же больше будут различия между планом (даже написанным) и практической детальной проработкой жизни в обществе!

⁷ Поучительное обсуждение того, как действует и чем хороша сходная система фильтрации, см.: F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty* (Chicago: University of Chicago Press, 1960), chaps. 2, 3 [русск. пер.: Хайек Ф. А. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2008. Гл. 2, 3]. Некоторые утопические проекты до известной степени укладываются в подобную систему. «[Недоктринерский характер истоков еврейских общинных поселений в Палестине] также определил их развитие во всех существенных аспектах. Новые формы и новые переходные формы постоянно ответвлялись в условиях полной свободы. Каждая из них вырастала из конкретных общественных и духовных потребностей по мере того, как они давали о себе знать — в условиях полной свободы, и каждая из них обретала, даже на начальных стадиях, собственную идеологию — в условиях полной свободы, каждая прилагала усилия, чтобы получить известность, распространиться и утвердить себя — все это в условиях полной свободы. Каждый из поборников различных форм имел возможность высказаться, вокруг плюсов и минусов каждой отдельной формы шли искренние и горячие споры. ... Различные формы и переходные формы, возникшие таким образом в разное время и в разных ситуациях, представляли разные типы социальной структуры... разные формы соответствовали разным человеческим типам и... так же как новые

Проектирование оказывается полезным на стадии генерирования конкретных сообществ для жизни и экспериментирования. Любая группа людей может сконструировать какую-нибудь модель и попытаться убедить других принять участие в экспериментальном сообществе, построенном по этой модели. Визионеры и чокнутые, маньяки и святые, монахи и распутники, капиталисты, коммунисты и сторонники демократии участия, приверженцы фаланстеров (Фурье), дворцов труда (Флора Тристан), индустриальных деревень (Оуэн), автономных коммун (Прудон). Новой Гармонии (Джозайя Уоррен), гуттеритских поселений⁸, кибуцев⁹, ашрамов кундалини йоги и т.п. — все они имеют право попытаться реализовать свое видение и создать привлекательный образец. Не следует думать, что каждая испытываемая модель должна будет обязательно создаваться *de novo*. Некоторые будут представлять собой продуманные модификации, отличающиеся только в мелочах от других, уже существующих сообществ (по итогам работы над ошибками), а многие конкретные элементы будут возникать спонтанно в сообществах, позволяющих себе отклонения от плана. По мере того как сообщества становятся более привлекательными для своих обитателей, модели, прежде принятые как наилучшие,

формы ответвлялись от первоначальной Kvuza (малая религиозная группа. — *Перев.*), так и новые типы были ответвлениями первоначального типа халуцника (Chaluz, дух первопроходцев (*нар.*). — *Перев.*), каждый из них со своим особым образом жизни и каждый из них, алчущий определенного рода реализации...» (Martin Buber, *Paths in Utopia* (New York: Macmillan, 1950), pp. 145–146).

Участникам не обязательно пытаться обнаружить наилучшее возможное сообщество; им достаточно стремиться улучшить собственное положение. Некоторые индивиды, однако, могут сознательно заняться использованием и совершенствованием процесса фильтрации принимаемых людьми решений, чтобы прийти к тому, что они (ориентировочно) считают самым лучшим сообществом. Сравните описание у Карла Поппера фильтрационного процесса действия научного метода, который сознательно используется участниками для того, чтобы приблизиться к истине (Karl Popper K., *Objective Knowledge* (New York: Oxford University Press, 1972) [русск. пер.: Поппер К. Объективное знание. М.: УРСС, 2002]). Поскольку некоторые индивиды, участвующие в процессах фильтрации (или процессах установления равновесия), будут иметь целью достижение конечной цели, а другие нет, мы могли бы доработать понятие процесса типа «невидимой руки» с учетом различия в степени.

⁸ См.: Benjamin Zablocki, *The Joyful Community* (Baltimore: Penguin Books, 1971).

⁹ Недавнее описание см.: Haim Barkai, "The Kibbutz: An Experiment in Micro-socialism," in *Israel, the Arabs, and the Middle East*, ed. Irving Howe and Carl Gershman (New York: Bantam Books, 1972).

будут отброшены. А по мере улучшения (в соответствии со взглядами их членов) сообществ, в которых живут люди, идеи для новых сообществ также будут нередко улучшаться.

Представленное нами функционирование рамки для утопии реализует, таким образом, преимущества процесса фильтрации, который включает взаимодействие между фильтром и прошедшими отбор продуктами генерирующего процесса, так что качество сгенерированных и не отвергнутых продуктов улучшается*. Более того, с учетом существования архивов и исторической памяти процесс содержит возможность *повторно обратиться* к уже отвергнутым вариантам (или их незначительным модификациям), возможно, потому что в новых или изменившихся условиях они начинают казаться более перспективными или более подходящими. В этом отличие данного процесса от биологической эволюции, в которой в случае изменения условий не так-то просто вернуть отвергнутые ранее мутации. Кроме того, эволюционисты указывают на преимущества генетического многообразия (политипического и полиморфного) в случае сильного изменения условий. Сходные преимущества свойственны системе разнообразных сообществ, организованных на разных началах и, возможно, способствующих формированию разных типов характеров и разных конфигураций способностей и умений.

Рамка как общая основа для утопии

Использование такого метода фильтрации, который зависит от индивидуальных решений людей, остаться ли им жить в том или ином сообществе или покинуть его, особенно подходит для нашей задачи. Ведь конечная цель утопического конструирования состоит в том, чтобы получить сообщества, в которых люди захотят жить и выберут их добровольно, чтобы там жить. Или, по крайней мере, таким должен быть побочный результат успешного утопического конструирования. Предложенный процесс фильтрации позволит этого достичь. Более того, с учетом нашей неспособности явным образом сформулировать принципы, позволяющие заранее справиться со всеми сложными и разнообразными

* Эта рамка не является единственно возможным вариантом процесса фильтрации для задачи определения привлекательного или наилучшего общества (хотя я не могу придумать другого, который в такой степени обладал бы преимуществами в плане конкретного взаимодействия), поэтому общие преимущества методов фильтрации по сравнению с методами проектирования не являются аргументом в пользу именно этой рамки.

ситуациями, которые могут возникнуть в будущем, фильтр, зависящий от решений людей, имеет преимущества перед тем, который действует механически. Мы часто формулируем принципы *prima facie*, не считая, что мы в состоянии заранее выделить все исключения из них. Но хотя мы не в состоянии заранее описать все исключения из принципа, мы считаем, что обычно мы будем в состоянии понять, что конкретная представленная нам ситуация является исключением¹⁰.

Аналогичным образом невозможно заранее автоматически запрограммировать фильтрующее устройство таким образом, чтобы оно отвергало то и только то, что должно быть отвергнуто (по объективным критериям, в соответствии с нашими нынешними взглядами или в соответствии с нашими взглядами на тот момент). Необходимо оставить людям возможность оценить каждый отдельный случай. Само по себе это не является аргументом в пользу того, чтобы каждый индивид выносил собственное суждение. Кроме того, система, *полностью* зависящая от выбора, который делают люди, без каких-либо правил вообще, не является единственной альтернативой механическому применению четко сформулированных правил, о чем свидетельствует существование нашей правовой системы. Поэтому факт нашей неспособности заранее сформулировать или запрограммировать не знающие исключений принципы *сам по себе* не является достаточным для того, чтобы прийти к предпочитаемому мной варианту, когда *каждый* делает выбор, а правила (кроме тех, которые обеспечивают защиту именно этого варианта) заранее не устанавливаются.

Мы доказали, что, даже если существует один вид сообщества, являющийся наилучшим для всех вместе и каждого в отдельности, предложенная нами рамка — это наилучший метод выявления природы этого сообщества. Намного больше аргументов можно

¹⁰ Иными словами, мы считаем, что если нам будут предъявлены отдельные элементы множества исключений из определенного принципа, мы часто (хотя не обязательно всегда) будем в состоянии сказать, что это исключение, даже если оно не соответствует ни одному эксплицитному описанию исключений, которое мы могли предложить до этого. Столкнувшись с конкретным случаем и поняв, что перед нами исключение из принципа, мы часто оказываемся способны предложить новое явным образом сформулированное определение исключений из принципа; такое, которое и на этот раз (мы понимаем это) не сможет определить *все* исключения. В моей статье "Moral Complications and Moral Structures" (*Natural Law Forum*, 13, 1968, pp. 1—50) рассматривается одна из возможных структур моральных взглядов индивида, который выносит конкретные моральные суждения, но не способен сформулировать моральные принципы, притом что он уверен, что из них не существует исключений.

и должно предложить в поддержку мнения, что даже если существует тип общества, являющийся наилучшим для всех, то существование рамки 1) лучше, чем любой другой вариант, для всякого индивида, который придумал, на что похоже это общество; 2) лучше, чем любой другой вариант, для того чтобы убедить всех, что этот тип на самом деле представляет собой наилучшее общество; 3) лучше, чем любой другой вариант, для многочисленных людей, которые пришли к этому убеждению; 4) лучший способ стабилизировать такое общество, чтобы люди жили мирно и спокойно в условиях данной конкретной модели. Я не могу излагать здесь эти дополнительные аргументы. (И я не мог бы изложить все эти аргументы где бы то ни было; понимание того, почему это так, является дополнительным доводом в пользу истинности этой позиции.) Однако я хочу подчеркнуть, что высказанные и упомянутые здесь аргументы в пользу рамки оказываются еще более убедительными, когда мы отбрасываем (ложное) предположение о том, что существует *один* вид сообщества, являющийся наилучшим для всех и каждого, и таким образом отказываемся от ложной интерпретации нашей проблемы как проблемы того, в каком именно единственном типе сообщества должен жить каждый отдельно взятый человек.

У рамки есть два преимущества перед любым другим описанием утопии: во-первых, она будет приемлемой почти для любого утописта, каковы бы ни были его взгляды, в какой-то определенный момент в будущем, и, во-вторых, она совместима с реализацией почти всех конкретных утопических замыслов, хотя и не гарантирует реализации или всемирного триумфа никакому конкретному утопическому замыслу*. Любой утопист согласится, что наша рамка подходит для общества хороших людей. Хорошие люди, полагает он, добровольно предпочтут жить в той конкретной модели, которая нравится ему, если они так же разумны, как и он сам, и, таким образом, в состоянии оценить ее выдающиеся достоинства. И большинство утопистов согласится, что в *какой-то* момент времени наша рамка будет уместна, потому что в *какой-то* момент (после того как люди перевоспитаны в правильном духе и выросло неиспорченное поколение) люди добровольно предпочтут жить в их любимой модели**. Таким образом,

* Я говорю о *почти* каждом утописте и о *почти* всех конкретных утопических замыслах, потому что эта рамка несовместима с «утопиями» господства и насилия и неприемлема для их авторов.

** Я говорю о «большинстве утопистов», так как возможна следующая ситуация:

1. Модель *P* наилучшая не только для неиспорченных, но и для испорченных индивидов.

широкий круг утопистов и их оппонентов согласится с тем, что наша рамка, *раньше или позже*, будет подходящей в качестве общей основы для утопии. Ведь каждый из них думает, что она послужит реализации именно его представлений.

Люди с разнообразными утопическими проектами, считая, что эта рамка — подходящий *путь* к их идеалу (и не будет мешать им и после того, как их идеал будет реализован), вполне могли бы сотрудничать в попытке ее создания, даже осознавая различие своих индивидуальных предсказаний и пристрастий. Их различающиеся надежды будут находиться в конфликте между собой, только если в них входит реализация во всем мире одной конкретной модели. Можно выделить три вида утопизма: *империалистический* утопизм, который санкционирует принуждение каждого индивида к жизни в одной модели сообщества; *миссионерский* утопизм, который надеется уговорить или убедить каждого индивида жить в одной определенной модели сообщества, но не будет принуждать людей к этому; и *экзистенциальный* утопизм, который надеется на то, что некая конкретная модель сообщества будет существовать (будет жизнеспособна), хотя и не обязательно повсеместно, так что желающие смогут жить в соответствии с ней. Экзистенциальные утописты могут всецело поддерживать рамку. При полном осознании различий между ними приверженцы различных идеалов могут сотрудничать в создании рамки. Утописты-миссионеры, несмотря на универсальный характер своих устремлений, присоединятся к ним и поддержат создание рамки, потому что для них принципиально, чтобы приверженность их идеалу была следствием полностью добровольного выбора. Впрочем, они не будут особыми поклонниками дополнительного достоинства рамки, а именно того, что она позволяет одновременно реализовывать много разных возможностей. В отличие от первых двух случаев утописты-империалисты будут выступать против рамки, если только все с ними не согласится. (Что ж, всех удовлетворить невозможно, особенно тех, кто

2. Тем не менее испорченные индивиды не выберут добровольно жизнь в условиях модели *P*.
3. Более того, достойным сожаления эмпирическим фактом является то, что, начав с нас и нашего общества, *невозможно* получить неиспорченных людей.
4. Поэтому мы никогда не сможем получить ситуацию, при которой большинство людей захочет жить в условиях модели *P*.
5. Следовательно, поскольку *P* — это наилучшая модель для всех (испорченных и нет), ее необходимо будет навязать людям в качестве постоянной и вечной.

останется недовольным до тех пор, пока все не будет довольны.) Поскольку внутри рамки может быть создано любое сообщество, она совместима со всеми конкретными утопическими проектами, хотя не гарантирует успеха ни одному. Для утопистов это должно быть огромным достоинством, потому что их конкретным проектам пришлось бы гораздо хуже при попытке их реализовать в условиях «чужих» утопических схем.

Сообщество и государство

Нашей рамке присущи многие достоинства, свойственные либертарианскому идеалу; в то же время в ней отсутствуют многие его недостатки. Ведь несмотря на то что имеется большая свобода выбора между сообществами, многие из конкретных сообществ могут иметь множество внутренних ограничений, которые нельзя оправдать с либертарианской точки зрения, таких ограничений, которые либертарианцы осудили бы, будь они принудительно установлены аппаратом централизованного государства. Примеры: патерналистское вмешательство в жизнь людей, ограничение того, какие книги разрешены в данном сообществе, ограничения в сфере сексуального поведения и т.п. Однако это лишь другой способ формулировки утверждения, что в свободном обществе люди могут добровольно согласиться на ограничения, которые государство не имеет права им навязывать. Хотя сама рамка является либертарианской и воплощающей *laissez faire*, сообществам внутри нее не обязательно быть такими же, и, возможно, ни одно сообщество внутри нее не захочет быть таким. Следовательно, характеристики самой рамки не обязательно относятся к отдельным сообществам. В этой системе *laissez faire* все может получиться так, что в ней не будет «капиталистических» институтов, несмотря на то что они разрешены, или что в некоторых сообществах они будут, а в других нет, или что в некоторых сообществах будут какие-то из них, в общем — все, что хотите*.

В предыдущих главах мы говорили о праве индивида на отказ от выполнения конкретных условий определенного рода соглашений. Почему же мы теперь утверждаем, что в конкретном сообществе могут быть установлены разные ограничения? Разве сообщества не должны разрешать своим членам отказывать-

* Странно, что многие молодые люди, мечтающие жить «в ладу» с природой, «плыть по течению» и не менять насильно ход вещей, испытывают такое тяготение к эгалитарным взглядам и социализму и так враждебны по отношению к равновесию и процессам типа «невидимой руки».

ся от соблюдения этих ограничений? Нет, основатели и члены маленького коммунистического сообщества могут, и это будет справедливо, отказать любому, кто не согласен делить все поровну, даже если это будет технически возможно. Нет такого общего принципа, в соответствии с которым каждое сообщество или группа должны позволять своим членам отказываться от соблюдения установленных в них ограничений в тех случаях, когда это технически возможно. Дело в том, что иногда такой отказ от соблюдения ограничений внутри группы мог бы изменить характер самой группы, сделав ее не такой, как было задумано. Здесь кроется интересная теоретическая проблема. Государство или охранное агентство не имеют права принудительно осуществлять перераспределение между сообществами, но такое сообщество, как, например, кибуц, имеет право осуществлять внутреннее перераспределение (а также делиться с другими сообществами или с посторонними людьми). Такое сообщество не обязано предоставлять своим членам возможность отказаться от соблюдения этих условий и остаться членом сообщества. Однако государство, как я доказал, обязано предоставлять такую возможность; люди имеют право отказываться выполнять требования государства. В чем же заключается то различие между сообществом и государством, от которого зависит различие в легитимности навязывания всем одной конкретной модели?

Индивид вытерпит несовершенство привлекательного в целом пакета *P* (который может представлять собой договор о защите, какое-нибудь потребительское благо, сообщество) и не станет приобретать другой пакет (совершенно другой или *P*, но с изменениями), если ни один из привлекательных и достижимых из доступных ему иных пакетов не стоит для него своей более высокой по сравнению с *P* цены, включая расходы на то, чтобы побудить других индивидов принять участие в создании другого пакета. Предполагается, что для государств калькуляция издержек включает возможность отказа от соблюдения ограничений. Но это еще не все, по двум причинам. Во-первых, в отдельных сообществах также может быть технически возможно с низкими издержками администрирования (оплачиваемыми тем, кто этим пользуется) организовать для его членов возможность отказаться от соблюдения ограничений, оставаясь внутри сообщества, хотя это не обязательно так. Во-вторых, государства отличаются нести административные расходы, связанные с отказом от соблюдения некоторых условий, обязательных в иных случаях. Другие люди должны заплатить за тщательную разработку своих принудительных институтов таким образом, чтобы они не распространялись на тех, кто желает из них выйти. Это различие не сводится к тому, что всевозможных

сообществ очень много, а государств сравнительно мало. Даже если бы почти каждый индивид пожелал жить в коммунистическом сообществе, так что жизнеспособных некоммунистических сообществ не могло бы возникнуть, то ни одно конкретное сообщество не было бы обязано (хотя будем надеяться, что оно это делает) позволять своим индивидуальным членам отказываться от принципа равенства в распределении. У несогласного индивида не осталось бы иного выхода, кроме как подчиниться. Однако другие не принуждают его подчиниться, и его права не нарушены. У него нет права на то, чтобы другие совместными усилиями обеспечили ему возможность не подчиняться их порядку.

Мне кажется, что ключевое различие связано с разницей между сообществом, основанным на личных взаимоотношениях, и государством. В случае государства известно, что есть индивиды-нонконформисты, но никто не стоит перед неизбежностью иметь дело с ними или с фактом их нонконформизма. Даже если кому-то их неподчинение кажется оскорбительным, даже если мысли об их существовании кого-то терзают и мучают, права этого индивида нонконформисты не нарушают и вреда ему не наносят. А в сообществе, где все друг друга знают, индивид не может избежать столкновения с тем, что кажется ему оскорбительным. Это оказывает непосредственное влияние на условия его жизни.

Данное различие между сообществом, где все знают друг друга, и таким, где этого нет, связано с другим различием. Сообщество, где все знакомы друг с другом, может существовать на земле, которой совместно владеют его члены, в то время как в государстве дело обстоит иначе. Сообщество, выступая как одно целое, будет иметь титул собственности, позволяющий установить, какие правила должны соблюдаться на его земле, в то время как граждане какого-либо государства не владеют совместно землей, на которой оно расположено, и поэтому не могут регулировать ее использование подобным образом. Если *все* индивиды, владеющие землей, совместными усилиями установят определенный порядок (например, на этой земле не имеет права жить тот, кто не отдает бедным *n%* дохода), то будет достигнут тот же эффект, как если бы государство приняло соответствующий закон. Но поскольку устойчивость консенсуса зависит от самого слабого звена, то даже с помощью дополнительных (абсолютно легитимных) бойкотов было бы совершенно невозможно сохранить единство коалиции в ситуации, когда разнообразные выгоды делают выгодным дезертирство.

Однако некоторые из небольших сообществ не будут находиться на земле, которой члены сообщества владеют совместно. Имеет ли право большинство жителей маленькой деревни принять указ, запрещающий делать в *общественных* местах то, что

они считают оскорбительным? Имеют ли они право принять закон о поведении в общественных местах с запретом на наготу, внебрачные связи, акты садизма (по отношению к изъявившим согласие мазохистам) или появление на улицах под ручку расово смешанных пар? На своем участке любой частный собственник может запрещать или разрешать все что угодно. Но как насчет общественных мест, где людям бывает трудно избежать зрелищ, которые кажутся им оскорбительными? Следует ли подавляющему большинству удалиться от оскорбляющего их взоры меньшинства? Если большинство имеет право устанавливать границы допустимого поведения в общественных местах, имеет ли оно право, потребовав, чтобы никто не появлялся в общественных местах без одежды, потребовать также, чтобы никто не появлялся в общественных местах без нагрудного знака, удостоверяющего, что в течение этого года он отдал *n%* своего дохода нуждающимся, на том основании, что их оскорбляет вид человека без такого нагрудного знака? И откуда берется право большинства принимать решения? Может быть, никаких «общественных» мест или улиц не должно быть? (Некоторых связанных с этим опасностей, указанных в главе 2, можно избежать с помощью оговорки Локка, о которой речь идет в главе 7.) Поскольку я не очень хорошо понимаю, как разобраться с этими вопросами, я ограничусь тем, что их поставлю.

Изменяющиеся сообщества

Отдельные сообщества могут быть *какими угодно*, если они совместимы с функционированием рамки. Если характер какого-то сообщества не подходит индивиду, ему не обязательно в нем жить. Все это прекрасно с точки зрения человека, который решает, к какому сообществу ему присоединиться. Но предположим, что конкретное сообщество *меняет* свой характер и перестает удовлетворять индивида. Слова «Не нравится — не приходи!» выглядят более убедительными, чем слова «Не нравится — уходи!». После того как человек многие годы прожил в каком-то сообществе, пустил корни, обзавелся друзьями и внес свой вклад в развитие сообщества, собраться и уйти — это трудный выбор. Когда сообщество вводит новое ограничение, отменяет старое или серьезно меняет свой характер, это влияет на его индивидуальных членов примерно так же, как на граждан *государства* влияет изменение его законов. Не следует ли по этим причинам с меньшей готовностью предоставлять сообществам столь большую свободу внутреннего саморегулирования; не следует ли ограничить их возможности вводить запреты, которые в случае установления

государством были бы нарушением прав индивида? Сторонники свободы никогда не считали, что существование Америки сделало легитимными порядки в царской России. Почему в случае с сообществами все должно быть иначе?¹¹

На ум приходят разные рецепты, я здесь рассмотрю только один. Любой индивид имеет право создать новое сообщество *любого* типа (в пределах рамки), какое только пожелает. Ведь никто не обязан к нему присоединяться. (Никакое сообщество не может быть запрещено из патерналистских соображений; кроме того, не могут быть установлены патерналистские ограничения, направленные на сведение к нулю предполагаемых дефектов в процессе принятия решений людьми; например, нельзя вводить обязательные программы информирования, периоды ожидания.) Изменение уже существующего сообщества — это другой вопрос. Более широкое общество может подобрать для сообществ (уважающих определенные права и т.п.) какую-нибудь предпочтительную внутреннюю структуру и потребовать, чтобы сообщества выплачивали недовольным компенсацию за отклонение от этой структуры, поскольку решение ее изменить принимает сообщество. Описав это решение проблемы, мы видим, что оно *не является необходимым*. Для достижения той же самой цели индивидам достаточно включить в соглашение (контракт) с любым сообществом, к которому они присоединяются, пункт, что любой член сообщества (в том числе и они сами) получит компенсацию за отход от описанной в контракте структуры (которая не обязательно должна соответствовать предпочтениям общества в целом) в соответствии с обозначенными в контракте условиями. (Компенсацию можно потратить на то, чтобы покинуть данное сообщество.)

Тотальные сообщества

Внутри рамки будут действовать группы и сообщества, пусть и немногочисленные, но охватывающие все аспекты жизни. (Не каждый, полагаю, захочет присоединиться к большой коммуне или федерации коммун.) Некоторые вещи, относящиеся к определенным аспектам жизни, затрагивают каждого; например, у каждого есть различные права, которые нельзя

¹¹ Речь идет о проблеме эмиграции из сообщества. Необходимо отметить, что человеку можно отказать в приеме в сообщество, к которому он хочет присоединиться, по личным причинам или потому, что он подпадает под общее ограничение, введенное для сохранения особого характера сообщества.

нарушать, всевозможные границы, которые нельзя пересекать без его согласия. Некоторые люди сочтут, что недостаточно охвата всех аспектов жизни некоторых людей и отдельных аспектов жизни всех людей. Они будут стремиться к таким отношениям, которые распространяются на всех людей и все аспекты их жизни, например, чтобы все люди (принципиально никаких исключений) всегда руководствовались в своих действиях чувствами любви, привязанности, готовности помогать другим; чтобы все совместно участвовали в решении какой-то важной общей задачи.

Возьмите членов баскетбольной команды, поглощенных игрой. (Не обращайте внимание на то, что они стараются выигрывать, хотя случайно ли, что такие чувства часто возникают, когда одни люди объединяются *против* других?) Деньги для них не главное. Главное для них — *общая* цель, и каждый подчиняет себя достижению общей цели, набирая меньше личных очков, чем мог бы в другом случае. Если все связаны совместной деятельностью, направленной на достижение общей цели, которая для каждого является важнейшей личной целью, братские чувства будут цвести пышным цветом. Они будут едины и бескорыстны; они будут *все как один*. Но у баскетболистов, конечно, нет общей высшей цели — у каждого своя семья и своя жизнь. Тем не менее можно представить себе общество, в котором все трудятся совместно для достижения общей для всех высшей цели. В пределах рамки любая группа индивидов может сплотиться таким образом, сформировать движение и т.п. Но сама структура включает разнообразие; она не предоставляет и не гарантирует наличия какой бы то ни было общей цели, к достижению которой все будут совместно стремиться. Когда размышляешь об этом, становится понятно, насколько уместно здесь противопоставление «индивидуализма» и «социализма» (слово, придуманное в качестве антонима «индивидуализму»). Само собой разумеется, любые люди могут попытаться объединить родственные души, но, каковы бы ни были их надежды и устремления, ни у кого нет права навязывать остальным свой идеал единства.

Утопические средства и цели

Каким образом хорошо известные возражения против «утопизма» соотносятся с представленной здесь концепцией? Значительная часть критики сосредоточена на том, что утописты мало заботятся о *средствах* достижения их идеала или выбирают средства, не способные привести к достижению их целей. В частности, критики оспаривают свойственную утопистам веру

в то, что они в состоянии создать новые условия и выпестовать свои сообщества с помощью добровольных действий в рамках существующей общественной структуры. Утописты верят в это по трем причинам. Во-первых, потому что они верят, что, когда определенные индивиды или группы заинтересованы в сохранении существующей далекой от идеала модели (потому что занимают в ней привилегированное положение и получают выгоду от присущих ей несправедливостей или недостатков, которые будут устранены в идеальной модели), тогда, если их сотрудничество необходимо, чтобы с помощью добровольных действий реализовать идеальную модель, этих людей можно убедить добровольно совершить действия (против собственных интересов), которые помогут реализовать идеальную модель. Утописты надеются с помощью аргументов и других рациональных средств убедить людей в привлекательности и справедливости идеальной модели, а также в несправедливости и нечестности их особых привилегий и тем самым побудить их действовать по-другому. Во-вторых, продолжают их критики, утописты верят, что даже когда в рамках существующего общества возможны совместные добровольные действия тех, кто не получает выгоды от существующих в обществе недостатков и несправедливостей, которые были бы достаточны для осуществления значительных перемен в обществе, те, чьи привилегии оказываются под угрозой, не будут активно вмешиваться и прибегать к насилию, чтобы сокрушить эксперимент и предотвратить изменения. В-третьих, критики утверждают, что утописты наивны, полагая, что, даже когда нет необходимости в сотрудничестве с привилегированными индивидами и эти индивиды воздержатся от насильственного вмешательства в процесс, на основе добровольного сотрудничества возможно осуществить конкретный эксперимент в очень отличающейся от него внешней среде, зачастую враждебной к целям эксперимента. Каким образом небольшие сообщества могут преодолеть влияние всего общества? Разве изолированные эксперименты не обречены на провал? Что касается последнего вопроса, то в главе 8 мы видели, каким образом в свободном обществе могут быть созданы производства, находящиеся под контролем рабочих. В обобщенном виде это означает, что в свободном обществе *имеются* средства реализации различных микроситуаций на основе добровольных действий индивидов. *Решат* ли люди предпринять эти действия — другой вопрос. Однако в свободной системе любое массовое народное революционное движение могло бы достичь своих целей в результате добровольного процесса. Чем больше людей видят, как оно работает, тем больше людей захотят участвовать в этом движении или поддержать его. Таким образом, оно будет развиваться без

необходимости навязывать новую модель каждому, большинству или кому бы то ни было*.

Даже если все эти возражения оказываются необоснованными, некоторые будут возражать против опоры на добровольные действия людей, ссылаясь на то, что сейчас люди настолько испорчены, что они не выберут добровольное участие в экспериментах по утверждению справедливости, добродетели и хорошей жизни. (Даже несмотря на то, что если бы они все-таки выбрали участие, эксперименты могли бы увенчаться успехом в условиях полного господства добровольности или в каких-нибудь уже существующих обстоятельствах.) Более того, если бы они не были испорчены (или когда они перестанут быть испорченными), они приняли бы участие (примут участие) в сотрудничестве. Поэтому, исходя из этой точки зрения, людей следует заставлять поступать в соответствии с хорошими образцами; тем же, кто пытается вести их пагубными старыми путями, следует заткнуть рот¹². Это мнение заслуживает серьезного обсуждения, которое здесь невозможно. Поскольку приверженцы этого мнения сами очевидным образом не являются непогрешимыми, можно предположить, что мало кто вручен бы им (или согласился бы на то, чтобы им были вручены) диктаторские полномочия, необходимые для того, чтобы изничтожить испорченные, по их мнению, взгляды. Цель, которой хотелось бы достичь, — это организация общества, оптимальная и для людей весьма далеких от идеала, и для тех, кто

* Остается одна причина, по которой разрешенный, имеющий шансы на успех и не встречающийся с агрессивным враждебным противодействием эксперимент, проводящийся в резко контрастной внешней среде, мог бы не иметь больших шансов на выживание. Дело в том, что если не все общество устроено на добровольных началах, в нем был бы возможен эксперимент в добровольном «углу» существующей рамки, который *привел бы к успеху* в совершенно добровольной рамке, но не будет успешным в существующей. Причина состоит в том, что в пределах существующей рамки, где не запрещено предпринимать действия, необходимые для успеха эксперимента, мог бы существовать какой-нибудь нелегитимный запрет на другие действия, который снижает вероятность (делает ее очень низкой) того, что люди совершат добровольные действия, обеспечивающие успех эксперимента. Если взять крайний пример: в какой-то группе любой индивид мог бы получить разрешение на определенную работу, но при этом существовал бы запрет на обучение его навыкам, нужным для этой работы, а сертификат о прохождении обучения был бы единственным реальным путем к получению работы (хотя оставался бы и некоторый другой, крайне сложный путь).

¹² См.: Herbert Marcuse, "Repressive Tolerance," *A Critique of Pure Tolerance*, ed. Robert P. Wolff et al. (Boston: Beacon, 1969).

к нему приблизился, к тому же такая, чтобы жизнь в ее условиях сама делала людей лучше и по возможности приближала к идеалу. Разделяя веру Токвиля в то, что только свобода открывает людям возможности для развития и проявления достоинств, талантов, ответственности и способности суждения, присущих свободному человеку, в то, что свобода поощряет такое развитие, и в то, что современные люди не настолько погрязли в испорченности, чтобы быть безнадежным исключением из этого правила, я полагаю, что должна быть выбрана добровольная рамка.

Независимо от того, справедлива ли эта критика взглядов авторов, принадлежащих к утопической традиции, на используемые средства, мы не предполагаем, что людей, занимающих привилегированное положение, основанное на нелегитимном вмешательстве в жизнь других людей (прямо или через государственный аппарат), можно убедить добровольно отказаться от привилегий; мы не предполагаем и того, что перед лицом дозволенных добровольных действий людей, не желающих больше терпеть нарушение своих прав, индивиды, незаконные привилегии которых окажутся под угрозой, будут мирно стоять в стороне. Я действительно не обсуждаю здесь то, какие действия являются легитимными в таких обстоятельствах и к какой тактике лучше всего прибегнуть. Обсуждение этой темы вряд ли может заинтересовать читателей до тех пор, пока они не согласятся с либертарианской рамкой.

Было высказано много критических замечаний в адрес конкретных *целей*, сформулированных авторами, принадлежащими к утопической традиции, и к тем конкретным обществам, которые они описывают. Однако два замечания, видимо, относятся ко всем авторам.

Во-первых, утописты хотят переустроить все общество в соответствии с заранее сформулированным подробным планом, к реализации которого никто никогда даже близко не подходил. Они считают своей целью совершенное общество, а потому они описывают статическое и неизменное общество, а потому они лишены надежд на изменение или прогресс, члены которого лишены возможностей обновления. (Ведь если изменение — это изменение к лучшему, значит, предшествующее состояние общества было несовершенным, иначе усовершенствование оказалось бы невозможным; а если изменение — это изменение к худшему, общество, допускающее ухудшения, было несовершенным. А к чему изменения, если они нейтральны?)

Во-вторых, все утописты предполагают, что в том конкретном обществе, которое они описывают, не будет возникать проблем, что общественные механизмы и институты будут действовать так, как они предсказывают, и что люди не будут руководствоваться определенными мотивами и интересами. Они деликатно обходят

некоторые очевидные проблемы, бросающиеся в глаза каждому обладающему минимальным жизненным опытом, или делают безумно оптимистичные предположения относительно того, как этих проблем можно будет избежать или как их можно будет преодолеть. (Утопическая традиция максимакса.)

Мы не детализируем характер каждого отдельного сообщества внутри общества, предполагая, что природа и состав сообществ, составляющих общество, будут меняться. На самом деле ни один утопист не описывает свои сообщества во *всех* подробностях. Поскольку детали, относящиеся к рамке, должны быть зафиксированы, то чем наша процедура отличается от их процедур? Они хотят заранее зафиксировать все *важные* подробности общественного устройства, оставляя без внимания только мелочи, не имеющие принципиального значения или просто не занимающие их. Поскольку, с нашей точки зрения, природа различных сообществ очень важна, степень важности этих вопросов не допускает, чтобы кто-нибудь решал их за других. Хотим ли мы, однако, дать точное и детальное описание рамки, которое должно быть зафиксировано и не меняться? Предполагаем ли мы, что рамка будет функционировать без проблем? Я очень хочу описать *эти* рамки, а именно: она должна оставлять свободу для разного рода экспериментирования*. Но не все детали рамки будут установлены заранее. (Сделать это будет намного легче, чем заранее спроектировать детали совершенного общества.)

Я не предполагаю также, что все проблемы, связанные с рамкой, решены. Упомянем некоторые из них. Возникнут проблемы с тем, какую роль будет играть (и будет ли) некая центральная власть (или защитная ассоциация); как будет выбираться эта власть и как будет гарантироваться, что власть будет делать то, и только то, для чего ее выбрали? Важной функцией власти, как я считаю, будет обеспечение санкцией функционирования рамки; например, предотвращение нападений некоторых сообществ на другие и захвата их, их членов или их имущества. Далее, она будет каким-то разумным образом разрешать те конфликты

* Некоторые авторы пытаются оправдать систему свободы тем, что она приведет к оптимальному уровню экспериментирования и инноваций. Если определить оптимум как то, что дает система свободы, результат неинтересен, а если предложить другое определение оптимума, могло бы оказаться, что его проще всего достичь, принуждая людей к экспериментам и новшествам, облагая более высокими налогами тех, кто этим не занимается. Система, которую предлагаем мы, оставляет пространство для экспериментирования, но не требует его; люди могут стагнировать или внедрять инновации в зависимости от того, что им больше нравится.

между сообществами, которые не удается уладить мирными средствами. Я не хотел бы обсуждать здесь вопрос о наилучшей форме организации центральной власти. Представляется желательным не фиксировать ее жестко, а оставить место для улучшений. Я пренебрегаю здесь трудными и важными проблемами контроля над центральной властью, которая должна быть достаточно сильной, чтобы выполнять возложенные на нее функции, потому что мне нечего добавить к стандартной литературе о федерациях, конфедерациях, децентрализации власти, сдержках и противовесах и т.п.¹³

Как мы уже упоминали, в утопической традиции постоянно присутствует мысль о том, что существует некий набор принципов, достаточно очевидных, чтобы их приняли все люди доброй воли, достаточно точных, чтобы служить недвусмысленным руководством в конкретных ситуациях, достаточно ясных, чтобы все им подчинились, и достаточно полных, чтобы предусмотреть все проблемы, которые возникнут на практике. Поскольку я не предполагаю, что такие принципы существуют, я не предполагаю и того, что политика постепенно сойдет на нет. Запутанность устройства политического аппарата и подробностей, связанных с тем, как *его* следует контролировать и ограничивать, плохо сочетается с надеждами на простую и изящную утопическую схему.

Центральному аппарату или агентству придется не только улаживать конфликты между сообществами, но и, например, обеспечивать санкцией право индивида покинуть сообщество. Однако, если есть основания считать, что человек что-то *должен* другим членам сообщества, которое он хочет покинуть, возникают проблемы: например, если он получил за счет сообщества образова-

¹³ «Удовлетворительного теоретического решения проблемы не существует. Если федеральное правительство имеет конституционные полномочия насильственно вмешиваться в управление штатом, чтобы обеспечить выполнение штатом его обязательств члена федерации, то не существует достаточных конституционных барьеров, способных помешать энергичному и решительному центральному правительству превратить федерацию в централизованное государство. Если же у него нет таких полномочий, то не будет достаточной уверенности в том, что федеральное правительство сможет сохранить характер системы, когда энергичные и решительные правительства штатов в полной мере воспользуются преимуществами конституционной свободы, чтобы идти своим путем» (Arthur W. MacMahon, ed., *Federalism: Mature and Emergent* (New York: Doubleday, 1955), p. 139). См., конечно, и *Federalist Papers* [русск. пер.: Федералист. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Литера», 1993]. Интересно обсуждение «взглядов "Федералиста" на федерализм» в: Martin Diamond, *Essays in Federalism* (Institute for Studies in Federalism, 1961).

ние, подписав договор о том, что полученные знания и навыки он использует в родном сообществе. Или, скажем, у него возникли семейные обязательства, которые он перестанет выполнять в случае ухода из сообщества. Или, допустим, у него нет никаких обязательств, и он желает покинуть сообщество. А что он может взять с собой? Или, например, он желает покинуть сообщество после того, как совершил некое наказуемое деяние, за которое сообщество хочет его наказать. Понятно, что принципы будут достаточно сложными. Еще более сложные проблемы возникают с детьми. Следует каким-то образом гарантировать им, что они получат *информацию* о возможностях, которые открывает перед ними мир. Но их родное сообщество может считать важным, чтобы дети не сталкивались с информацией о том, что в сотне миль от них есть сообщество с высоким уровнем сексуальной свободы. И т.д., и т.п. Я упомянул об этих проблемах, чтобы дать представление о малой доле того, что должно быть продумано в отношении устройства рамки, и подчеркнуть, что я не думаю, что его природа может быть окончательно установленной сейчас*.

Хотя детали рамки и не определены, разве у нее не будет каких-то жестких ограничений, каких-то раз навсегда зафиксированных характеристик? Будет ли возможен переход к недобровольной рамке, допускающей принудительное исключение из нее некоторых стилей жизни? Если бы было возможно сконструировать такую рамку, которую нельзя было бы превратить в недобровольную, захотели ли бы мы ее учредить? А если мы утвердим такую постоянную добровольную общую рамку, не исключим ли мы этим, до известной степени, некоторые возможности? Не утверждаем ли мы заранее, что люди не могут совершить выбор в пользу некоторых вариантов; не устанавливаем ли мы жесткий диапазон, внутри которого люди могут выбирать, и не совершаем ли мы тем самым стандартную ошибку изобретателей статичных утопий? Аналогичный вопрос применительно к индивиду состоит в том, будет ли свободная система позволять ему продать себя в рабство? Я считаю, что да. (Другие авторы не согласны с этим.) Она также позволяла бы ему связать себя нерасторжимым обязательством никогда не заключать такую сделку. Но некоторые вещи, которые индивиды имеют право выбирать в отношении себя, никто не имеет права выбирать в отношении других. В той степени, в какой имеется понимание того, на каком

* Мы могли бы, конечно, испытывать слегка отличающиеся друг от друга рамки в разных частях страны, позволив каждой части слегка менять свою рамки по мере того, как они будут видеть, что получается у других. Тем не менее должна быть и общая рамка для всей страны, хотя ее конкретное устройство не будет установлено раз и навсегда.

уровне *генерализации* находится жесткость и какое разнообразие стилей жизни и сообществ она допускает, ответ будет таков: «Да, рамка должна быть зафиксирована как добровольная». Но следует помнить, что любой индивид имеет право добровольно связать себя любыми конкретными ограничениями и, таким образом, имеет право использовать добровольную рамку, чтобы выйти за ее пределы. (Если все люди поступят так, добровольная рамка перестанет функционировать до следующего поколения, пока не вырастут дети.)

Как выглядит утопия

«Ну и как именно все это будет выглядеть? В каких направлениях будут развиваться люди? Насколько велики будут сообщества? Будут ли большие города? Каким образом преимущества крупномасштабного производства повлияют на размер сообществ? Все ли сообщества будут территориальными, или будет много важных дополнительных ассоциаций и т.п.? Будет ли большинство сообществ следовать определенным (пусть и разным) утопическим идеалам, или многие сообщества останутся открытыми, не имеющими конкретного идеала?»

Я не знаю этого, и вас не должны интересовать мои догадки по поводу того, что случится в описанной выше рамке в краткосрочном плане. А что касается отдаленного будущего, я и гадать не буду.

«Так что же, все сводится к лозунгу “Утопия — это свободное общество?”» Утопия — это *не* просто общество, в котором имеется такая рамка. Кто бы мог поверить, что через десять минут после того, как рамка была бы установлена, мы получили бы утопию? Все осталось бы таким же, как и сейчас. Повод для красноречия появится тогда, когда с течением времени нечто спонтанно вырастет в результате индивидуального выбора многих людей. (Ни один из конкретных отдельных этапов этого процесса не является тем конечным состоянием, на которое направлены все наши стремления. Место утопического конечного состояния статических теорий утопии занимает утопический процесс.) У разных сообществ будут развиваться разные особенности. Только глупец или пророк рискнул бы предсказать, какими будут состав, пределы и особенности сообществ, скажем, через 150 лет с момента начала функционирования рамки.

Не претендуя ни на одну из этих ролей, я хотел бы в заключение подчеркнуть двойственную природу представленной здесь концепции утопии. Есть рамка для утопии, и есть конкретные сообщества в пределах этой рамки. Согласно нашей концепции почти

вся литература об утопии посвящена особенностям конкретных сообществ, существующих внутри рамки. То, что я не предложил для обсуждения описание какого-то конкретного сообщества, *не* означает, что (как я считаю) это неважно, не очень важно или неинтересно. Как такое было бы возможно? Мы *живем* в конкретных сообществах. Именно там должны выдвигаться на обсуждение и воплощаться чьи-либо неимпериалистические проекты идеального или хорошего общества. Рамка существует именно для того, чтобы позволить нам делать это. Если такие идеалы не будут вдохновлять и вселять надежду на создание конкретных сообществ со своими конкретными особенностями, рамка будет лишена жизни. В соединении с индивидуальными утопическими проектами многих людей рамка позволит нам получить наилучший из всех возможных миров.

Изложенная здесь позиция решительно отрицает детальное заблаговременное планирование одного сообщества, в котором должны жить все, но она сочувствует добровольным утопическим экспериментам и предоставляет для них основу, которая позволит им расцвести. К какому лагерю относится эта позиция, к утопическому или антиутопическому? Трудности, которые я испытываю в поисках ответа на этот вопрос, склоняют меня к мысли, что рамка обладает достоинствами и преимуществами обеих позиций. (Если же она, наоборот, представляет собой сочетание ошибок, недостатков и заблуждений обеих позиций, фильтрующий процесс свободной и открытой дискуссии прояснит это.)

Утопия и минимальное государство

Описанная нами рамка для утопии эквивалентна минимальному государству. В этой главе аргументация начинается (и завершается) вне зависимости от логики частей I и II и приходит к тому же самому результату, к минимальному государству, с другого направления. В этой главе мы не рассматривали рамку как нечто большее, чем минимальное государство, но мы не делали попыток опереться непосредственно на предшествующее обсуждение защитных агентств. (Это потому, что мы хотели, чтобы две независимых линии аргументации сошлись.) Нам не нужно объединять тему этой части с рассмотренным ранее вопросом о доминирующих охранных агентствах; хотелось бы только отметить, что вне зависимости от того, к каким заключениям относительно роли центральной власти (контроля над ней и т.п.) приходят люди, именно эти заключения будут определять (внутреннюю) форму и структуру охранных агентств, клиентами которых они решат стать.

В части I мы доказали, что минимальное государство является морально легитимным; в части II мы доказали, что никакое государство с более широкими полномочиями не может быть морально оправданно, что любое более могущественное государство нарушало бы (будет нарушать) права индивидов. Предпочтительное в моральном отношении государство, единственное морально легитимное государство, единственное морально приемлемое государство является, как мы теперь понимаем, тем самым государством, которое наилучшим образом реализует утопические стремления бесчисленных мечтателей и провидцев. Оно сохраняет то, что все мы можем взять от утопической традиции, и открывает все остальное, что есть в этой традиции, для наших личных стремлений. Вспомните вопрос, с которого начиналась эта глава. Не является ли минимальное государство, рамка для утопии, воодушевляющим видением?

Минимальное государство обращается с нами как с неприкосновенными индивидами, которых другие люди не могут использовать в качестве инструмента, средства или ресурса; оно обращается с нами с почтением, которого мы заслуживаем как обладатели индивидуальных прав. Уважая наши права и тем самым обращаясь с нами с уважением, оно позволяет нам — по отдельности или вместе с теми, кого мы выберем, — выбирать свою жизнь и реализовывать свои цели и представления о себе в той мере, в какой мы на это способны, опираясь на добровольное сотрудничество других индивидов, обладающих тем же достоинством. Как смеет государство или группа индивидов делать больше? Или меньше.

Библиография

- Alchian, Armen. "Uncertainty, Evolution, and Economic Theory." *Journal of Political Economy* 58 (1950):211—221.
- Alchian, Armen and Allen, W. A. *University Economics*, 2nd ed. Belmont, Cal.: Wadsworth, 1971.
- Alchian, Armen and Demsetz, Harold. "Production, Information Costs, and Economic Organization." *American Economic Review* 62 (1972):777—795.
- American Law Institute. *Conflict of Laws: Second Restatement of the Law; Proposed Official Draft*, 1967—1969.
- Arrow, Kenneth. "Economic Equilibrium." *International Encyclopedia of the Social Sciences*, 4. New York: Macmillan, 1968, 376—89.
- Arrow, Kenneth. *Essays on the Theory of Risk-Bearing*. Amsterdam: North Holland, 1970.
- Arrow, Kenneth and Hahn, Frank. *General Competitive Analysis*. San Francisco: Holden-Day, 1971.
- Arrow, Kenneth and Hurwicz, Leonid. "An Optimality Criterion for Decision-Making under Ignorance." In C. F. Carter and J. L. Ford, eds., *Uncertainty and Expectation in Economics*. Clifton, N.J.: Augustus Kelley, 1972.
- Ashcroft, Richard. "Locke's State of Nature." *American Political Science Review* 62, no. 3 (September 1968):898—915.
- Aumann, Robert. "Markets with a Continuum of Traders." *Econometrica* 32 (1964):39—50.
- Barkai, Haim. "The Kibbutz: An Experiment in Micro-Socialism." In Irving Howe and Carl Gershman, eds., *Israel, the Arabs, and the Middle East*. New York: Bantam Books, 1972.
- Bedau, Hugo. "Civil Disobedience and Personal Responsibility for Injustice." *The Monist* 54 (October 1970):517—535.
- Bentham, Jeremy. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. New York: Hafner, 1948.
- Berlin, Isaiah. "Equality." In Frederick A. Olafson, ed., *Justice and Social Policy*. Englewood, N.J.: Prentice-Hall, 1961.
- Bittker, Boris. *The Case for Black Reparations*. New York: Random House, 1973.
- Blaug, Marc. *Economic Theory in Retrospect*. Chicago: Irwin, 1962.
- Blum, Walter and Kalven, Harry, Jr. *Public Law Perspectives on a Private Law Problem: Auto Compensation Plans*. Boston: Little, Brown, 1965.
- Blum, Walter and Kalven, Harry, Jr. *The Uneasy Case for Progressive Taxation*, 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1963.
- Böhm-Bawerk, Eugene von. *Karl Marx and the Close of His System*. Clifton, N.J.: Augustus Kelley, 1949.
- Böhm-Bawerk, Eugene von. *Capital and Interest*, South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959.

Boulding, Kenneth. *Conflict and Defense*. New York: Harper & Bros., 1962.

Brozen, Yale. "Is Government the Source of Monopoly?" *The Intercollegiate Review* 5, no. 2 (1968—1969).

Buber, Martin. *Paths in Utopia*. New York: Macmillan, 1950.

Calabresi, Guido and Melamed, A. Douglas. "Property Rules, Liability and Inalienability." *Harvard Law Review* 85, no. 6 (1972):1189—1128.

Chomsky, Noam. "Introduction" to Daniel Guerin, *Anarchism: From Theory to Practice*. New York: Monthly Review Press, 1970.

Coase, Ronald. "The Nature of the Firm." In George Stigler and K. Boulding, eds., *Readings in Price Theory*. Chicago: Irwin, 1952.

Coase, Ronald. "The Problem of Social Costs." *Journal of Law and Economics*, 3 (1960): 1—44.

Crow, James and Kimura, Motoo. *Introduction to Population Genetics Theory*. New York: Harper & Row, 1970.

Dales, J. H. *Pollution, Property and Prices*. Toronto: University of Toronto Press, 1968.

Debreu, Gerard. *Theory of Value*. New York: Wiley, 1959.

Debreu, Gerard and Scarf, Herbert. "A Limit Theorem on the Core of an Economy." *International Economic Review*, 4, no. 3 (1963).

Demsetz, Harold. "Toward a Theory of Property Rights." *American Economic Review* 62 (1967):1347—59.

Deutsch, Karl and Madow, William. "Notes on the Appearance of Wisdom in Large Bureaucratic Organizations." *Behavioral Science* (January 1961):72—78.

Diamond, Martin. "The Federalists's View of Federalism." In *Essays in Federalism*, Institute for Studies in Federalism, 1961.

Feinberg, Joel. *Doing and Deserving*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970.

Fiacco, Anthony and McCormick, Garth, *Nonlinear Programming: Sequential Unconstrained Minimization Techniques*. New York: Wiley, 1968.

Fletcher, George P. "Proportionality and the Psychotic Aggressor." *Israel Law Review* 8, no. 3:367—90.

Fried, Charles. *An Anatomy of Values*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.

Friedman, David. *The Machinery of Freedom*. New York: Harper & Row, 1973.

Friedman, Milton. *Capitalism and Freedom*. Chicago: University of Chicago Press, 1962.

Gierke, Otto. *Natural Law and the Theory of Society, 1500—1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 1934.

Ginsburg, Louis. *Legends of the Bible*. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1956.

Goffman, Erving. *Relations in Public*. New York: Basic Books, 1971.

Goldfarb, Robert. "Pareto Optimal Redistribution: Comment." *American Economic Review* (December 1970):994—96.

Gray, Alexander. *The Socialist Tradition*. New York: Harper Torchbooks, 1968.

Hamowy, Ronald. "Hayek's Concept of Freedom: A Critique." *New Individualist Review* (April 1961):28—31.

Hanson, Norwood Russell. *Patterns of Discovery*. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.

Harcourt, G. C. "Some Cambridge Controversies in the Theory of Capital." *Journal of Economic Literature* 7, no. 2 (June 1969):369—405.

Harman, Gilbert. "The Inference to the Best Explanation." *The Philosophical Review* 74, no. 1 (1965):88—95.

Harman, Gilbert. "Quine on Meaning and Existence." *The Review of Metaphysics* 21, no. 1 (1967):124—51.

Harman, Gilbert. *Thought*. Princeton: Princeton University Press, 1973.

Hart, Herbert L. A. "Are There Any Natural Rights?" *Philosophical Review* 64 (1955):175—191.

Hart, Herbert L. A. *The Concept of Law*. Oxford: Clarendon Press, 1961.

Hart, Herbert L. A. *Punishment and Responsibility*. Oxford: Oxford University Press, 1968.

Hartley, L. P. *Facial Justice*. London: Hamilton, 1960.

Hayek, Frederick A. *The Constitution of Liberty*. Chicago: University of Chicago Press, 1960.

Hayek, Frederick A. *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

Hempel, Carl G. *Aspects of Scientific Explanation*. New York: Free Press, 1965.

Herrnstein, Richard. *I.Q. in the Meritocracy*. Boston: Atlantic Monthly Press, 1973.

Hockman, H. M. and Rodgers, James D. "Pareto Optimal Redistribution." *American Economic Review* 49, no. 4 (September 1969):542—56.

Hospers, John. *Libertarianism*. Los Angeles: Nash, 1971.

Hospers, John. "Some Problems about Punishment and the Retaliatory Use of Force." *Reason* (November 1972) and (January 1973).

Jacobs, Jane. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Vantage Books, 1963.

Kant, Immanuel. *Groundwork of the Metaphysic of Morals*. Translated by H. J. Paton as *The Moral Law*. London: Hutchinson, 1956.

Kant, Immanuel. *The Metaphysical Elements of Justice*. Translated by John Ladd. Indianapolis; Bobbs-Merrill, 1965.

Kessell, Reubin. "Price Discrimination in Medicine." *Journal of Law and Economics* 1, no. 1 (October 1958):20—53.

Kim, Jaegwon. "Causation, Nomic Subsumption, and the Concept of Event." *The Journal of Philosophy* 70, no. 8 (April 26, 1973):217—36.

Kirzner, Israel. *Market Theory and the Price System*. Princeton: D. Van Nostrand, 1963.

Kirzner, Israel. *Competition and Entrepreneurship*. Chicago: University of Chicago Press, 1973.

Krader, Lawrence. *Formation of the State*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968.

Krimmerman, Leonard and Perry, Lewis. *Patterns of Anarchy*. New York: Anchor Books, 1966.

Kristol, Irving. "When Virtue Loses All Her Loveliness"—Some Reflections on Capitalism and 'The Free Society.'" *The Public Interest* 17 (Fall 1970):3—15.

Leary, Timothy. *The Politics of Ecstasy*. New York: College Notes and Texts, 1968.

Levene, Howard. "Genetic Diversity and Diversity of Environments; Mathematical Aspects." In Lucian Le Cam and Jerzy Neyman, eds., *Fifth Berkeley Symposium on Mathematical Statistics*. Berkeley: University of California Press, 1967.

Lewis, David. *Convention*. Cambridge: Harvard University Press, 1969.

Lewontin, R. C. "Evolution and the Theory of Games." *Journal of Theoretical Biology* (1960:382-403.

Lipsey, Richard and Lancaster, Kelvin. "The General Theory of Second Best." *Review of Economic Studies* 24 (December 1956):11—32.

Locke, John. *Two Treatises of Government*. Edited by Peter Laslett. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.

Lucas, J. R. *The Principles of Politics*. Oxford: Clarendon Press, 1966.

Luce, R. D. and Krantz, David. "Conditional Expected Utility." *Econometrica* 39 (March 1970):253—71.

Luce, R. D. and Raiffa, Howard. *Games and Decisions*. New York; Wiley, 1957.

Machlup, Fritz. *The Political Economy of Monopoly*. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1952.

Mandel, Ernst. *Marxist Economic Theory*. New York: Monthly Review Press, 1969.

Marcuse, Herbert. "Repressive Tolerance." In Marcuse, Herbert et al., *A Critique of Pure Tolerance*. Boston: Beacon Press, 1965.

Martin, James J. *Men Against the State: The Expositors of Individualist Anarchism in America, 1827—1908*. Dekalb, Ill.: Adrian Allen, 1955.

Marx, Karl. *Das Capital*, I. New York: Modern Library, n.d.

Meek, R. L. *Studies in the Labour Theory of Value*. London: Lawrence and Wishart, 1958.

Michelman, Frank. "Pollution as a Tort." *The Yale Law Journal* 80 (1971).

Minogue, Kenneth. *The Liberal Mind*. New York; Random House, 1963.

Mises, Ludwig von. *Human Action*. New Haven: Yale University Press, 1949.

Mises, Ludwig von. *Socialism*. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 1951.

Mises, Ludwig von. *The Theory of Money and Credit*. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 1953.

Mishan, E. J. "Evaluation of Life and Limb: A Theoretical Approach." *Journal of Political Economy* 79, no. 4 (1971):687—705.

Nagel, Ernest. *The Structure of Science*. New York: Harcourt, Brace & World, 1961.

Nelson, Leonard. *System of Ethics*. New Haven: Yale University Press, 1956.

Newman, Peter. *The Theory of Exchange*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1965.

Nozick, Robert. "Newcomb's Problem and Two Principles of Choice." In N. Rescher et al., eds. *Essays in Honor of C. G. Hempel*. Holland: D. Reidel, 1969, pp. 114—46.

Nozick, Robert. "The Normative Theory of Individual Choice." Ph.D. dissertation, Princeton University, 1963.

Nozick, Robert. "Moral Complications and Moral Structures." *Natural Law Forum* 13 (1968):1—50.

Nozick, Robert. "Coercion." In S. Morgenbesser et al., eds. *Philosophy, Science and Method*. New York: St. Martin's Press, 1969, pp. 440—72.

Nozick, Robert. "Weighted Voting and One-Man One-Vote." In J. R. Pennock and R. Chapman, eds. *Representation*. New York: Atherton Press, 1969.

Nozick, Robert. "On the Randian Argument." *The Personalist* 52 (Spring, 1971): 282—304.

Oppenheimer, Franz. *The State*. New York: Vanguard Press, 1926.

Popper, Karl. *Objective Knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 1972.

Proudhon, P. J. *General Idea of the Revolution in the Nineteenth Century*. London: Freedom Press, 1923.

Rand, Ayn. *Atlas Shrugged*. New York: Random House, 1957.

Rand, Ayn. *The Virtue of Selfishness*. New York: New American Library, 1965.

Rand, Ayn. *Capitalism: The Unknown Ideal*. New York: New American Library, 1966.

Rashdall, Hastings. "The Philosophical Theory of Property." In *Property, Its Duties and Rights*. London: Macmillan, 1915.

Rawls, John. *A Theory of Justice*. Cambridge: Belnap Press of the Harvard University Press, 1971.

Roberts, Adam, ed. *Civilian Resistance as a National Defense*. Baltimore: Penguin Books, 1969.

Rothbard, Murray. *Man, Economy and State*. 2 vols. Princeton: D. Van Nostrand, 1962.

Rothbard, Murray. *Power and Market*. Menlo Park, Cal.: Institute for Humane Studies, 1970.

Rothbard, Murray. *For a New Liberty*. New York: Macmillan, 1973.

Rousseau, Jean Jacques. *The Social Contract*. London: Everyman's Library, 1947.

Scanlon, Thomas M. Jr. "Rawls Theory of Justice." *University of Pennsylvania Law Review* 121, no. 5 (1973):1020—69.

Scarf, Herbert. "The Core of an N-person Game." *Econometrics* 35 (1967):50—69.

Schelling, Thomas. *The Strategy of Conflict*. Cambridge: Harvard University Press, 1960.

Schelling, Thomas. "Models of Segregation." *American Economic Review* 54 (May 1969):488—493.

Schoeck, Helmut. *Envy*. New York: Harcourt, Brace and World, 1966.

Seligman, Martin. "Unpredictable and Uncontrollable Aversive Events." In Robert Brush, ed. *Aversive Conditioning and Learning*. New York: Academic Press, 1971, pp. 347—400.

Sen, Amartya K. *Collective Choice and Social Welfare*. San Francisco: Holden-Day, 1970.

Seuss, Dr. *Thidwick, the Big-Hearted Moose*. New York: Random House, 1948.

Sharp, Gene. *The Politics of Non-violent Action*. Boston; Porter Sargent, 1973.

Singer, I. B. *In My Father's Court*. New York: Farrar, Straus, and Gireaux, 1966.

Singer, Peter. "Animal Liberation." *New York Review of Books* (April 5, 1973):17—21.

Slobodkin, Lawrence. *Growth and Regulation of Animal Populations*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966.

Spencer, Herbert. *Social Statics*, 1st ed. London: Chapman, 1851.
 Spencer, Herbert. *The Man Versus the State*. Ohio: Caxton, 1960.
 Spooner, Lysander. *A Letter to Grover Cleveland on His False Inaugural Address: The Usurpation and Crimes of lawmakers and Judges, and the Consequent Poverty, Ignorance, and Servitude of the People*. Boston: Benjamin R. Tucker, 1886.
 Spooner, Lysander. *Natural Law*. Boston: Williams, 1882.
 Spooner, Lysander. *No Treason: The Constitution of No Authority*. Larkspur, Col.: Pine Tree Press, 1966.
 Spooner, Lysander. *The Collected Works of Lysander Spooner*. Weston, Mass.: M and S Press, 1971.
 Sweezy, Paul. *Theory of Capitalist Development*. New York: Monthly Review Press, 1956.
 Talmon, J. L. *The Origins of Totalitarian Democracy*. London: Seeker and Warburg, 1952.
 Talmon, J. L. *Political Messianism*. London: Seeker and Warburg, 1960.
 Tandy, Francis. *Voluntary Socialism*. Denver: F. D. Tandy, 1896.
 Tannehill, Morris and Tannehill, Linda. *The Market for Liberty*. New York: Arno Press, 1972.
 Tawney, R. H. *Equality*. London: Allen and Unwin, 1938.
 Thomson, Judith Jarvis. "A Defense of Abortion," *Philosophy and Public Affairs* 1, no. 2 (Fall, 1971):47—66.
 Tribe, Laurence. "Trial by Mathematics." *Harvard Law Review* 84 (1971):1329—93.
 Trotsky, Leon. *Literature and Revolution*. New York: Russell and Russell, n.d.
 Tucker, Benjamin. *Instead of a Book*. New York, 1893.
 Tucker, Benjamin. *Individual Liberty*. New York: Vanguard Press, 1926.
 Vlastos, Gregory. *Platonic Studies*. Princeton: Princeton University Press, 1973.
 Vonnegut, Kurt. *Welcome to the Monkey House*. New York: Dell, 1970.
 Weber, Max. *The Theory of Social and Economic Organization*. Glencoe, Ill.: Free Press, 1947.
 Weber, Max. *Max Weber on Law in Economy and Society*. Edited by M. Rheinstein. Cambridge: Harvard University Press, 1954.
 Williams, Bernard. "The Idea of Equality." In Peter Laslett and W. G. Runciman, eds. *Philosophy, Politics and Society*. 2nd series. Oxford: Basil Blackwell, 1962.
 Wohlstetter, Roberta. *Pearl Harbor: Warning and Decision*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1962.
 Wolff, Robert Paul. "A Refutation of Rawls' Theorem on Justice." *Journal of Philosophy* 63, no. 7 (March 31, 1966).
 Zablocki, Benjamin. *The Joyful Community*. Baltimore: Penguin Books, 1971.

Предметно-именной указатель

А

Агенты 39—40, 92—93
 Агрегирующий принцип 263
 Агрессия 56—59
 Актон, лорд 162
 Алчиан Армен 43, 92 сн., 219 сн., 236 сн., 324 сн.
 Анархизма теория 21—23
 — причины отрицания государства 77—79
 Анархисты и охранные агентства 157—167, 169
 Анархия. См.: Естественное состояние
 Ассоциация 368
 — стабильность 368—375

Б

Безбилетник 127, 330—331.
 См. тж: Честности принцип
 Бём-Баверк Ойген фон 320 сн.
 Бентам Иеремия 65, 66 сн.
 Блан Луи 311
 Бойкот 38, 245 сн., 358—359, 392
 Большое (расширяющееся) государство:
 — используется влиятельными людьми 335—336
 — и несправедливость 288—289
 — не имеет оправдания 181, 365
 — правонарушения 181
 — происхождение 347—358, 360—363
 — и распределительная справедливость 288—289
 См. тж: Демоктезис

В

Вебер Макс 45, 154
 Витгенштейн Л. 129
 Владение. См.: Справедливость во владении; Приобретение во владении; Передача владения

Внешние эффекты:
 — интернализация 345—347
 — знания 305—306, 394—395
 Возможная модель мира.
 См.: Утопия
 Воннегут Курт 297 сн.
 Выход из системы 221—222, 358, 390—393

Г

Гарднер Мартин 161 сн.
 Генная инженерия 382—383 сн.
 Годвин Уильям 23
 Государственное финансирование:
 — лотереи 47 сн.
 — взимаемые штрафы 90 сн.
 Государство — «ночной сторож» 48, 49—50. См. тж: Минимальное государство
 Государство:
 — и анархисты 77—79
 — внутри естественного состояния 172
 — и «дилемма заключенного» 161—162
 — и доминирующая защитная ассоциация 45—48, 146, 149—155
 — легитимность 39, 172—177, 180—181
 — в мире определенности 181—183
 — неудобства 30 сн.
 — объяснение с позиции «невидимой руки» 155—156
 — и особые права 77—79, 341
 — пределы 154
 — и принудительное обеспечение справедливости частными лицами 183—185
 — происхождение 23—24
 См. тж: Минимальное государство; Ультрамимимальное

государство; Большое (расширяющееся) государство;
Не-нейтральное государство

Д

Демоктезис 356

– предположительное развитие 345–356

Демсец Х. 236 сн., 324 сн., 345 сн.

Деньги, объяснения с позиций «невидимой руки» 39–40

Дершовиц Алан 184 сн., 189 сн.

Дети:

– права родителей в отношении них 63, 353–357

– и основания утопии 401

Джордж Генри 224

«Дилемма заключенного» 161–162

Дистрибуция 87–91, 97–98

– и самозащита 90–91

Доминирующая (наиболее влиятельная) защитная ассоциация (агентство):

– и власть 173–181

– как государство 45–48, 77–79, 146, 149–155, 155–156

– защищающее других 146–152

– как монополия *de facto*

144–146

– как фактическая монополия 38

– и крах других агентств 157–160

– и «независимые» агентства 81–84

– особые права 136–137, 144–146, 172–174

– препятствующее частному отправлению правосудия 130–144, 136–146

– и процессуальные права 130–144

– формирование 36–39

См. тж.: Защитные ассоциации

Е

Естественного состояния теория 21–27

Естественное состояние 29–39, 172

– и «дилемма заключенного» 161–162

– и запрет рискованных действий 103–106, 122

– и защитное агентство 170–172

– неудобства 30

– и происхождение большого (расширяющегося) государства 345–357

– процессуальные права в 84

Естественные права:

– довод Харта в их пользу 124–126

– и риск 104–107

– традиция с процессуальными правами 136

Ж

Животные:

– моральные ограничения на 60–74

– поедание 61–63

– с точки зрения кантианства 64–65

– с точки зрения утилитаризма 64–67

Жесткие моральные ограничения 51–60, 72 сн., 360–361

– абсолютная природа 52–53

– государственные нарушения 77–79

– и животные 60–67, 71–73

– контрактный подход к 178–179

– логическое обоснование 54–57

– на чем основывается 74–77

– отличные от целей 51–54, 72 сн.

– и перераспределение 220–222

– и права 51–52

– и права собственности 219

– формальный аргумент, ведущий к 57–58

З

Зависть 208 сн., 298–306

– и самоуважение 298–306

– в сравнении с другими состояниями 299–300 сн.

– и теория Ролза 269–286

Загрязнение окружающей среды 109–112

Запрет:

– и моральные нарушения 86, 100–102

– моральный 84–87, 91–99

– и не всеохватывающая природа страха 99

– и нейтралитет 336–337

– ненадежного частного обеспечения справедливости 130–146

– и страх 94–99

– на присоединение к защитной ассоциации 157–167

– обеспечения справедливости частными лицами 121–123, 146–149

– последнего компонента, необходимого для совершения преступления 164–167, 185

– рискованных действий 102–119

Защита:

– анархисты осуждают монополию на нее 77–79

– государство, предоставляющее ее 45–48, 50–51

– и доминирующая защитная ассоциация 46–48, 146–152

Защитные ассоциации 31–36

– их права 121–123

– как бизнес 32–33

– и личное возмездие 35–36

– преступное агентство 38–39

– и штрафы 90 сн.

См. тж.: Доминирующая защитная ассоциация

И

Индексальные выражения и моральные принципы 53 сн., 344, 344 сн.

Интеллектуальная собственность 183

Исправления принцип

– не перераспределительный 50, 196–197, 221, 221, 261, 288–289

Исторические принципы 196–206, 250–256

– любовь как пример исторических отношений 215

Исходное положение:

– включает в себе ход дискуссии, но не может привести к принципу основного процесса 259–262, 247, 249, 264–265, 268

– итеративное 265–266

– ограниченное выбором принципов, основанных на конечном результате, как фундаментальном 249–256

– и произвольность естественных преимуществ 282–284

– сосредоточение на личности 241

– и произвольность естественных преимуществ 282–284

– сосредоточение на личности 241

– и произвольность естественных преимуществ 282–284

– сосредоточение на личности 241

К

Калиброванные принципы 200–206, 273–280

– и добровольные трансферты 291–292, 310, 313, 327–331

– достаточные условия для существования 262–263

– и «единые» объяснения 275–276

– и принцип компенсации 230–231 сн.

– и принцип различия 261–263

– разрушение свободой 206–212, 274–275

– и семья 215

– и сосредоточение на получателях 216

– требующие перераспределения 215–216, 218–222

– и титулы собственности 214

– и эмиграция 221–222

- Кант Иммануил 56, 81 сн., 285
 Кац Джерролд 169 сн.
 Кирцнер Израэль 236 сн., 316, 324 сн.
 Компенсации принцип 108–109, 112–115, 117–119, 151–152,
 – вводит калибровку по паттерну 230–231 сн.
 – и защита других 146–151
 – и превентивное ограничение 183–189
 – и предоставление страхования ответственности 151–152
 Компенсация 84–85, 91–94, 100–102
 – позволяет нарушение морали 91–99
 – полная 84–85, 96–97, 185 сн., 186 сн.
 – рыночная 93–94, 96–97
 – и риск 105–107
 – право на существование 175–177
См. тж: Компенсации принцип
 Контроль за арендной платой 334–335
 Коуз Рональд 105 сн., 236 сн.
 Козн Маршал 45
 Кристал Ирвинг 204 сн.
 Кристофиак Том 69 сн.
- Л
- Ласлетт Питер 353 сн.
 Легитимность государства 38–39, 172–177, 180–181
 Либертарианская теория:
 – и взятие индивида в кольцо 81–82 сн.
 – согласно разным авторам 33–34 сн.
 – и рамка для утопии 392–395
 – расхождения во мнениях внутри нее 182–183
 – и сохранение макропропорций 383
 Либертарианские ограничения:
 – аналог отказа от агрессии в международных отношениях 58
 – формальный параметр, сводящийся к ним 57–58
 Лири Тимоти 305 сн.
 Локк Джон 27, 29–31, 38, 39, 81, 86, 134 сн., 158 сн., 170–172, 177–178, 198, 222–226, 281–282, 353–355
- М
- Майкдмен Гвидо 112 сн.
 Маккей Генри 209 сн.
 Мак-Кормик Г. 53 сн.
 Манны небесной модель 250, 275
 Маркс Карл 238 сн., 314–324, 337 сн.
 Мартин Джеймс 33 сн.
 Машина по производству личного опыта 68–71
 Методологический индивидуализм 44
 Методы фильтрации 44, 380–387
 Мизес Людвиг фон 40 сн., 42, 182 сн.
 Минимальное государство 49–51
 – вдохновляющее 365, 406
 – не-нейтральное 335–337
 – оправдание 79, 181
 – снижает вероятность манипулирования 335–336
 – и ультраминимальное государство 49–50, 149–152, 156
 – и утопия 405–406
См. тж: Государство – «Ночной сторож»; Ультраминимальное государство; Доминирующая защитная ассоциация
 Монополия и защитные услуги 38–39
 Монополия на применение силы:
 – ею обладает доминирующее охранное агентство 149, 152–155
 – как условие для существования государства 45–46
 – осуждаемая анархистами 77–79
 – de facto 144–146

- Моральная граница 84–87
 – беспрепятственное пересечение 210–219
 – запрещенное пересечение 100–102
 – пересечение 105, 115, 118
 Моральная теория:
 – задача для 27
 – и индексальные выражения 53 сн., 344, 344 сн.
 – и последовательные аргументы 342–345
 – роль примеров в 61–62, 342–345
 – и смысл жизни 76–77
 – и структура моральной позиции 52 сн., 72 сн.
 – и тирания 266–284
См. тж: Жесткие моральные ограничения

Н

- Наказание:
 – по Локку 30–31, 87–91, 130–132
 – право на 141–143, 175, 177–181
См. тж: Распределение; принуждение; Процессуальные права
 Налогообложение доходов 216–220, 327–331
 Невыгодные условия 111–114, 118–119, 150–151
 – и превентивное ограничение 184–186
 Независимые 130–131, 154
 – обеспечиваемая (навязываемая) справедливость 81–84, 145–146
 – обеспечение справедливости частными лицами 121–123
 Ненамеренная угроза 59–60, 71 сн.
 Ненамеренный щит 59
 Не-нейтральное государство 57, 335–337
 Неравенство, по Ролзу 238–239, 246–247, 249 сн.

- Нозик Роберт 49 сн., 117 сн., 133 сн., 161 сн., 217 сн., 230 сн., 264 сн., 328 сн., 330 сн., 332 сн., 343 сн., 387 сн.
 Нормативная социология 308–309

О

- Обеспечение прав и отправление правосудия 31, 34–35, 46–47.
См. тж: Обеспечение справедливости частными лицами
 Обеспечение справедливости частными лицами 46–47, 175–181
 – запрет на 121–123, 146, 183–186
 – и риск 140–144
 – осуждение анархистами 77–79
 Обмен:
 – дележ выгод 91–94, 115–116, 117–118
 – добровольный 194–198, 202–203, 238 сн., 325–327
 – и общественное сотрудничество 235–237
 – и отношение к людям как к целям 54–55
 – продуктивный 115–117
 – и трудовая теория ценности 321–323
 – экономическое объяснение 93–94 сн.
 Общественное сотрудничество:
 – и группы 244–246
 – и игра с постоянной суммой 286
 – и индивид 43
 – и равенство 278–280
 – различия принцип 239–249
 – и справедливость 233–239
 Общественные блага 43.
См. тж: Честности принцип
 Общественный договор 169–172
 Общественный продукт 129
 Общественный ущерб 95–96

Объяснение
– возможное 25–27
– единые и принципы, калиброванные по паттерну 275–277
– предопределенное данными 343
См. тж: Фундаментальное объяснение
Объяснение с позиции «скрытой руки» 41
Объяснения с позиции «невидимой руки» 39–44
– денег 39–40
– государства 45–48, 78–79, 155–156
– особенность объяснения 40–41
– примеры 42–43
– рынка 39–40
См. тж: Процесс типа «невидимой руки»
Оговорка Локка 82 сн., 224–232, 333 сн., 355–356, 393
Оппенгеймер Франц 341 сн.
Органический принцип 262–263
Оруэлл Джордж 64
Осмысленная работа 307–311
«От каждого...» 205–206
Ответственность
– агентов государства 173
– действие без ее страхования 108–109
– корпораций 173
– совместно осуществленное ее страхование 151–152
Ответственность:
– для других 167–168, 241–243
– по Ролзу 268
– теория ведра 168
– в сфере политики 135
– уровень 88–91
Оуэн Роберт 387
□
Патенты 183, 231
Патернализм 34–35
– и рамка утопии 391–393
– связанный с логическими основаниями 50, 58, 86–87, 96 сн., 145
– и сообщества 393–394
Пацифизм 133 сн.
Перераспределение 181, 338–339
– и минимальное государство 48, 149–152
– защита других 186
– основания 50
– и права собственности 214–222
– и принципы, калиброванные по паттерну 215–216
– и собственность на людей 220, 283, 284–286
– в сообществе и нации 391–393
– и страхование ответственности 151–152
– и филантропия 327–331
Пересечение границы. *См.:* Моральная граница
Перехода принцип 194–198, 202–203, 260–261
Питера принцип 43
Платон 257
Повторное привлечение к ответственности 176
Политическая теория 24–27
Политическая философия 21
– и агрессия 56
– связь с моральной философией 23–24
– фундаментальный вопрос 21–22
Поппер Карл 385 сн.
Порция 82 сн.
Права собственности 219–220
– и внешние эффекты 345–347
– на людей 220, 285–286, 347–357
– и перераспределение 214–222
– и права других 333–334
Права:
– и аргумент Сена 212–214
– и гипотетические истории 358–361
– защита против насилия 50–51
– личные 331–335, 358–360

– наказывать 177–183
– на жизнь 228 сн.
– на компенсацию 175–177
– с «крючками» 326–327
– в локковском естественном состоянии 29–30
– и моральные ограничения 51–52
– принудительное обеспечение 31–32, 53–54, 124–126
– природа 122, 123, 179–180
– родителей 63, 353–356
– и эпистемологические факторы 142–143
Превентивное ограничение 183–189
Превентивный удар 163–167
Предельный продукт 201–202, 237–238, 244–245 сн.
– и возможная модель мира 367–369, 370–372
Преимущество 199, 205, 270–273, 280–283, 296–298
Принудительный труд 216–220, 286 сн.
Принуждение 83–127
– и утилитаризм 89–91
Принцип VII:
– и пацифизм 133 сн.
– и правило необходимости 91
– и эгалитаризм 264–265
Принципы, основанные на конечном результате 198–200
– и источники дохода 218–219
– и исходное положение 249–256
Принципы, основанные на конечном результате 198–200, 261
Принципы, основанные на конечном состоянии. *См.:* Принципы, основанные на конечном результате
Присвоения принцип 194–198, 203, 221, 261
– по Локку 222–227
См. тж: Оговорка Локка
Проектирование 382–388
Производственная деятельность. *См.:* Обмен, продуктивный

Процесс типа «невидимой руки»:
– и игра координации 181
– как общественный договор 170–172
– и макросостояния 103
– монополия de facto 151
См. тж: Объяснения с позиции «невидимой руки»

Процессуальные права 84, 130–144
Прудон 30 сн., 385
Психотропные вещества 69, 276.
См. тж: Патернализм

Р

Рабочий контроль 311–314
Рабство 357–358, 401
Равенство 291–294
– возможностей 294–298
– и зависть 298–306
– и принцип различия 263–266, 277–283
– и равная политическая власть 335–337
– и самоуважение 303–305
См. тж: Эгалитарные принципы
Равновесный процесс 44
Различия и рамка утопии 378–388
Различия принцип:
– как практический метод исправления 288–289
– на микроуровне 215 сн.
– не нейтральный 243–249
– приемлемые условия для общественного сотрудничества 239–249
– применимость к макроструктуре 257–260
– эгалитарный 264–265
Райфа Д. 161 сн.
Рамка для утопии 376–397, 401–406
– как общая основа 388–392
– и либертарианская теория 392–395
– и минимальное государство 405–406

- различия и 378–388
- и различающиеся компромиссы 382
- и сложность 382–388
- Распределительная справедливость 193–289
 - микро- и макроситуации 257–260
 - проблема, порождаемая общественным сотрудничеством 233–239
 - теория справедливости, основанная на титулах собственности 194–232
 - теория Ролза 232–289
 - и тирания 266–284
 - отдельная теория 274
- См. тж.*: Теория справедливости, основанная на титулах собственности; Имущественная справедливость; Калиброванные принципы
- Рембрандт 319
- Риск 102–107
 - в капиталистическом и социалистическом обществах 316–317, 322–324
 - и превентивное нападение 163
 - и превентивное ограничение 183–189
 - и принудительное обеспечение справедливости частными лицами 121–123, 140–144
- См. тж.*: Компенсация принцип
- Ролз Джон 51 сн., 57 сн., 123, 126, 128 сн., 194 сн., 215 сн., 226 сн., 232–289, 296 сн., 299–300 сн., 373 сн., 377 сн.
- Ротбард Мюррей 33–34 сн., 82–83 сн., 112 сн., 117 сн., 177 сн., 183 сн.
- Руссо Жан-Жак 352 сн.
- Рынок:
 - согласованные действия 210–212
 - обеспечивает осмысленной работой 309–311
 - фактор рабочего контроля в 311–314

Рэнд Айн 183 сн., 228 сн., 373 сн.

С

Самооборона:

- на войне 135
- и защитные агентства 157–167
- против невинного человека 59, 90–91, 138
- и превентивная атака 163–167

Самоуважение 298–306

Свобода, нарушает эгалитарные принципы 212. *См. тж.*: Права

Семья и принципы, калиброванные по паттерну 215

Сен Амартия 212–214, 287 сн.

Скенлон Томас 263, 265

Смит Адам 40, 43

Смысл жизни, и моральная теория 76–77

Собственность:

- доводы в ее защиту 225–226
- и загрязнение окружающей среды 109–112

Социализм 209–210, 289, 310–312, 314, 323, 392 сн., 397

Спенсер Герберт 356 сн., 358 сн.

Справедливость во владении 194–198, 202–206. *См. тж.*: Теория справедливости, основанная на титулах собственности

Средства, использование людей как 55–56, 72–74, 100

- и теория Ролза 284–286
- и утилитаризм 64–67, 71

Страх:

- и не всеохватывающая эмоция 99
- и запрет 94–99, 101–102, 140–141, 103 сн.
- существование 97–99

Суизи Пол 319

Т

Такер Бенджамин 33 сн.

Теория справедливости Ролза 232–289. *См. тж.*: Различия

принцип; Исходное положение; Принципы, основанные на конечном результате; Неравенство

Теория справедливости, основанная на титулах собственности 193–232, 235–236, 245, 249–256, 274–275, 281–283, 287, 295–297, 307–308

- и естественные преимущества 282–316
- не распределяемый в соответствии с заслугами 271–272
- не основанная на паттернах 260–261
- не ограниченная и агрегирующая 262–263
- против принципов, основанных на конечном результате 198–200
- и права 297–298, 331–335
- и предельная производительность 238
- против принципов, калиброванных по паттерну 200–206
- и равенство 291–292
- титулы не поверхностные 259–260
- три принципа 194–198

Тидвик, Лось С Большим Сердцем 332–333

Тирания, моральное значение 266–284

Токвиль Алексис де 400

Тристан Флор 387

Троцкий Л. Д. 301, 305, 377

Трудовая теория стоимости 314–324

У

Убыток:

- для других 64, 71–74
- индивида 55–57
- и утилитаризм 66–67

Уиздом Джон 216 сн.

Уильямс Бернард 292–294

Ультрамимимальное государство 49–51, 156

- из естественного состояния 78–79

– сторонник 50–54

– трансформировавшееся 79, 149–152

См. тж.: Минимальное государство

Уоррен Джозайя 385

Утилитаризм:

- и животные 63–67
- как конечный результат 198–200, 250, 261
- и люди 64–67, 71
- и обычные нормы справедливости 254–255
- не принцип, основанный на конечном результате 261
- и права 50–52
- и теория принуждения 89–90

Утопическое экспериментирование 376, 381–382, 382–388, 401, 404–405

Утопия 365–406

- двойственная концепция 404
- модель мира 365–378
- рамка 376–397, 401–406
- результаты 402–403
- средства достижения 397–400
- три вида 391–392
- утопический процесс вместо утопического конечного состояния 404
- цели утопистов-теоретиков 400–404
- и экспериментирование с утопией 376, 381–382, 382–388, 401, 404–405

См. тж.: Рамка для утопии

Ф

Фейнберг Джоел 174 сн.

Фиакко Антони 53 сн.

Филантропия 110, 327–331

Филмер Роберт 353

Флетчер Джордж 91 сн.

Фрей Фредерик 43

Фрид Чарльз 106

Фридман Дэвид 34 сн., 226 сн.

Фридман Милтон 49 сн., 235 сн.

Фундаментальное объяснение 24

- политической сферы 25–27

– с позиции «невидимой руки» 40–41
– толкование 26
Фурье Шарль 227 сн., 375, 385

Х

Хайек Фридрих Август фон 41 сн., 43, 203–205, 221, 229 сн., 254 сн., 386 сн.
Харман Гилберт 58 сн., 142 сн.
Харт Герберт 45 сн., 100 сн., 103 сн., 123–126
Хартли А. 303 сн.
Хеймови Рональд 116 сн., 229 сн.
Хомски Ноам 210 сн.
Хоффельд У. 224

Ц

Цели моральные 51–54, 72 сн., 221
Цели, люди как 54–56, 285

Ч

Чемберлен Уилт 207–210, 211 сн.
Честность 110–111, 209 сн., 295–296
– принцип 123–129

Ш

Шантаж 116–117
Шеллинг Томас 31 сн., 42, 163 сн., 181, 249
Шумпетер Йозеф 324

Э

Эволюция:
– и методы фильтрации 383–389
– и объяснение с позиции «невидимой руки» 383–385
Эгалитарные принципы:
– и зависть 300–306
– и принцип различия 263–266, 277–283
– и рабочий контроль 311–312
– разрушенные свободой 211–212

Экономическая теория благосостояния 199
– и права 212–214
Эксплуатация, по Марксу 314–324
Эмиграция:
– в моделях возможного мира 365–376
– из рамок сообщества 401
– из страны с калиброванными принципами 221–222

А

Allen W. R. 92 сн.
Arrow Kenneth 324 сн., 366 сн., 369 сн., 373 сн.
Ashcroft Richard 38 сн.
Aumann Robert 367 сн.

В

Barkai Haim 387 сн.
Bedau Hugo 182 сн.
Berlin Isaiah 279 сн.
Bittker Boris 197 сн.
Blaug Mark 238 сн., 324 сн.
Blum Walter J. 100 сн., 292 сн., 303 сн.
Boulding Kenneth R. Jr. 37 сн.
Brozen Yale 38 сн.
Buber Martin 387 сн.

С

Calabresi Guido 86 сн.
Crow James 42, 384 сн.

Д

Dales J. H. 112 сн.
Debreu Gerard 369 сн.
Deutsch Karl 43
Diamond Martin 402 сн.

Г

Gierke Otto 341 сн.
Ginsburg Louis 384 сн.
Goffman Erving 84 сн.
Goldfarb Robert 331 сн.
Gray Alexander 227 сн., 383 сн.

Н

Hahn Frank 367 сн.
Hanson Norwood Russell 24 сн.
Harcourt G. C. 238 сн.
Hempel Carl G. 25 сн., 344 сн.
Herrstein Richard 42 сн.
Hockman H. M. 331 сн.
Hospers J. 33 сн., 59 сн.
Hurwicz Leonid 364 сн.

Ж

Jacobs Jane 42

К

Kalven Harry, Jr. 292 сн., 303 сн.
Kessel Reuhen 48 сн.
Kim Jaegwon 26 сн.
Kimura Motoo 42, 384 сн.
Krader Lawrence 153 сн.
Krantz David 328 сн.

Л

Lancaster Kelvin 376 сн.
Levene Howard 384 сн.
Lewis David 181 сн.
Lewontin R. C. 384
Lipsey Richard 378 сн.
Lucas J. R. 363 сн.
Luce R. D. 161 сн., 328 сн.

М

Machlup Fritz 38 сн.
MacMahon Arthur W. 402 сн.
Madow William 43
Mandel Ernest 322 сн.
Marcuse Herbert 399 сн.
Meek R. L. 319 сн., 323 сн.
Melamed A. Douglas 86 сн.
Minogue Kenneth 217 сн.
Mishan E. J. 107

Н

Nagel Ernest 279 сн.
Nelson Leonard 71 сн.
Newmann Peter 92 сн.

Р

Rashdall Hastings 228 сн.
Roberts Adam 39 сн.
Rodgers J. D. 331 сн.

С

Scarf Herbert 367 сн.
Schoeck Helmut 304 сн.
Seligman Martin 99 сн.
Seuss Dr. 333 сн.
Sharp Gene 39 сн.
Singer I. B. 34 сн.
Singer Peter 71 сн.
Slobodkin Lawrence 42
Spooner Lysander 33 сн.

Т

Talmon J. R. 381 сн.
Tandy F. D. 33 сн.
Tannehill Morris and Linda 33 сн.
Tawney R. H. 298 сн.
Thomson Judith Jarvis 59 сн., 297 сн.
Tribe Lawrence 130 сн.

В

Vlastos Gregory 215 сн.

W

Wohlstetter Roberta 43
Wolff Robert Paul 226 сн.

Z

Zablocki Benjamin 387 сн.

Роберт НОЗИК

АНАРХИЯ, ГОСУДАРСТВО И УТОПИЯ

Редактор *Ю. Кузнецов*
Корректор *О. Силина,*
Л. Филькова
Дизайнер *Е. Тулунова*
Верстка *С. Фонченко*

Подписано в печать 30.10.2007. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 27,0 печ. л. Тираж 2500 экз. Заказ № 2196.

АНО «Институт распространения информации
по социальным и экономическим наукам»
Москва, Бизнес-парк «Румянцево»
тел./факс (495) 739-71-75, 739-71-74
www.irisen.ru ; info@irisen.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СВЕТ

Котликофф Л., Бёрнс С.
Пенсионная система перед бурей
Серия «Экономика»

В этой книге, ставшей бестселлером, исследуются глубокие структурные пороки современных систем пенсионного обеспечения, действующих в развитых странах. Тщательно анализируя эту проблему на примере США, авторы показывают, что в одной лишь этой стране фискальный разрыв — разница между планируемыми расходами и доходами государства — превышает 51 триллион долларов. Это грозит вызвать не только большие трудности в обеспечении престарелым достойного существования, но и тяжелейший кризис всей международной финансовой системы, который затронет все страны без исключения. Авторы предлагают набор политических мер, позволяющих если не предотвратить грядущую бурю, то, по крайней мере, смягчить ее удар. Приводятся также рекомендации рядовым гражданам по сохранению личных сбережений в условиях практически неизбежного финансового кризиса.

Книга будет интересна политикам, экономистам, сотрудникам финансового сектора и государственным служащим, студентам и преподавателям социально-экономических дисциплин, а также всем, интересующимся будущим пенсионной системы и мировых финансов.

Доминик Арментано
Антитраст против конкуренции
Серия «Экономика»

Автор книги — профессор Доминик Арментано — принципиальный противник антимонопольного регулирования. Автор убедительно показывает несостоятельность основных постулатов неоклассической теории монополии и конкуренции и на основании этого анализа делает вывод об ошибочности базовых предпосылок антимонопольного регулирования в целом. Основная мысль, которую отстаивает автор книги, революционна по своей сути: антимонопольное регулирование — это проявление интервенционистской власти государства, используемой частными компаниями в собственных интересах и во вред обществу, а монополистические злоупотребления неразрывно связаны с государственным вмешательством в производство и товарный обмен. Именно в этом и заключается глубокий и тонкий смысл хитроумно проводимой антимонопольной политики. Государство — единственный источник монопольной власти и связанных с нею проблем, утверждают профессор Арментано и его единомышленники.

Книга будет высоко оценена предпринимателями, экономистами, специалистами в области правоприменения и законотворчества, преподавателями и студентами юридических и экономических вузов, а также всеми, кому безразличны вопросы политического и экономического развития страны.

Олаф Герземанн
Ковбойский капитализм
Серия «Экономика»

В книге немецкого исследователя проводится сопоставление американской модели «ковбойского» капитализма и европейской модели «уютного капитализма». Первая модель в большей степени полагается на использование рыночных сил (добровольного взаимодействия людей); вторая — на государственную регламентацию различных сторон экономической и социальной жизни в целях достижения большей «социальной справедливости». Сравнение оказывается не в пользу европейской модели, причем не только по показателям, характеризующим экономический рост и эффективность, но и по степени социальной защищенности граждан. О. Герземанн далек от идеализации американской модели, но, по его мнению, ее серьезные недостатки вызваны не избытком экономической свободы, а многочисленными отступлениями от нее. Основной вывод состоит в том, что европейская модель, основанная на жесткой регламентации экономической жизни, оказывается гораздо менее конкурентоспособной в современном мире. Проведенный автором сопоставительный анализ позволяет лучше понять причины и мотивы реформ, с большим или меньшим успехом проводимых в последнее время правительствами европейских стран.

Книга предназначена для политиков и государственных деятелей, экономистов, социологов, а также для всех интересующихся международными экономическими сравнениями и социально-экономическими проблемами современности.

Бринк Линдси
Глобализация: повторение пройденного
Серия «Экономика»

Автор предлагает новый, неожиданный взгляд на проблему глобализации, идущий вразрез с расхожими штампами — как глобалистскими, так и антиглобалистскими. Экономическая глобализация последних 15—20 лет не является ни уникальной, ни необратимой. Мир уже переживал первую волну глобализации в конце XIX — начале XX в., и она закончилась крахом. Нынешняя волна вызвана не развитием технологий и мифической политикой «рыночного фундаментализма», а всеобщим разочарованием в практике всеобъемлющего государственного регулирования. Проводившаяся с конца 70-х гг. XX в. правительствами разных стран прагматическая политика дерегулирования дала неожиданный эффект в виде бурного развития международной торговли и финансовых рынков. Но дальнейшее движение в этом направлении вовсе не гарантировано. Поступательное развитие мировой экономики и повышение благосостояния широких масс требует более фундаментальных политических и идеологических изменений.

Книга будет полезна политикам и государственным деятелям, бизнесменам и дипломатам, экономистам, финансистам и всем интересующимся международной торговлей и мировыми финансами.

Фридрих фон Хайек
Право, законодательство и свобода
Серия «Политическая наука»

Фридрих Август фон Хайек (1899 — 1992), лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 г., был одним из наиболее ярких представителей классического либерализма. В настоящее время он считается классиком не только экономической, но и политической мысли и в таком качестве пользуется признанием не только классических либералов, но и консерваторов, а также представителей других политических течений. Книга «Право, законодательство и свобода» является наиболее развернутым изложением идей Хайека относительно эволюции социальных норм и институтов. Существующие правила и обычаи, институты собственности и контракта, а также такие ценности, как честность и мир, укоренились в обществе в силу своей целесообразности. Но мы не вполне понимаем, как они работают; они установились сами, а не благодаря сознательным усилиям людей. Именно потому, что связь между индивидуальным поведением и всеобъемлющим порядком так трудно поддается предсказанию, не следует думать, что, заставляя людей действовать определенным образом, можно создать действительно жизнеспособное общество. На социально-политической концепции автора основывается его доктрина конституционализма, весьма оригинальная и при этом критическая по отношению к существующим институтам либерально-демократического государства.

Книга рассчитана на философов, экономистов, политологов, правоведов — как теоретиков, так и практиков. Она также будет неоценимым пособием для всех изучающих современную политическую мысль.

Роберт Нисбет
Прогресс: история идеи
Серия «Социология»

Идея прогресса в значительной степени определила облик западной цивилизации. Человечество развивается, «движется вперед», причем это движение понимается в двух аспектах — как накопление знания и как наращивание материального богатства. Рождение идеи прогресса — результат взаимодействия христианства с античными представлениями. Первоначально она была вариацией на тему линейного представления об истории, свойственного иудео-христианской религиозной традиции. В период с 1750 примерно до 1900 г. происходит отделение идеи прогресса от религиозных корней и «срастание» понятий прогресса и науки. Этот процесс сопровождался угрожающими явлениями: если первоначально прогресс трактовался как расширение человеческой свободы, то примерно со второй половины XIX в. он все более стал пониматься как расширение «управляемости» — попросту говоря, власти абстрактного государства над человеком и природой. Книга представляет собой классический труд по социальной философии и является одной из наиболее известных и цитируемых работ, написанных в традиции так называемой консервативной школы в американской социологии.

Дипак Лал
Непреднамеренные последствия
Серия «Экономика»

Книга посвящена одному из наиболее актуальных вопросов современной экономической науки — значению культурных предпосылок для экономического роста в разных странах. Это попытка междисциплинарного и кросс-культурного объяснения экономического возвышения Запада (в сравнении и на фоне китайской, индийской и исламской цивилизаций). Обозревая тысячелетний период экономического развития Евразии, автор ищет ответ на вопрос: должна ли модернизация неизбежно сопровождаться вестернизацией, и приходит к выводу о том, что хотя эти два показателя были тесно связаны в экономическом развитии Запада, это условие не всегда выполнялось в остальном мире. В книге разработана новая аналитическая схема, позволяющая инкорпорировать «культуру» в экономический анализ. Автор проводит важное различие между материальными и космологическими представлениями, показывая, как и те и другие изначально сформировались под влиянием обеспеченности факторами производства и как они развивались в различных цивилизациях в ответ на изменение исторических обстоятельств.

Мартин ван Кревельд
Расцвет и упадок государства
Серия «Политическая наука»

Институт государства (state), как он существует в наше время, обладает целым рядом свойств, которые мы считаем само собой разумеющимися. Государство является корпорацией в исконном смысле этого слова — обладает собственным юридическим лицом, отличным от личности правителей; включает в себя правительственный аппарат и совокупность граждан (подданных), но не совпадает ни с тем, ни с другим; имеет четко определенные границы и существует только при условии признания другими государствами и т.д. Но институт такого рода — довольно позднее явление в истории человечества, и нет никаких оснований считать его вечным. Мартин ван Кревельд, известный израильский историк и военный теоретик, описывает процесс зарождения, вызревания и расцвета государства-корпорации. Значительная часть книги посвящена кризису этого института, происходящему на наших глазах. Причина — в потере государством легитимности ввиду его неспособности исполнять взятые на себя обязательства по поддержанию правопорядка, защите от внешних угроз и обеспечению населения «социальными благами». Упадок государства может в обозримом будущем привести к радикальной трансформации всего современного мира.

Книга будет полезна политикам, общественным и государственным деятелям, философам и историкам, военным экспертам и специалистам в сфере безопасности, а также всем интересующимся фундаментальными проблемами современности.

Мартин ван Кревельд
Трансформация войны
Серия «Военная мысль»

В книге предпринят пересмотр всей парадигмы военно-теоретической мысли, господствующей со времен Клаузевица. Ван Кревельд характеризует эту доктрину как «рационалистическую», порожденную эпохой Просвещения. В настоящее время господствующая парадигма совсем перестала отражать реальность, и ее некритическое применение может привести к тяжелым последствиям для государства. Причины радикальной трансформации войны как вида человеческой деятельности — появление ядерного оружия, отмирание традиционных крупномасштабных войн между государствами и расцвет «локальных конфликтов» и т.п.

Автор предлагает новое видение войны как культурно обусловленного вида человеческой деятельности, в рамках которого организованное насилие ограничено правилами, и тем самым отличающегося от неорганизованного насилия. Современная ситуация связана с фундаментальными сдвигами в социо-культурных характеристиках вооруженных конфликтов. Этими изменениями в первую очередь объясняется неспособность традиционных армий вести успешную борьбу с иррегулярными формированиями в локальных конфликтах. Отсутствие адаптации к этим изменениям может дорого стоить современным государствам и угрожать им полной дезинтеграцией.

Книга, вышедшая в 1991 году, оказала большое влияние на современную мировую военную мысль и до сих пор остается предметом активных дискуссий. Русское издание рассчитано на профессиональных военных, экспертов в области национальной безопасности, политиков, дипломатов и государственных деятелей, политологов и социологов, а также на всех интересующихся проблемами войны, мира, безопасности и международной политики.

Томас Шеллинг
Стратегия конфликта
Серия «Международные отношения»

Книга посвящена исследованию общей логики поведения участников конфликтных ситуаций — теории игр. Впервые вышедшая в 1960 г., она стала фундаментальным вкладом в эту науку, заложив основы теории стратегического поведения. Работа имеет большое значение для изучения некоторых важных классов игр — игр с неполной информацией, неантагонистических игр и др. При этом автор обходится без сложного математического аппарата и посвящает значительную часть объема книги практическим приложениям теории, в первую очередь — к сфере международной политики. Предметом рассмотрения являются неантагонистические конфликтные ситуации, когда интересы сторон, хотя и противоречат друг другу, не являются в точности противоположными и требуют определенной кооперации. К числу таких ситуаций относятся, например, военные

действия, переговоры о контроле над вооружениями, политика взаимных угроз и т.д. В частности, Томас Шеллинг является одним из разработчиков доктрины ядерного сдерживания. Книга «Стратегия конфликта» стала одной из главных работ, принесших Нобелевскую премию по экономике ее автору, профессору университета штата Мэриленд.

Ознакомление с ней необходимо каждому читателю, желающему понять внутреннюю логику современной международной политики. В то же время книга будет полезна студентам, изучающим теорию игр, и специалистам, использующим ее в своей практической деятельности.

Лон Л. Фуллер
Мораль права
Серия «Право»

Известный американский правовед Лон Фуллер (1902 – 1978) является одним из крупнейших современных представителей естественноправового направления в теории права. Данная книга, ставшая классикой, представляет собой систематическое изложение концепции права, основанной на специфических моральных требованиях к праву как таковому. Автор показывает, что к числу этих требований относятся такие, как непротиворечивость, общий характер норм, ясные и понятные нормы, общеизвестность, отсутствие ретроактивных норм, отсутствие неисполнимых требований, стабильность, соответствие административных и судебных действий законам. Эти требования соответствуют самой природе права и являются внешними по отношению к правоустанавливающим институтам. Данная концепция представляет собой разработанную альтернативу распространенной в наше время позитивистской концепции права.

Книга представляет интерес для правоведов, законодателей и разработчиков нормативно-правовых актов, а также для студентов и преподавателей юридических специальностей.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

Вернон Л. Смит
Экспериментальная экономика
Серия «Экономика»

Американский экономист Вернон Смит получил в 2002 г. Нобелевскую премию по экономике за «лабораторные эксперименты как средство в эмпирическом экономическом анализе, в особенности в анализе альтернативных рыночных механизмов». Фактически он стал отцом-основателем «экспериментальной экономики» — научной дисциплины, находящейся на стыке экономической науки и экспериментальной психологии. В настоящем сборнике публикуются основные работы Вернона Смита. Некоторые из них посвящены общим вопросам экономической науки и методологии. В других исследуются проблемы прикладного характера, относящиеся к тем или иным конкретным рынкам и рыночным структурам, таким как монопольные рынки и монополистическое поведение, аукционы, финансовые рынки, рынки в сфере электроэнергетики и др. Данный сборник поможет русскоязычному читателю составить представление об одной из активно развивающихся отраслей экономического знания. Он будет интересен экономистам различной специализации, а также специалистам в сфере экспериментальной психологии.

Энтони де Ясаи
Государство
Серия «Политическая наука»

Энтони де Ясаи — один из самых оригинальных политических философов современной Европы. В данной книге развивается теория политической динамики государства. В отличие от большинства распространенных политико-философских концепций, де Ясаи рассматривает государство не как пассивный инструмент, служащий интересам общества в целом, класса или социальной группы и т.д., а как активно действующий субъект, преследующий собственные интересы. Такая трактовка аналогична подходу экономистов к изучению производственной фирмы, однако в отличие от последней государство стремится максимизировать не прибыль, а объем властных полномочий и использовать последние для достижения собственных конечных целей, каковы бы они ни были. Главным инструментом государства при этом является завоевание поддержки тех или иных групп подданных путем перераспределения в их пользу богатства, отбираемого у других. Внутренняя логика развития государства со временем неизбежно приводит к тому, что оно приобретает тоталитарные черты, причем независимо от субъективных качеств и намерений конкретных правителей.

Книга представляет интерес для философов, политологов, экономистов, правоведов, политиков и законодателей, для студентов и преподавателей соответствующих специальностей, а также для всех интересующихся политической философией и эволюцией политических институтов.